

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

ЮРИСТ ПРАВОЕД

№ 1 (80)
2017

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
10 января 2000 г.

Регистрационный номер
ПИ 77-1448

Главный редактор:
К. А. Плясов, к.ю.н., доц.

Заместители главного
редактора:
А. Ю. Терехов, к.ю.н.
А. С. Ханахмедов, к.ю.н.

Редакционная коллегия:
А. И. Овчинников, д.ю.н., проф.
В. Я. Любашиц, д.ю.н., проф.
Г. Г. Небратенко, д.ю.н., доц.
П. П. Баранов, д.ю.н., проф.
Н. Л. Бондаренко, д.ю.н., проф.
А. В. Варданян, д.ю.н., проф.
А. В. Ендольцева, д.ю.н., проф.
А. Н. Ильяшенко, д.ю.н., проф.
О. В. Химичева, д.ю.н., проф.
В. Н. Григорьев, д.ю.н., проф.
Н. В. Павличенко, д.ю.н., проф.
В. И. Третьяков, д.ю.н., проф.
С. А. Синенко, д.ю.н., доц.
А. Я. Гришко, д.ю.н., проф.

Учредитель и издатель:
федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Адрес редакции:
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8(863) 207-86-35

Электронная почта:
ruiperiodika@mail.ru

Официальный сайт журнала:
periodika.ruimvd.ru

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Шабалина Е. И.** К вопросу о гносеологии в юриспруденции
и ее значении для реализации задач правоохранительной
деятельности 7
- Раченкова О. Н.** Согласование юридических актов как
общеправовое понятие 11
- Литвиненко А. И.** Формирование правовой культуры казачества:
обзор законодательства Юга России 16

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Ищук В. Г.** Основные элементы конституционно-правового
статуса уполномоченного по правам человека 21

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Козлова А. А.** Роль международно-правовых норм
в формировании законодательства, регулирующего вопросы
трансплантации и донорства в России и за рубежом 25

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Аверинская С. А., Перякина М. П.** Статистический анализ
преступлений коррупционной направленности: региональный
аспект (на примере Восточно-Сибирского региона России) 30
- Безручко Е. В.** К вопросу об установлении уголовной
ответственности за нанесение побоев 36
- Непранов Р. Г., Петрашева Н. В.** Назад в будущее или
Уголовный кодекс Российской Федерации 20 лет спустя 41
- Плаксына Т. А.** Конституция Российской Федерации как
формальный источник отечественного уголовного права:
спорные вопросы 47
- Алдохина В. В.** Субъект в преступлениях экстремистской
направленности и криминологические признаки личности
преступника, совершающего эти деяния 54
- Петроченков С. Д.** Квалификация способов
совершения преступления, предусмотренного статьей 183
Уголовного кодекса Российской Федерации 59
- Сорокун Н. С., Кодзов А. Б.** Некоторые аспекты
криминологической характеристики неправомерного
завладения автомобилем или иным транспортным средством 63
- Чистотина О. Н.** Предупреждение рецидивной преступности:
актуальные проблемы и пути решения 69

Выпускающий редактор:
А. А. Тарареева

Над выпуском работали:
А. А. Тарареева,
В. Г. Пампура,
М. А. Тур,
Е. Е. Пелехатая

Индекс по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
80032

По вопросам оформления
подписки обращаться:
тел.: 8 (495) 680-90-88,
8 (495) 680-89-87;
e-mail: public@akc.ru

Сдано в набор
27.02.2017

Подписано в печать
30.03.2017

Выход в свет
31.03.2017

Формат 60х84/8
Объем 27,7 п.л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печ.л. – 25,8.
Тираж 300 экз.
Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИИРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена по подписке по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
1178 рублей (2 номера).

- Мясников В. В., Мясников В. В.** Проблемные вопросы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (по материалам судебной практики Верховного Суда Российской Федерации) 73
- Таракина К. Э.** Проблемы разграничения мошенничества при получении выплат с другими специальными составами мошенничества 79

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И ПРАВОСУДИЕ

- Победкин А. В.** Как обеспечить стабильность уголовно-процессуальных гарантий? (по поводу одной законодательной инициативы) 84
- Агутин А. В.** К вопросу о системодеятельностном подходе как компоненте научной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве 89
- Белинская М. П.** Хронодискретное моногеографическое сравнительное исследование института содержания под стражей 95
- Устинова С. Ю.** Об участии следователя в апелляционном процессе 99
- Гуськова А. В.** Функция переводчика как условие честного состязания сторон 103
- Диденко Н. С., Кузнецова С. М.** Определение возрастных критериев несовершеннолетнего как необходимое условие реализации его прав в уголовном судопроизводстве 109
- Уткин В. В.** Опосредованное использование в судебном доказывании показаний, полученных в ходе досудебного производства 113
- Панфилов П. О.** О реализации принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности 117
- Медведева М. О.** Основные этапы развития нормативного регулирования информационных технологий в уголовном процессе России 124
- Царева Ю. В.** Проблемы, связанные с использованием в качестве предмета залога движимого и недвижимого имущества 129
- Костенко Н. С.** Соблюдение конституционных основ при применении в уголовном судопроизводстве компромиссных способов разрешения правовых конфликтов 134
- Корнелюк О. В.** Некоторые вопросы особого порядка уголовного судопроизводства России 139

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

- Астапова Е. В., Косинков В. В., Студеникина С. В.** Нотариальная защита интересов наследников интеллектуальных прав 144
- Вакула А. И.** Особенности правоотношений в сфере ограничения оборотоспособности земельных участков 149
- Равнюшкин А. В.** Совершенствование системы предупреждения правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений 154

Пчельников М. В. Особенности развития экологических прав человека на мировом, национальном и региональном (местном) уровнях	159
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Гундаров А. В., Колесова Т. С., Максименко А. В. Международный опыт организации информационно-аналитической деятельности в правоохранительной системе	163
--	-----

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И ПРАВОПОРЯДОК

Дикарев В. Г., Гаврюшкин Ю. Б. О некоторых современных причинах роста наркомании в России и способах их устранения	169
Гусев А. В. Правоохранительные органы исполнительной власти в механизме реализации международных обязательств Российской Федерации	174
Кравцова Е. А. Гарантии как элемент правового статуса контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации	180
Юдин К. А. Закономерности правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации	185
Канкулов А. Х. Правовое положение лиц в местах принудительного содержания органов внутренних дел	192
Малянова К. П. Взаимодействие сотрудников правоохранительных и налоговых органов с целью выявления преступлений, предусмотренных статьями 173.1 и 173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации	197
Потанин А. В. К вопросу о закреплении за народными дружинниками специальных прав и обязанностей и отдельных проблемах их реализации	202
Кальченко Н. В. Вопросы ограничения прав человека в деятельности сотрудников полиции по предупреждению актов терроризма	207

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Лавриченко Р. К., Болдырев С. Н. Образовательная стратегия как важнейший элемент системы национальной безопасности России	213
Еремин С. Г., Скориков Д. Г., Тришкина Е. А. Генезис экстремизма и формы проявления экстремистской деятельности	218

CONTENTS

HISTORICAL AND THEORETICAL STUDIES

- Shabalina E. I.** To the question of gnoseology in law and its significance for the implementation of the tasks of law enforcement activity 7
- Rachenkova O. N.** The coordination of legal acts as general legal concept 11
- Litvinenko A. I.** Formation of legal culture Cossacks: review of southern Russia legislation 16

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

- Ishchuk V. G.** The main elements of the constitutional and legal status of the commissioner for human rights 21

INTERNATIONAL AND LEGAL STUDIES

- Kozlova A. A.** The role of international and legal norms related to the formation of legislation regulation issues transplantation and donation in Russia and abroad 25

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Averinskaya S. A., Peryakina M. P.** Statistical analysis of corruption-related crimes: local aspect (evidence from the east Siberian region of Russia) 30
- Bezruchko E. V.** The issue of establishing criminal liability for beating 36
- Nepranov R. G., Petrasheva N. V.** Back to the Future or the Criminal Code of the Russian Federation, 20 years later 41
- Plaksina T. A.** The constitution of the Russian Federation as a formal source of Russian Criminal Law: controversial questions 47
- Aldokhina V. V.** The subject of extremist crimes and criminological characteristics of offender commits these acts 54
- Petrochenkov S. D.** Qualification of methods of the commission of the crime stipulated by article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation 59
- Sorokun N. S., Kodzov A. B.** Some aspects criminological characteristic of illegal occupancy by the car or other vehicle 63
- Chistotina O. N.** Prevention recidivism: actual problems and solutions 69
- Myasnikov V. V., Myasnikov V. V.** The issues of qualification of crimes in sphere of illegal traffic of narcotic drugs and psychotropic substances (on materials of judiciary practice of the Supreme court of the Russian Federation) 73
- Tarakina K. E.** Problems of differentiation of fraud in obtaining benefits from other special compositions fraud 79

CRIMINAL PROCESS AND JUSTICE

- Pobedkin A. V.** How to ensure the stability of the criminal procedure guarantees? (about one legislative initiative) 84
- Agutin A. V.** On the issue of the system-activity approach as a component of scientific activity in the domestic criminal justice system 89
- Belinskaya M. P.** Chronodiscretic monogeographical comparative research of institute of holding in custody 95
- Ustinova S. Yu.** On the participation of investigator in appeal 99
- Guskova A. V.** The function of an interpreter as a condition of honest competition of the parties 103
- Didenko N. S., Kuznetsova S. M.** Determination of age criteria of the minor as a necessary condition of realization of his rights in criminal legal proceedings 109
- Utkin V. V.** Mediated usage of statements obtained during pre-trial proceedings in court substantiation 113

Panfilov P. O. On the implementation of the principle of equality of all before the law and the court in criminal proceedings on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activities	117
Medvedeva M. O. The evolution main stages of normative regulation of information technologies in the criminal procedure of Russia	124
Tsareva Yu. V. Problems associated with the usage as a subject of pledge of movable and immovable property	129
Kostenko N. S. Compliance with the constitutional foundations of the use in criminal proceedings compromise ways to resolve legal disputes	134
Kornelyuk O. V. Some of the issues the special order of criminal proceedings of Russia	139

ISSUES OF CIVIL AND ECOLOGICAL LAW

Astapova E. V., Kosinkov V. V., Studenikina S. V. Notary protect the interests of the heirs of intellectual property rights	144
Vakula A. I. Features of legal relations in the sphere of restriction of the turnover of land plots	149
Ravnyushkin A. V. Improving the system of prevention of offences committed in the sphere of family household relations	154
Pchelnikov M. V. Features of the development of environmental rights at the global, national and regional (local) levels	159

COMPARATIVE LAW

Gundarov A. V., Kolesova T. S., Maksimenko A. V. International experience of the information-analytical activities in the law enforcement system	163
---	-----

LAW ENFORCEMENT BODIES AND LAW-ENFORCEMENT

Dikarev V. G., Gavryushkin Yu. B. Some causes of modern drug growth in Russia and remedies	169
Gusev A. V. Law enforcement authorities in the mechanism of implementation of international commitments of the Russian Federation	174
Kravtsova E. A. Warranties as an element of the legal status of control and counting of subjects	180
Yudin K. A. Regularities lawful service behavior in the activities of the internal affairs of the Russian Federation	185
Kankulov A. H. The legal state of persons in places of detention of Internal Affairs bodies	192
Maliynova K. P. Interaction of law enforcement officers to identify crimes provided for in the articles 173.1 and 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation	197
Potantin A. V. To the issue of affording of special rights and duties to the voluntary people's guard and some problems of their enforcement	202
Kalchenko N. V. The issues of restricting human rights in police officers' activity on prevention of terrorist acts	207

PROBLEMS OF STRUGGLE AGAINST EXTREMISM AND TERRORISM, MAINTAINING OF NATIONAL SECURITY

Lavrichenko R. K., Boldyrev S. N. Educational strategy as the most important element of the national security system of Russia	213
Eremin S. G., Skorikov D. G., Trishkina E. A. Genesis of extremism and forms of extremist activity	218

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор. На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал не содержит неправомерного заимствования, вычитан, цифры, факты сверены с первоисточниками», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О., должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на сайте журнала).
9. К статье прилагается внешняя рецензия. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Автору статьи по его запросу может быть предоставлена рецензия.
13. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очереди.
14. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
15. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
16. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
17. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
18. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

© 2017 г. Е. И. Шабалина,

заместитель заведующего кафедрой теории и истории государства и права Белгородского университета кооперации, экономики и права кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: evish13@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГНОСЕОЛОГИИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются основные направления юридической гносеологии: гносеология легизма, естественноправовая гносеология, либертарно-юридическая гносеология. Автор формулирует выводы о роли и месте гносеологии как философского основания юридической науки, определяет значение и место данных направлений юридической гносеологии, а также возможности и перспективы, которые они предоставляют современным исследователям объективной правовой реальности.

Ключевые слова: гносеология, гносеология легизма, естественноправовая гносеология, либертарно-юридическая гносеология, научное познание.

E. I. Shabalina – Deputy Chief, Department of Theory and History of State and Law, Belgorod University of Cooperation, Economy and Law, PhD in Law, Associate Professor.

TO THE QUESTION OF GNOSEOLOGY IN LAW AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE IMPLEMENTATION OF THE TASKS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

The main directions of legal epistemology are considered in the article: epistemology gnoseology, natural-legal epistemology, libertarian-legal epistemology. The author formulates conclusions about the role and place of epistemology as the philosophical foundation of legal science, determines the meaning and place of these directions of legal epistemology, as well as the opportunities and prospects that they provide to modern researchers of objective legal reality.

Key words: gnoseology, Legalism gnoseology, natural and legal gnoseology, libertarian and legal gnoseology, scientific knowledge.

Гносеология выступает элементом философии, так как занимается выявлением сущности и закономерностей познания. Познание окружающего мира строится на системе выработанных правил, систематизированных, упорядоченных и образующих собой так называемую «теорию познания» (гносеологию). Теория познания, или гносеология, изучает природу познания и его возможности, отношение знания к реальности, выявляет условия достоверности и истинности познания. Термин «гносеология» происходит от греческих слов «gnosis» – знание и «logos» – понятие, то есть «понятие о знании», «учение о знании» [1, с. 5]. К разновидностям форм отражения реальной действительности относят: познавательное отражение – формирование идеальных образов, знаний о предметах; эмоциональное отражение, имеющее форму специфического личного отношения (эмоции, переживания); отражение в форме сознательных предметных действий [4, с. 23]. В любом случае познание всегда предназначено для получения нового знания, которое

основано на отношении человека к действительности и направлено на получение познавательной, имеющей отношение к факту деяния информации.

Содержательной частью процесса познания являются три взаимосвязанных аспекта: онтологический, эпистемологический и гносеологический. Каждому из них присущи свои цели и задачи. Онтологический аспект познания предполагает получение знаний о внешнем мире. В сфере права он нацелен на получение знаний о законодательстве и практике его применения.

Систематизация полученных знаний есть реализация эпистемологического аспекта познания. Предметом эпистемологии права являются культурологические аспекты правотворчества и реализации права, функционирования всей государственно-правовой системы общества. Эпистемологический подход в правоведении подразумевает понимание права и всех государственно-правовых явлений как феноменов культуры во взаимосвязи со всеми отраслями гуманитар-

ного знания. Эпистемологический подход к вопросам толкования права позволяет увидеть синергетическую детерминацию социальных ситуаций в сфере государственного строительства и правового регулирования, понять, что в сверхсложных социальных объектах, каковыми являются государство и право, традиционная линейно-каузальная детерминация имеет ограниченную сферу приложения.

В случае выработки знаний о самом процессе познания, формирования мышления исследователя будет реализовываться гносеологический аспект познания. Поскольку все три аспекта познания неотделимы друг от друга, методология исследовательской деятельности предполагает работу каждого из них.

Как совершенно справедливо отмечает В. М. Сырых, по своему предмету и непосредственному содержанию гносеология и эпистемология совпадают, поскольку в их основе лежит одна и та же проблема – отношение знания к объективной реальности, пути и критерии получения достоверного, истинного знания, соответствующего отражаемому в нем реально существующему явлению, процессу [12, с. 80].

Однако некоторые ученые, например Х. Атиас, считают, что юридическая эпистемология представляет собой только учение о методах познания права, так как она суммирует методологические принципы, на которых построены остальные отрасли правовой науки [14, с. 92].

Следует поддержать позицию К. С. Бельского о том, что методология в первую очередь рассматривает не знания как таковые, не познавательные способности субъекта, добывающие эти знания, а методы и средства их получения [2, с. 108].

В настоящей статье мы будем использовать категорию «правовая гносеология» для того, чтобы избежать терминологических неточностей.

Правовая гносеология представляет собой учение о природе и закономерностях познания права, то есть, по существу, отвечает на вопрос о том, как познается право.

На сегодняшний день в современной юриспруденции выделяют три самостоятельных направления в юридической гносеологии: гносеология легизма, естественно-правовая гносеология, либертарно-юридическая гносеология, которые отражают отношение знания к объективной реальности, пути и критерии получения достоверного, истинного знания, соответствующего отра-

жаемому в нем реально существующему явлению, процессу [12, с. 80].

Дадим краткую характеристику каждому из указанных направлений.

Краеугольным камнем *гносеологии легизма* становится принцип признания в качестве права того, что является приказанием, принудительно-обязательным установлением официальной власти [10, с. 89; 7, с. 79]. Таким образом, гносеология легизма занимается изучением двух эмпирических фактов:

- выявляет, классифицирует и систематизирует формальные источники позитивного права (всесторонне изучает принудительно-обязательные установления, то есть нормативно-правовые акты всех уровней власти);
- исследует нормативно-регулятивное содержание установлений власти как источников права [10, с. 89].

Гносеология раскрывает особенности научного познания, дает развернутую характеристику его стадий, процедур, а также называет критерии, которым должно удовлетворять полученное эмпирическое и теоретическое знание [12, с. 80].

В рамках легистского подхода к пониманию права собственно само право заключается в учении о законе и догме позитивного права, то есть гносеология легизма сводит научное исследование права к юридической догме, оставляя вне поля зрения сущность, принципы и аксиологию права [10, с. 89]. Таким образом, ученые-правоведы сознательно отказываются от использования всей совокупности приемов и средств гносеологии для получения истинного и достоверного знания.

Истина о праве, согласно легистской гносеологии, дана в законе, выражающем волю, позицию, мнение законодателя (суверена, государства). Поэтому искомое истинное знание о праве носит здесь характер мнения, хотя и официально-властного. По логике такого правопонимания одна только власть, создающая право, действительно знает, что есть право и чем оно отличается от не права. Не менее концентрированно мысль о связанности права властью выражена Н. С. Нерсисянцем в следующем суждении: «По существу же (или, по словам Кельзена, социологически), под действительностью позитивного права имеется в виду власть (правоустанавливающая власть, властная сила права), а под действительностью права – установленное этой властью позитивное право...» [11, с. 597].

Естественноправовая гносеология в познавательном смысле представляет собой

научное осмысление объективной природы права [10, с. 92; 8, с. 89], выражающейся в противопоставлении естественного и позитивного права. Специфической особенностью указанного направления является следующее основание: у каждого исследователя «своя» концепция естественного права, претендующая на истину в последней инстанции, так как естественное право предваряет позитивное право (естественно право устанавливается силами, стоящими над человеком), и поэтому оно истинно, разумно, справедливо и нравственно.

Естественногносеологические исследования представлены концепциями юснатурализма, основной задачей которых является обоснование истинности и подлинности соответствующей версии естественного права [10, с. 93].

На однобокость естественноправовой гносеологии указывает отсутствие исследования взаимосвязи естественного и позитивного права с целью приведения последнего в соответствие с требованиями естественного права, данного высшими силами.

В контексте *либертарно-юридической гносеологии* исследуется сущность права и право как явление, то есть проблемы соотношения права и закона. По нашему мнению, совершенно справедливой является точка зрения В. С. Нерсисянца, который считал, что с позиций данного подхода искомой истиной о праве и законе является объективное научное знание о природе, свойствах и характеристиках правового закона, о предпосылках и условиях его утверждения в качестве действующего права [10, с. 94].

Трансформирующаяся правовая система Российской Федерации нуждается в новых методологических подходах к осмыслению основных понятий и категорий общей теории права и государства, поскольку изменчивость эмпирического мира – это его фундаментальное свойство [5].

В философско-правовой литературе накоплен богатый опыт исследования общества и права как социального феномена: практическая философия Платона и Аристотеля (обоснование полисной формы античного государственного устройства и гражданского характера общественной жизни), схоластическая философия Ф. Аквинского (разработка некоторых проблем общественного устройства в Средних веках), обоснование принципов исследования законов социума в эпоху Ренессанса Н. Макиавелли, философские труды эпохи

Просвещения и Нового времени Т. Гоббса, Б. Спинозы, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, в которых предпринята попытка ответить на вопросы, связанные с возникновением государства и сосуществованием людей.

К тем же проблемам неоднократно обращались основоположники немецкой классической философии И. Кант и Г. В. Ф. Гегель. Объективные потребности общественного развития, систематизация социального и юридического знаний в XIX веке способствовали возникновению сохраняющейся до наших дней тенденции неуклонного роста исследовательского интереса к постижению закономерностей функционирования социума и созданию оптимальных механизмов социального взаимодействия. Существенный вклад в разработку онтологической тематики внесли такие ученые, как М. Вебер, Б. Н. Чичерин, Г. Ф. Шершеневич, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин, Л. И. Петражицкий, И. А. Покровский, Б. А. Кистяковский, П. А. Сорокин, Г. Кельзен, Н. Луман, Т. Парсонс, В. А. Козлов, С. С. Алексеев, К. Т. Вельский, М. Н. Марченко, В. А. Бачинин, С. И. Максимов, В. П. Малахов, С. А. Кузьмин, Н. Н. Моисеев, В. С. Нерсисянец, В. А. Четвернин, и др. [3, с. 40].

Потребность в новых методологических подходах к осмыслению основных понятий и категорий общей теории права и государства проявляется в различных сферах правового регулирования [9, с. 76; 13, с. 29]. Это обстоятельство имеет большое значение для правоохранительной деятельности, которая базируется на способности человека познавать окружающую действительность во всех ее проявлениях [2]. Кроме того, именно правоохранительная деятельность требует наиболее четкого правового регулирования, оперирующего однозначными понятиями и основанного на объективной истине.

В целом же гносеология как философское основание юридической науки раскрывает особенности научного познания, дает развернутую характеристику его стадий, процедур, разрабатывает критерии, которым должно удовлетворять полученное эмпирическое и теоретическое знание, а содержание конкретных гносеологических учений увязывается с трактовкой главного вопроса философии – о соотношении материи и сознания [12, с. 80].

Центром юридической науки являются теории, представляющие собой совокупность достоверных знаний о закономерностях функционирования и развития исследуемых явлений и процессов в праве и государстве.

В рамках существующих направлений юридической гносеологии (гносеологии легизма, естественноправовой гносеологии, либертарно-юридической гносеологии) исследователь

от непосредственного наблюдения поднимается к абстрактному мышлению, целью которого служит формирование понятий и категорий, раскрывающих рассматриваемый объект.

Литература

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. М., 1991.
2. Бельский К. С. Введение в методологию финансового права. Ч. 1: Эпистемология как учение о финансово-правовых знаниях // Право и государство: теория и практика. 2014. № 1.
3. Берлявский Л. Г., Липчанская И. В. Правовая реальность как категория онтологии права // История государства и права. 2015. № 17.
4. Диалектика познания / под ред. А. С. Кармина. Л., 1983.
5. Догадайло Е. Ю. Время и право: моногр. М., 2013.
6. Максименко А. В., Колесова Т. С. Вопросы возмещения вреда, причиненного гражданину действиями сотрудников органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 4.
7. Колесова Т. С., Максименко А. В., Надежин Н. Н., Шалайкин Р. Н. Понятие и значение цели правового регулирования несостоятельности (банкротства) страховых организаций // Вестн. Орлов. гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43).
8. Максименко А. В., Колесова Т. С. Принципы, применяемые при осуществлении правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) страховых организаций // Юрист-Правоведъ. 2015. № 1 (68).
9. Колесова Т. С. Государственное регулирование несостоятельности (банкротства) страховых организаций // Науч. тр. Sworld. 2007. № 2. Т. 9.
10. Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
11. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998.
12. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учеб. М., 2012.
13. Тищенко И. В. Проблемы правового регулирования усыновления российских детей иностранными гражданами // Вестн. Белгород. юрид. ин-та МВД России. 2013. № 1.
14. Философия права: курс лекций: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2011.

Bibliography

1. Alekseev P. V., Panin A. V. Theory of cognition and dialectician. Moscow, 1991.
2. Belskii K. S. Introduction to methodology of financial law. Part 1: Gnoseology as studies about financially-legal knowledge // Right and state: theory and practice. 2014. № 1.
3. Berlyavsky L. G., Lipchanskaya I. V. Legal reality as a category of ontology of Law // History of State and Law. 2015. № 17.
4. The dialectic of knowledge / ed. by A. S. Carmina. Leningrad, 1983.
5. Dogadaylo E. Yu. Vremya and right: monograph. Moscow, 2013.
6. Maksimenko A. V., Kolesova T. S. Questions compensation of damage caused to citizens by the actions of police officers // Problems of law enforcement. 2014. № 4.
7. Kolesova T. S., Maksimenko A. V., Nadezhin N. N., Shalaykin R. N. The concept and importance of the target of legal regulation of insolvency (bankruptcy) of insurance companies // Journal of Oryol State University. Series: New humanitarian research. 2015. № 2 (43).
8. Maksimenko A. V., Kolesova T. S. The principles applied in the implementation of the legal regulation of insolvency (bankruptcy) of insurance companies // Yurist-Pravoved. 2015. № 1 (68).
9. Kolesova T. S. State regulation of insolvency (bankruptcy) of insurance companies // Proceedings Sworld. 2007. № 2. Vol. 9.
10. Nersesyants V. S. Philosophy of law: textbook. 2-e izd., revised and enlarged. Moscow, 2009.
11. Nersesyants V. S. Jurisprudence. Introduction to the general theory of law and state. Moscow, 1998.
12. Syryh V. M. History and methodology of legal science: the textbook. Moscow, 2012.
13. Tishchenko I. V. Problems of legal regulation of adoption of Russian children by foreign citizens // Bulletin of Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry. 2013. № 1.
14. The philosophy of law: course of lectures: in 2 t. T. 1 / ed. by M. N. Marchenko. Moscow, 2011.

© 2017 г. О. Н. Раченкова,

адъюнкт Нижегородской академии МВД России.
E-mail: oksana_17.92@mail.ru

СОГЛАСОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ КАК ОБЩЕПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ

В статье дается общеправовая характеристика согласования юридических актов. На основе выделенных признаков автор формулирует его определение как общеправового понятия.

Ключевые слова: согласование, согласие, юридический акт, юридический факт, общеправовое понятие, воля в праве.

O. N. Rachenkova – Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

THE COORDINATION OF LEGAL ACTS AS GENERAL LEGAL CONCEPT

The article gives General characteristic of the harmonization of legal acts. On the basis of the allocated signs the author formulates the definition as a legal concept.

Key words: coordination, consent, legal act, legal fact, general legal concept, will the right.

Развитие общественных отношений не только порождает новые правовые явления, но и приводит к необходимости рассмотрения в ином ракурсе уже существующие. Юридическая наука реагирует на такие процессы, а главенствующая роль здесь отводится науке теории государства и права, «которая, в сущности, представляет собой выведенные за скобки общие положения о законе, праве, правоотношениях, юридических фактах и т. д.» [1].

Согласование юридических актов нельзя назвать неизвестным феноменом правовой действительности. Оно не только имеет длительную историю существования, но и функционирует в современной правовой материи, однако до сих пор не получило должного научного осмысления на общетеоретическом уровне, равно как и юридическое согласование в целом. Фундаментом общетеоретической характеристики согласования юридических актов как одного из видов юридического согласования должно быть самостоятельное понятие, в котором найдут отражение его природа, сущность и закономерности функционирования. Наличие дефиниции, на наш взгляд, должно способствовать приближению к сущности и значению согласования юридических актов, а также определению его места в правовой действительности.

За основу конструирования авторского определения исследуемого понятия возьмем выявление наиболее существенных признаков, входящих в его содержание. Однако прежде всего следует указать, что предметом рассматриваемого вида юридического согласования выступает юридический акт, под кото-

рым мы понимаем действия как вид юридических фактов, выделяемый в рамках их традиционной классификации.

Проанализируем обобщающие признаки согласования юридических актов.

Согласование юридических актов необходимо рассматривать как интеллектуально-волевою деятельность, длящуюся во времени. Для совершения юридических актов, равно как и для возникновения порождаемых ими правовых последствий, необходимо объективированное волеизъявление субъекта права, который желает возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Согласование юридических актов предполагает в дополнение к волеизъявлению такого лица необходимость изъявления воли со стороны иных субъектов права (одного или более). Таким образом, лицо, имея волю на совершение правомерного действия, вынуждено соотносить ее с волей иных субъектов права. Воля выражается на разных этапах такого согласования.

С одной стороны, для возникновения согласования юридических актов в правовом пространстве требуется помимо его нормативного (договорного) установления наличие соответствующего запроса конкретного члена общества, который «запустит» данный механизм. Непосредственной детерминантой такого запроса является намерение удовлетворить личные потребности и интересы, то есть сформировавшаяся на то воля. Для трансформации правовой возможности в юридическую действительность лицу необходимо обозначить свою волю, которая в праве пред-

ставляет собой детерминированное и мотивированное желание достичь определенной правовой цели. Для этого необходимо проявить инициативу: обратиться к соответствующему субъекту права, изъявив свою волю в различных формах: устно, письменно, конклюдентными действиями, в отдельных случаях – молчанием. Главное, чтобы воля этого лица стала «доступной восприятию других» [2, с. 47].

С другой стороны, принятие соответствующим субъектом права решения о согласии (несогласии) с предлагаемым к совершению юридическим актом также есть изъяснение воли. Выражая согласие (несогласие), лицо формирует собственную волю и проявляет ее во вне. Оно должно быть свободным и осмысленным, однако в отдельных случаях может носить характер невинного поведения [3; 4].

При этом согласие соответствующего субъекта права представляет собой не просто изъяснение собственной воли, а ее «приложение» к предлагаемому правомерному действию, в результате которого данный субъект принимает на себя определенную долю ответственности за последствия. В связи с этим такое согласование не должно носить формальный характер с простым принятием той или иной точки зрения обратившегося лица. С позиции волевой характеристики результат согласования представляет собой зафиксированное в установленной форме волеизъявление (положительное или отрицательное) лица, от которого испрашивалось согласие, доведенное до инициатора согласования.

Волеизъявление является первым и завершающим шагом в цепочке активных действий, образующих деятельность по согласованию юридических актов. Любая деятельность – это связующее звено между целью (объективной, но идеальной) и результатом (объективным, но реальным). Юридическая деятельность – один из факторов, способствующих переходу имеющейся у лица правовой возможности в юридическую действительность.

Согласование юридических актов как разновидность юридической деятельности выступает силой, способствующей преобразованию правовой реальности. Интеллектуально-волевой характер отражается в том, что принятие в ходе его осуществления рациональных решений основывается на отражении, осмыслении (познании) и оценке реальной действительности. Это предполагает, в част-

ности, осознание субъектами согласования обязательности такой деятельности и ее целей, соблюдение процедурных правил, а также возможных мер юридической ответственности за свои действия. Предвосхищая индивидуальную и социальную ценность своих действий и их результат, субъекты делают разумный выбор, применяя средства и способы осуществления юридического согласования. Именно волевые и сознательные процессы психики человека обуславливают усвоение субъектами согласования нормативных требований, предъявляемых к данному роду деятельности, и выбор субъектом варианта поведения на основании его внутреннего соизмерения с предписаниями норм права.

Отметим, что обозначенный признак определяется не особенностями правовой формы исследуемого феномена, а его психологической сущностью как акта деятельной активности (действия). В связи с этим данный признак может быть охарактеризован как неюридический, однако он не должен игнорироваться правом, а, наоборот, выступать основой для его юридической характеристики.

Согласование юридических актов имеет цель и направленность на результат. Обозначенный признак плавно следует из предыдущего, но, как представляется, требует отдельного рассмотрения. Дело в том, что о цели согласования юридических актов можно вести речь как в узком (относительно его субъектов), так и в широком (относительно законодателя) смыслах.

Лицо, иницируя согласование юридического акта, преследует, по крайней мере, две цели: ближайшую и отдаленную. Ближайшая цель заключается в получении согласия по предмету согласования; отдаленная – в совершении того юридического акта, ради которого и необходимо было согласование. Иначе говоря, реализация исследуемого вида согласования направлена на практическое осуществление определенных субъективных прав.

Согласование юридического акта находится в определенной зависимости от волеизъявления лица, с которым он согласуется: положительная реакция на обращение позволит приблизиться к желаемому правовому результату; отрицательная – изменит направленность правореализации либо вовсе прекратит ее. В связи с этим согласование юридических актов может быть рассмотрено в ка-

честве своеобразного правового «фильтра», который позволяет не допускать в правореализацию юридические акты, противоречащие законодательству, а также интересам отдельных лиц. Таким образом, цель законодательного установления необходимости согласования отдельных юридических актов видится нам в недопущении правореализации одного лица в ущерб правам другого. Проиллюстрируем вышесказанное следующим примером. Так, по общему правилу при усыновлении ребенка необходимо получить согласие его родителей (ст. 129 Семейного кодекса РФ) [5]. Лицом, совершающим согласованный юридический акт, является усыновитель. Осуществить данное согласование ему необходимо для того, чтобы усыновление стало возможным. Между тем биологический родитель усыновляемого также имеет прямую заинтересованность в наступлении (ненаступлении) согласуемого юридического акта, так как после процедуры усыновления он утрачивает права и обязанности в отношении ребенка.

Таким образом, цель согласования юридических актов нам видится не просто в предоставлении лицу возможности совершить юридический акт, а при более широком подходе – в обеспечении интересов отдельно взятого лица, нескольких лиц, общества и государства в целом.

Согласование юридических актов характеризуется наличием особого субъектного состава. Субъектом согласования юридических актов потенциально может являться каждый субъект права. Особенность субъектного состава заключается в том, что в силу нормативного предписания все входящие в его круг лица определены посредством конкретного поименования либо указания на их социальную роль. Другими словами, законодатель и иные субъекты права очерчивают круг субъектов данного вида согласования посредством указания на необходимость согласования тех или иных юридических актов. Заметим, что в отдельных случаях используются вполне конкретные и однозначно понимаемые наименования соответствующих субъектов согласования, правда, в весьма общем виде – как заявитель и уполномоченный орган. Например, в соответствии со ст. 39.15 Земельного кодекса РФ [6] субъектами предварительного согласования предоставления земельного участка являются заявитель и уполномоченный орган. В ч. 3 ст. 358.17 Граждан-

ского кодекса РФ [7] субъектами согласования выступают стороны залогового обязательства – залогодатель и залогодержатель.

Для предупреждения возможной неясности в отношении используемой в нашем исследовании терминологии предлагаем субъекты деятельности по согласованию юридических актов именовать следующим образом: инициатор согласования – лицо, испрашивающее согласие, и адресат согласования – лицо, от которого испрашивается согласие.

Согласование юридических актов связано с оценкой юридически значимых действий, подлежащих согласованию. Таким образом, речь идет о предмете и содержании согласования юридических актов.

Предмет юридического согласования не просто дает ответ на вопрос о том, что согласуется, а придает данной деятельности определенную направленность. Предмет согласования юридических актов образуют конкретные правомерные юридически значимые действия, которые инициатор согласования имеет намерение совершить. Таким образом, данный предмет может иметь материальный или процедурный характер. В первом случае согласованию подлежит сам факт реализации права, а во втором – порядок такой реализации.

В первом случае примером может служить ст. 20 Федерального закона от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [8], определяющая, что международные спортивные мероприятия могут проводиться на территории Российской Федерации только при условии согласования решений об их проведении с общероссийскими спортивными федерациями по соответствующим видам спорта, с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на территориях которых планируется проведение таких международных спортивных мероприятий, и с федеральным органом исполнительной власти в области физической культуры и спорта. Во втором случае – ст. 22 Федерального закона от 6 мая 2011 года № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» [9], в соответствии с которой выезд территориальных и объектовых подразделений добровольной пожарной охраны на тушение пожаров и проведение аварийно-спасательных работ за пределы закрепленного за ними района выезда осуществляется в порядке, согласованном с учреди-

телем (учредителями) общественного объединения пожарной охраны.

Содержание согласования юридических актов выражается не только в правах и обязанностях субъектов, но и в порядке их осуществления (сроки, процедуры, обеспечение, ответственность). Оно включает в себе две взаимосвязанные стороны: процедурную и материальную. Процедурная сторона представлена совместными действиями субъектов по установлению соответствия предлагаемого к совершению юридического акта конкретным параметрам и критериям в рамках определенного алгоритма.

Положительная оценка юридического акта, а в отдельных случаях – и отрицательная, позволяет перейти ко второй стороне согласования – к его материальному закреплению (объективации), то есть результату. По аналогии с целью его можно представить как промежуточный и конечный. Промежуточный результат согласования – это полученный положительный (отрицательный) ответ адресата согласования. Конечный – видится нам в осуществлении юридического акта, для совершения которого и необходимо было согласование. В итоге согласование юридических актов определенным образом способствует изменению или, наоборот, сохранению наличного бытия правовой реальности.

Деятельность по согласованию юридических актов, как и ее результат, должна быть обличена в определенную форму.

Форма каждого юридического согласования в зависимости от того, какую составляющую содержания она выражает, может быть внутренней и внешней. Внутренняя форма согласования юридических актов выражает действия и операции по установлению соответствия предлагаемого к совершению юридического акта определенным параметрам и критериям, то есть это процедурно-процессуальное оформление согласования. Внешняя форма выражает результат согласования юридических актов, который должен быть доведен до всех заинтересованных лиц. Преимущественно это юридические документы, в которых объективируются вынесенное решение и совершаемые в ходе согласования действия. Например, результат согласования местоположения границ должен быть оформлен кадастровым инженером в форме акта согласования местоположения границ на обороте листа графической части межевого

плана [10]. Созданный юридический документ обретает «определенную самостоятельность и независимость от его создателя и других субъектов» [11, с. 27]. Однако результат не каждого юридического согласования обязательно должен быть обличен в письменную форму.

Объединение вышеобозначенных признаков согласования юридических актов, обобщение и абстрагирование позволяют нам сформулировать определение согласования юридических актов. Однако здесь имеются некоторые трудности. Одна из них заключается в том, что исследуемый феномен наравне с общими сущностными чертами в отраслях частного и публичного права проявляет свою специфику. Как справедливо отмечает В. А. Болдырев, согласие компетентного публичного органа власти (его должностного лица) отличается от «классического» согласия тем, что данные органы «действуют, изъявляя свою волю не в собственных интересах, а в интересах публичных, кроме того, до выражения согласия оценка дается не экономической целесообразности или приемлемости данной сделки для конкретного лица..., а соответствии формальным критериям, установленным правом» [12, с. 85]. Другая обусловливается двойственностью этимологического значения слова «согласование» и тесно с ним связанного термина «согласие». Существующие подходы к определению рассмотренных категорий [13] позволяют сделать вывод об их единстве, проявляющемся в том, что согласие есть часть согласования, когда оно имеет положительный результат. Таким образом, согласование – это способ (путь) достижения согласия. Однако согласование может быть завершено и получением отрицательного результата – несогласия.

Состояние согласованности предмета свидетельствует о том, что в отношении него выражено согласие. Следовательно, согласование в общесоциальном смысле представляет собой процесс совершения активных действий, направленных на получение согласия определенного лица (лиц) с целью удовлетворения конкретных потребностей тех, кто принимает участие в данном процессе, и иных лиц.

С одной стороны, согласование представляет собой совместную деятельность нескольких лиц по выработке (формированию) и принятию единогласного решения, при этом, как правило, такое решение имеет значение для

каждого из субъектов согласования, которые находятся в границах общей среды. Каждый из них, будучи активным субъектом согласования, в то же время заинтересован и в его результате. С другой стороны, согласование сводится к деятельности отдельного управомоченного лица (лиц), направленной на одобрение (неодобрение) действий иного лица (лиц). Причем это лицо прямо не заинтересовано в последствиях, поскольку для него таковые могут и не возникнуть. В отличие от первого варианта, при котором субъекты в равной степени принимают участие в согласовании, в данном случае больше выражена активность одного из них, как правило, адресата согласования.

Литература

1. Алексеев С. С. Теория права. М., 1995.
2. Демьянец М. В., Елин В. М., Жарова А. К. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: моногр. М., 2014.
3. Хужин А. М. Невинное поведение в праве (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2013.
4. Хужин А. М. Невинное поведение в праве: методология, теория, практика. М., 2012.
5. Рос. газ. 1996. 27 янв.
6. Рос. газ. 2001. 30 окт.
7. Рос. газ. 1994. 8 дек.
8. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 4 дек. 2007 г. № 329-ФЗ // Рос. газ. 2007. 8 дек.
9. О добровольной пожарной охране: Федер. закон Рос. Федерации от 6 мая 2011 г. № 100-ФЗ // Рос. газ. 2011. 11 мая.
10. О государственном кадастре недвижимости: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ // Рос. газ. 2007. 1 авг.
11. Черданцев А. Ф. Логико-языковые формы в юриспруденции: моногр. М., 2012.
12. Болдырев В. А. Согласие на совершение сделки: правовая природа и место в системе юридических фактов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2.
13. Раченкова О. Н. О соотношении понятий «согласие» и «согласование» // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сб. ст. // под ред. М. П. Полякова, Д. В. Наметкина. Н. Новгород, 2016. Вып. 22.

Таким образом, прослеживается двойственная природа согласования: это консенсуальный характер, когда решение о совершении действия принимается совместно в многостороннем порядке, и разрешительный характер, когда решение о совершении действия принимается в одностороннем порядке.

На основании вышеизложенного предлагаем под согласованием юридических актов понимать деятельность субъектов права по установлению соответствия юридического акта определенным условиям и (или) формированию единого решения с целью обеспечения интересов личности, общества и государства, а также результат этой деятельности, выраженный в определенной форме.

Bibliography

1. Alekseev S. S. Theory of law. Moscow, 1995.
2. Dem'janets M. V., Elin V. M., Zharova A. K. Business in the Internet: monography. Moscow, 2014.
3. Huzhin A. M. The innocent behavior of law (general theoretical aspect): abstract of dis. ... PhD, Professor in Law. Nizhny Novgorod, 2013.
4. Huzhin A. M. The innocent behavior of law: methodology, theory, practice. Moscow, 2012.
5. Russian newspaper. 1996. January 27.
6. Russian newspaper. 2001. October 30.
7. Russian newspaper. 1994. December 8.
8. About physical culture and sport in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 04.12.2007 № 329-FL // Russian newspaper. 2007. December 8.
9. About the voluntary fire protection: Federal Law of the Russian Federation of 06.05.2011 № 100- FL // Russian newspaper. 2011. May 11.
10. About the state real estate cadastre: Federal Law of the Russian Federation of 24.07.2007 № 221-FL // Russian newspaper. 2007. August 1.
11. Cherdantsev A. F. Logical-linguistic forms in Law: monography. Moscow, 2012.
12. Boldyrev V. A. Consent to the transaction: legal nature and place in the system of legal facts // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2012. № 2.
13. Rachenkova O. N. About the relationship between the concepts of «consent» and «coordination» // Problems of legal science in the research of doctoral students, adjuncts and job seekers: collection of articles / ed. by P. M. Polyakov, D. V. Nametkina. Nizhny Novgorod, 2016. Vol. 22.

© 2017 г. А. И. Литвиненко,

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: lt314@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАЧЕСТВА: ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЮГА РОССИИ

В статье используется формально-логический метод научного исследования, дается обзор законодательства Юга России, где казачество всегда было наиболее многочисленным и правовая культура активно формировалась в течение длительного времени. По мнению автора, научное исследование регионального законодательства позволяет понять, какие правовые идеи и ценности, сформировавшиеся еще в досоветский период, находят формальное закрепление в настоящее время.

Ключевые слова: правовая культура казаков, правовой менталитет российского казачества, региональное законодательство, казачья служба, субъекты Российской Федерации.

A. I. Litvinenko – Adjunct, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

FORMATION OF LEGAL CULTURE COSSACKS: REVIEW OF SOUTHERN RUSSIA LEGISLATION

The article uses the formal logical method of scientific research, gives an overview of the legislation of the South of Russia, where the Cossacks are the most numerous and the legal culture has been actively formed for a long time. In the author's opinion, a scientific study of regional legislation makes it possible to understand which legal ideas and values that were formed in the pre-Soviet period find formal consolidation at the present time.

Key words: legal culture of the Cossacks, the legal mentality of the Russian Cossacks, regional legislation, Cossack service, the subjects of the Russian Federation.

Правовая культура российского общества представляет собой конкретно-историческую совокупность накопленных правовых ценностей, правосознания и юридической практики, характеризующих развитие отечественной правовой системы. Составным элементом национальной правовой культуры является «социокультурное измерение российского казачества», функционирование которого детерминировано законодательством Российской Федерации, в том числе ее субъектов, например в Южном федеральном округе и Северо-Кавказском, где потомки казачьего сословия наиболее многочисленны и проживают достаточно компактно: астраханское, донское, кубанское и терское казачество.

В настоящее время в состав Южного федерального округа входят восемь субъектов Российской Федерации (Республика Адыгея, Астраханская область, Волгоградская область, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Республика Крым, Ростовская область и город федерального значения Севастополь), а в состав Северо-Кавказского федерального округа – семь (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Рес-

публика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Чеченская Республика).

Таким образом, на Юге России расположены пятнадцать субъектов Российской Федерации: девять республик, три области, два края и один город федерального значения, причем региональное законодательство практически каждого из них содержит правовые акты, регулирующие правоотношения в сфере обеспечения жизнедеятельности российского казачества. Обращаясь к конституциям республик Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, следует констатировать, что ни в одной из них нет упоминания о казачестве, хотя на территории этих субъектов казаки проживали прежде и представлены в настоящее время как самодостаточная социальная общность. В то же время уставные акты субъектов Российской Федерации демонстрируют иное отношение региональных властей к проблемам казаков.

Так, в ч. 1 ст. 2 Устава Краснодарского края отмечается: «Краснодарский край является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края» [1]. Устав Ставропольского края в ст. 3 устанавливает:

«В Ставропольском крае признаются и обеспечиваются неотъемлемые права проживающих в нем народов, казачества, малочисленных этнических общностей на сохранение самобытности, культуры, языка, обычаев и традиций» [1].

В уставе Волгоградской области казачество посвящена ст. 8.1 «Казачество в Волгоградской области», введенная законом Волгоградской области от 29 июня 2012 года № 66-ОД, в то время как сам устав был принят 12 февраля 2012 года. Законодатель исправил правовой пробел на уровне учредительного акта, что выразило отношение жителей Волгоградской области к правовой культуре казачества. «Казачество – исторически сложившаяся общность, имеющая самобытные традиции и культуру. Органы государственной власти Волгоградской области в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества осуществляют необходимые меры по реализации федерального законодательства о казачестве, принимают нормативные правовые акты по вопросам возрождения казачества в Волгоградской области и обеспечивают их исполнение» [1].

В Уставе Ростовской области возрождению правовой культуры казачества посвящена отдельная глава, насчитывающая четыре статьи (ст. 77–80), в которых говорится: «Донское казачество – исторически сложившаяся общность в составе многонационального населения Ростовской области, имеющая самобытные традиции, культуру. Органы государственной власти Ростовской области и органы местного самоуправления в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества осуществляют необходимые меры по реализации федерального законодательства о казачестве, принимают нормативные правовые акты по вопросам возрождения казачества и обеспечивают их выполнение» [1].

Кроме того, ст. 78 Устава Ростовской области закрепляет возможность возрождения культурно-правовых идеалов и ценностей казачества, формировать правовое сознание среди граждан, относящих себя к потомкам донских казаков. Последние имеют право совместно восстанавливать и развивать казачьи формы хозяйствования, культуры, быта и участвовать в несении государственной и муниципальной службы, могут объединяться в станичные и хуторские общества, создавать окружные, войсковые и иные традиционные

для казачества общества. Также устав определяет, что в казачьи общества имеют право вступить и граждане, не являющиеся прямыми потомками донских казаков.

Потомки донских казаков и иные граждане имеют право создавать казачьи общественные объединения, действующие в соответствии с законодательством об общественных объединениях, в целях возрождения культуры, традиций казачества, благотворительности и решения других задач. И завершается рассматриваемая глава Устава Ростовской области указанием на то, что деятельность казачьих обществ и общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления по возрождению казачества не должна нарушать права и свободы неказачьего населения.

Таким образом, анализ конституционного и уставного законодательства Юга России показывает, что, с одной стороны, имеются прочные юридические гарантии возрождения, формирования и развития казачьих правовых идеалов, а с другой стороны, существуют пробелы в регулировании деятельности казаков, так как институционально они обозначены только в Уставе Ростовской и Волгоградской областей, Краснодарского и Ставропольского краев.

Последующий анализ регионального законодательства и нормативных актов муниципальных органов власти свидетельствует о том, что при их помощи осуществляется регулирование ряда правокультурных вопросов по семи направлениям: 1) возрождение и сохранение казачьей культуры; 2) организация казачьих поселений с предоставлением земельных наделов; 3) участие казаков в политических процессах посредством создания собственных организаций; 4) использование слов «казак», «казачество» и производных от них наименований населенных пунктов (станниц, сел, хуторов и т. п.), названий улиц в населенных пунктах, названий избирательных округов, географических объектов, учебных заведений; 5) регулирование общественных отношений в сфере образования в специализированных казачьих учебных заведениях; 6) участие казаков в охране общественного порядка и выполнении других функций, связанных с государственной и муниципальной службой; 7) учреждение и регистрация казачьих сообществ, деятельность по укреплению и поддержке казачества со стороны

органов государственной власти в субъекте Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Первое направление консолидирует нормативные правовые акты, регулирующие деятельность творческих коллективов и индивидуальных субъектов правоотношений, например, во многих субъектах Российской Федерации имеются казачьи хоры, которые исполняют народные песни в традиционной одежде, в том числе и форменной. Из постоянно действующих коллективов можно выделить Академический кубанский казачий хор, Государственный Донской казачий театр; ежегодно проводятся войсковые казачьи фестивали Ростовской области «Играй и пой казачий Дон», «Заиграем песню во станице» или «Областной праздник Покров Пресвятой Богородицы». Их деятельность регламентирована законами субъектов Российской Федерации и конкретизирована в подзаконных региональных нормативных правовых актах, а также правовых актах местного самоуправления.

Обращаясь к вопросам, связанным с организацией казачьих поселений и предоставлением казакам земельных наделов, следует отметить, что это один из наиболее сложно регулируемых вопросов. Ведь еще в начале XX столетия аграрный вопрос стоял очень остро, являясь одним из камней преткновения всего эволюционного развития России. Советская власть объявила о национализации земли, а с распадом СССР она перешла в собственность граждан, которые в большинстве случаев продали земельные паи фермерам и агрофирмам. В этот период казачество не смогло стать значимым субъектом земельных правоотношений, вероятно, по той причине, что находилось на той стадии возрождения, которая не позволяла полноценно реализовать имущественные права. Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область являются житницей Российской Федерации, а казачество традиционно осуществляло землевладение, землепользование и скотоводство на особых правовых условиях, но в 90-е годы XX века экономический базис казачеству снова приобрести не удалось. Некоторые исследователи казачества высказывают сомнение относительно его дальнейших перспектив, так как в сельском хозяйстве структурно-экономическая основа уже сформирована, и найти рентабельную и соответствующую традициям казаков экономическую нишу сложно. Тем не менее в дан-

ном направлении необходимо развиваться, для того чтобы обеспечить изначальную организационную комплексность сельского хозяйства и развитие экономики, а также демографии сельской местности с использованием культурного релятивизма казачества [3].

Участие казаков в политических процессах посредством создания политических партий началось в конце XX века, и на первых выборах в Государственную Думу Российской Федерации прошло 11 партий, а число партий, сформированных по всей стране, исчислялось десятками. Пыталось участвовать в этом процессе и возрождающееся казачество. Так, например, избирательная комиссия Краснодарского края 14 июля 1998 издала постановление № 408-П «О регистрации избирательного блока “Блок правых патриотических сил Казачья Национальная Партия”» [1]. Впрочем, значительных политических результатов этот блок не добился, и, по сути, политическая деятельность всех «казачьих партий» не получила широкой общественной поддержки.

В настоящее время федеральным законодательством определяется: «Члены казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, принявшие на себя обязательства по несению государственной или иной службы, обязаны приостановить свое членство в политических партиях, иных общественных объединениях, преследующих политические цели, не вправе вступать в них и принимать участие в их деятельности. В соответствии с ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 05.12.2005 № 154-ФЗ “О государственной службе российского казачества” деятельность политических партий, иных общественных объединений, преследующих политические цели, в казачьих обществах, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, не допускается» [1].

Анализ регионального законодательства Юга России, а также подзаконных актов и правовых нормативных актов местного самоуправления свидетельствует о том, что сфера правового применения термина «казак», «казачество» и производных от них слов является достаточно объемной. Такие термины встречаются во многих правовых актах, закрепляющих названия казачьих социальных организаций; населенных пунктов, улиц, переулков, площадей, рынков, а также географических объектов, рек, балок, логов и иных участ-

ков местности; названий учебных заведений, спортивных и военно-патриотических организаций. Как показывают примеры, культурный релятивизм казачества многогранно проявляется на Юге России, и без учета данного компонента правовое регулирование общественных отношений может осуществляться вне контекста правовой жизни ряда субъектов Российской Федерации [4; 5]. Следует обратить особое внимание на развитие регионального законодательства республик, которое порой создает возможности для возрождения правовой культуры титульных наций, мало уделяя внимания русским, казакам и т. п., что недопустимо в многонациональной России и таит в себе угрозу национальной безопасности.

Общественные отношения в сфере образования выступают важнейшим направлением правового регулирования, реализуемым в специализированных казачьих учебных заведениях. Помимо основных образовательных программ обучения учебный процесс организуется по дополнительным общеразвивающим программам, имеющим целью подготовку обучающихся к военной или иной государственной службе, в том числе к государственной службе российского казачества в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях. Одновременно создаются общеобразовательные организации со специальными наименованиями, такими как: президентское кадетское училище, суворовское военное училище, нахимовское военно-морское училище, кадетский (морской кадетский) военный корпус, кадетская школа, кадетский (морской кадетский) корпус, казачий кадетский корпус.

Следующим направлением правового регулирования является участие казаков в охране общественного порядка и выполнении других функций, связанных с государственной и муниципальной службой. В традиционной правовой культуре казаков этот вид деятельности считается приоритетным и наиболее престижным. Ему уделяется значительное внимание в законодательстве субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, и в качестве примера следует назвать закон Карачаево-Черкесской Республики от 15.10.2003 № 41-РЗ «О муниципальных казачьих Дружинах», постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16.11.2015 № 1037 «О государственной программе Краснодарского края “Казачество Куба-

ни” и признании утратившими силу отдельных постановлений главы администрации (губернатора) Краснодарского края», закон Ставропольского края от 26.07.2013 № 69-КЗ (в ред. от 04.03.2016) «О привлечении членов казачьих обществ к государственной или иной службе в Ставропольском крае», решение Ростовской-на-Дону городской думы от 26.02.2002 № 71 «О муниципальной казачьей дружине в городе Ростове-на-Дону» [1].

Как отдельное направление правового регулирования казачества также следует выделить «организационно-правовое», связанное с учреждением и регистрацией казачьих обществ и деятельностью по укреплению и поддержке казачества со стороны органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления. К таким правовым актам относится распоряжение главы Чеченской Республики от 05.02.2016 № 17-РГ «Об утверждении Устава Терско-Сунженского окружного казачьего общества Терского войскового казачьего общества», указ президента Кабардино-Балкарской Республики от 27.10.2010 № 131-УП «Об утверждении Устава Терско-Малкинского окружного казачьего общества», постановление губернатора Ставропольского края от 15.10.2012 № 699 «Об утверждении Устава Ставропольского окружного казачьего общества Терского войскового казачьего общества» [1]. Данные нормативные правовые акты, равно как и аналогичные им, принятые в последние годы, наглядно показывают, что казачество не стало достоянием истории, а является реально действующим государственным институтом, имеющим необходимое правовое обеспечение в современных российских условиях.

Таким образом, подводя итоги проведенного анализа, необходимо отметить следующее. После распада Советского Союза возник идеологический вакуум, который характеризовался отсутствием в российском обществе устойчивых ценностей, в том числе и правовых. Конституция РФ 1993 года автоматически предоставила широкий спектр возможностей для возрождения традиционной правовой культуры казачества. Этот процесс находит свое закрепление в комплексе правовых норм как на федеральном уровне, так и на уровне законодательства субъектов РФ, логическим продолжением которого является нормотворческая деятельность органов муниципальной власти.

Рассматривая совокупность норм права, регулирующих общественные отношения в сфере казачества, и выделяя разновидности данных норм, мы получаем самостоятельную, завершенную, логически целостную классификацию. Это становится очередным подтверждением того, что «межотраслевой институт права казачества» сформирован, устойчив и полноправно входит в систему права и законодательства Российской Федерации [6; 8]. В ходе доктринального анализа регионального законодательства наиболее явно выделяются семь обособленных направлений правового регулирования общественных отношений в сфере казачества, что подчеркивает самостоятельность такого правового института, как казачество, а также тот факт, что его правовая культура имеет всестороннее формально-юридическое закрепление. Это происходит по причине того, что казачество

играло особую роль в жизнедеятельности Российского государства [7].

При изучении феномена казачества приемлемо использование категории правового массива – структурно и функционально упорядоченной совокупности нормативных правовых актов или иных источников права, выделяемой по признаку общности регулируемых правоотношений в рамках регионального, национального или международного правового пространства. Кроме того, при использовании формально-логического метода актуализирована категория правового комплекса – структурно и функционально упорядоченной совокупности правовых норм или иных социальных норм, имеющих силу правовых в различных типах правовых систем, или институтов права, выделяемых по признаку общности регулируемых правоотношений [2].

Литература

1. URL: <http://consultant.ru>
2. Небрatenко Г. Г., Небрatenко О. О. Межотраслевые связи законодательства: «правовые массивы» и «правовые комплексы» // Связи в праве: проблемы теории, практики, техники: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2016.
3. Небрatenко Г. Г. Демографическая безопасность Российской Федерации в XXI столетии // Философия права. 2014. № 1.
4. Небрatenко Г. Г. Онтология обычного права донских казаков: историко-правовой аспект // Юрист-Правоведъ. 2008. № 2.
5. Небрatenко Г. Г. Обычное право донских казаков: вчера, сегодня, завтра // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. Ростов н/Д, 2006.
6. Небрatenко Г. Г. Казачьему праву быть! // Государственная служба казачества: история, современность, перспективы. Старый Оскол, 2010.
7. Небрatenко Г. Г. Историко-правовое значение донского казачества в развитии Российского государства // Право Кавказской цивилизации: истоки, особенности, мировое значение (к 150-летию окончания Кавказской войны). Ростов н/Д, 2015.
8. Небрatenко Г. Г. Парадоксы этнического политико-правового самоопределения (на примере татар и казаков) // Философия права. 2005. № 2.

Bibliography

1. URL: <http://consultant.ru>
2. Nebratenko G. G., Nebratenko O. O. Cross-sectoral links of legislation: «legal arrays» and «legal complexes» // Links in law: problems of theory, practice, technology: a collection of articles on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Nizny Novgorod, 2016.
3. Nebratenko G. G. Demographic Security of the Russian Federation in the 21st Century // Philosophy of Law. 2014. № 1.
4. Nebratenko G. G. Ontology of the ordinary law of the Don Cossacks: the historical and legal aspect // Jurist-Pravoved. 2008. № 2.
5. Nebratenko G. G. The ordinary right of the Don Cossacks: yesterday, today, tomorrow // Customary law of the peoples of the North Caucasus: the results and prospects for research. Rostov-on-Don, 2006.
6. Nebratenko G. G. Cossack's right to be! // State service of the Cossacks: history, modernity, prospects. Stary Oskol, 2010.
7. Nebratenko G. G. Historical and legal significance of the Don Cossacks in the development of the Russian state // The right of the Caucasian civilization: sources, features, world significance (to the 150th anniversary of the end of the Caucasian War). Rostov on Don, 2015.
8. Nebratenko G. G. Paradoxes of ethnic political and legal self-determination (on the example of Tatars and Cossacks) // Philosophy of law. 2005. № 2.

© 2017 г. В. Г. Ищук,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

E-mail: valdemar130@ya.ru

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье проводится анализ нормативных правовых актов, регламентирующих конституционно-правовой статус уполномоченного по правам человека. Рассматриваются вопросы взаимодействия института омбудсмана с общественными организациями и средствами массовой информации.

Ключевые слова: омбудсмен, уполномоченный по правам человека, конституционно-правовой статус, элементы конституционно-правового статуса.

V. G. Ishchuk – Adjunct, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot.

THE MAIN ELEMENTS OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS

The article analyzes the normative legal acts regulating constitutional-legal status of the commissioner for human rights. Examines the interaction of the Ombudsman with civil society organizations and the media.

Key words: ombudsman, commissioner for human rights, constitutional and legal status, the elements of the constitutional-legal status.

Вопросы конституционно-правового статуса институтов государственной власти рассматриваются и разрабатываются в основном учеными в области конституционного и административного права. Одно из определений правового статуса дано в Большом юридическом словаре под редакцией А. Я. Сухарева и В. Е. Крутских: «...установленное общепризнанными мерками права состояние его субъектов, совокупность их прав и обязанностей». Схожее по смысловой нагрузке определение содержится в Юридической энциклопедии под редакцией М. Ю. Тихомирова, в которой понятие «статус» трактуется как правовое состояние (совокупность предусмотренных законодательством прав и обязанностей).

Содержание нормативной правовой базы субъектов Российской Федерации (региональные законы, регулирующие область деятельности института омбудсмана) отражает не всегда идентичный круг прав, обязанностей и гарантий [1]. Отсутствие общих правовых норм и принципов, регулирующих деятельность уполномоченных по правам человека на территории субъектов Российской Федерации, является одной из актуальных проблем. При более детальном рассмотрении конституционно-правового статуса уполномо-

ченных по правам человека в субъектах РФ необходимо определить основы конституционно-правового статуса института регионального омбудсмана.

Правовой статус государственного органа должен иметь корректную детальную регламентацию меры использования им своих полномочий посредством наделения каждого государственного органа необходимым объемом прав, установления и определения сферы применения имплементированных прав (предметов ведения) и территориальных рамок такого применения.

Определение правового статуса института регионального омбудсмана в субъектах РФ является важным нормотворческим процессом. Именно правовой статус выступает основой применения тех или иных мер ответственности, предусмотренных законодательством Российской Федерации в отношении государственных служащих данного института.

При этом особенность правового статуса уполномоченного по правам человека заключается в его назначении, то есть в процедуре, имплементированной органам государственной власти, как правило, представительного-законодательного органа, однако статус омбудсмана отражает неподотчет-

ность, независимость его профессиональной деятельности при защите прав человека и гражданина.

Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ можно рассматривать как должностное лицо, являющееся руководителем государственного органа, в состав которого входит аппарат госслужащих, формирующийся самим омбудсменом. Наличие российского гражданства в рамках избрания (или назначения) на должность уполномоченного по правам человека в субъекте РФ должно быть обязательным критерием, поскольку именно статус гражданина является необходимым условием для предоставления политических прав и возможностей государственной службы в Российской Федерации.

Должность уполномоченного по правам человека как орган государственной власти создается для осуществления определенных целей, задач и функций. Например, в соответствии с законом Пермской области от 9 декабря 2000 года № 1241-188 «Об Уполномоченном по правам человека в Пермской области» [2] она учреждается в целях обеспечения гарантий государственной защиты конституционных прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Так, в Пермской области уполномоченный по правам человека наделен следующими правами:

- запрашивать и получать от органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц сведения, документы и материалы, необходимые для выполнения возложенных на уполномоченного по правам человека обязанностей;
- получать письменные объяснения от должностных лиц по вопросам, отнесенным к компетенции уполномоченного по правам человека;
- направлять заключение о недопустимости нарушения прав и свобод человека и гражданина органам государственной власти, местного самоуправления и должностным лицам, допускающим такие нарушения, осуществлять другие формы реагирования при нарушении прав и свобод человека и гражданина;
- проводить проверки соблюдения прав граждан государственными органами и органами местного самоуправления, организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, а также территориальными органами федеральных органов

исполнительной власти в соответствии с федеральным законодательством;

- направлять органам государственной власти и местного самоуправления предложения по обеспечению защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина;

- самостоятельно или с привлечением экспертов и специалистов в пределах утвержденной сметы расходов уполномоченного по правам человека проводить исследования в области защиты прав и свобод человека и гражданина;

- при наличии информации о массовых либо грубых нарушениях прав человека предлагать Законодательному собранию вызывать и заслушивать по поводу обнаруженных нарушений прав человека должностных лиц соответствующих органов государственной власти, а также самостоятельно принимать решение о рассмотрении поступившей к нему информации;

- обращаться в установленных формах в Уставный суд в случаях нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Уполномоченный по правам человека обладает правом законодательной инициативы в Законодательном собрании по вопросам, связанным с реализацией и защитой конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Содействуя правовому просвещению в области прав и свобод человека и гражданина, форм и методов их защиты, уполномоченный по правам человека вправе:

- распространять информацию о правах и свободах человека и гражданина, выпуская официальные периодические издания и иные издания о правах и свободах человека и гражданина;

- инициировать создание грантовых программ по правозащитной тематике, принимать участие в их составлении и определении победителей конкурсов.

Содействуя органам государственной власти и органам местного самоуправления в обеспечении гарантий государственной защиты прав, свобод и законных интересов ребенка, уполномоченный по правам человека вправе:

- назначать уполномоченного по правам ребенка в статусе своего заместителя по защите прав и интересов ребенка;

- проводить общественные обсуждения кандидатуры уполномоченного по правам ребенка и вносить ее на согласование Законодательному собранию.

Уполномоченный по правам человека наделен правом поощрения граждан и организаций за особые заслуги в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, развитие институтов гражданского общества.

Аналогичные положения содержатся в нормативных правовых актах Архангельской, Амурской, Астраханской, Свердловской, Волгоградской, Калининградской, Кемеровской, Московской, Самарской, Смоленской, Тюменской областей, Алтайского, Краснодарского, Красноярского, Ставропольского краев, республик Башкортостан, Калмыкия, Коми, Марий Эл, Саха (Якутия), Тыва, г. Санкт-Петербурга.

Вместе с тем следует отметить и ряд особенностей. Например, в Республике Коми государственная должность уполномоченного по правам человека учреждена в целях соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина также организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности. В Калужской, Липецкой и Саратовской областях должность уполномоченного по правам человека учреждается для защиты прав и свобод человека и гражданина, при этом нет сведений, отражающих механизм государственной защиты государственных служащих.

Одним из самых важных признаков данного государственного органа является наличие у него государственно-властных полномочий, которые реализуются в принимаемых им управленческих решениях. Полномочия государственных органов обеспечивают возможность решения некоторых вопросов, издания нормативных актов в пределах их компетенции в обязательном порядке к исполнению иными государственными органами, должностными лицами, а также гражданами с функцией отслеживания выполнения и реализации этих актов [3].

Детальная регламентация мер властных полномочий выражается в обязанностях государственных органов и на практике реализуется в принимаемых ими управленческих решениях. В пределах предоставленных прав и обязанностей полномочия государственных органов позволяют решать им определенный круг вопросов, издавать нормативные правовые акты, обязательные к исполнению иными государственными органами, должностными лицами, а также гражданами, находящимися на территории субъекта РФ.

Детальная регламентация меры использования имплементированных уполномоченному по правам человека полномочий должна

быть включена в конституционно- и нормативно-правовой статус государственных органов. Данная цель достигается путем наделения каждого государственного органа соответствующими обязанностями и правами, определения сферы применения прав (предметов ведения) и территориальных пределов их использования.

Для выполнения возложенных на уполномоченного по правам человека задач он обязан:

- рассматривать жалобы и заявления граждан, лиц без гражданства и иностранных граждан о нарушениях органами государственной власти и местного самоуправления, должностными лицами прав и свобод человека и гражданина;

- принимать меры по фактам нарушения органами государственной власти и местного самоуправления, должностными лицами прав и свобод человека и гражданина в порядке, определенном законом субъекта РФ;

- по инициативе Законодательного собрания, губернатора субъекта РФ составлять специальные доклады по отдельным вопросам соблюдения прав и свобод человека и гражданина;

- составлять ежегодный доклад о соблюдении прав человека;

- вести личный прием граждан, оказывать им бесплатную юридическую помощь по вопросам, относящимся к компетенции уполномоченного по правам человека;

- осуществлять иную деятельность, направленную на защиту прав человека.

К категории государственно-властных полномочий целесообразно отнести именно те полномочия института омбудсмена в субъектах РФ, которыми он наделен в рамках рассмотрения жалоб и обращений, поступающих в адрес уполномоченных по правам человека. Практически во всех нормативных правовых актах субъектов РФ полномочиям региональных уполномоченных по правам человека, связанным с рассмотрением жалоб и обращений, посвящены специальные статьи.

Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [4] предусмотрен механизм назначения на должность уполномоченного по правам человека в субъекте РФ, отражающий возможность ее учреждения нормативными правовыми актами субъекта РФ в соответствии с конституцией (уставом).

В ряде республик, краев и областей (субъектов) Российской Федерации нормативно-

правовой статус института омбудсмана, формат и порядок назначения и освобождения от должности уполномоченного по правам человека, компетенция, условия его деятельности, материальные и социальные гарантии независимости, связанные с оплатой труда, медицинским, социальным и иным обеспечением и обслуживанием устанавливаются в соответствии с законодательством субъекта.

Порядок и стадии образования государственного органа имеют важное значение для его конституционно-правового статуса, определяя источник и природу полномочий уполномоченного по правам человека.

Нормативная правовая база субъектов Российской Федерации имеет дифференцированный характер и подходит под определение института омбудсмана в конституциях (уставах) и законах об уполномоченном по правам человека в соответствующем субъекте РФ. Данный институт не получил должного закрепления на федеральном уровне, что не позволяет законодательно на региональном уровне сформулировать единообразное определение статуса, гарантий, полномочий, а также сферы компетенции института омбудсмана на всей территории Российской Федерации [5].

Совершенствование законодательства субъектов РФ осуществляется в основном по результатам его обсуждения омбудсменами в рамках круглых столов, проводимых на региональном уровне, без согласования со стороны

института по правам человека на федеральном уровне. В связи с этим требуется внесение дополнений и изменений в уставы и конституции субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты регионального уровня об уполномоченных по правам человека, реестры государственных должностей, регламенты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, нормативные акты субъектов РФ об административных правонарушениях в части, касающейся регулирования конституционно-правового статуса омбудсмана.

Анализ законодательных основ и научных исследований, посвященных правовому статусу института омбудсмана в субъектах Российской Федерации, свидетельствует о необходимости изучения юридической природы уполномоченного по правам человека, определения его компетенций, а также места в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ [6].

В завершение следует отметить, что функционирование института омбудсмана зависит не только от директивной воли органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях, но и, в большей степени, от осознания общественностью необходимости его введения и дальнейшего развития в субъектах Российской Федерации.

Литература

1. Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России: учеб. для юрид. вузов: в 3 т. М., 2011. Т. 1.
2. Об уполномоченном по правам человека в Пермской области: закон Перм. обл. от 9 дек. 2000 г. № 1241-188. URL: <http://consultant.ru>
3. Ковешников Е. М. Конституционное право Российской Федерации. М., 2012.
4. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федер. конституционный закон Рос. Федерации от 26 февр. 1997 г. № 1-ФКЗ. URL: <http://consultant.ru>
5. Корнеева Н. В. Конституционно-правовые основы деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. СПб., 2012.
6. Хазов Е. Н. Основы конституционно-правового статуса человека и гражданина в России // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел: матер. науч.-практ. конф. М., 2009.

Bibliography

1. Bezuglov A. A., Soldatov S. A. Constitutional Law of Russia: textbook for legal higher education institutions: in 3 vol. Moscow, 2011. Vol. 1.
2. On the Commissioner for human rights in the Perm region: Perm region law of 9 December 2000 № 1241-188. URL: <http://consultant.ru>
3. Koveshnikov E. M. Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow, 2012.
4. On the Commissioner for human rights in the Russian Federation: Federal constitutional law of the Russian Federation dated 26 February 1997 № 1-FKL. URL: <http://consultant.ru>
5. Korneeva N. V. Constitutional-legal bases of activity of the Commissioner for human rights in the Russian Federation. St. Petersburg, 2012.
6. Hazov E. N. Fundamentals of the constitutional and legal status of man and citizen in Russia // Questions of improving law enforcement activities of the internal affairs bodies: materials of scientifically-practical conference. Moscow, 2009.

© 2017 г. А. А. Козлова,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

E-mail: nastena.kozlova.14@mail.ru

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ФОРМИРОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОПРОСЫ ТРАНСПЛАНТАЦИИ И ДОНОРСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В статье исследуются актуальные проблемы, связанные с формированием законодательства, регулирующего вопросы трансплантации и донорства в России и за рубежом. Особое внимание уделяется вопросу получения согласия на посмертное изъятие органов в национальном законодательстве различных государств.

Ключевые слова: законодательство, донорство органов, трансплантация, донор, орган, информированное согласие.

A. A. Kozlova – Adjunct, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot.

THE ROLE OF INTERNATIONAL AND LEGAL NORMS RELATED TO THE FORMATION OF LEGISLATION REGULATION ISSUES TRANSPLANTATION AND DONATION IN RUSSIA AND ABROAD

The article deals with the topical issues related to the formation of legislation regulating transplantation and donation in Russia and abroad. Special attention is paid to the problem of consent to post-mortem removal of organs in the national legislation different countries.

Key words: legislation, donation of organs, transplantation, donor, organ, the informed consent.

Трансплантация органов и тканей человека за последние 50 лет стала одним из успешных видов медицинской практики в мире. В настоящее время трансплантология решает не только задачи спасения жизни, но и возвращает к социальной активности членов общества. Пациенты с пересаженными органами работают, создают семьи, у них рождаются здоровые дети. И потребность в донорских органах с каждым годом растет. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), в 2015 году благодаря 27 397 донорам было пересажено 119 873 органов, что на 1,65 % больше, чем годом ранее. Чаще всего в мире пересаживали почки (79 984) и печень (26 151). Однако, как признают специалисты, это лишь 10 % от необходимого количества подобных операций [1].

Международно-правовые основы регулирования данного вопроса, а также его национальное закрепление не отвечают современным требованиям. Всемирная ассамблея здравоохранения 21 мая 2010 года приняла резолюцию WHA63.22 «Трансплантация органов и тканей человека», утвердившую обновленный вариант Руководящих принципов ВОЗ [2],

согласно которым для проведения трансплантации клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тел умерших, если получено согласие в форме, требуемой законом, и нет оснований полагать, что умершее лицо возражало против такого изъятия (руководящий принцип 1). Этот рекомендательный акт был положен в основу законодательства зарубежных государств в области трансплантологии.

Проблема реализации права пациента на информированное добровольное согласие по поводу медицинского вмешательства занимает одно из центральных мест во внутригосударственном праве, регулирующем вопросы трансплантации органов человека. Законодатель на национальном уровне закрепляет неиспрошенное согласие, иногда называемое презумпцией согласия (opting (or contracting) out), и испрошенное согласие, то есть презумпцию несогласия (opting in).

Презумпция согласия

В государствах, где действует презумпция согласия, разрешено изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (и в ряде стран – для анатомического изучения либо в научных целях) в случае, если умер-

ший при жизни не выразил своего возражения против изъятия органа, которое должно быть зафиксировано в официальном документе или реестре.

Такие нормы действуют в Австрии, Израиле, Бельгии, Испании, Хорватии и в ряде других государств. Например, в Израиле используется так называемая «карточка Ади», и каждый, кто подписывается под ней, удостоверяет свое согласие на пересадку органов после смерти [3]. В Хорватии, Швеции, Норвегии требуется обязательное разрешение семьи на трансплантацию. Нормы, предполагающие согласование медицинской манипуляции с семьей или иной общиной, принимаются государствами в рамках так называемого «принципа семейной автономии» [4, с. 60].

Закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 года № 28-3 «О трансплантации органов и тканей человека» закрепляет право граждан на выражение несогласия на забор органов для трансплантации, а также порядок реализации данного права (ст. 10-1). В целях контроля за использованием органов и тканей закреплено создание Единого регистра трансплантации (ст. 10-2) [5]. Также необходимо отметить, что Беларусь с 2011 года занимает первое место среди стран – участниц СНГ по количеству трансплантаций органов и тканей. В 2015 году было проведено 47 операций на 1 миллион населения. Среди трансплантаций, проведенных в 2015 году, лидируют операции по пересадке почек – 333 (286 – в 2014 году) и печени – 72 (68) [6]. При этом наша страна имеет достаточно низкие показатели – 10 случаев на 1 миллион населения. Кроме того, сегодня в Российской Федерации 50 % составляет прижизненное родственное донорство [7].

В России с 1992 года действует презумпция согласия, которая нашла свое закрепление в Законе от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека». В ст. 8 данного закона закреплено, что «изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту» [8]. Вместе с тем ст. 5 Федерального закона от 12 января 1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» устанавлива-

ет, что решающее значение для трансплантологии имеет волеизъявление человека о достойном отношении к его телу после смерти, выраженное устно в присутствии свидетелей или письменно, в том числе о согласии и несогласии на изъятие органов [9]. Анализ указанных статей позволяет сделать вывод о том, что их положения раскрывают один и тот же вопрос о правомерности посмертного изъятия органов.

Данная проблема неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, в результате дорожно-транспортного происшествия в г. Москве скончалась студентка Алина Саблина. Узнав из заключения судмедэксперта, что у девушки изъяли для трансплантации некоторые органы, ее мать обратилась в судебные органы, требуя взыскать с больницы компенсацию морального вреда. Суды отказали в удовлетворении исковых требований, после чего заявительница обратилась в Конституционный Суд РФ.

Конституционный Суд РФ, ссылаясь на определение от 4 декабря 2003 года № 459-О, подтвердил законность изъятия органов для трансплантации после смерти человека без согласия его родственников и указал, что ст. 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» не может быть неясной или неопределенной, а следовательно, рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан. При этом суд подчеркнул, что если известно об отрицательном отношении к трансплантации умершего его близких родственников или законных представителей, то данную процедуру проводить нельзя. Судебный орган констатировал, что существо требований заявителей фактически сводится к необходимости перехода от действующей в России модели презумпции согласия на изъятие органов человека после его смерти к системе испрошенного согласия. Суд также обратил внимание на то, что избранная российским законодателем система презумпции согласия основана на общепризнанных принципах и нормах международного права, о чем свидетельствуют Руководящие принципы по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, опубликованные в 2010 году, а также Дополнительный протокол к Конвенции о защите человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей чело-

веческого происхождения (ETS 2002 № 186) от 24 января 2002 года [10].

В обоснование своих доводов по делу А. Саблиной заявители ссылались также на позицию Европейского суда по правам человека, выраженную им в постановлениях от 24 июня 2014 года «Петрова против Латвийской Республики» (Petrova v. Latvia, жалоба № 4605/05) и от 13 января 2015 года «Элберте (Elberte) против Латвийской Республики», указывая на то обстоятельство, что эти дела являются схожими по фактическим обстоятельствам, и, согласно выводу суда, в ситуации заявителей (связанной с изъятием без их извещения и согласия для трансплантации органов погибших членов семьи) имело место нарушение запрета жестокого и унижающего достоинство обращения, а также права на частную и семейную жизнь (ст. 3, 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS 5 от 4 ноября 1950 года).

По делу «Петрова против Латвийской Республики» от 24 июня 2014 года Европейский суд по правам человека признал, что вмешательство в право на уважение личной жизни не предусмотрено законом, как того требует ст. 8 Европейской конвенции, поскольку нормы латвийского законодательства, формально предоставляя близким родственникам умершего право возражать против изъятия его органов, не были сформулированы достаточно конкретно, чтобы защитить лицо от произвола. Указанные нормы не обеспечивали надлежащего информирования родственников умершего о трансплантации его органов, чтобы они могли возразить против этого, равно как и не запрещали изъятия органов без получения согласия на это у родственников, если умерший при жизни не выразил свою волю. Заявительница, формально имея право возражать против изъятия органов ее сына, не была проинформирована о том, как и когда она может реализовать данное право, не говоря уже о том, чтобы получить надлежащие объяснения.

В дальнейшем в Закон Латвийской Республики «О защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей в медицине» от 1 ноября 1995 года были внесены изменения, направленные на более четкое определение понятия согласия, в том числе со стороны близких родственников. Так, в ст. 11 закона устанавливается, что «изъ-

ятие органов и тканей тела у скончавшегося человека для последующей трансплантации допускается в случаях, если в реестре жителей Латвийской Республики отсутствуют сведения об отказе скончавшегося человека от посмертного использования органов или тканей или о его согласии на это использование, а ближайшие родственники скончавшегося до начала трансплантации не сообщили медицинскому учреждению в письменной форме о его возражениях против посмертного использования органов и тканей его тела, выраженных им при жизни. Изъятие органов и тканей у скончавшегося ребенка для последующей трансплантации запрещается, если один из его родителей или его законный представитель не дал на это письменного согласия» [11].

В начале 2016 года дело А. Саблиной было передано на рассмотрение Европейского суда по правам человека.

Презумпция несогласия

В США, ФРГ, Великобритании, Канаде, Корее, Новой Зеландии, Румынии, Украине, Японии, Австралии и других странах действует презумпция несогласия, которая означает, что при жизни лицо явно заявляло о своем согласии на изъятие органов либо член его семьи четко выражает согласие на изъятие в том случае, когда умерший не оставил подобного заявления. Доктрина испрошенного согласия предполагает определенное документальное подтверждение согласия. В США отметка о согласии на донорство органов делается в документе, подтверждающем личность. Эта информация всем доступна, никто не делает из нее тайны для окружающих. В Португалии, Франции, Польше и других странах ведутся регистры лиц, не желающих быть донорами.

Каждая донорская модель позволяет достичь различных результатов по количеству доноров органов. Но в целом имеющиеся показатели демонстрируют, что закрепление в национальном законодательстве презумпции согласия дает возможность существенно увеличить количество доноров.

Так, Германия, где применяется презумпция несогласия, значительно отстает по показателям посмертного донорства: в 2015 году 10,6 изъятий на 1 миллион человек. При этом Германия является одной из самых передовых стран в области медицины. В Нидерландах они составляют 15,7. В странах же, в которых используется презумпция согласия, ука-

занные показатели значительно выше: в Хорватии – 37,6, Бельгии – 28, Австрии – 22,9 [12]. В 2015 году Испания с 1 851 донором и 4 769 пересаженными органами 24-й год подряд подтверждает свое мировое лидерство – 40,2 донора на миллион населения [13].

В настоящее время Министерством здравоохранения РФ разработан и внесен в Правительство РФ проект федерального закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации» [14], предусмат-

ривающего создание федерального регистра доноров органов, реципиентов и донорских органов человека. В случае принятия федерального закона в стране появится единая база доноров и нуждающихся в донорстве. Человек, достигший совершеннолетия, получит возможность обратиться в лечебное учреждение (или к нотариусу) и заявить о своем желании стать донором после смерти или о нежелании быть донором.

Литература

1. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). URL: <http://www.who.int/transplantation/ru/>
2. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов от 2010 года. URL: <http://www.who.int/transplantation/ru/>
3. Израильяне при жизни завещают свои органы на пересадку. URL: <https://rg.ru/2016/05/05/kak-kartochka-donora-stala-atributom-grazhdanskoj-pozicii-v-izraile.html>
4. Салагай О. О. Трансплантация органов и тканей человека в международно-правовом и сравнительно-правовом аспектах // Рос. юстиция. 2010. № 7.
5. О трансплантации органов и тканей человека: закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-3. URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon0/z107.htm>
6. Количество трансплантаций органов в Беларуси за 10 лет увеличилось более чем в 55 раз. URL: <http://naviny.by/rubrics/society/2016/05/12>
7. Минздрав: только треть от необходимых операций по трансплантации органов проводится в Российской Федерации. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3239058>
8. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон Рос. Федерации от 22 дек. 1992 г. № 4180-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 26. Ст. 2738.
9. О погребении и похоронном деле: Федер. закон Рос. Федерации от 12 янв. 1996 г. № 8-ФЗ // Вед. Федер. Собрания Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 33.
10. О трансплантации органов и (или) тканей человека: определение Конституционного Суда Рос. Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нелли Степановны

Bibliography

1. World Health Organization. URL: <http://www.who.int/transplantation/ru/>
2. WHO Guiding principles on human cell, tissue and organ transplantation, 2010. URL: <http://www.who.int/transplantation/ru/>
3. Israelites during the lifetime of donating their organs for transplant. URL: <https://rg.ru/2016/05/05/kak-kartochka-donora-stala-atributom-grazhdanskoj-pozicii-v-izraile.html>
4. Salagay O. O. The transplantation of human organs and tissues in international law and comparative legal aspects // Russian justice. 2010. № 7.
5. On the transplantation of human organs and tissues: Law of the Republic of Belarus of 4 March, 1997 № 28-Z URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon0/z107.htm>
6. The number of organ transplants in Belarus has increased over 10 years, more than 55 times. URL: <http://naviny.by/rubrics/society/2016/05/12>
7. Ministry of Health: only a third of the needed organ transplants carried out in the Russian Federation. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3239058>
8. On transplantation of organs and (or) human tissue: Law of the Russian Federation of 22 December, 1992 № 4180-1 // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2000. № 26.
9. On the burial and funeral business: Federal Law of the Russian Federation of 12 January, 1996 № 8-FL // Bulletin of the Federal Assembly of the Russian Federation. 1996. № 3.
10. On transplantation of organs and (or) human tissue: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation to refuse to accept for consideration complaints from citizens Biryukova Tatyana, Sablina Elena Vladimirovna and Sablina Nellie Stepanovna of their constitutional rights by Article 8 of the Law of the Russian Federation of 2 October, 2016. URL: <http://www.consultant.ru/document/>
11. On the protection of the deceased person's body, and the use of human organs and tissues in

на нарушение их конституционных прав ст. 8 Закона Рос. Федерации от 10.02.2016. URL: <http://www.consultant.ru/document/>

11. О защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей в медицине: Закон Латвийской Республики от 1 нояб. 1995 г. URL: http://www.pravo.lv/kdks_z.html

12. Данные по странам, входящим в «Евротрансплант». URL: <http://www.eurotransplant.org/cms/>

13. Испания в 24-й раз стала мировым лидером в трансплантации органов. URL: <https://ria.ru/world/20160823/1475066026.html>

14. О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации: проект федер. закона Рос. Федерации URL: <https://www.rosminzdrav.ru>

medicine: Law of the Republic of Latvia of 1 November, 1995. URL: http://www.pravo.lv/kdks_z.html

12. Data of the countries included in the «Eurotransplant». URL: <http://www.eurotransplant.org/cms/>

13. Spain in the 24-th time became the world leader in organ transplantation. URL: <https://ria.ru/world/20160823/1475066026.html>

14. On the donation of organs, parts of human organs and transplantation: Draft Federal Law. URL: <https://www.rosminzdrav.ru>

© 2017 г. С. А. Аверинская,

начальник кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: aver27@mail.ru

М. П. Перякина,

заместитель начальника кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: marihenka.78@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА РОССИИ)

В статье анализируется структура взяточничества с учетом требований формирования уголовно-правовой статистики. Рассматривается место России среди двух сотен экономик мира на предмет пораженности коррупцией. Освещаются критерии оценки уровня коррумпированности согласно индексу восприятия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, анализ рисков, Verisk Maplecroft, Transparency International, структура, динамика, коэффициент взяточничества.

S. A. Averinskaya – Head of the General Legal Training Department, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

M. P. Peryakina – Deputy Head of the General Legal Training Department, East-Siberian Institute of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law.

STATISTICAL OF CORRUPTION-RELATED CRIMES: LOCAL ASPECT (EVIDENCE FROM THE EAST SIBERIAN REGION OF RUSSIA)

The article analyzes the structure of bribery with the requirements of the formation of criminal-legal statistics. Discusses the place of Russia among two hundred economies in the world on the subject of the prevalence of corruption. Highlights the criteria of evaluation of level of corruption according to the corruption perception index.

Key words: corruption, risk analysis, Verisk Maplecroft, Transparency International, structure, dynamics, bribery index.

Президентом Российской Федерации утвержден очередной Национальный план противодействия коррупции, которым придан новый импульс борьбе с коррупционными проявлениями и устранению их причин [5]. Несмотря на принимаемые Президентом и Правительством РФ меры, масштабы коррупционных проявлений по-прежнему являются угрозой безопасности России, препятствуют социально-экономическому развитию страны, подрывают веру граждан в справедливость и вызывают социальную напряженность [4].

Согласно данным международного центра антикоррупционных исследований и инициатив Transparency International, в 2014 году Россия по уровню восприятия коррупции заняла 136 место (из 177), получив 27 баллов из 100. Это место с Россией поделили Иран, Нигерия, Кыргызстан, Камерун и Ливан. Са-

мыми некоррумпированными странами признаны Дания, Новая Зеландия и Финляндия, «Transparency International» ранжирует страны по шкале от 0 до 100 баллов, где ноль обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а сто – самый низкий [2].

В 2015 году Россия поднялась по ранжируемой лестнице на 119 место, получив 29 баллов также из 100, разделив место со Сьерра-Леоне, Гайаной, Азербайджаном, в то время как страны, занимавшие соседнее место в 2014 году, по итогам 2015 года находились на 130 месте – Иран, на 123 – Кыргызстан. Это свидетельствует о снижении уровня восприятия коррупции на территории Российской Федерации. В 2016 году наша страна вернула место, занимаемое ею в 2014 году (136), также набрав 27 баллов.

Несомненно, индекс восприятия коррупции является обобщенным результатом субъектив-

ного восприятия и отражает мнение, сформированное средствами массовой информации, оценками отдельных лиц, коррупционными скандалами и не может в полной мере отображать реальную картину. При этом думается, что положительная динамика в 2015 году существовала благодаря внешнеполитическому положению России, которую не спровоцировали агрессивные нападки США и Украины, в связи со стабилизацией внутреннего рынка посредством противостояния санкциям, расширением понятия должностного лица в соответствии с примечанием к ст. 285 УК РФ, публичными арестами высокопоставленных должностных лиц.

В настоящий момент в Российскую Федерацию входят 85 субъектов, каждый из которых в зависимости от географического расположения, протяженности, численности населения, проживающих народностей, плотности населения, наличия развитой инфраструктуры, промышленности и т. д. по-своему специфичен. Восточная Сибирь находится на территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, занимает четвертую часть территории России, то есть около 7,2 миллиона квадратных километров. В нее входят 7 субъектов Российской Федерации: Красноярский край, Забайкальский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, где проживает около 9,4 млн чел. (6,6 % от населения России). Плотность населения Восточной Сибири – немногим более 2 человек на квадратный километр, в северных районах – 1. Коренные жители – буряты, тувинцы, хакасы, эвенки, эвены, якуты и др., однако свыше 80 % населения составляют русские [8]. Крупные города – Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Братск.

Восточная Сибирь богата природными ресурсами, имеет большое количество предприятий добывающей, перерабатывающей, топливно-энергетической, химической, лесной и т. д. промышленности различных форм собственности. Несмотря на низкую плотность населения, для этого региона характерна высокая по сравнению с западными областями России концентрация учреждений уголовно-исполнительной системы, где преступники отбывают наказание в виде лишения свободы. Около 70 % лиц, освободившихся из мест заключения, оседают тут же, продолжая свою противоправную деятельность и проявляя интерес к наиболее прибыльным сферам, что, несомненно, сказыва-

ется на уровне преступности в целом и коррупционной ее составляющей в частности. Данные свидетельствуют о том, что в Восточно-Сибирском регионе ежегодно совершается значительное количество преступлений коррупционной направленности, но, учитывая высокий уровень их латентности, статистика не отражает объективных реалий. Сложная обстановка, связанная с распространенностью коррупционных преступлений, наблюдается и в Российской Федерации в целом.

В соответствии с указанием Генпрокуратуры России № 797/11, МВД России от 13.12.2016 № 2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых для формирования статистической отчетности» для формирования статотчетности к преступлениям коррупционной направленности по общему правилу относят деяния исходя из следующих критериев [7]:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечании к ст. 285 УК РФ, а также лица, указанные в примечании к ст. 201 УК РФ;
- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;
- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);
- совершение преступления только с прямым умыслом.

Таким образом, согласно приложению № 23 к преступлениям данной категории отнесены деяния, предусмотренные ст. 141.1, 184, 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ без дополнительных условий и еще ряд преступлений при наличии различных дополнительных условий.

Следует отметить, что противоправные деяния коррупционной направленности составляют далеко не большую часть от всех выявленных преступлений. Так, в 2015 году преступлений данной категории зарегистрировано на десять тысяч меньше, чем в 2014 году. Однако в 2016 году произошел рост преступности, в том числе и коррупционной, и если намеченные тенденции сохранятся, то неминуем возврат к статистике 2014 года. Аналогичная ситуация наблюдается и в отдельных субъектах Российской Федерации.

Согласно статистическим данным, 13,9 % составляют преступления, зарегистрированные в Сибирском федеральном округе, 6,1 % – в Восточно-Сибирском регионе России, то есть практически половина от всех преступлений в СФО, и 2,6 % – показатель преступлений коррупционной направленности, совершенных в Дальневосточном федеральном округе.

Рассматривая коррупционную статистику Восточно-Сибирского региона, следует отметить, что «лидерами» по выявленным преступлениям являются Красноярский, Забайкальский края и Иркутская область. В Республике Тыва, напротив, общее число преступлений коррупционной направленности достаточно невелико.

Анализ статистических показателей свидетельствует о том, что в период с 2010 по 2013 год количество официально зарегистрированных фактов взяточничества в Российской Федерации снизилось, однако с 2014 года оно повышается. Данная тенденция имеет место также в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах.

Анализируя темп прироста взяточничества в России, следует отметить, что в 2013 году этот показатель составил -8,8 % (АППГ к 2011 году); в 2014 году – 10,9 %; в 2015 году произошел рост регистрируемой преступности в сфере взяточничества, который составил +18,1 % (АППГ к 2013 году); 2016 год также характеризовался тенденцией роста регистрируемых показателей в рассматриваемой области и составил +3,2 % по отношению к 2015 году.

Показатели СФО отличаются от общероссийских. Так, темп прироста в 2013 году составил -1,5 % (АППГ к 2011 году); в 2014 году на исследуемой территории отмечался прирост взяточничества на +1,4 %, а в России наблюдалось снижение этого показателя; 2015 год характеризовался ростом как в СФО – +39,6 %, так и в России; в 2016 году имело место снижение на -11,4, а в России в целом, как указывалось выше, происходил рост.

Анализируя показатели Дальневосточного федерального округа, можно сделать вывод о том, что по своей динамике они приближены к показателям России.

При этом следует отметить, что наибольшее количество фактов взяточничества зарегистрировано в Красноярском крае, затем в Иркутской области и Забайкальском крае.

В связи с тем, что официальные статистические данные о коррупционных преступлениях различаются в зависимости от качественных и количественных характеристик регионов и не могут объективно отразить степень коррумпированности, для изучения распространенности выявленных преступлений этой категории следует акцентировать внимание на уровне преступности, то есть произвести расчет количества зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения. Как показывает статистика, коэффициент взяточничества в России в среднем составляет 9,5, в СФО – 9,4, в ДФО – 6. В Дальневосточном федеральном округе данный коэффициент в 2015 году увеличился на 62,5 %, и умеренная тенденция роста сохранилась в 2016 году, что свидетельствует об увеличении количества лиц, совершавших взяточничество.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в Республике Тыва в 2013 году, когда коэффициент взяточничества увеличился на 75 %, она сохранялась в данном регионе и в 2014 году – 28 %. Однако Тыва характеризовалась низким уровнем преступлений коррупционной направленности. Увеличение коэффициента взяточничества прослеживалось в Забайкальском крае в 2015 году – в три раза (АППГ +209,9 %), в Иркутской области в 2016 году – более чем два раза (АППГ +106,7 %).

Далее рассмотрим статистические показатели преступных деяний, предусмотренных ст. 290 УК РФ, – получение взятки.

Анализ статистических данных указывает на относительную стабильность регистрируемых преступлений в России: в 2014 году – АППГ +0,4 %; в 2015 году – АППГ +2 %; в 2016 году наблюдалось снижение числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, – АППГ -11,4 %. В Сибирском федеральном округе, как и в России в целом, прослеживалось увеличение регистрируемой дачи взятки: в 2014 году – АППГ +17,3 %, в 2015 году – АППГ +22,2 %, и также отмечалось снижение в 2016 году – АППГ -11,8 %.

Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, в Дальневосточном федеральном и Сибирском федеральном округах, а также в России в целом составило: в 2016 году – АППГ +12,6; в 2015 году – АППГ +9,5 %; в 2014 году – АППГ +40,2.

В республиках Бурятия и Хакасия в 2015 и 2016 годах происходило снижение коли-

чества зарегистрированных деяний, предусмотренных ст. 290 УК РФ. Однако в республиках Тыва, Саха (Якутия), Красноярском крае и Иркутской области с 2013 по 2016 год преобладал рост числа получения взяток. В Забайкальском крае с 2012 по 2016 год уровень преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, увеличивался, а в 2016 году наблюдалось его снижение на 68,7 %.

Впрочем, количество преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, в Российской Федерации за последние пять лет не превышает 7 тысяч. Рассматривая динамику получения взяток в Восточно-Сибирском регионе, следует отметить, что наивысшие показатели отмечаются в Забайкальском и Красноярском краях. В каждом из указанных субъектов ежегодно в среднем совершается около 150 преступлений. Низкие показатели регистрации преступлений по ст. 290 УК РФ наблюдаются в республиках Тыва и Саха (Якутия). В этих субъектах Российской Федерации ежегодно регистрируется не более 9 коррупционных преступлений, связанных с получением взятки.

Перейдем к рассмотрению динамики преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ – дача взятки.

Согласно статистическим показателям, в России рост деяний, предусмотренных ст. 291 УК РФ, прослеживается с 2015 года (АППГ +51,2 %); в 2016 году увеличение регистрируемой дачи взятки составило +21,9 %. Аналогичная картина сохраняется в Сибирском и Дальневосточном округах. Однако ситуация в отдельных субъектах Восточно-Сибирского региона не столь стабильна: одни характеризуются снижением, а другие – ростом деяний, предусмотренных ст. 291 УК РФ.

Устойчивая тенденция роста отмечается в Республике Бурятия: в 2014 году – АППГ +30 %; в 2015 году – АППГ +23 %; в 2016 году зарегистрировано на 12,5 % больше случаев дачи взятки, чем в 2015 году. Также увеличивается число регистрируемых деяний в Республике Саха (Якутия), где АППГ в 2016 году составил +46,6 %.

Показатели остальных субъектов Восточной Сибири выпячивают разнопланово. Снижение уровня дачи взятки зарегистрировано в 2014 году в Забайкальском крае (АППГ -37,2 %), в 2015 году в Республике Тыва (АППГ -40 %), а максимальное – в Иркутской области в 2015 году (АППГ +370 %) и в 2016 году (АППГ +143,2 %). Также

увеличился уровень регистрации дачи взятки в 2016 году в Забайкальском крае (АППГ +53,1 %).

Далее рассмотрим состояние преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ – посредничество во взяточничестве.

Несмотря на криминализацию в уголовном законодательстве России отдельного состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве, в мае 2011 года, в уголовно-правовой статистике показатели зарегистрированных деяний, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ, учитываются с 2013 года. Анализ состояния посредничества во взяточничестве как самостоятельного преступного деяния показывает, что в 2013 году данные факты выявлены правоохранительными органами в России в целом, СФО и ДФО, в отличие от отдельных субъектов Восточной Сибири – республик Бурятия, Тыва, Хакасия.

В 2015 году наблюдалось снижение уровня регистрации преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ, в России в целом (АППГ -24,8 %), в СФО (АППГ -46,3 %), а в ДФО, наоборот, отмечался рост посредничества во взяточничестве (АППГ +27,8 %).

В 2016 году происходило увеличение регистрируемых преступлений в России в целом (АППГ +37,1), в СФО (АППГ +91,8 %), в ДФО (АППГ +213 %).

Таким образом, наиболее высокий уровень регистрации посредничества во взяточничестве зарегистрирован в Забайкальском крае, Республике Бурятия, Иркутской области и Красноярском крае.

Проведенный статистический анализ позволяет сделать вывод о том, что регистрируемые показатели рассматриваемых преступлений то снижаются, то снова возрастают. При этом исследовались только зарегистрированные количественные показатели, которые нашли отражение в официальной статистике.

В настоящее время существует ряд научных исследований, которые посвящены вопросам латентности коррупции с использованием различных криминологических методик. Авторским коллективом проводился опрос среди сотрудников органов внутренних дел и населения, задействованного в разных сферах общественной жизни. Так, по мнению сотрудников органов внутренних дел, уровень латентности коррупционных преступлений

в Восточной Сибири варьируется от 60 до 90 %, при этом высокую коррупционную составляющую отметили 40 % из числа опрошенных. Следует отметить, что гражданскими лицами к наиболее коррупционно «запятнанным» и скомпрометированным отнесена сфера образования, суды, органы внутренних дел и таможня. Граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность в сфере услуг, отмечают высокий уровень коррупции на «бытовом уровне» среди сотрудников и работников контролирующих и надзирающих органов. Уровень коррупции в государственных органах оценивается как наиболее высокий. При этом 2/3 опрошенных считают менее всего коррумпированными Федеральную службу безопасности РФ и органы прокуратуры. Противоположного мнения придерживаются 20 % от числа респондентов. Весомый коррупционный уровень наблюдается в правительствах и администрациях регионов. При выяснении проблем распространения коррупции в структурах государственного аппарата существенное значение имеет рассмотрение интенсивности коррупционных проявлений. Изучение ответов респондентов среди населения позволяет оценить интенсивность получения и вымогательства взяток со стороны представителей государственных структур. Так, 10 % опрошенных отметили, что в течение последнего года однократно сталкивались с фактами открытого либо завуалированного вымогательства взяток со стороны представителей государственных структур, 11 % – 2–3 раза.

Не менее активно в коррупционных взаимоотношениях с представителями государственного аппарата ведут себя и граждане. Представителями государственного аппарата отмечалось (35 % респондентов), что за неделю им предлагают взятку от одного до трех раз. Естественно, что в течение месяца количество таких предложений существенно возрастает. В большинстве случаев гражданами движет желание скорейшего решения интересующих их вопросов, в том числе с исключением предусмотренных процедур и т. д. Таким образом, в коррупционных отношениях одинаково активны и граждане, и сотрудники государственного аппарата.

Результаты проведенного исследования показали, что в качестве предмета взятки в основном передаются денежные средства, предоставление различных услуг имущественного характера встречается значительно реже, и совсем невелико количество так на-

зываемых «подарков».

По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2012 году за преступления коррупционной направленности было осуждено 6 014 человек, из них за взяточничество – 5 426 [6].

Таким образом, из 5 426 человек, осужденных в 2012 году за взяточничество, 41,12 % привлечены к уголовной ответственности за получение, дачу либо посредничество во взяточничестве при размере незаконного вознаграждения от 1 тыс. до 10 тыс. руб., что свидетельствует о значительной доле выявления взяточничества на «бытовом уровне». Число осужденных за взятку в размере, превышающем 1 млн рублей, составляет всего 1,4 %.

Согласно статистическим данным, в 2013 году из 7 153 осужденных за взяточничество 3 198 человек привлечено к уголовной ответственности за взятку в размере от 1 тыс. до 10 тыс. руб., что составляет 44,7 %. За взятку свыше 1 млн руб. осуждено только 0,9 % человек.

В 2014 году данный показатель несколько снизился и составил 39,7 % из числа 6 468 осужденных, вместе с тем количество осужденных за взятку свыше 1 млн рублей также уменьшилось и составило 0,85 %.

В 2015 году за взяточничество в России осуждено 6 918 человек, из них 59,7 % – за получение, дачу либо посредничество во взяточничестве при размере незаконного вознаграждения от 1 тыс. до 10 тыс. руб., что указывает на значительную долю случаев выявления взяточничества на «бытовом уровне». Число осужденных за взятку в размере, превышающем 1 млн руб., составляет всего 1,7 %.

При этом анализ приведенных данных свидетельствует о назначении уголовного наказания по вступившему в силу приговору суда так называемой «низовой преступности коррупционной направленности», тогда как высокоорганизованная коррупция среди чиновников высших эшелонов власти все еще относится к преступности с высоким уровнем латентности.

В целях разграничения взяточничества, в том числе совершаемого в крупном и особо крупном размере, и сумм взяток, практически соразмерных с прожиточным минимумом в России, Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» криминализировал в

уголовном законодательстве России состав преступления, предусмотренный ст. 291.2 – мелкое взяточничество (получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей). Следовательно, и уголовно-правовая статистика приобретет новое, приближенное к реальности обличие, позволяющее разграничить преступления коррупционной направленности с наименьшей степенью опасности от высоко общественно опасных деяний.

Также в качестве положительной превентивной меры следует отметить, что законодатель в июле 2015 года расширил понятие должностного лица, дополнив его понятием лица, выполняющего организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных корпорациях, го-

сударственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам РФ или муниципальным образованиям, а также Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Думается, что внесенные изменения в Уголовный кодекс РФ позволят снизить уровень латентности рассматриваемого вида преступлений, предоставят возможность формирования объективного статистического отчета и значительно повысят эффективность раскрытия и расследования коррупционной преступности как в России в целом, так и в отдельных ее регионах.

Литература

1. Verisk Maplecroft. URL: <https://www.maplecroft.com/portfolio/new-analysis/global-corruption-ranking-which-countries-pose-highest-risk/>

2. Transparency International. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2016-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball>

3. Павловская Н. В. Коррупция в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

4. Плохов С. В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

5. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 01.04.2016 № 147. URL: <http://consultant.ru>

6. Статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=216>

7. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 797/11, МБД России от 13.12.2016 № 2. URL: <http://consultant.ru>

8. Характеристика географических показателей Восточной Сибири. URL: <https://geographyofrussia.com/vostochnaya-sibir-2/>

Bibliography

1. Verisk Maplecroft. URL: <https://www.maplecroft.com/portfolio/new-analysis/global-corruption-ranking-which-countries-pose-highest-risk/>

2. Transparency International. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2016-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball>

3. Pavlovskaya N. V. Corruption in the sphere of combating drug trafficking: criminological and criminal law aspects: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2013.

4. Plokhov S. V. Countering corruption crime in the social sphere: abstract of dis. ... PhD in Law. Saratov, 2013.

5. On the National anti-corruption plan for 2016–2017: Decree of the President of the Russian Federation from 01.04.2016 № 147. URL: <http://consultant.ru>

6. Statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=216>

7. About introduction in action of the lists of articles of the Criminal code of the Russian Federation, used when forming the statistical reporting: instruction of the Prosecutor General of Russia № 797/11, Ministry of internal Affairs of Russia 13.12.2016 № 2. URL: <http://consultant.ru>

8. Characteristics of geographical indicators in Eastern Siberia. URL: <https://geographyofrussia.com/vostochnaya-sibir-2/>

© 2017 г. Е. В. Безручко,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: Bezrutschko@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАНЕСЕНИЕ ПОБОЕВ

В статье рассматриваются вопросы установления уголовной ответственности за нанесение побоев в российском уголовном законодательстве. Автором проанализированы вопросы законодательной регламентации норм о нанесении побоев, а также вопросы правовой оценки побоев и признаков состава данного преступления.

Ключевые слова: побои, иные насильственные действия, преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, причинение вреда здоровью человека, уголовное законодательство.

E. V. Bezruchko – Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Phd in Law, Associate Professor.

THE ISSUE OF ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR BEATING

The article considers the issues of establishing criminal responsibility for the beating in the Russian criminal law. The author analyzes the issues of legislative regulation of the rules on beating, as well as the legal assessment of the beatings and of the elements of this crime.

Key words: beatings, other violent acts, crimes encroaching on safety of human health, harm to human health, the criminal law.

Общественная опасность побоев на первый взгляд является не столь высокой. Однако следует отметить, что такие менее опасные виды насильственных действий со временем приобретают весьма тяжелые криминальные формы, влекут безнаказанность и наступление более тяжелых последствий в виде причинения средней тяжести или тяжкого вреда здоровью человека либо даже смерти при систематичности и особой жестокости этих деяний. Полагаем, что с целью недопущения совершения более тяжелых насильственных преступлений с необратимыми последствиями следует акцентировать внимание на вопросах противодействия и профилактики нанесения побоев. Планомерному противодействию нанесению побоев препятствуют многократное реформирование уголовного законодательства, не согласованное с криминологической реальностью и обоснованностью криминализации таких деяний, неоднозначная, противоречивая практика применения данных норм, либеральная политика судов, провоцирующая дальнейшее совершение аналогичных деяний, влекущих наступление более тяжелых последствий, нежелание сотрудников органов внутренних дел реагировать на заявления граждан о нанесении побоев.

Между тем показатель личной безопасности человека и гражданина на территории

проживания свидетельствует о способности государства обеспечить безопасность его жизни, здоровья, телесной неприкосновенности, а также сохранить себя, свою территориальную целостность, суверенитет. Получается, что если сами граждане Российской Федерации чувствуют себя незащищенными от таких криминальных проявлений, считающихся нетяжелкими, то и существование самого государства ставится под угрозу в связи с нежеланием защищать его этими же гражданами в случае возникновения реальной опасности.

Уголовная политика Российской Федерации в последнее время характеризуется противоречивостью, неустойчивостью в принятии решений о криминализации или декриминализации деяний, сиюминутностью подхода к этому процессу в зависимости от обретших определенный резонанс тех или иных преступлений, широко освещаемых в средствах массовой информации. В течение года не проходит ажиотажа в связи с принятием уголовного закона об ответственности за нанесение побоев близким. Данный так называемый «закон о плепках» вызвал активные споры в юридической и неюридической общественности.

Статистика МВД России показывает, что от семейных побоев чаще страдают женщины, чем дети. Как сообщалось ТАСС в пресс-центре ведомства, в 2016 году после семей-

ных конфликтов пострадали около десяти тысяч женщин и почти пять тысяч детей.

В Федеральном законе от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» ст. 116 УК РФ была изложена в следующей редакции, которая имеет уже исторический характер: «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Данное деяние наказывалось, как и в действующей редакции указанной нормы, обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет. Норма о побоях (ст. 116 УК РФ) в редакции от 03.07.2016 содержала примечание, согласно которому под близкими лицами в данной статье понимались близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство.

Одновременно с этим Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 116.1 следующего содержания:

«Статья 116.1. Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию

Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 настоящего Кодекса, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, –

наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной

платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо арестом на срок до трех месяцев».

Стала складываться такая ситуация, когда за нанесение побоев близким родственникам субъекта преступления неминуемо следовало привлекать к уголовной ответственности, а за нанесение побоев чужому лицу – только в случае повторного совершения административного правонарушения. Например, в три часа ночи приходит домой сын со своим другом в состоянии сильного алкогольного опьянения, и оба начинают себя вести вызывающе, громко слушать музыку, на замечания отца реагировать грубо, дерзко, хамить ему. Отец пытается выпроводить из дома запоздавшего гостя, в результате чего возникает потасовка, обоюдная драка, связанная с нанесением побоев как собственному сыну, так и его другу. Получается, что за нанесение побоев сыну отец должен быть привлечен к уголовной ответственности, а за аналогичные действия в отношении постороннего человека – нет, только к административной.

Для противников введения положений о ювенальной юстиции, которые предоставят возможность изымать детей из так называемых «неблагополучных семей», когда ребенок мог пожаловаться в школу или в специализированном органе на то, что к нему было применено насилие или его поставили в угол и тем самым ограничили свободу, появление закона о шлепках стало знаковым событием, позволяющим надеяться, что в Российской Федерации будет последовательно проводиться политика по разрушению семей и изъятию детей в случаях, надуманных или реальных, но связанных с особенностями воспитания и традициями в российском обществе, когда «дать вовремя ремня» в исключительных случаях означает не нарушить права подростка, а по отечески, с любовью направить его по верному жизненному пути, чтобы несовершеннолетний осознал неправильность выбранного в настоящий момент способа поведения.

Президент РФ В. В. Путин подписал закон о декриминализации побоев в семье. Закон переводит побои в отношении близких родственников из разряда уголовных преступлений в административные правонарушения в случаях, когда такой проступок совершен

впервые. Так, Федеральным законом от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» ст. 116 УК РФ изложена в следующей редакции:

«Статья 116. Побой

Побой или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, –

наказываются...».

Стоит ли это считать победой здравого смысла над желанием безудержно реформировать уголовное законодательство в угоду сложившейся конъюнктуре, показывая при этом свою кипучую деятельность в рамках заседания соответствующих комитетов, сказать сложно. Полагаем, что вообще не следовало затевать установление административной преюдиции в отношении побоев в связи с невысокой степенью общественной опасности самих побоев, которые давно следует декриминализовать и перевести в ранг административного правонарушения. Представляется, что при решении таких вопросов необходимо обращаться к серьезному криминологическому анализу данных деяний, а не к возникшему в настоящий момент особому вниманию в средствах массовой информации пусть и к резонансным, но не влекущим немедленного реформирования уголовного законодательства происшествиям.

Распространенным в последнее время стало освещение в средствах массовой информации случаев нападения на медицинских работников и применения насилия в отношении них. Вопиющим следует назвать случай, произошедший 11 февраля 2017 года, когда фельдшер скорой медицинской помощи прибыла в квартиру дома в городе Саратове в связи с поступившим сообщением о высоком артериальном давлении у 41-летнего жителя областного центра. Кроме указанного мужчины в жилом помещении находились четверо его знакомых. После того как медицинский работник вошла в квартиру, 44-летний хозяин жилища закрыл за ней дверь, пояснив при этом, что из квартиры ее не выпустит. Испугавшись, фельдшер зашла в ванную комнату, откуда смогла сообщить о произошедшем дис-

петчеру скорой медицинской помощи, которая передала данные сведения в правоохранительные органы. В связи с тем, что находившиеся в квартире мужчины стали угрожать медицинскому работнику применением насилия, женщина вышла из ванной комнаты. Тогда двое из присутствующих начали осуществлять действия, направленные, по мнению фельдшера, на ее изнасилование, а также высказывать соответствующие намерения. Возбуждено уголовное дело по статьям «Незаконное лишение свободы» и «Покушение на изнасилование» [1].

Сразу же возникли предложения о том, чтобы приравнять медицинских работников к сотрудникам правоохранительных органов при посягательстве на их жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность. Нисколько не умаляя значимости и важности уголовно-правовой охраны жизни и здоровья медицинских работников, полагаем, что все же не следует их сравнивать с сотрудниками правоохранительных органов. Считаем достаточным внести в нормы о причинении вреда здоровью человека квалифицирующие или особо квалифицирующие признаки, позволяющие показать более высокую степень общественной опасности таких деяний в отношении лиц, оказывающих медицинскую помощь.

Между тем ученые в области уголовного права до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, что выступает в качестве непосредственного объекта уголовно-правовой охраны побоев: телесная неприкосновенность или здоровье человека. Более того, многие авторы считают объектом побоев здоровье человека в связи с расположением данной статьи в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья».

В соответствии с п. 23 Правил судебно-медицинского определения тяжести телесных повреждений 1978 года побои не являлись видом телесных повреждений и характеризовались многократным нанесением ударов. Если же после нанесения побоев остались повреждения на теле потерпевшего, их определяли по степени тяжести наступивших последствий. В Правилах судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 года содержалось понятие побоев, которые выступали в качестве отдельного вида телесных повреждений и характеризовались многократным нанесением ударов. Однако в результате нанесения побоев могли возникать телесные повреждения. Но следует указать, что и многократное или однократное нанесение ударов

могло и не оставить никаких подтверждаемых повреждений. Согласно п. 9 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, 2008 года «поверхностные повреждения, в том числе: ссадины, кровоподтеки, ушибы мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью человека» [2]. В государственно-правовой (конституционной) теории под телесной (физической) неприкосновенностью понимается право лица на неприкосновенность его здоровья от каких-либо посягательств.

Обеспечение права человека на безопасность здоровья является приоритетным направлением реализации уголовной политики Российской Федерации [3, с. 3]. Здоровье человека как определенное физиологическое состояние организма признается важнейшим социальным благом и охраняется государством [4, с. 92].

При определении объекта преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, возникает сложность его оценки в связи с тем, что, с одной стороны, в диспозиции ч. 1 ст. 116 УК РФ содержится указание на отсутствие последствий, предусмотренных в ст. 115 УК РФ, то есть не должен быть причинен легкий вред здоровью человека и, соответственно, иные его виды (средней тяжести или тяжкий вред здоровью), а с другой стороны, месторасположение побоев в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» исключает иное толкование при определении объекта уголовно-правовой охраны при совершении этих деяний.

В юридической литературе имеется точка зрения, согласно которой именно здоровье человека выступает объектом побоев, так как, претерпев побои, хотя и не связанные с конкретным причинением вреда здоровью человека, потерпевший все же «не будет являться здоровым в полной мере». Но понятие полной меры отсутствует в уголовном законодательстве, и при правовой оценке насильственных преступлений определяющим документом, влияющим на квалификацию деяния, является заключение судебно-медицинской экспертизы о наличии или отсутствии признаков вреда, причиненного здоровью человека в результате совершения преступления.

Мы полагаем, что объектом побоев является телесная неприкосновенность, так как в случае причинения конкретного вреда здоровью человека наступление последствий в виде ущерба здоровью прямо упоминается в ст. 115, 112 и 111 УК РФ, тогда как в ст. 116 УК РФ имеется конкретное указание законодателя на отсутствие последствий в виде причинения вреда здоровью человека при нанесении побоев.

В Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, 2007 года из понятия вреда здоровью исключены телесные повреждения, заболевания, патологические состояния. Данный нормативный правовой акт содержит указание на нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека. До принятия Уголовного кодекса 1996 года в законодательстве говорилось о телесных повреждениях, в настоящее время используется понятие «вред здоровью», раскрываемое в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, 2007 года и в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, 2008 года.

Побои в юридической литературе вполне справедливо относят к различным формам проявления насилия. В теории уголовного права принято разделять насилие на опасное и не опасное для жизни или здоровья. Насилием, не опасным для жизни или здоровья, являются побои (ст. 116 УК РФ) и все другие насильственные действия, причинившие физическую боль. В ряде составов преступлений насилие, не опасное для жизни или здоровья, представлено в виде обстоятельства, квалифицирующего преступление. К таким деяниям относятся грабеж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) и другие преступления (п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 221 УК РФ, п. «г» ч. 3 ст. 226 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 229 УК РФ, ч. 3 ст. 296 УК РФ, ч. 3 ст. 309 УК РФ, ч. 1 ст. 318 УК РФ, ч. 1 ст. 321 УК РФ). В законе под термином «насилие» подразумевается только физическое насилие. Психическое насилие, то есть ответственность за угрозу его применения наказуемо в случаях, специально указанных в диспозициях уголовно-правовых норм [5, с. 39].

Отнесение всех видов причинения вреда здоровью к преступлениям с материальным составом не вызывает сомнений, однако аналогичное решение вопроса применительно к нанесению ударов, побоев имеет неоднознач-

ную оценку в юридической литературе. Установление данных последствий вызывает практические затруднения, но, как правило, удары, побои оставляют после себя гематомы, ссадины, кровоподтеки.

Возникают также сложности при правовой оценке побоев относительно трактовки понятия иных насильственных действий, причинивших физическую боль. В юридической литературе под таковыми понимают щипание, сечение, длительное лишение пищи, воды, тепла, причинение множественных повреждений тупыми или острыми предметами, прижигание отдельных частей тела, их защемление, блокирование дыхания, связывание, выкручивание рук, воздействие термическими, биологическими или природными факторами, оставление (помещение) потерпевшего во вредных для него условиях, использование электрического тока, воздействие на потерпевшего при помощи животных, птиц, насекомых, физическое принуждение, связанное с ограничением свободы человека, и другие насильственные действия, причинившие физическую боль, перечень которых конкретно в законе не определен, что, безусловно, является негативным фактором, влекущим неоднозначность правовой оценки рассматриваемых деяний. Однако мы полагаем, что не все указанные признаки следует отнести к иным насильственным действиям, причинившим физическую боль, применительно к ст. 116 УК РФ. Такие действия, как длительное лишение пищи, воды, тепла, оставление или по-

мещение потерпевшего во вредных для него условиях, по нашему мнению, следует отнести к истязаниям.

Субъективная сторона побоев выражается умышленной формой вины в виде прямого умысла. Как правило, лицо стремится причинить только физическую боль потерпевшему, не желая наступления более тяжких последствий в виде причинения вреда здоровью какой-либо тяжести.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, является наличие хулиганского мотива или мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Довольно часто побои совершаются в состоянии алкогольного опьянения.

Уголовная ответственность за побои (ст. 116 УК РФ) установлена с 16 лет. Побои, как правило, причиняются подростками во время драки, являются средством самоутверждения среди несовершеннолетних, которые в полной мере не осознают общественную опасность своих деяний.

Однако в связи со значительной общественной опасностью этих действий, проявляемой в них жестокостью и с учетом того, что они не носят спонтанного характера, а являются умышленными, представляется целесообразным установить ответственность за их совершение с 14 лет.

Литература

1. URL: <http://www.interfax.ru/russia/549554>
2. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: зарег. в Минюсте России 13.08.2008 № 12118: приказ Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 № 194н (с изм. от 21.03.2011) // Рос. газ. 2008. 5 сент.
3. Безручко Е. В. Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации: моногр. М., 2014.
4. Безручко Е. В. Юридическое определение понятия «здоровье» // Философия права. 2009. № 3.
5. Безручко Е. В. Угроза применения насилия или психическое насилие: какой термин предпочтительнее? // Юрист-Правоведъ. 2015. № 1.

Bibliography

1. URL: <http://www.interfax.ru/russia/549554>
2. About the statement of Medical criteria of determination of severity of harm caused to human health: registered in the Ministry of justice of Russia 13.08.2008 № 12118: the order of the health Ministry of Russia from 24.04.2008 № 194n (rev. from 21.03.2011) // Russian newspaper. 2008. September 5.
3. Bezruchko E. V. Criminal-legal means of ensuring the security of human health in the Russian Federation: monograph. Moscow, 2014.
4. Bezruchko E. V. The Legal definition of «health» // Philosophy of Law. 2009. № 3.
5. Bezruchko E. V. The threat of violence or psychological violence: which term is preferable? // Yurist-Pravoved. 2015. № 1.

© 2017 г. Р. Г. Непранов,

начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: Donvine@mail.ru

Н. В. Петрашева,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: Petra_Nata79@mail.ru

НАЗАД В БУДУЩЕЕ ИЛИ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 20 ЛЕТ СПУСТЯ

В статье на основе анализа современного Уголовного кодекса Российской Федерации проводится исследование ряда криминализированных уголовно-правовых норм, которые по своему содержанию идентичны декриминализированным нормам, ранее существовавшим в российском уголовном законодательстве. Авторы приходят к выводу о целесообразности определения с позиции права понятия «несообщение о преступлении».

Ключевые слова: криминализация, конфискация имущества, контрабанда, соучастие в преступлении, недонесение, неоднократность, прикосновенность к преступлению.

R. G. Nepranov – Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

N. V. Petrasheva – Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

BACK TO THE FUTURE OR THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, 20 YEARS LATER

The article is based on an analysis of the current Criminal Code criminalized the analysis of a number of criminal law, which are identical in content decriminalized rules previously existing in the Russian criminal law. Based on these data the authors make a proposal, that it is important to write a term «failure to report» in the law.

Key words: criminalization, confiscation of property, smuggling, complicity in a crime, failure to report, repeatedly, the implication in the crime.

Радикальные изменения, произошедшие в нашей стране, связанные, прежде всего, с перестройкой «по Горбачеву», послужили основанием для преобразования прежнего уголовного законодательства, действовавшего на протяжении 35 лет. С переходом государства на рельсы рыночной экономики, возникновением конкуренции, выходом на внешнеэкономическую торговлю изменился экономический строй страны. Появление многочисленных партий, различных общественных объединений, провозглашение Конституцией РФ прав и свобод человека высшей ценностью повлияли на смену политического строя государства, обусловили необходимость принятия в 1996 году нового Уголовного кодекса РФ.

Тысячелетия человеческой истории показали, что преступность так же естественна, как болезни и смерть [1, с. 21], что она – нормальное явление, поскольку общество без пре-

ступности совершенно невозможно [4, с. 39]. При этом задача государства – удерживать уровень преступности таким образом, чтобы она не захлестнула общество целиком. Сегодня эта задача носит сложный характер, так как в условиях глобальной урбанизации происходит ослабление действия принятых норм поведения в обществе, регулирующих быт и жизнедеятельность людей, наблюдается низкий уровень культуры, утрата семейных ценностей, рост безработицы, вызванный в том числе и экономическими санкциями, что порождает волну насилия. Как следствие – изменение качественных и количественных характеристик преступного поведения, образование новых форм общественно опасных посягательств, не всегда подпадающих под действие уголовного закона. При таких условиях деятельность государства в лице правоохранительных органов по пре-

дупреждению и пресечению преступлений носит номинальный характер, потому что уголовный закон не может воздействовать на регулируемую среду, представленную криминогенными трансформированными общественно опасными посягательствами. В этом случае целесообразно принятие новых уголовно-правовых норм и совершенствование уже имеющихся. Действительно, уголовное право, являющееся одной из постоянно развивающихся отраслей права, требует к себе пристального внимания [11, с. 92]. В этой связи исследование складывающихся тенденций уголовного законодательства даст возможность проанализировать и обобщить правовые явления, которые направлены на обеспечение достижения социальных и правовых целей, закрепленных в стратегии развития, выявить ресурс нынешних возможностей и перспектив его нового состояния, то есть планировать и осуществлять меры по модернизации самого права, стремиться сделать его максимально восприимчивым к современным реалиям.

2016 год для действующего Уголовного кодекса РФ юбилейный*. По нашим подсчетам, за период существования данного Уголовного кодекса в него вносились поправки более чем 193 федеральными законами. А. И. Бойко отмечает, что за 15 с половиной лет в него были внесены 1 015 поправок, добавлены 45 новых статей (12 % от общего числа первоначальных статей), полностью переделаны 77 статей, а некоторые изменения вносились по семь раз (№ 171, 205, 228, 234, 326) [3, с. 21]. Такое количество изменений привело к нарушению одного из важнейших принципов построения закона – принципа системности, выразившегося в необоснованных повторах, необдуманных новеллах и преждевременных упразднениях уголовно-правовых статей.

Почему назад в будущее? Как следует из названия нашей статьи, в Уголовном кодексе

РФ прослеживается тенденция к тому, что так называемые «новеллы» представляют собой положения, фактически уже существовавшие в нем. Приведем некоторые примеры.

1. Действующий Уголовный кодекс РФ в своей первоначальной редакции предусматривал три формы множественности преступлений – неоднократность (ст. 16), совокупность (ст. 17) и рецидив (ст. 18). Они находили отражение и в соответствующих квалифицирующих признаках Особенной части Уголовного кодекса РФ, которые были указаны в ряде статей, – «совершенное неоднократно», «совершенное лицом, ранее судимым за...» и т. д.

Под неоднократностью преступлений принято было понимать совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи Уголовного кодекса. Совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса, могло признаваться неоднократным в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса. Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ст. 16 была упразднена. Среди прочих аргументов в пользу отмены данной формы множественности отмечалось значительное пересечение неоднократности с совокупностью и рецидивом. Также подчеркивалось, что квалифицирующий признак неоднократности зачастую нарушал принцип справедливости, в частности, если один преступник совершил 10 краж, а второй – 50, то после пятой кражи их уровень ответственности отождествлялся (С. Ф. Милуков, 2016). Однако, соглашаясь с мнением Н. Г. Кадникова и опираясь на собственные исследования, можно говорить о том, что время доказало поспешность принятого решения об исключении ст. 16 из УК РФ [5, с. 125]. Анализ некоторых новелл Уголовного кодекса показы-

* Это обстоятельство послужило поводом для проведения Международной научно-практической конференции «20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: *delege lata et delege ferenda*» (23–24 июня 2016 года, г. Ярославль). Организаторами конференции выступили Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Правительство Ярославской области, Общественная палата Ярославской области и Ярославское региональное отделение Ассоциации юристов России. В конференции, равно как и в сборнике, приняли участие известные отечественные и зарубежные ученые, специализирующиеся на исследовании проблем борьбы с преступностью, а также опытные правоприменители (судьи, прокуроры, следователи, адвокаты) из Ярославской области и других регионов России. В представленных материалах в центре внимания – действующий Уголовный кодекс РФ, отметивший свое 20-летие, вопросы его совершенствования (*delege ferenda*) и различные аспекты применения (*delege lata*).

вает, что при криминализации деяний законодатель часто использует термин «неоднократность», и сегодня он содержится в следующих составах: 1. Ст. 151¹ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции». 2. Ст. 154 «Незаконное усыновление (удочерение)». 3. Ст. 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». 4. Ст. 212¹ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования». 5. Ст. 215⁴ «Незаконное проникновение на охраняемый объект». 6. Ст. 314¹ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений». Сюда же следует отнести и, например, ст. 158¹. В тексте указанной статьи не содержится термина «неоднократность», но смысловое содержание диспозиции данной уголовно-правовой нормы и иных норм, предусматривающих уголовную преюдицию, полностью соответствует определению неоднократности.

Как показывают приведенные положения современного Уголовного кодекса, термин «неоднократность» законодателем воспринимается в двух основных значениях: признак объективной стороны преступления, свидетельствующий о количестве раз совершенного общественно опасного деяния (ст. 154, 180 УК РФ), и административная преюдиция, которая предполагает, что основанием уголовной ответственности за конкретный состав преступления является факт привлечения лица к административной ответственности за ранее совершенное правонарушение (ст. 151¹, 212¹, 215⁴, 314¹, 158¹ УК РФ).

Кроме того, в последние годы предпринима попытка вернуть в Уголовный кодекс еще одну ранее отвергнутую уголовно-правовую категорию. При формировании квалифицирующих признаков преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности использована следующая конструкция: «деяние, предусмотренное... настоящей статьи, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. По сути, законодатель в данном случае указывает на рецидив как квалифицирующий признак. А если обратиться к истории уголовно-правовой доктрины, то уме-

стным будет вспомнить, что рецидив перестал влиять на квалификацию с 8 декабря 2003 года.

Таким образом, если и создавать новое, то делать это надо грамотно, с учетом признака системности с целью исключения разночтения закона и с обязательным закреплением понятия неоднократности в статьях Общей части Уголовного кодекса РФ.

2. Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» из действующего УК РФ была исключена ст. 52, предусматривающая наказание в виде конфискации имущества. Однако, осознав необоснованность такого решения, законодатель вернул конфискацию. Федеральным законом от 27 июля 2006 года Уголовный кодекс РФ был дополнен новой главой – 15.1 «Конфискация имущества» в разделе VI, получившем название «Иные меры уголовно-правового характера». Правильнее было бы сказать: не вернул, а смопенничал... Конфискация законом предусмотрена? Да. А по факту – возвращено название, а не суть...

3. На основании Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» из Уголовного кодекса РФ путем декриминализации исключено одно из древнейших преступлений – контрабанда, ранее предусмотренная ст. 188 УК РФ. При этом, как свидетельствует дальнейшая правотворческая деятельность, декриминализация оказалась частичной. Этот же закон вводит ответственность за контрабанду наркотических средств в ст. 229¹, ст. 226¹ – контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых веществ... (причем федеральными законами от 2 июля 2013 года № 150-ФЗ, от 23 июля 2013 года № 245-ФЗ вносятся поправки в данную статью, а постановлением Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 года № 22-П она частично признается несоответствующей Конституции РФ).

Федеральным законом от 28 июня 2013 года № 134-ФЗ введена ответственность за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов – ст. 200¹; не стала исключением также сфера производства и оборота алкогольной продукции. Это привело к тому, что Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 530-ФЗ в Уголовный кодекс РФ была введена новая статья – 200² «Контрабан-

да алкогольной продукции и (или) табачных изделий». В соответствии с ч. 1 данной статьи под контрабандой алкогольной продукции и (или) табачных изделий следует понимать их незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в крупном размере [14, с. 27].

Изложенное позволяет отметить тот факт, что правотворчество в области контрабанды было необдуманным, поспешным решением, что привело к возвращению в прошлое, но уже точечным путем, по мере возникновения проблем, сопряженных с незаконным перемещением через границу тех или иных предметов. Взамен исключенной общей нормы о контрабанде законодатель сконструировал специальные нормы, разместив их соответственно в главах 22, 24 и 25 Уголовного кодекса РФ, скорректировав тем самым взгляд на объект преступного посягательства [10, с. 103].

Наличие специальной нормы – ст. 194 УК РФ – нами признается недостаточным для целей борьбы с так называемой «товарной контрабандой». Неналоговая контрабанда сегодня – это крупномасштабное явление, представляющее существенную общественную опасность для экономики страны. Поддержку данному тезису мы находим и на страницах научных публикаций: «декриминализация товарной контрабанды была весьма своевременной, так как нарушение экономических правил в обществе с рыночной экономикой должно в большей степени регулироваться нормами налогового, таможенного и иных отраслей законодательства» [5, с. 126]. Чем руководствовался законодатель? Хотелось бы от него самого получить на этот счет какие-то разъяснения, потому что логического объяснения не находят ни теории, ни практики.

4. В июле 2016 года в Уголовном кодексе РФ появилась статья 205⁶, предусматривающая ответственность за несообщение о преступлении [13]. До этого времени действующий Уголовный кодекс РФ подобной нормы не содержал, однако ранее в ст. 190 УК РСФСР 1960 года была установлена уголовная ответственность за недонесение о преступлениях [12]. В одном из учебников по уголовному праву недонесительство определено как несообщение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении.

В научных кругах вопрос о целесообразности возврата нормы, предусматривающей ответственность за недонесение о готовящемся преступлении весьма противоречив. Так,

например, Р. В. Минин еще до внесенных в Уголовный кодекс РФ соответствующих изменений отмечал, что в Конституции РФ, так же как и в УК РФ, не закреплено нормы, которой статья о несообщении может противоречить. «Такой нормы просто нет ни в Конституции, ни в Уголовном кодексе, ни в иных нормативных правовых актах» [9, с. 66; 2, с. 199]. Л. Ю. Ларина после закрепления соответствующей нормы в Уголовный кодекс РФ заняла нейтральную позицию, отметив, что «решение законодателя о введении рассматриваемой нормы вполне объяснимо сложной ситуацией на международном уровне в сфере борьбы с терроризмом» [8, с. 64]. Г. С. Курбанов пишет, что в ст. 307 Особенной части Уголовного кодекса Азербайджанской Республики 2000 года предусматривается ответственность за недонесение об известных готовящихся или совершенных тяжких или особо тяжких преступлениях (ст. 307.1). При этом он приходит к выводу о том, что состав недонесительства должен быть декриминализован на том основании, что, в частности, недонесение как бы поглощается другим более опасным действием – укрывательством преступления [7, с. 26–30]. Анализируя позицию Г. С. Курбанова, следует указать, что норма об ответственности за недонесение в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики, так же как и норма о несообщении в Уголовном кодексе РФ, содержится в Особенной части, предусматривающей составы конкретных преступлений. По мнению профессора С. Ф. Милокова, норма об ответственности о недонесении должна быть расположена в Общей части Уголовного кодекса РФ, для того чтобы системность УК не была нарушена (С. Ф. Милоков, 2016). Разделяя эту позицию, отметим, что внесение изменений в Уголовный кодекс РФ должно осуществляться с учетом того, чтобы вновь принятые нормы не вносили дисбаланс в уже существующие уголовно-правовые институты. Представляя собой одну из форм прикосновенности к преступлению, недонесение пересекается с институтом соучастия в преступлении. Например, заранее обещанное несообщение можно рассматривать как пособничество совершению преступления, выраженное в молчаливом одобрении, подталкивающем человека к совершению преступления, формирующем в нем уверенность в правильности выбранного поведения, или, напротив, заранее не обещанное несообщение будет выступать формой прикосновенности к преступле-

нию. Чтобы избежать квалификационных ошибок, целесообразно дать законодательную формулировку термина «несообщение», что позволит разграничивать деятельность, связанную с совершением преступления, и деятельность, содействующую совершению преступления.

Проведенный анализ новых – старых норм Уголовного кодекса РФ позволяет сделать вывод о том, что в нашем уголовном законодательстве существует много проблем, нуждающихся в осмыслении и скорейшем грамот-

ном, обоснованном решении, основанном на соблюдении Конституции РФ. В этой связи следует заметить, что не утратили актуальности пожелания ученых видеть Уголовный кодекс маленьким, но жестким, поскольку по-прежнему действующий уголовный закон страдает криминализационной избыточностью [6, с. 10]. Более того, С. Ф. Милуков отметил, что за 20 лет Уголовный кодекс «расползлся», а полнота не всегда признак здоровья... (С. Ф. Милуков, 2016).

Литература

1. Антонян Ю. М. Общая концепция предупреждения преступности // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82).
2. Беницкий А. С. Субъект несообщения о преступлении // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2015. № 2 (21).
3. Бойко А. И. Предусловия систематизации уголовного законодательства // Библиотека криминалиста. Науч. журн. 2013. № 1 (6).
4. Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности: сб. ст. / под ред. Б. С. Никифорова. М., 1966.
5. Кадников Н. Г. 20 лет со дня принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года: подводим итоги // Вестн. экономической безопасности. 2016. № 2.
6. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика: проблема обоснованности запретов в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. Саратов, 2002.
7. Курбанов Г. С. Вопросы совершенствования законодательства Азербайджана о недоносительстве и укрывательстве преступлений // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4 (21).
8. Ларина Л. Ю. Проблемы уголовной ответственности за несообщение о преступлении // Человеческий капитал. 2016. № 10 (94).
9. Минин Р. В. Уголовная ответственность за несообщение о террористической деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35).
10. Огородникова Н. В. Криминализация и декриминализация в посткодификационный период (краткий обзор новелл в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года) // Уч. тр. Рос. акад. адвокатуры и нотариата. 2012. № 1 (24).

Bibliography

1. Antonian Yu. M. The general concept of crime prevention // Man: crime and punishment. 2013. № 3 (82).
2. Benitsky A. S. The subject of failure to report a crime // Bulletin of Voronezh State University. Ser.: Right. 2015. № 2 (21).
3. Boyko A. I. Preconditions systematization of criminal law // Library criminologist. Science Magazine. 2013. № 1 (6).
4. Durkheim E. Health and disease. Sociology of Crime: collection of articles / ed. by B. S. Nikiforov. Moscow, 1966.
5. Kadnikov N. G. 20 years since the adoption of the Criminal Code 1996: summarize // Bulletin of economic security. 2016. № 2.
6. Korobeev A. I. Criminal legal policy: the problem of the validity of the prohibitions in the Criminal Code of the Russian Federation in 1996 // Subject of criminal law and its role in the criminal legislation of the Russian Federation. Saratov, 2002.
7. Kurbanov G. S. About the improvement of the Azerbaijani legislation on non-information and concealment of crimes // Monitoring of enforcement. 2016. № 4 (21).
8. Larina L. Y. Problems of the criminal liability for failure to report a crime // Human Capital. 2016. № 10 (94).
9. Minin R. V. Criminal liability for failure to report terrorist activity // Jurisprudence and law enforcement practice. 2016. № 1 (35).
10. Ogorodnikova N. V. Criminalization and Decriminalization in postkodifikatsionny period (an overview of the stories in the Criminal Code of 1996) // Scientific works of the Russian Academy of lawyers and notaries. 2012. № 1 (24).
11. Petrasheva N. V. A person who commits a crime as an object of criminal law research // Science and Education: Agriculture and economics; entrepreneurship; law and governance. 2015. № 10 (65).

11. Петрашева Н. В. Лицо, совершившее преступление, как объект уголовно-правового исследования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 10 (65).

12. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года: утратил силу 1 янв. 1997 г. URL: <http://consultant.ru>

13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федер. закон Рос. Федерации от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 11.07.2016 № 28. Ст. 4559.

14. Шайдулина Э. Д. Контрабанда алкогольной продукции (ст. 200.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 1 (23).

12. The Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960: lost force on 1 January 1997. URL: <http://consultant.ru>

13. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to establish additional measures to counter terrorism and ensure public safety: Federal Law of the Russian Federation of July 6, 2016 № 375-FL // Collection of legislation of the Russian Federation. 11.07.2016. № 28. Art. 4559.

14. Shaydulina E. D. The smuggling of alcoholic beverages (art. 200.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): Criminally-legal characteristic and qualification questions // Bulletin of Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry. 2016. № 1 (23).

© 2017 г. Т. А. Плаксина,

профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент.

E-mail: plaksinata@yandex.ru

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФОРМАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

В статье показано многообразие научных взглядов по вопросу о возможности отнесения Конституции Российской Федерации к числу формальных источников уголовного права и обозначены его причины, лежащие в плоскости различного понимания источников права в целом. В результате анализа высказанных в теории конституционного права суждений о предмете данной отрасли права сделан вывод о двойственной природе ряда конституционных положений, их принадлежности и к конституционному, и к уголовному праву. С учетом этого обосновывается включение Конституции РФ в систему формальных (юридических) источников уголовного права.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, форма права, формальный источник права, источник уголовного права, предмет правового регулирования, предмет конституционного права, предмет уголовного права.

T. A. Plaksina – Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FORMAL SOURCE OF RUSSIAN CRIMINAL LAW: CONTROVERSIAL QUESTIONS

The article deals the diversity of scientific views on the question of the fitness of the Constitution of the Russian Federation among the formal sources of criminal law and shows its causes, lying in the plane of the sources of law in General. As a result of the analysis expressed in the theory of constitutional law judgments on the subject of this branch of law the author has made the conclusion about the dual nature of a number of constitutional provisions, their membership and constitutional and criminal law. With this in mind, it justifies the inclusion of the Constitution in the system of formal (legal) sources of criminal law.

Key words: the Constitution of the Russian Federation, form of law, formal source of law, source of criminal law, subject of legal regulation, subject of constitutional law, subject of criminal law.

Особое место Конституции Российской Федерации в национальной правовой системе предопределяет возникновение и рассмотрение в рамках отраслевых юридических наук вопросов о возможности и обоснованности отнесения Основного закона к числу источников той или иной отрасли права, помимо, разумеется, собственно конституционного права. Не является исключением в этом плане и уголовно-правовая наука, представители которой в последние два десятилетия активно обсуждают проблемы источников уголовного права. Долгие годы казавшийся многим ученым незыблемым постулат о том, что единственным источником уголовного права как отрасли является уголовный закон, имеющий форму кодифицированного акта, то есть уголовный кодекс в постсоветский период в условиях новой социальной (в том числе и правовой) реальности подвергся ре-

визии, вследствие которой рядом специалистов было сформулировано иное – гораздо более широкое – понимание источников этой отрасли [1; 2; 3; 4]. Однако появление научных работ, отражающих новые взгляды на источники уголовного права, показало и неоднозначность подходов к решению частных вопросов, касающихся отдельных актов, включая Конституцию РФ.

Обращение к исследованию источников любой отрасли права предполагает обязательное уточнение самого понятия источника права. В общей теории права давно сложилась многоаспектная интерпретация этого термина. Так, С. В. Бошно упоминает о четырех смыслах выражения «источник права» (источник познания права; основа права; источник содержания права, то есть материальные условия жизни общества; форма и способы образования и выражения той или иной

нормы) [5, с. 20-21]. Ф. М. Гаджинова отмечает, что многозначность понятия «источник права» объективно детерминирована полисемией слов «источник» и «право», в связи с чем «достижение однозначности указанного термина без использования дополнительных языковых средств неосуществимо» [6, с. 9]. Споры вызывает и соотношение понятий «источник права» и «форма права» [5, с. 19–20]. В то же время в юридической науке практически общепризнанным является обособление формальных (юридических) источников права («источников права для правопользователей» [6, с. 9]) от материальных («источников права для правотворцев» [6, с. 8]): последние связаны с генезисом права и представляют собой социальные (в широком смысле) факторы, детерминирующие процесс правообразования и его результат; под первыми же обычно понимаются формы, способы внешнего выражения норм права, придающие им свойство общеобязательности [7, с. 112; 6, с. 8–9; 8, с. 9; 2, с. 10].

Особый статус Конституции РФ в системе национального права, наделение последней высшей юридической силой и закрепление в ней положения о том, что законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить ей (ч. 1 ст. 15); воздействие Конституции РФ на общественные отношения через ее юридическое и неюридическое (политическое, нравственное и др.) содержание предпрешают безусловное отнесение ее к числу материальных источников конкретных отраслей права, в том числе и уголовного права*. В ч. 2 ст. 1 УК РФ прямо указано, что Уголовный кодекс РФ основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права, а в проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации в качестве одного из направлений данной политики предусмотрено обеспечение ее соответствия Конституции РФ, что, по мнению авторов проекта, требует, в числе прочего, осуществления постоянного мониторинга положений уголовного законодательства Российской Федерации и сложившейся практики его применения на предмет соответствия Консти-

туции РФ, оперативной корректировки уголовного законодательства и практики его применения в соответствии с конституционным смыслом уголовно-правовой политики, разработки методики и внедрения в практику конституционно-правовой экспертизы законопроектов о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ [10]. Более того, в проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации подчеркивается, что правовой характер уголовного законодательства и результатов его применения не может оцениваться в отрыве от общих начал уголовно-правового регулирования, общих принципов российского права, конституционно-правовых основ взаимоотношения личности и государства [10]. Однако бесспорная генетическая связь норм уголовного права с Конституцией РФ и признание последней материальным источником данной отрасли права («источником права для правотворцев») сами по себе не дают достаточных оснований для включения Конституции РФ и в систему формальных (юридических) источников отрасли («источников права для правопользователей»), то есть таких источников, которые содержат нормы уголовного права.

В научной литературе вопрос о том, является ли Конституция РФ формальным источником уголовного права, решается неоднозначно. Одни исследователи (Ю. И. Ляпунов [11, с. 67], Т. В. Кленова [12, с. 22], А. В. Шеслер [13, с. 75] и пр.) по-прежнему считают единственным источником уголовного права уголовный закон, поскольку только им согласно ч. 1 ст. 3 УК РФ устанавливается преступность и наказуемость общественно опасных деяний, а также иные уголовно-правовые последствия, которые могут наступить в случае их совершения. При таком подходе Конституция РФ как формальный источник уголовного права не рассматривается. Другие специалисты (Ю. Е. Пудовочкин [14, с. 64–66], К. В. Ображиев [1, с. 26–28], В. П. Коняхин [15, с. 76–88], Д. В. Кайсин [16, с. 9, 17] и пр.) относят Конституцию РФ к числу юридических источников уголовного права, высказывая, однако, при этом не всегда совпадающие мнения о том, какие именно конституцион-

* Исключением является, пожалуй, лишь позиция С. А. Антипова, который не признает Конституцию РФ материальным источником уголовного права, уточняя, что «уголовно-правовые нормы возникают не на основе Конституции РФ, а в силу других причин, которые рассматривались в научной литературе как основания норм уголовного права или как основания (критерии) криминализации» [9, с. 201].

ные предписания с содержательной стороны представляют собой уголовно-правовые нормы. Наконец, существует и третья позиция, в рамках которой Конституция РФ признается формальным источником уголовного права, но с определенными оговорками (О. Н. Бибик [2, с. 21, 91–97]). Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что различие в подходах к решению рассматриваемого вопроса усугубляется различиями в аргументах даже в рамках одного и того же подхода.

Существенной причиной сложившегося многообразия научных взглядов и их аргументации является неодинаковое понимание того, что может выступать в качестве формального источника отрасли права вообще и уголовного права в частности. Ю. Е. Пудовочкин, обращаясь к проблеме формальных источников уголовного права, справедливо отмечает, что теоретические построения, «основанные на том либо ином понимании самого феномена источника права, будут существенно различаться» [3, с. 315–316]. Так, в последние годы в юридической науке получили распространение суждения о том, что источники права не исчерпываются формами выражения волеи нормативной государственной воли [17, с. 11; 3, с. 315; 2, с. 18–20], и что источниками следует признавать «любые формы фиксации правовых норм, из которых участники правоотношений на практике реально черпают обязательные для них правила поведения, представления о правомерном и неправомерном, а правоприменители – основу для выносимых ими решений» [17, с. 16].

Другой момент, определяющий различия в понимании того, что следует относить к формальным источникам права (в том числе и уголовного), связан с содержательной неоднородностью самого нормативного материала. Поддерживая позицию Н. И. Пикурова, считающего необходимым различать источник уголовного-правового запрета и уголовно-правовых последствий (наказания и иных мер уголовного-правового характера), источник правовых норм, регулирующих отдельные вопросы уголовного права, и источник правовых норм, используемых для конкретизации бланкетных признаков состава преступления, Ю. Е. Пудовочкин совершенно обоснованно указывает, что «вид источника права во многом определяется спецификой образующих это право нормативных суждений» [3, с. 316]. Данное обстоятельство принима-

ет во внимание К. В. Ображиев, который выделяет две группы формальных источников уголовного права: 1) источники собственно уголовно-правовых предписаний (нормативный материал, который содержится в этих юридических источниках, непосредственным образом определяет содержание общественных отношений, составляющих предмет уголовного-правового регулирования, влияет на статусы субъектов подобных отношений); 2) источники бланкетной части уголовно-правовых норм, предписания которых входят в содержание норм уголовного права при бланкетной конструкции уголовного закона (правовые акты, содержащие бланкетную часть уголовно-правовых норм, как правило, имеют иную отраслевую принадлежность и не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений) [1, с. 24–25]. С учетом этих положений вполне логичным оказывается вывод К. В. Ображиева о том, что Конституция РФ является формальным источником российского уголовного права: во-первых, она, по мнению автора, содержит отдельные нормы уголовного-правового характера (ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 21, ч. 1 ст. 50, ч. 2 ст. 63), поскольку «вопросы о смертной казни и экстрадиции, а также необходимости соблюдения запретов на применение жестокого или унижающего человеческое достоинство наказания и на повторное осуждение за одно и то же преступление возникают не иначе, как в рамках регулирования уголовно-правовых отношений»; во-вторых, «Конституция России выполняет функцию источника бланкетной части некоторых уголовно-правовых норм (определяет содержание бланкетных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 278, 279 УК РФ, ч. 2 ст. 237, ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286, ч. 2 ст. 287, ч. 4 ст. 290, ч. 2 ст. 354 УК РФ)» [1, с. 26–27].

Третье обстоятельство, влияющее на решение вопроса о признании или непризнании того или иного правового явления источником конкретной отрасли права, касается возможности отнесения к числу формальных источников актов, включающих лишь отдельные нормы, регулирующие общественные отношения, входящие в предмет соответствующей отрасли. Т. В. Кленова, в частности, полагает, что «формальными источниками уголовно-правовых норм не могут признаваться ни Конституция РФ, ни другие акты, где правила об уголовной ответственности

определяются неполно, без системы или как нормы-принципы» [12, с. 22].

Наконец, учеными высказаны различные мнения относительно того, насколько на определение статуса Конституции РФ как формального источника уголовного права влияет возможность (или, напротив, невозможность) непосредственного применения конституционных положений в сфере уголовно-правового регулирования. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» называется только два случая, когда суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию РФ: 1) когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения; 2) когда Конституционным Судом РФ выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда РФ, если они в нем указаны [18]. Часть 1 ст. 3 УК РФ содержит положение о том, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом РФ, а ч. 2 той же статьи запрещает применение уголовного закона по аналогии. В результате прямое применение Конституции РФ при реализации собственно уголовно-правового запрета, по существу, исключается, что дает некоторым специалистам основания полагать, что в силу этого она формальным источником уголовного права не является. Такой точки зрения придерживается, в частности, Т. Ю. Орешкина, которая, отрицая принадлежность Конституции РФ к числу юридических источников уголовного права, пишет, что «норма Конституции РФ может блокировать применение положений УК РФ, но квалификация деяния, привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания происходят только с применением статей УК РФ» [15, с. 78]. Нельзя, впрочем, не заметить того, что большин-

ство исследователей не ставит решение вопроса о включении Конституции РФ в круг формальных источников уголовного права в зависимости от того, насколько возможно непосредственное применение конституционных положений в уголовно-правовой сфере. Более того, С.А. Антипов особо обращает внимание на то, что «следует четко разграничить два положения: непосредственное применение конституционных норм к решению вопросов, находящихся в сфере уголовного права, и признание Конституции РФ формальным источником уголовного права» [9, с. 201].

Гораздо более важным оказывается другой момент – можно ли вообще какие-либо положения Конституции РФ считать уголовно-правовыми нормами, то есть нормами, регулирующими отношения, касающиеся предмета уголовного права как отрасли права. К. В. Образиев отмечает, что «если правовой акт содержит правовые нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения (общественные отношения, возникающие вследствие совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступное деяние; общественные отношения, возникающие в связи с фактом совершения общественно опасных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, невменяемыми лицами; общественные отношения, возникающие по поводу правомерной реализации гражданами права на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния), то его следует считать одним из формальных источников уголовного права, вне зависимости от его места в отраслевом делении» [1, с. 24]. Этот же автор, обозначая круг конституционных положений, которые регулируют вопросы, относящиеся к уголовно-правовой сфере (ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 21, ч. 1 ст. 50, ч. 2 ст. 63), уточняет, что «соответствующие нормы являются конституционными лишь по форме своего выражения, оставаясь при этом уголовно-правовыми по содержанию» [1, с. 27]. Сходную позицию занимает О. Н. Бибики, который признает, что Конституция РФ содержит отдельные уголовно-правовые нормы (ч. 2 ст. 20, закрепляющую положение о том, что смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни; ч. 1 ст. 50, запрещающую

повторное осуждение за одно и то же преступление; ч. 2 ст. 63, не допускающую в России выдачу другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением) [2, с. 96–97]. При этом О. Н. Бибик, судя по всему, не считает эти нормы по содержанию одновременно и конституционно-правовыми, поскольку он исходит из того, что «одна и та же норма права не может принадлежать сразу нескольким отраслям права», за исключением норм комплексных отраслей, каковыми ни конституционное, ни уголовное право не являются [2, с. 96]. По крайней мере, именно этот базовый тезис не позволяет ему признать уголовно-правовой нормой конституционное положение об обратной силе закона, закрепленное в ст. 54, и иные конституционные предписания, имеющие межотраслевое значение [2, с. 95–96]. В то же время некоторые исследователи вообще отрицают наличие в Конституции РФ уголовно-правовых норм. В частности, С. А. Антипов считает, что «Конституция РФ не регулирует уголовно-правовые отношения» [9, с. 203]. «Если Конституция РФ применяется (в редких случаях) вместо норм уголовного закона, противоречащих ей, – пишет он, – то это не означает, что судом используются закрепленные в Конституции нормы уголовного права. Содержательная сторона подобного применения конституционной нормы заключается в негативном воздействии на сферу уголовно-правовых отношений, недопущении действия отраслевой нормы, противоречащей Конституции РФ» [9, с. 202].

Представляется, что вопрос о том, можно ли какие-либо конституционные предписания считать уголовно-правовыми нормами или нормами, обладающими двойственной природой и принадлежащими одновременно к двум отраслям права – и конституционному, и уголовному, необходимо решать с учетом имеющихся в теории конституционного права взглядов о возможной отраслевой принадлежности положений, закрепленных в Конституции РФ. Анализ научной литературы показывает, что авторитетные специалисты в области конституционного права высказывают на этот счет разные мнения. Так, О. Е. Кутафин в рамках фундаментального исследования, посвященного предмету кон-

ституционного права, отстаивал положение о том, что предмет правового регулирования конституционного права не может пересекаться с предметом правового регулирования любой другой отрасли права, и критично отзывался о стремлении представителей отраслевых наук включить в соответствующие отрасли права конституционные нормы, регулирующие основополагающие для той или иной отрасли отношения [19, с. 51]. Он прямо указывал, что эти нормы относятся исключительно к конституционному праву [19, с. 51]. Однако другие исследователи не столь категоричны. В частности, С. А. Авакьян, обращаясь к анализу источников конституционного права, не исключает существования источников, нормы которых могут одновременно относиться к конституционному праву и к другой отрасли права [20, с. 76]. Еще более определенно решает этот вопрос Н. С. Бондарь, который полагает, что конституционное право не может рассматриваться как отрасль права, которая «соседствует» с другими отраслями права на одном уровне: их предметное разграничение не должно происходить исключительно по «горизонтали», то есть в зависимости от сферы общественных отношений и безотносительно к иным, качественным характеристикам этих отношений [21, с. 11–12]. В связи с этим он выделяет в предмете правового регулирования конституционного права две сферы: исключительного конституционного регулирования («малое» конституционное ядро) и совместного с другими отраслями конституционного регулирования («большое» конституционное ядро) [21, с. 12]. Констатируя изменение предметных характеристик конституционного права (в первую очередь – его расширение), Н. С. Бондарь пишет о том, что отношения, которые одновременно выступают предметом регулирования других отраслей права, являются «как бы периферийным предметом конституционного права как ядра правовой системы», и указывает, что в данном случае в конечном счете имеет место межотраслевое правовое регулирование [21, с. 12]. Такой подход вполне позволяет объяснить двойственную природу ряда конституционных положений (ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 21, ч. 1 ст. 50, ч. 2 ст. 63), их принадлежность одновременно конституционному и уголовному праву, а следовательно, и Конституции РФ к числу формальных источников уголовного права.

Литература

1. Ображиев К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
2. Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
3. Пудовочкин Ю. Е. Некоторые вопросы теории источников уголовного права // Общество и право. 2014. № 4 (50).
4. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г., Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Ставрополь, 2000.
5. Бошно С. В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
6. Гаджинова Ф. М. Источники права и их система в современном российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
7. Общая теория государства и права: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
8. Ображиев К. В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. М., 2010.
9. Антипов С. А. Понятие конституционных основ Общей части уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2.
10. Проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889>
11. Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1997.
12. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
13. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Уткина, А. В. Шеслера. Томск, 2016.
14. Пудовочкин Ю. Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журн. рос. права. 2003. № 5.
15. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
16. Кайсин Д. В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Bibliography

1. Obrazhiev K. V. The system of formal (legal) sources of Russian criminal law: abstract of dis. ... PhD, Professor in Law. Moscow, 2014.
2. Bibik O. N. The sources of criminal law of the Russian Federation: dis. ... PhD in law. Omsk, 2005.
3. Pudovochkin Yu. E. Some questions of the theory of sources of criminal law // Society and law. 2014. № 4 (50).
4. Kibalnik A. G., Solomonenko I. G., Shibkov O. N. The principles and norms of international law as sources of criminal law. Stavropol, 2000.
5. Boshno S. V. Form of law: theoretical-legal research: abstract of dis. ... PhD, Professor in Law. Moscow, 2005.
6. Gadzhinova F. M. Sources of law and their system in the modern Russian law: abstract dis. ... PhD in Law. Moscow, 2004.
7. The general theory of state and law / ed. by V. V. Lazarev. 3 edition, revised and expanded. Moscow, 2001.
8. Obrazhiev K. V. Formal (legal) sources of Russian criminal law. Moscow, 2010.
9. Antipov S. A. The concept of the constitutional foundations of the General part of criminal law // Actual problems of Russian law. 2011. № 2.
10. The draft concept of the criminal policy of the Russian Federation // The website of the Public chamber of the Russian Federation. URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889>
11. Criminal law. The General part / ed. by N. I. Vetrov, Yu. I. Lyapunov. Moscow, 1997.
12. Klenova T. V. Fundamentals of the theory of codification of criminal law: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2001.
13. Criminal law. The General part / ed. by V. A. Utkin, A. V. Shesler. Tomsk, 2016.
14. Pudovochkin Yu. E. Sources of criminal law of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2003. № 5.
15. Konyakhin V. P. The theoretical basis for the design of the General part of the Russian criminal law. St. Petersburg, 2002.
16. Kaisin D. V. Sources of criminal legal system of the Russian Federation: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2005.
17. Zhukova-Wasilewska D. V. The sources of law in Russia: tendencies of formation and development: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2009.
18. About some questions of application by courts of the Russian Federation Constitution in the administration of justice: resolution of Plenum of the

17. Жукова-Василевская Д. В. Источники права России: тенденции формирования и развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

18. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 3 марта 2015 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=176027#0>

19. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001.

20. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2014.

21. Бондарь Н. С. Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции // Вестн. юрид. фак. Юж. фед. ун-та. 2014. № 1.

Supreme Court of the Russian Federation of 31 October 1995 № 8 (edited as of 3 March 2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=176027#0>

19. Kutafin O. E. The subject of constitutional law. Moscow, 2001.

20. Avakyan S. A. Constitutional law of Russia. Educational course: in 2 vol. 5 edition, revised and expanded. Moscow, 2014. Vol. 1.

21. Bondar' N. S. Acts of constitutional justice as a cross-cutting source of practical law // Bulletin of the law faculty of Southern federal University. 2014. № 1.

© 2017 г. В. В. Алдохина,

адъюнкт Краснодарского университета МВД России.
E-mail: aldkhinavika@rambler.ru

СУБЪЕКТ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ЭТИ ДЕЯНИЯ

В статье рассматриваются субъект преступлений экстремистской направленности и криминологические признаки личности преступника-экстремиста, а также их классификации. Устанавливаются причины, по которым данные лица совершают общественно опасные деяния.

Ключевые слова: личность экстремиста, преступник, преступления экстремистской направленности, причины экстремистской преступности, психологическая характеристика, классификация лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, субъект преступлений экстремистской направленности.

V. V. Aldokhina – Adjunct, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

THE SUBJECT OF EXTREMIST CRIMES AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF OFFENDER COMMITS THESE ACTS

The article examines the subject of extremist crimes and criminological features of the personality of the extremist offender, as well as their classifications. The reasons why these persons commit socially dangerous acts are established.

Key words: personality of extremist, criminal, extremist crimes, the causes of extremist crime, psychological characteristics, classification of perpetrators of extremist crimes, the subject of crimes of extremist orientation.

В настоящее время экстремизм стал одной из внутренних угроз безопасности Российской Федерации. Все чаще средства массовой информации сообщают о совершении преступлений на почве расовой или религиозной ненависти, убийствах представителей власти [1, с. 4]. Противодействие экстремизму представляет собой процесс выявления и устранения причин и условий, которые способствуют его развитию. Для эффективной борьбы с данными преступлениями необходим глубокий и всесторонний анализ экстремизма как негативного явления. В настоящей статье проводится исследование двух составляющих: субъекта преступления экстремистской направленности и личности преступника, его совершающего.

Понятие субъекта преступления в уголовном законодательстве отсутствует, но на теоретическом уровне данный элемент состава преступления рассматривается как совокупность признаков, содержащихся в главе 4 Уголовного кодекса РФ. В ст. 19 этой главы содержатся общие условия уголовной ответственности, которые совпадают с обязательными признаками субъекта преступления.

В теории уголовного права под субъектом преступления понимается лицо, совершившее общественно опасное деяние, ответственность за которое установлена уголовным законом, и способное нести за него уголовную ответственность [2, с. 203].

В ст. 19 УК РФ определено, что субъектом преступлений может быть только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного кодексом. Таким образом, следует констатировать, что и экстремист на момент совершения преступления должен обладать вышеперечисленными признаками.

Первый признак субъекта каждого преступления экстремистской направленности – физическое лицо. Согласно ст. 11–13 УК РФ субъектом преступлений, в том числе и экстремистской направленности, могут быть граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства.

Второй признак – вменяемость, то есть состояние психики, при котором человек осознает фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и может руководить ими.

Третий признак – возраст уголовной ответственности, по общему правилу – шестнадцать лет. Объясняется это решение психологическими факторами, а именно тем, что по достижении такого возраста лицо обретает способность полностью осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими.

Большинство преступлений экстремистской направленности предполагают шестнадцатилетний возраст их субъекта. Для ряда преступлений возраст уголовной ответственности снижен до 14 лет. В их числе преступления, совершенные по экстремистским мотивам: п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство», п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» и другие.

В настоящее время участились случаи совершения экстремистских преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ. Если побои наносятся лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, в составе преступной группы с лицами, подлежащими уголовной ответственности по настоящей статье, то, несмотря на то, что подобные действия представляют повышенную общественную опасность, субъекты, не достигшие 16 лет, не будут нести уголовной ответственности. На практике возникают ситуации, когда лица, совершившие преступления по экстремистским мотивам, предусмотренные ст. 116 УК РФ, не подлежат уголовной ответственности ввиду недостижения ими минимального возраста уголовной ответственности. В связи с этим мы предлагаем в ч. 2 ст. 20 УК РФ «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность» включить ст. 116 УК РФ.

В подтверждение важности нашего предложения приведем следующий пример: «Коллегия присяжных в Мосгорсуде признала семерых членов банды скинхедов виновными в совершении 20 убийств и 12 покушений на убийство, при этом на момент преступлений большинству из обвиняемых не было даже 16 лет». В этой же статье указано, что жестокость данных осужденных «переходила все границы. К примеру, гражданина Китая подростки сначала избивали коваными башмаками, а затем убили. Скинхеды нанесли по очереди десятки ножевых ранений. В качестве доказательств в суде продемонстрировали видеозапись, на которой хорошо видно, как забивают ни в чем не повинного человека. Показательным является и отношение осужден-

ных подростков к судебному процессу и правосудию в целом. По словам участника процесса, “все подсудимые вели себя спокойно и нагло. Смеялись над происходящим. Судье Петру Штундеру заявили отвод потому, что у него “нерусская фамилия”. А гособвинителя Марию Семенову требовали заменить потому, что “она слишком красивая и будет отвлекать от процесса”» [3, с. 3].

Пункт «б» ч. 2 ст. 282 и ч. 3 ст. 282¹, ч. 3 ст. 282², ч. 2 ст. 282³ УК РФ предусматривают квалифицирующий признак для преступлений экстремистской направленности – совершение преступления с использованием служебного положения, то есть у субъекта преступления, кроме общих, имеется еще и дополнительный признак – специальный. В качестве субъекта перечисленных выше преступлений выступают должностные лица, государственные служащие или служащие органов местного самоуправления, которые не относятся к числу должностных лиц, а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой либо иной организации. Заметим, что эти лица должны не просто осуществлять объективную сторону данных преступлений, но еще и использовать при этом принадлежащие им полномочия, круг которых определяется в федеральных законах [4; 5; 6], подзаконных нормативных правовых актах, а также в служебных инструкциях, контрактах (трудовых договорах) [1, с. 186].

Потребность в изучении личности преступника предопределяется необходимостью установления всех причин совершаемых деяний, юридически значимых обстоятельств противоправного поведения в целях оптимизации общей, специальной и индивидуальной профилактики [7, с. 30]. Под изучением личности преступника понимается исследование его с момента становления личности, а также выявление причин и условий, способствующих формированию антисоциальных установок, что в дальнейшем позволит ответить на вопросы о том, почему лицо совершает общественно опасные деяния, какую ответственность оно должно понести за это, а также выработать меры предупреждения и профилактики.

С нравственно-психологической точки зрения личность экстремиста характеризуется следующими чертами: инструментом гиперактивного поведения экстремиста являет-

ся, по мнению В. В. Лунесва, мотивационная сфера [8, с. 107]. Современная криминальная среда представляет собой устойчивую систему взаимодействия различных категорий граждан асоциальной направленности, в которых действуют неформальные нормы и нормы противоправного поведения. Это благоприятно влияет на формирование экстремистской идеологии, включающей в себя нравственные, этические и даже философские идеи, оправдывающие экстремизм и составляющие базу для субкультуры данной среды [9, с. 17]. Для преступника-экстремиста характерны такие психологические качества, как сильная приверженность к какой-либо идеологии, фанатизм, экстремальность деятельности и ее группоцентрический характер, ориентация на насилие и устрашение [10, с. 27–35].

М. Ф. Мусасян психологические предпосылки становления террористического и экстремистского типов личности разделил на три самостоятельные группы: социальные и психологические особенности макросреды, индивидуальные особенности человека, склонности лица к противоправной деятельности, содержащей в себе признаки экстремизма либо терроризма [11, с. 22–33].

При рассмотрении социально-демографических признаков экстремистов мы установили, что в экстремистской деятельности в большей части принимают участие лица мужского пола. Однако, как показывает практика, членами и даже лидерами экстремистских организаций, преимущественно молодежных, становятся также женщины.

В настоящее время наблюдается снижение возраста лиц, совершающих преступления экстремистской направленности. При изучении личности экстремиста на основе анализа уголовных дел, возбужденных по данным статьям в Краснодарском крае и Орловской области, было установлено, что 37,1 % составляют лица в возрасте от 17 до 19 лет, а 17,1 % – от 14 до 16 лет. Объяснить это можно тем, что такие лица в силу возраста недостаточно социально адаптированы, легко подвергаются чужому влиянию, эмоциональны, амбициозны, зачастую принимают необдуманные решения. В основном лица рассматриваемой возрастной категории совершают преступления в составе преступной группы. Молодежная среда наиболее уязвима для экстремизма.

В. А. Бурковская объясняет проявление экстремизма в молодежной среде деформацией сознания, увлеченностью националистическими, неофашистскими идеологиями, нетрадиционными для Российской Федерации новыми религиозными доктринами, участием в деятельности радикальных движений и групп, в совершении противоправных, а иногда и преступных действий в связи со своими убеждениями [12, с. 140]. Все это свидетельствует о выраженной маргинализации российского общества и связанным с этим ростом страхов существования. Для решения данной проблемы необходимо создать единую общегосударственную молодежную стратегию, с помощью которой будут минимизированы влияния крайних идей на молодое поколение.

Важное значение для криминологической характеристики экстремистов имеет уровень образования, который напрямую связан с социальным статусом личности, культурным уровнем, а также в целом со сформировавшимися жизненными установками [13, с. 348]. По уровню образования лица, которые совершили преступления экстремистской направленности, распределяются следующим образом: неполное среднее – 10,8 %; среднее – 46,9 %; среднее специальное – 29,5 %; высшее – 4,9 %; неоконченное высшее – 7,9 %.

Следует поддержать мнение А. В. Ростокинского, отмечающего, что «основой становления личности преступника выступает деформация личности, которая возникает в процессе кризиса проблемы социализации личности, а также обретения социально значимых свойств и качеств, что и выступает существенным криминогенным фактором» [14, с. 26–27].

При исследовании физико-биологической характеристики экстремиста мы согласились с мнением профессора Н. И. Дорохова, который в качестве причин экстремистского поведения выделяет подсознательные импульсы как комплекс неполноценности и психологические фрустрации [15, с. 18–23]. Это в свою очередь непосредственно усиливает ненависть к окружающим. Особенности личности преступника-экстремиста с физико-биологической точки зрения заключаются в следующем: а) ее формирование происходит в условиях интенсивного противоправного и аморального поведения окружающих (семья,

друзья); б) она характеризуется наличием системы аморальных поступков и разного рода правонарушений, которые повторяются и после принятия мер воздействия; в) для нее характерно отчуждение от ценностно-нормативной системы общества и государства; г) ей чуждо чувство социальной ответственности; д) для нее привычна внешняя негативная оценка своего поведения; е) ей свойственна выработка социально-психологических механизмов самозащиты; ж) ее характеризует активность в ситуации совершения преступления [16, с. 46–48].

Таким образом, субъектом преступлений экстремистской направленности является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (для большинства рассматриваемых нами составов –

это 16 лет). Однако мы считаем необходимым в ч. 2 ст. 20 «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность» Уголовного кодекса РФ включить ст. 116 «Побои» в связи с участвовавшими случаями совершения этого преступления лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности – 16 лет.

Исследование личности современного экстремиста показывает, что это молодой человек, слабо социально адаптированный, с большими запросами и повышенной самооценкой, не обладающий высоким уровнем образования и материальной обеспеченности, склонный к совершению преступлений и правонарушений, характеризующийся отсутствием ценностно-нормативных ориентиров, свойственных обществу и государству.

Литература

1. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства, теории и практики: моногр. М., 2010.
2. Уголовное право России. Общая часть: учеб. / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996.
3. Федосенко В. Смертельная ненависть // Рос. газ. 2008. 4 дек.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
5. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
6. О государственной службе российского казачества: Федер. закон Рос. Федерации от 5 дек. 2005 г. № 154-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 50. Ст. 5245.
7. Авласенко В. А. Личность преступника – члена религиозных сект: криминологический и психологический анализ // Юрид. психология. 2011. № 4.
8. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М., 1991.
9. Овчинский В. С. Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.

Bibliography

1. Borisov S. V. Extremist Crimes: problems of law theory and practice: monograph. Moscow, 2010.
2. Criminal law of Russia. General part: textbook / ed. by B. V. Zdravomyslov. Moscow, 1996.
3. Fedosenko V. Deadly hatred // Russian newspaper. 2008. 4 December.
4. On General principles of organization of local self-government in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation of 6 October 2003 № 131-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822.
5. On state civil service of the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation of 27 July 2004 № 79-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 2004. № 31. Art. 3215.
6. On state service of Russian Cossacks: Federal law of the Russian Federation of December 5, 2005 № 154-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 2005. № 50. Art. 5245.
7. Avlasenko V. A. The Identity of the offender is a member of religious sects: criminological and psychological analysis // Legal psychology. 2011. № 4.
8. Luneev V. V. Motivation of criminal behavior. Moscow, 1991.
9. Ovchinsky V. S. Criminological, criminal legal and organizational bases of fight against organized crime in the Russian Federation: abstract of dis. ... PhD, Professor in Law. Moscow, 1994.
10. Yurasova E. N. Psychological characteristics of individuals who are prone to extremism, terrorism and xenophobia // Legal psychology. 2008. № 4.

10. Юрасова Е. Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология. 2008. № 4.

11. Мусаелян М. Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) // Адвокат. 2010. № 6.

12. Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

13. Петрянин А. В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

14. Ростокинский А. В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

15. Дорохов Н. И. Портрет современного террориста: нравственно-психологические и личностные аспекты // Военно-юридический журн. 2006. № 5.

16. Красильников А. Личность террориста: криминологический аспект // Законность. 2008. № 5.

11. Musaelyan M. F. The identity of the participant of informal youth extremist organizations (groups) // Lawyer. 2010. № 6.

12. Burkovskaya V. A. Religious extremism Criminal: criminal-legal and criminological basis of opposition: dis. ... PhD, Professor in Law. Moscow, 2006.

13. Petryanin A. V. Counteraction of extremist crimes: criminal law and criminological aspects: dis. ... PhD, Professor in Law. Moscow, 2014.

14. Rostokinskiy A. V. Crimes of an extremist nature as examples of youth subcultural conflict associations: criminal-legal and criminological problems: abstract of dis. ... PhD, Professor in Law. Moscow, 2008.

15. Dorokhov N. I. Portrait of a modern terrorist: moral, psychological and personality aspects // Military-legal journal. 2006. № 5.

16. Krasilnikov A. The identity of the terrorist: the criminological aspect // Legitimacy. 2008. № 5.

© 2017 г. С. Д. Петроченков,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.

E-mail: sedm-09-07@yandex.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 183 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье на основе анализа уголовного законодательства, научных подходов и судебной практики рассматриваются проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации, в зависимости от способов их совершения. Предлагаются рекомендации по практическому применению норм об уголовной ответственности и совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: банковская тайна, коммерческая тайна, налоговая тайна, способ совершения преступления, квалификация преступлений.

S. D. Petrochenkov – Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology of Ryazan branch of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, PhD in Law.

QUALIFICATION OF METHODS OF THE COMMISSION OF THE CRIME STIPULATED BY ARTICLE 183 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article based on the analysis of the criminal law and scientific approaches as well as existing court practice the problem questions of the qualification of crimes, stipulated by article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation, are considered depending on the methods of their commission. Recommendations on practical application of norms about criminal responsibility and improvement of legislation are offered.

Key words: bank secret, commercial secret, tax secret, method of the commission of crime, qualification of crimes.

Согласно законодательной конструкции ст. 183 Уголовного кодекса РФ содержит два вида преступления:

1. Собираение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

2. Незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе.

В ч. 1 ст. 183 УК РФ законодатель предусмотрел следующие способы собирания сведений: похищение документов, подкуп, угрозы и «иные» незаконные способы [1]. Вероятно, формулировкой «а равно иным незаконным способом» законодатель желал разъяснить, что на квалификацию преступления по ч. 1 указанной статьи они, как правило, не влияют и дополнительной квалификации не требуют. Вместе с тем существующая формулировка полностью не охватывает все возможные случаи незаконного получения сведений.

Способы похищения документа (тайный, открытое изъятие, путем применения наси-

лия либо обмана, злоупотребления доверием) уголовно-правового значения не имеют [2, с. 487]. Это действительно так, учитывая в нашем случае отсутствие признака хищения – причинение имущественного ущерба.

При этом такие способы, как подкуп и угрозы, имеют свои особенности. Так, подкуп, осуществляемый в отношении должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, квалифицируется по совокупности ст. 291 УК РФ и ст. 204 УК РФ [3, с. 585].

Что касается угрозы как способа совершения преступления, то в учебной литературе можно встретить неоднозначную позицию. «Угроза как способ совершения преступления включает угрозу убить, причинить вред здоровью, имуществу, чести и достоинству, другим законным правам и свободам личности, а также причинить иной вред [2, с. 487]. С таким мнением можно согласиться только частично. Представляется, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью не охватывается составом рассматриваемого преступления и потому требует дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ.

Так, в ходе предварительного следствия по уголовному делу Костарев Д. М. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119, и трех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 183 УК РФ [4; 5]. В том же решении суда действия подсудимого дополнительно квалифицированы по ч. 2 ст. 327 УК РФ за подделку официального документа в целях его использования для совершения преступления.

Судом установлено, что Костарев Д. М., являясь сотрудником налоговой службы, имея доступ к сведениям, составляющим налоговую тайну, и, будучи предупрежденным об ответственности за разглашение указанных сведений, за вознаграждение передал сведения о налогоплательщике сотруднику УФСБ, действующему в рамках оперативно-разыскного мероприятия. Судом был установлен факт подделки официального документа – доверенности на имя Костарева Д. М., выполненной подсудимым в целях совершения преступления.

Преступления, сопряженные с незаконным посягательством на охраняемую законом коммерческую, налоговую или банковскую тайну, зачастую связаны с использованием компьютерной техники или специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Такие действия требуют дополнительной квалификации по ст. 272–274 и 138.1 УК РФ.

Так, приговором Октябрьского районного суда г. Кирова Снигирев А. Ю. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 183 УК РФ и ч. 1 ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации в сети ЭВМ, что повлекло копирование информации), ч. 1 ст. 273 УК РФ (использование и распространение вредоносной программы для ЭВМ, заведомо приводящей к несанкционированному копированию информации) [6].

Преступные действия подсудимого выразились в следующем: Снигирев А. Ю., имея знания и опыт работы с ЭВМ, решил совершить неправомерный доступ к компьютерной информации ОАО «НТВ-ПЛЮС» с последующим ее копированием. Для этого он, изучив требования, предъявляемые к оборудованию и схеме его работы при незаконном подключении и просмотре закрытых платных телевизионных спутниковых каналов ОАО «НТВ-ПЛЮС», при неустановленных обстоя-

тельствах получил по электронной почте информацию об адресе Интернет-ресурса расположения официально оплаченной смарт-карты ОАО «НТВ-ПЛЮС», а также логина и пароля доступа к ней, кроме того, скопировал необходимую для этих целей вредоносную программу плагин «csc.dll». Данная вредоносная программа позволяет осуществлять неправомерный доступ к компьютерной информации сети ЭВМ спутникового телевидения ОАО «НТВ-ПЛЮС» путем копирования информации в виде кодовых слов (DW-ключи) к закодированным спутниковым телевизионным каналам ОАО «НТВ-ПЛЮС» по следующей схеме: копирует кодовые слова (DW-ключи) в сети ЭВМ спутникового телевидения ОАО «НТВ-ПЛЮС», поступающие в компьютер через спутниковую антенну, с дальнейшей передачей данной информации через Интернет к официально оплаченной смарт-карте ОАО «НТВ-ПЛЮС», где данная информация обрабатывается и выдается код доступа к закрытым платным спутниковым телевизионным каналам ОАО «НТВ-ПЛЮС», после чего данный код доступа через Интернет поступает обратно в компьютер, где с использованием полученной информации выполняется декодирование полученного от ОАО «НТВ-ПЛЮС» закодированного телевизионного канала. Постоянный доступ через Интернет к официально оплаченной смарт-карте необходим, так как процесс запроса и ответа – осуществление обмена DW-ключами, необходимый для получения телевизионного изображения по закрытым каналам, происходит с периодичностью 1 раз в 10 секунд, и каждый раз запрашиваемый код доступа различен. Продолжая задуманное, Снигирев А. Ю. в 15 часов 12 минут 15.01.2009 в электронной газете «Из рук в руки» разместил объявление об установке, настройке и незаконном подключении всех желающих к закрытым платным каналам спутникового телевидения.

В соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», располагая информацией о готовности Снигирева А. Ю. неправомерно подключить за денежное вознаграждение в размере 1 000 рублей всех желающих к закрытым платным каналам спутникового телевидения ОАО «НТВ-ПЛЮС», сотрудники отдела «К» УВД по Кировской области провели ряд оперативно-разыскных мероприятий и негласную проверочную закупку,

в результате которой Снигирев А. Ю. прибыл по указанному сотрудниками органов внутренних дел адресу, где, убедившись в наличии всего необходимого оборудования для осуществления неправомерного доступа к закодированным спутниковым телевизионным каналам высокой четкости (HD) ОАО «НТВ-ПЛЮС», осуществил установку и соединение данного оборудования в единое целое, его соединение с Интернет-ресурсом и настройку всего оборудования. Тем самым он обеспечил возможность просмотра закрытых платных спутниковых телевизионных каналов высокой четкости (HD) ОАО «НТВ-ПЛЮС» на компьютере, что и продемонстрировал заказчику.

Указанным способом Снигирев А. Ю. собрал сведения, составляющие коммерческую тайну для ОАО «НТВ-ПЛЮС», а именно ключей доступа (DW-ключи) к закодированным каналам в сети ЭВМ спутникового телевидения ОАО «НТВ-ПЛЮС».

Другой яркий пример использования технических средств изложен в приговоре Московского районного суда г. Санкт-Петербурга в отношении подсудимого Малай К. [7], в описательной части которого указано, что последний совершил незаконное получение сведений, составляющих банковскую тайну, незаконным способом.

Так, Малай К. с целью незаконного получения сведений, составляющих банковскую тайну, спланировал совершение данного преступления и подготовил необходимые для этого специальные средства, изготовленные в виде накладок на картоприемники банкоматов, предназначенные для получения информации с магнитной полосы платежных банковских карт, а также хранения незаконно полученной информации в цифровой памяти в зашифрованном виде.

Малай К. 4 октября 2011 года около 7 часов 00 минут незаконно установил на банкомат ЗАО «Банк ВТБ 24» вышеуказанные устройства, которые прикрепил к корпусу банкомата над его клавиатурой для получения видеоизображения процесса ввода информации пользователем банкомата и на картоприемник банкомата для получения информации с магнитной полосы платежных банковских карт. В тот же день он около 21 часа 00 минут в продолжение преступных действий вновь пришел к указанному банкомату ЗАО «Банк ВТБ 24», где снял с банкомата установленные

им ранее устройства, содержащие сведения о пин-кодах к банковским картам, и сведения с магнитных полос банковских карт, при помощи которых возможно получить информацию о банковских счетах, об операциях по счетам и данные клиентов банка, согласно ч. 1 ст. 857 ч. 2 Гражданского кодекса РФ, а также ч. 1 ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 315-1 «О банках и банковской деятельности» составляющие банковскую тайну, после чего, намереваясь скрыться с места преступления, был задержан сотрудниками полиции.

В результате совершения вышеуказанных преступных действий в данный период времени Малай К. незаконно получил сведения о пин-кодах к банковским картам и сведения с магнитных полос банковских карт, составляющих банковскую тайну и содержащих на банковских картах не менее чем 46 клиентов банка ЗАО «Банк ВТБ 24».

Действия подсудимого обоснованно квалифицированы по ч. 1 ст. 183 УК РФ как незаконное получение сведений, составляющих банковскую тайну, то есть собирание сведений, составляющих банковскую тайну, незаконным способом. Вместе с тем невыясненным остался вопрос о правовой оценке действий Малай К. по ст. 138.1 УК РФ, а также об ответственности за незаконное производство специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. В случае признания таковыми орудий совершения преступления действия подсудимого надлежало бы квалифицировать по совокупности ст. 138.1 и ч. 1 ст. 183 УК РФ.

Приведенные выше примеры относятся к ч. 1 ст. 183 УК РФ. Что же касается таких способов совершения преступления, как разглашение или использование сведений (ч. 2 ст. 183 УК РФ), то они сами по себе могут являться средством совершения другого преступления и требовать дополнительной квалификации.

Так, приговором Ступинского городского суда Московской области Капустин И. А. осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере) и ч. 2 ст. 183 УК РФ (незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну) [8].

Установлено, что Капустин И. А., являясь, согласно трудовому договору и приказу о приеме на работу, заместителем генерально-

го директора ООО «Каолайн», злоупотребляя служебными полномочиями в личных целях, разгласив сведения, составляющие коммерческую тайну, организовал продажу какао-порошка по заниженной цене. Своими преступными действиями он причинил ООО «Каолайн» ущерб на сумму в размере 3 800 425 рублей 67 копеек с учетом частично оплаченного, то есть в особо крупном размере. Таким образом, совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 183 УК РФ, являлось способом совершения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Суд обоснованно квалифицировал деяние по совокупности преступлений. Однако вопрос о привлечении Капустина И. А. к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ не рассматривался. Считаем, что в данном случае имело место использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод. В связи с

этим действия подсудимого требуют дополнительной квалификации по ст. 201 УК РФ.

Рассмотренные нами примеры свидетельствуют о том, что имеющаяся в ч. 1 ст. 183 УК РФ формулировка не охватывает всех возможных способов совершения данного преступления. В каждом случае совершения преступления способом или субъектом, указанным в отдельной статье Особенной части Уголовного кодекса РФ, необходима дополнительная квалификация.

По этой причине представляется нецелесообразным перечисление незаконных способов получения информации, указанных в ч. 1 ст. 183 УК РФ, полагаем, что законодательно следует исключить их из текста статьи. Кроме того, исследованная судебная практика демонстрирует отсутствие единого подхода при квалификации схожих по сути деяний, а также достаточно произвольное толкование правовых норм, что требует соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. URL: <http://consultant.ru>
2. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. / под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
4. Архив Свердловского районного суда г. Перми. Приговор по делу № 1-59/2011 от 03.05.2011. URL: <http://RosPravosudie.com>
5. Определение Пермского краевого суда по делу № 22-4187-2011 от 30.06.2011. URL: <http://RosPravosudie.com>
6. Архив Октябрьского районного суда г. Кирова. Приговор от 14.01.2011. Дело № 1-315. URL: <http://RosPravosudie.com>
7. Архив Московского районного суда г. Санкт-Петербурга. Приговор по делу № 1-297/12 от 09.04.2012. URL: <http://RosPravosudie.com>
8. Архив Ступинского городского суда Московской области. Приговор по делу № 1-117/2012 от 31.08.2012. URL: <http://RosPravosudie.com>

Bibliography

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FL // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954. URL: <http://consultant.ru>
2. Criminal Law. General and Special Parts: textbook / ed. by M. P. Zhuravlev, S. I. Nikulin. 3 edition, corrected and complemented. Moscow, 2014.
3. Criminal law of Russia. General and Special Parts: textbook / ed. by A. V. Brilliantov. 2 edition, corrected and complemented. Moscow, 2016.
4. Archives of Sverdlovsk district court of Perm. The judgement in case № 1-59/2011 of 03.05.2011. URL: <http://RosPravosudie.com>
5. Determination of the Perm regional court in case № 22-4187-2011 of 30.06.2011. URL: <http://RosPravosudie.com>
6. Archives of October district court of Kirov. The judgement of 14.01.2011. The case № 1-315. URL: <http://RosPravosudie.com>
7. Archives of Moscow district court of Saint-Petersburg. The judgement in case № 1-297/12 of 09.04.2012. URL: <http://RosPravosudie.com>
8. Archives of Stupino City Court of the Moscow Region. The judgement in case № 1-117/2012 of 31.08.2012. URL: <http://RosPravosudie.com>

© 2017 г. Н. С. Сорокун,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (928) 108-41-43.

А. Б. Кодзов,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (928) 903-46-38.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ АВТОМОБИЛЕМ ИЛИ ИНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ

Статья посвящена криминологической характеристике динамики угонов в Российской Федерации. Выявляются причины роста числа случаев неправомерного завладения различными транспортными средствами. Авторы приходят к выводу о том, что принятие эффективных профилактических и уголовно-правовых мер оказывает не только стабилизирующее воздействие на преступность в целом, но и способствует снижению уровня угонов.

Ключевые слова: транспортное средство, неправомерное завладение, угон, выборочное уголовное реагирование, противодействие.

N. S. Sorokun – Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

A. B. Kodzov – Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

SOME ASPECTS CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC OF ILLEGAL OCCUPANCY BY THE CAR OR OTHER VEHICLE

Article is devoted to the criminological characteristic of dynamics of stealings in the Russian Federation. The reasons for the increase in cases of unlawful acquisition of various vehicles. Authors come to a conclusion that acceptance effective preventively and criminal legal measures makes not only the stabilizing impact on crime in general, but also promotes decrease to the level of stealings.

Key words: vehicle, illegal occupancy, stealing, selective criminal reaction, counteraction.

Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством включает в себя анализ состояния, структуры и динамики соответствующего преступления, установление рейтинга самых угоняемых транспортных средств, выявление места, времени, обстановки, способов, орудий и средств совершения этого преступления.

Анализ официальных статистических данных, опубликованных на сайте МВД России свидетельствует о том, что на протяжении целого ряда лет сохраняется корреляционная зависимость между показателями преступности в целом и показателями неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством [1].

В частности, увеличение количества зарегистрированных случаев неправомерного завладения автомобилем или иным транс-

портным средством без цели хищения происходило на фоне возрастания общего объема регистрируемой преступности в России в период с 1997 по 2006 год. Так, в 1997 году было зарегистрировано 29 773 факта угона, в 1998 году – 31 256, в 1999 году – 28 231, в 2000 году – 26 673, в 2001 году – 31 689, в 2002 году – 45 133, в 2003 году – 52 228, в 2004 году – 53 998, в 2005 году – 56 923, в 2006 году – 58 565 преступлений.

Начиная с 2007 года фиксируется тенденция снижения преступности в целом и уменьшение количества регистрируемых угонов. В 2007 году в Российской Федерации зарегистрировано 55 258 случаев угона автомобиля или иного транспортного средства, что на 3 307 случаев меньше по сравнению с предыдущим годом, темп прироста составил 5,6 %.

В 2008 году зарегистрировано 50 313 преступлений, что на 4 972 факта меньше по сравнению с предыдущим годом, темп прироста составил 9 %. В 2009 году количество угонов снизилось до 45 833, что на 4 480 случаев меньше по сравнению с 2008 годом, темп прироста – 8,9 %. В 2010 году число рассматриваемых преступлений снизилось до 41 167, что на 4 666 фактов меньше по сравнению с 2009 годом, темп прироста составил 10,13 %. Количество регистрируемых угонов в 2011 году составило 35 724, что на 5 443 случая меньше по сравнению с 2010 годом, темп прироста – 13,2 %. Незначительное увеличение количества угонов – до 40 614 преступлений – отмечено в 2012 году, что на 4 878 фактов больше по сравнению с 2011 годом, темп прироста составил 13,67 %. В 2013 году также наблюдалось снижение регистрируемых случаев угона до 37 451 преступлений, что на 3 163 случая меньше по сравнению с 2012 годом, темп прироста – 7,78 %. В 2014 году этот показатель снова снизился до 34 174 преступлений, что на 3 277 фактов меньше по сравнению с 2013 годом, темп прироста – 8,7 %. В 2015 году количество зарегистрированных угонов составило 29 699 преступлений, что на 4 475 случаев меньше по сравнению с 2014 годом, темп прироста – 13,01 %. В 2016 году отмечено дальнейшее снижение количества регистрируемых угонов (зарегистрировано 22 987 преступлений), что на 6 712 фактов меньше по сравнению с 2015 годом, темп прироста – 22,6 %.

Наряду с представленным анализом динамики угонов за период с 1997 по 2016 год вызывает интерес удельный вес рассматриваемых преступлений за указанный период. Он свидетельствует о колебании удельного веса угонов в общей структуре зарегистрированной преступности в Российской Федерации.

Так, в 1997 году удельный вес угонов составил 1,9 % с последующим снижением этого показателя в 1998 году до 1,6 %, в 1999 году и в 2001 году до 1,3 %. В 2000 и 2005 годах зарегистрирован достаточно низкий удельный вес угонов (0,9 %). Самый высокий удельный вес угонов отмечен в 2002 году (2,6 %), что соответствует росту регистрируемой преступности в этот период в целом. В 2003 году удельный вес угонов снизился до 1,7 % с последующим увеличением в 2004 году до 1,8 %. В 2006 году удельный вес угонов в структуре преступности составил 1,5 %.

В период с 2007 по 2012 год этот показатель снизился до 0,6 %, что соответствует намечившейся тенденции снижения регистрируемой преступности в целом. В 2013 году он составил 0,5 %, в 2014 году – 0,6 %, в 2015 году – 0,8 %, в 2016 году – 0,9 %.

Криминологические исследования свидетельствуют о том, что на фоне роста регистрируемой преступности в России в период с 1997 по 2006 год происходило увеличение числа угонов, начиная с 2007 года намечилась тенденция снижения регистрируемой преступности и количества совершаемых угонов. Несмотря на уменьшение количества преступлений, связанных с транспортными средствами, их доля в структуре преступности остается на одном уровне. На протяжении последних 20 лет удельный вес анализируемого вида преступлений в общей структуре преступности колебался в диапазоне от 0,6 до 2,6 %.

На основании статистического анализа можно сделать вывод о том, что принятие профилактических и уголовно-правовых мер оказывает не только стабилизирующее воздействие на преступность в целом, но и способствует снижению уровня угонов. В то же время необходимо учитывать то обстоятельство, что фактическая преступность превышает зарегистрированную в разы. Ведущую роль в изучении латентной (скрытой) преступности в нашей стране играет отдел латентной преступности Академии Генеральной прокуратуры РФ, возглавляемый С. М. Иншаковым. Результаты расчетов, проведенных этим научным коллективом, показывают, что в России коэффициент латентной преступности по правонарушению завладению автомобилем и иным транспортным средством колеблется в диапазоне от 2,46 до 4,22 [2].

Не соответствуют реальной картине и данные о хищениях транспортных средств. По мнению Е. Р. Кима, не учитывается 7–10 % хищений транспортных средств [3]. Вышеуказанная позиция находит поддержку и у других исследователей. В обзоре о состоянии борьбы с хищениями автотранспортных средств отмечается, что в розыске в России остается в среднем до 60 % похищенного автотранспорта. При этом практика показывает, что именно в процессе регистрации ежегодно выявляется более 70 тысяч с признаками легализации, и лишь 0,5 % таких фактов доводятся до суда [4].

Результаты проведенного нами исследования также указывают на то, что разрыв между количеством реально совершенных преступлений и официальными статистическими сведениями о них весьма значителен. При этом опрошенные граждане подтверждают необъективность официальных показателей регистрации неправомерных завладений транспортными средствами. Так, ни один респондент не считает, что в официальной статистике отражается 100 % от всех фактически совершаемых угонов транспортных средств. Из оставшихся респондентов 35,6 % отметили, что в официальной статистике отражается 30–50 % от всех совершаемых преступлений, 27,6 % полагают, что выявляется менее 30 %, 18,4 % – 50–70 %, 18,4 % полагают 70 %. Таким образом, около трети опрошенных уверены в том, что регистрируется больше половины от всех неправомерных завладений транспортными средствами, две трети респондентов полагают, что их менее половины.

С точки зрения ряда специалистов, правоохранительные органы в борьбе с преступностью в отдельных случаях целенаправленно применяют стратегию выборочного уголовного реагирования [5; 6; 7; 8]. Это подтверждают и результаты нашего исследования: 30,8 % респондентов утверждают, что знают о незарегистрированных правоохранительными органами фактах неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством; 43 % опрошенных считают, что преступления не расследовались в связи с нежеланием правоохранительных органов заниматься подобными происшествиями. Здесь имели место факты прямого укрывательства преступлений от учета, необоснованные вынесения постановлений об отказе в возбуждении либо прекращении уголовных дел. Латентность преступлений, предусмотренных ст. 166 УК РФ, по мнению экспертов, объясняется и другими обстоятельствами: неверной юридической оценкой преступлений как иных правонарушений; ошибочной квалификацией, когда в ходе расследования преступлений применяется другая норма*; нерешенностью проблем технологии статистического учета; отсутствием в правоохрани-

тельной деятельности единого подхода к выявлению и фиксации преступлений, совершаемых некоторыми категориями лиц (например, несовершеннолетними) [10]; неустановлением причастности к преступлению всех участников группового посягательства; заключением соглашений преступника с потерпевшим.

Применительно к неправомерному завладению транспортными средствами необходимо охарактеризовать и региональные особенности преступлений, например влияние на распространенность и криминологическую характеристику содеянного географической удаленности места совершения преступления от центра населенного пункта (города), наличия сухопутных границ регионов с иными государствами и др. [10; 11].

Как показывает анализ статистических данных, в течение длительного времени среди субъектов Российской Федерации по уровню угонов и хищений транспортных средств лидируют Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Екатеринбург, Краснодарский край. В первую очередь, это связано с насыщенностью авторынka. Кроме того, в больших городах проще всего сбыть похищенную машину. Относительно редки случаи неправомерного завладения транспортными средствами в Алтайском крае, Ямало-Ненецком автономном округе, на Камчатке.

В Ростове-на-Дону ежегодно регистрируется свыше 500 фактов неправомерных завладений автотранспортными средствами. Раскрываемость этих преступлений низка. Так, в Ростове-на-Дону она составляет лишь около 30 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Чаще всего виновных в угоне задерживают сотрудники ГИБДД при несении службы в процессе участия в оперативно-профилактических мероприятиях. Оперативные сотрудники уголовного розыска задерживают угонщиков обычно после того, как обнаружено угнанное транспортное средство. Наши респонденты утверждают, что именно сотрудники ГИБДД и уголовного розыска могут наиболее эффективно противодействовать неправомерному завладению автомобилем или иным транспортным средством (соответственно 42,4 % и 26 % ответов).

* Иногда правоохранительные органы недостаточно полно исследуют мотивы и цели совершения преступления и ошибочно квалифицируют неправомерное завладение транспортными средствами не по ст. 166, а по другим нормам Уголовного кодекса РФ (ст. 158, 161, 162 УК РФ и пр.) [9].

По данным криминологических исследований, при совершении угона основным предметом преступного посягательства выступает легковой транспорт (около 60 %), реже – грузовой (около 20 %), строительная и сельскохозяйственная техника (трактор, грейдер, экскаватор, бульдозер и т. д.) (около 15 %).

Что касается легкового транспорта, то предметами преступных посягательств чаще всего являются бюджетные «седаны», «кроссоверы» средней ценовой категории и «люксовые» внедорожники. Преступники похищают эти автомашины, ориентируясь на потребительский спрос, а также отсутствие серьезных препятствий для завладения ими.

В первом квартале 2016 года в целом по стране самыми угоняемыми автомобилями были: «Жигули» 2106 («Шестерка») – 331 ед.; «Жигули» 2107 («Семерка») – 302 ед.; Toyota Corolla – 251 ед.; LADA 2109 («Девятка») – 247 ед.; Ford Focus – 246 ед.; LADA «Приора» – 216 ед.; Mazda 3 – 208 ед.; Toyota Camry – 195 ед.; KIA Rio – 191 ед.; Hyundai Solaris – 177 ед.; LADA Granta – 144 ед.; LADA 2110 («Десятка») – 142 ед. Спросом среди преступников пользуется отечественная «Газель Next».

Итак, большая часть угнанных и похищенных транспортных средств относится к популярным отечественным моделям. Последних больше всего у автолюбителей, их относительно легко угнать и реализовать. Зачастую такие машины угоняют, чтобы «просто покататься». Далее в рейтинге угонов выделяются бюджетные иномарки Toyota Corolla, Ford Focus, Mazda 3. В 2016 возросло количество угонов Hyundai Solaris и KIA Rio. На востоке страны предметом неправомерного завладения транспортным средством обычно выступают автомобили японского производства («Тойота», «Ниссан», «Мицубиси»), так как там практически отсутствуют отечественные марки [12].

Увеличение количества угоняемых иномарок в последние годы обусловлено тем, что из-за колебаний курса рубля покупать оригинальные детали от иностранного производителя стало совершенно невыгодно. Поэтому большое количество бюджетных и популярных моделей иностранных брендов похищается в целях разбора, чтобы впоследствии продавать их по запчастям. Показательно, что чем ближе регион расположен к столице, тем выше стоимость угоняемых автомобилей. Из

премиальных брендов в Москве и других крупных городах следует упомянуть Land Rover (угоняется 5,6 машин на каждую тысячу) и Jaguar (4 автомобиля на зарегистрированную тысячу). Немного отстают от них Acura, BMW, Cadillac, Lexus, Mercedes, Porsche. Как правило, такие автомобили перегоняют в другие регионы и даже страны (чаще всего в пределах СНГ), где продают по поддельным документам местным жителям [13].

Одним из основных критериев при выборе преступниками автомобиля является его техническое состояние. Среди похищенных автомашин 33 % были в эксплуатации до 3 лет, 29 % – от 3 до 5 лет, 14 % – от 5 до 7 лет. Таким образом, «возраст» транспортного средства значительно снижает его привлекательность для преступников.

В рамках криминологического исследования неправомерного завладения транспортным средством без цели хищения целесообразно охарактеризовать место, время и обстановку совершения преступления. Эти понятия взаимосвязаны. Место наряду со временем всегда выступает необходимым компонентом, частью обстановки, так как она иначе не может быть территориально и временно определена.

Анализ материалов уголовных дел и приговоров судов, данных статистики показывает, что в подавляющем большинстве случаев неправомерное завладение транспортными средствами происходит в городах (каждый 4-й случай из 5) и гораздо реже в сельской местности. Так, наибольшую активность преступники проявляют в крупных городах Ростовской области: Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Таганроге, Шахтах.

В крупных городах области на места совершения преступлений данного вида оказывает влияние географическое положение районов (микрорайонов), расположение улиц, застройка жилых массивов. Лидирующие позиции по количеству хищений и угонов транспортных средств занимают следующие районы Ростова-на-Дону: Ворошиловский (проспект Космонавтов, улицы Волкова, Ленина, Королева, Орбитальная, Добровольского, Комарова), Первомайский (проспект Шолохова, улицы 1-й Конной Армии, Вятская, Казахская, Миронова), Советский (улицы Краснодарская, Еременко, Зорге, Малиновского, 339 Стрелковой дивизии, проспекты Стачки, Коммунистический) и Октябрьский (Таган-

рогское шоссе, улицы Авиамоторная, Шеболаева, Вавилова, Горшкова, проспект Буденновский).

Местами неправомерных завладений транспортными средствами обычно являются улицы и дворы. Достаточно редко неправомерное завладение транспортными средствами совершается в гаражах, оснащенных охранной сигнализацией, и на территории охраняемых платных коллективных стоянок автотранспорта. Таким образом, важнейшим условием совершения этого преступления становится отсутствие надлежащей охраны транспортных средств.

Согласно данным, полученным в результате изучения уголовных дел, для совершения неправомерного завладения транспортным средством наиболее благоприятным является весенне-летне-осенний период [14]. Это объясняется тем, что в зимний период значительное число автотранспортных средств не эксплуатируется, они находятся на ремонте или консервации, следовательно, уменьшается число противоправных посягательств на них. С апреля по октябрь, в период наиболее интенсивного использования транспортных средств, происходит увеличение посягательств исследуемого вида.

Резюмируя, обозначим некоторые составляющие криминологической характеристики неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством:

1. Динамика неправомерных завладений транспортными средствами в России характеризуется в целом тенденцией к снижению, однако официальные цифры статистики по данному виду преступлений и их раскрываемости являются необъективными. Удельный вес анализируемого вида преступлений в общей структуре преступности на протяжении последних 20 лет колебался в диапазоне от 0,6 до 2,6 %. Наибольший удельный вес угонов отмечен в 2002 году (2,6 %), наименьший – в период с 2007 по 2012 год и в 2014 году.

2. Как правило, угоны автомобилей сроком эксплуатации до 5 лет совершаются в весенне-летне-осенний период из дворов и улиц в вечернее и ночное время в городе с целью покататься на автомашине путем использования различного рода орудий. Эти преступления обычно не раскрываются. В противном случае угонщика задерживают сотрудники ГИБДД или уголовного розыска в течение нескольких дней до совершения им каких-либо действий по продаже, разборке и т. п. транспортного средства.

Литература

1. Отчеты о состоянии преступности в России, опубликованные ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports>
2. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006: науч. изд. / под ред. С. М. Иншакова. М., 2007.
3. Ким Е. Р. Криминологическая характеристика и предупреждение краж и угонов автомобилей и иных транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2006.
4. Попандопуло Д. В. Государственная регистрация транспортных средств как мера противодействия их незаконному обороту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.
5. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999.
6. Сухарев А. Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.
7. Горяинов К. К., Исиченко А. П. Латентная преступность. М., 1994.

Bibliography

1. The status reports of crime in Russia published by GIATs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://Ministry of Internal Affairs of Russian Federation/reports>
2. A latent crime in the Russian Federation: 2001–2006: scientific edition / ed. by S. M. Inshakov. Moscow, 2007.
3. Kim E. R. Criminological characteristic and prevention of thefts and stealings of cars and other vehicles: abstract of dis. ... PhD in Law. Khabarovsk, 2006.
4. Popandopulo D. V. State registration of vehicles as measure of counteraction to their illicit trafficking: abstract of dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2006.
5. Lunev V. V. Crime of the XX century. World, regional and Russian tendencies. Moscow, 1999.
6. Sukharev A. Ya. A phenomenon of the Russian crime during a transition period: tendencies, ways and means of counteraction: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 1996.
7. Goryainov K. K., Isichenko A. P. Latent crime. Moscow, 1994.
8. Golik Ju. V. Fight against crime as problem // Crime, criminal policy, law. Moscow, 2016.

8. Голик Ю. В. Борьба с преступностью как проблема // Преступность, уголовная политика, закон. М., 2016.
9. Сухомлинов Д. В. О субъективной стороне угона автомобиля или иного транспортного средства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9.
10. Криминологические аспекты латентной преступности несовершеннолетних в г. Москве. М., 2009.
11. Лелеков В. А., Копчелова Е. В. Криминологический анализ преступлений несовершеннолетних против собственности // Рос. следователь. 2015. № 13.
12. Чернов А. В. Теоретические основы криминологического исследования и предупреждения преступности в Сибирском федеральном округе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2006.
13. Самые угоняемые машины России 2016 года. URL: https://life.ru/t/avto/906043/samyie_ughoniaiemyie_mashiny_rossii_2016_ghoda; <http://www.1gai.ru/publ/517512-statistika-ugonov-v-2016-godu-yanvar-iyul.html> @ 1gai.ru
14. Аветисян Л. Р. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
9. Sukhomlinov D. V. About the subjective party of stealing of the car or other vehicle // Urgent problems of Russian Law. 2015. № 9.
10. Criminological aspects of a latent crime of minors in Moscow. Moscow, 2009.
11. Lelekov V. A., Kosheleva E. V. The criminological analysis of crimes of minors against property // Russian investigating officer. 2015. № 13.
12. Chernov A. V. Theoretical bases of a criminological research and crime prevention in Siberian Federal District: abstract of dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2006.
13. The most hijacked cars of Russia of 2016. URL: https://life.ru/t/avto/906043/samyie_ughoniaiemyie_mashiny_rossii_2016_ghoda; <http://www.1gai.ru/publ/517512-statistika-ugonov-v-2016-godu-yanvar-iyul.html> @ 1gai.ru
14. Avetisyan L. R. Illegal occupancy by the car or other vehicle without the plunder purpose: criminal and legal and criminological aspects: abstract of dis. ... PhD in Law. Tambov, 2009.

© 2017 г. О. Н. Чистотина,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат педагогических наук.
E-mail: chistotina@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В статье рассмотрен ряд проблем, затрудняющих деятельность по предупреждению рецидивной преступности, для устранения которых, а также в целях создания комплексной системы постпенитенциарного контроля за осужденными, преодоления ведомственных барьеров, повышения эффективности индивидуально-профилактического воздействия на поднадзорных требуется незамедлительное нормотворческое урегулирование и внесение соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: рецидивная преступность, административный надзор, осужденный, поднадзорный, органы внутренних дел, предупреждение преступлений, индивидуальная профилактика, профилактическое воздействие, социальная адаптация.

O. N. Chistotina – Assistant Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ryazan branch of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, PhD of Pedagogy.

PREVENTION RECIDIVISM: ACTUAL PROBLEMS AND SOLUTIONS

The article considers a number of issues that impede the prevention of recidivism, the solution to which, and in order to create a comprehensive system postpenitentiary control over sentenced and overcoming the departmental barriers, improving the efficiency of individual preventive impact of supervised required for immediate legislative settlement, and the respective changes in the legislation.

Key words: recurrent crime, administrative supervision, convicted, person under surveillance, internal Affairs bodies, crime prevention, individual prevention, preventative intervention, social adaptation.

Повышенная опасность повторной преступности определяется особо негативным влиянием рецидивизма на общую картину преступности, воспроизводство первичной преступности и осложняет криминальную обстановку в целом. К числу существенных факторов, обуславливающих совершение повторных преступлений со стороны лиц, освобожденных из мест лишения свободы, следует отнести: не отвечающую социально-политической ситуации подготовку осужденных к жизни после освобождения, непрогнозируемые трудности при устройстве на работу, необеспеченность жилищно-бытовыми условиями, утрату необходимых жизненных навыков, преодоление которых самостоятельно не под силу лицам, освобождающимся из мест лишения свободы, отсутствие в законодательстве четкого определения критериев, свидетельствующих о том, что для исправления осужденный не нуждается в полном отбытии назначенного судом наказания, а также переходного периода у лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы.

Устойчивый рост числа зарегистрированных преступлений, совершенных ранее суди-

мыми лицами, возможен вследствие ряда организационных упущений, отсутствия должного контроля за указанной категорией лиц, нарушений положений Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Закон об административном надзоре).

В основном это может быть связано с формальным подходом сотрудников полиции к индивидуальной профилактической работе в отношении поднадзорных лиц, наличием в делах административного надзора малоинформативных и недостоверных документов о проведенных проверочных мероприятиях по месту жительства (пребывания) последних, их поведении, материальном положении и т. п. Безусловно, отсутствие контроля и непринятие своевременных мер по установлению административного надзора за ранее судимыми лицами зачастую приводят к совершению ими повторных преступлений.

В то же время существуют объективные причины, мешающие более качественно и эффективно осуществлять надзор за исполнением административного законодательства в

сфере контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, к ним следует отнести: недостаток времени ввиду большой загруженности сотрудников органов внутренних дел, в том числе в связи с нехваткой кадров; отсутствие методической литературы; несовершенство административного законодательства и практики его применения; недостаточно эффективная профилактическая работа с поднадзорными лицами, проводимая участковыми уполномоченными полиции при осуществлении административного надзора; отсутствие надлежащего контроля и надзора за исполнением указанного законодательства со стороны контролирующих органов; ненадлежащее взаимодействие учреждений уголовно-исполнительной системы с территориальными органами МВД России, судебными органами по вопросам осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Нельзя оставить без внимания не только отсутствие процесса ресоциализации осужденных, но и низкий уровень жизни, общей и правовой культуры населения [1, с. 108]. Отдельной проблемой является неготовность большей части граждан «принять» ранее судимых в обществе.

В ходе реализации административного надзора территориальными органами МВД России были выявлены трудности его установления в отношении граждан, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость, подпадающих под действие Закона об административном надзоре, не имеющих регистрации и постоянного места жительства. Также в отношении данных лиц не представляется возможным установить такие ограничения, как запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток (п. 3 ч. 1 ст. 4 Закона об административном надзоре) [2].

Особую проблему составляет преемственность исправительных учреждений и подразделений органов внутренних дел в осуществлении профилактических и воспитательных функций, а также в управлении социальной адаптацией освобожденных из мест лишения свободы. Все согласованные действия сводятся к разовым мероприятиям, целиком зависящим от инициативы и квалификации отдельных сотрудников. Особенно слаба пре-

емственность в начальный период работы с освобожденными от наказания. Профилактическое воздействие на этих лиц со стороны органов внутренних дел часто отстает по времени от процесса приспособления их к жизни в обществе. Разрозненность, несогласованность совместных действий, низкий уровень преемственности отрицательно влияют на эффективность работы по предупреждению повторной преступности со стороны поднадзорных.

В настоящее время законодатель четко обозначил 6-месячную подготовку осужденных к освобождению (ч. 1 ст. 180 УИК РФ) [3]. Большинство ведомственных нормативных актов ориентируют на годовой период работы с освобожденными из мест лишения свободы. К тому же следует иметь в виду, что значительная часть освобожденных совершают новые преступления в первый год после освобождения. Принимая во внимание наметившееся комплексное регулирование нормами различных отраслей права этой сферы общественных отношений, целесообразно организационно объединить подготовку осужденных к освобождению и управление их социальной адаптацией после отбытия наказания в единый профилактический процесс с обозначением его начала (за 6 месяцев до освобождения) и конца (по истечении одного года пребывания на свободе). Это позволит оценивать эффективность деятельности конкретных должностных лиц исправительных учреждений и органов внутренних дел, ответственных за профилактическую работу с освобождаемыми и освобожденными от отбывания наказания, не только по количеству мероприятий, но и по конечному результату (единому показателю) – уровню предотвращения рецидивной преступности в период их адаптации к условиям свободы.

Следует отметить некоторые недостатки в вопросах обмена информацией о характеристике личности осужденного, образе жизни, привычках, связях, интересах, местах пребывания, а также лицах из их окружения, которая должна быть использована для своевременного выявления преступных намерений и предупреждения противоправной деятельности. Разрозненность, несогласованность совместных действий, особенно в начальный период работы с данной категорией осужденных, способствует совершению с их стороны повторных преступлений.

Для правильного установления и эффективного осуществления предупредительных мер нужна единая, четко налаженная, скоординированная система сбора информации. Полагаем, что создание единого электронного учета позволит облегчить доступ к информации о личности осужденного всех подразделений правоохранительных органов. Кроме того, при введении единого информационного документа на осужденного следует фиксировать данные, которые могут играть качественно новую, прогнозирующую роль. При этом должно исключаться их дублирование на различных этапах обеспечения реализации уголовной ответственности, что дает возможность осуществлять профилактику преступлений с наименьшей затратой сил и времени.

Для оказания необходимой помощи, содействия в социально-бытовом и трудовом устройстве лицам, освобожденным из мест лишения свободы, их адаптации в обществе по месту проживания, требуется более тесное взаимодействие федеральной службы занятости и органов местного самоуправления с сотрудниками органов внутренних дел, так как конечной целью общей и индивидуальной профилактики является удержание лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, от совершения новых преступлений и правонарушений.

Государственным органам необходимо изыскивать финансовые средства для дополнительного оснащения, технического перевода на новые уровни контроля за поднадзорными. Следует шире использовать опыт Федеральной службы исполнения наказаний по созданию в стране центров социальной реабилитации для бывших осужденных. Как утверждает, среди бывших осужденных, которые получили соответствующую социальную помощь в таких центрах, уровень рецидивной преступности составляет 3,5–4 % [4].

Практика осуществления органами полиции административного надзора за ранее судимыми лицами показывает, что после осуществления проверок нахождения поднадзорных по месту жительства в ночное время данные лица покидают место жительства в нарушение установленных судом ограничений. Учитывая развитие в стране компьютерно-информационных технологий, представляется целесообразным при осуществлении административного надзора применение комплекса инженерно-технических устройств анало-

гичного тому, что применяется при исполнении наказания в виде ограничения свободы. Осознание подозреваемым того, что он находится под постоянным наблюдением сотрудников полиции, в том числе визуально, на экране монитора компьютера, может удерживать данное лицо от совершения необдуманных поступков.

Осуществляемая сотрудниками полиции деятельность по контролю за поднадзорными лицами с 2011 года по настоящее время позволяет сделать вывод о необходимости внесения изменения в федеральное законодательство в части расширения списка административных ограничений и усиления ответственности за их несоблюдение, расширить полномочия суда, органов внутренних дел. Только в этом случае административный надзор станет более эффективным.

В законе об административном надзоре следует закрепить перечень обязанностей поднадзорных лиц, которые могут быть установлены судом одновременно с административными ограничениями, например: трудиться (трудоустроиться), так как постоянная занятость, участие в жизни коллектива даст реальную возможность изменить свою дальнейшую судьбу; получить образование; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, венерических заболеваний и др.

Ситуация осложняется тем, что в действующем законодательстве четко не регламентирован механизм, порядок осуществления и проведения соответствующей индивидуально-профилактической работы. На сегодняшний день все согласованные действия сводятся к разовым мероприятиям, целиком зависящим от инициативы и квалификации отдельных сотрудников органов внутренних дел. Как показывает практика, многие из них проводят индивидуально-профилактические беседы, однако содержание последних зачастую поверхностно, сам характер формален, что не способствует решению возникающих проблем [5, с. 81].

Таким образом, к основным направлениям деятельности по предупреждению рецидивной преступности следует отнести: выявление причин и условий, способствующих росту этой преступности; меры по обеспечению в правоохранительной деятельности учета личности осужденного и характера его допреступного и преступного поведения; законодательное определение форм и методов

проведения индивидуальной профилактической работы с данной категорией лиц; меры по расширению взаимодействия исправительных учреждений с региональными подразделениями органов внутренних дел; усиление контроля за условно-досрочно освобожденными лицами; повышение эффективности административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; оказание социальной помощи нуждающимся лицам после отбытия ими наказания; меры по совершенствованию информационного обеспечения борьбы с рецидивной преступностью, а также многое другое.

Литература

1. Состояние и прогноз изменения криминогенной обстановки в Рязанской области: аналитический обзор / А. Я. Гришко, Д. Е. Некрасов, Р. А. Корнилович и др. / под общ. ред. А. Я. Гришко; под науч. ред. Д. Е. Некрасова. Рязань, 2016.
2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федер. закон Рос. Федерации от 6 апр. 2011 г. № 64-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 апр.
3. О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 8 янв. 1997 г. № 2-ФЗ // Рос. газ. 1997. № 9.
4. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Минюста России на 2015–2017 годы. URL: <http://minjust.ru>
5. Криминогенная обстановка и проблемы противодействия преступности и профилактики правонарушений в Рязанской области: науч.-аналит. обзор / А. Я. Гришко, Д. Е. Некрасов, И. Б. Власов и др. Рязань, 2014.

Наблюдаемый в последнее десятилетие устойчивый рост рецидивной преступности в обществе и отсутствие видимых результатов борьбы с ней со всей очевидностью обозначили острую необходимость консолидации всех правоохранительных органов в борьбе с этим уже фактически социальным явлением, которое в настоящее время представляет собой одну из угроз национальной безопасности. Среди определяющих условий такой консолидации на первый план должна выступать единая комплексная федеральная программа профилактики рецидивной преступности.

Bibliography

1. The status and forecast of changes in the crime rate in the Ryazan region: an analytical review / A. Ya. Grishko, D. E. Nekrasov, R. A. Kornilovich et al.; under the General editorship of A. Y. Gryshko; under scientific. edited by D. E. Nekrasov. Ryazan, 2016.
2. On administrative supervision over persons released from places of imprisonment: Federal Law of the Russian Federation from April, 6 2011. № 377-FL // Russian newspaper. 2011. April 6.
3. About introduction in action of the Criminal and executive code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from January, 8 1997 // Russian newspaper. 1997. № 9.
4. Report on results and main directions of activities of the Ministry of justice of Russia in 2015–2017. URL: <http://minjust.ru>
5. The crime situation and problems of combating crime and crime prevention in the Ryazan region: a scientific and analytical review / A. Y. Grishko, D. E. Nekrasov, I. B. Vlasov et al. Ryazan, 2014.

© 2017 г. В. В. Мясликов,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук, доцент.
Тел.: 8 (928) 123-35-69.

В. В. Мясликов,

студент магистратуры Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия.
Тел.: 8 (905) 413-07-17.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В статье проводится анализ судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Исследуя правовые позиции Верховного Суда РФ, авторы раскрывают неоднозначный подход к квалификации добровольной выдачи наркотических средств и психотропных веществ продолжаемых и длящихся преступлений.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, квалификация преступлений, продолжаемое преступление, длящееся преступление.

V. V. Myasnikov – Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

V. V. Myasnikov – Post-Graduate Student of the Rostov branch of the Russian State University of Justice.

THE ISSUES OF QUALIFICATION OF CRIMES IN SPHERE OF ILLEGAL TRAFFIC OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES (ON MATERIALS OF JUDICIARY PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article analyzes of the court practice of the Supreme court of the Russian Federation concerning qualification of crimes in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. Exploring the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, the authors reveal a variety of approaches to qualification voluntary extradition of narcotic drugs and psychotropic substances continued and continuing crimes.

Key words: drug trafficking, the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, qualification of crimes, the offense continued, ongoing crime.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее – наркотиков) уголовно-правовыми средствами является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности России на современном этапе развития.

Несмотря на имеющуюся правовую базу, накопленный опыт, практика применения уголовно-правовых норм в сфере незаконного оборота наркотиков последних десятилетий показала, что в правоприменительной деятельности имеются существенные недостатки, связанные с неправильным применением ряда институтов уголовного права.

Наибольшее количество наркопреступлений связано с незаконным приобретением и хранением наркотиков. Здесь основной

ошибкой является автоматическое вменение виновному лицу при незаконном хранении наркотиков и их незаконного приобретения (перевозки, переработки и т. д.), несмотря на то, что каждое из этих действий носит самостоятельный характер и подлежит доказыванию в процессе правоприменения.

Например, приговором Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики Полуэктов Р. С. признан виновным по факту обнаруженных по месту его проживания наркотических средств и осужден за незаконное приобретение и хранение наркотических средств (ч. 1 ст. 228 УК РФ). Однако Верховный Суд Российской Федерации отметил, что по смыслу закона при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию событие преступления (время, место, способ

и другие обстоятельства совершения преступления), и, как следует из материалов уголовного дела, ни органами предварительного следствия, ни судом не установлено событие преступления – время, место и обстоятельства приобретения Полуэктовым Р. С. наркотических средств. В приговоре лишь указано, что в не установленное органами предварительного следствия время, у не установленным следствием лица, при неустановленных обстоятельствах приобрел наркотическое средство – героин массой не менее 1,9 грамма. В связи с изложенным осуждение Полуэктова Р. С. за незаконное приобретение героина в крупном размере подлежит исключению из приговора [1].

Достаточно спорным по-прежнему считается вопрос о признании в действиях подсудимых добровольной выдачи наркотиков, которая является одним из условий последующего освобождения от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 228 УК РФ. Следует отметить, что при решении данного вопроса позиции Верховного Суда РФ также расходятся.

Напомним, что под добровольной выдачей понимается добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, лицом представителям власти при наличии у этого лица реальной возможности распорядиться ими иным способом. При задержании лица, а также при проведении следственных действий по обнаружению и изъятию наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, выдача таких средств, веществ или растений по предложению должностного лица, осуществляющего указанные действия, не может являться основанием для применения примечания 1 к статье 228 УК РФ [2].

Данное толкование добровольной выдачи на первый взгляд является логичным, соответствующим правилам юридической техники, понятным, но на практике порождает массу правовых проблем как материального, так и процессуального характера (не говоря уже об общетеоретических). Рассмотрим лишь некоторые из них.

Так, в приговоре Алтайского краевого суда указано, что Матвеев выезжал за пределы городской черты, где из тайников доставал наркотические средства, доставлял их в город, хранил у себя дома, расфасовывал и закладывал в тайники с целью дальнейшей передачи другим лицам, то есть выполнял все подготовительные действия для сбыта наркотических средств. В процессе движения Матвеев был задержан сотрудниками полиции (остановлена машина под его управлением), которым сообщил о наркотиках, имеющихся в машине и по месту его проживания. С учетом этих обстоятельств суд принял решение о том, что выдачу Матвеевым наркотических средств нельзя признать добровольной, так как их изъятие производилось при задержании осужденного, когда у сотрудников полиции уже имелись сведения о приготовлении последнего к сбыту наркотических средств и местах их хранения [3].

Другой пример. По приговору Санкт-Петербургского городского суда от 10 декабря 2015 года Кучеров А. В. осужден за незаконную пересылку наркотических средств (по почтовым отправлением). В жалобе осужденный обращает внимание на добровольную выдачу им наркотических средств, место нахождения которых работникам правоохранительных органов известно не было. Верховный Суд РФ установил, что приведенные в апелляционной жалобе доводы о добровольной выдаче Кучеровым А. В. места нахождения наркотических средств, которое работникам правоохранительных органов известно не было, являются неубедительными, поскольку эти доводы не основаны на материалах дела, указывающих на то, что такое заявление осужденным сделано после его задержания, обнаружения почтовых отправлений с наркотическим средством и перед производством обыска по месту его жительства, где и хранилось наркотическое средство [4].

Исследуя правовые позиции Верховного Суда РФ по этим делам, можно прийти к выводу о том, что в первом случае суд считает ограничение свободы осужденного Матвеева задержанием, при котором добровольная выдача невозможна.

Очевидно, что понятие «задержание», указанное в примечании к ст. 228 УК РФ, связывается в первую очередь не с ограничением физической свободы, а с задержанием как мерой процессуального принуждения, которую возможно применить в рамках административного или уголовно-процессуального

законодательства. Иными словами, «схватить за руку» физическое лицо можно, но для этого должны быть основания, предусмотренные законом.

Основанием административно-правового задержания является совершение лицом административного правонарушения, причем с обязательным составлением протокола об административном правонарушении. По административным правонарушениям оперативно-разыскные мероприятия не проводятся.

Основанием уголовно-процессуального задержания в порядке ст. 91 УПК РФ (применительно к данному случаю) является совершение лицом преступления, а необходимые в этих случаях следственные действия (обыск) возможно осуществить только после возбуждения уголовного дела.

Из материалов уголовного дела, возбужденного в отношении Кучерова А. В., видно, что он был задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, возбуждено уголовное дело и только перед непосредственным проведением следственного действия (обыска) им сделано заявление об имеющихся наркотиках. Данные обстоятельства полностью охватываются примечанием к ст. 228 УК РФ, и добровольной выдачи в действиях осужденного быть не может.

Как следует из материалов уголовного дела в отношении Матвеева, основания задержания на момент остановки транспортного средства под его управлением отсутствовали. Осуществлялась оперативно-разыскная деятельность, оперативная информация, имеющаяся у сотрудников оперативного подразделения в отношении преступной деятельности Матвеева, не является административным правонарушением и не может служить основанием для его задержания в порядке ст. 91 УПК РФ. Оперативно-разыскное законодательство вообще не обеспечено собственным механизмом принуждения.

Задержание возможно осуществить и по основаниям, предусмотренными ст. 14 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Но Матвеев административного правонарушения не совершал, и его действия не подпадают ни под одно из условий для задержания, указанных в данной статье. Это значит, что исключать возможную добровольную выдачу наркотиков до применения к Матвееву меры процессуального принуждения в виде задержания нельзя. Соответственно, суд толкует понятие «задержание» как фактическое ограничение свободы, что противоречит действующему законодательству. К сожалению, по-

добное толкование прослеживается и в других решениях судей Верховного Суда РФ.

Так, судья Верховного Суда РФ, изучив кассационную жалобу Билока Д. В., в которой осужденный ставил вопрос о признании в его действиях добровольной выдачи наркотиков, так как он добровольно сообщил оперативным сотрудникам, остановившим его на улице, об имевшихся у него наркотиках, указал, что нельзя принять во внимание доводы кассационной жалобы осужденного о добровольной выдаче им наркотического средства сотрудникам ФСКН, поскольку по смыслу закона добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов заключается в выдаче лицом таких средств и веществ представителям власти при наличии у данного лица реальной возможности распорядиться ими иным способом. Билок Д. В. этой возможности не имел, поскольку сообщил оперативным сотрудникам о наличии у него наркотического средства уже в ходе проведения мероприятий по установлению его личности и после выяснения вопроса о наличии у него запрещенных к обороту веществ. Суд в подаче кассационной жалобы на приговор для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции осужденному Билоку Д. В. отказал [5].

В данном случае процесс установления личности уже считается задержанием, таковым не являясь. Представляется, что изложенные доводы судьи – это позиция, обусловленная его толкованием добровольной выдачи, а закон связывает невозможность добровольной выдачи только с задержанием лица или проведением следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие наркотиков. В иных случаях добровольность выдачи как одного из условий освобождения от уголовной ответственности не исключается.

Достаточно неоднозначной представляется позиция судов по квалификации как единого продолжаемого преступления нескольких эпизодов преступной деятельности. Под продолжаемыми понимаются преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление [6].

Например, лицо имеет мешок наркотиков, и умысел у него направлен на сбыт всего мешка. Однако это лицо реализует свой преступный умысел по частям, продавая наркотики маленькими партиями. Такое преступление необходимо считать единым продолжаемым преступлением.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрела в судебном заседании дело по апелляционным жалобам осужденных Крачилова Д. Д. и Журбы А. В. на приговор Ленинградского областного суда от 16 ноября 2015 года, в соответствии с которым эти лица осуждены за три самостоятельных преступления, связанных с производством метадона, по эпизодам от 29 апреля 2013 года, 19 сентября 2013 года и 5 марта 2014 года. Вместе с тем, поскольку производство наркотической смеси с содержанием метадона осуществлялось серийно, в одном и том же месте, при использовании одних и тех же технических средств, сырья и приемов, в неизменном составе членов организованной группы и с единым умыслом, судебная коллегия приходит к выводу о том, что все эти действия осужденных по производству наркотического вещества в особо крупном размере являлись одним продолжаемым преступлением, предусмотренным ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, а не совокупностью преступлений, как это ошибочно указано в приговоре [7].

В некоторых случаях совокупностью признается оконченная преступная деятельность, и она же считается неоконченной по другому преступлению.

Например, Ройтенберг А. И. признан виновным в незаконном производстве и приготовлении к незаконному сбыту наркотического средства. Вместе с тем при квалификации действий осужденного, связанных с производством наркотических средств с целью их последующего сбыта, по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, диспозиция которой включает несколько альтернативных признаков, суд наряду с квалификацией по признаку незаконного производства наркотического средства как оконченного преступления одновременно квалифицировал эти же действия как приготовление к незаконному сбыту наркотического средства. Однако уголовный закон не предусматривает квалификацию одного и того же преступления как оконченного и неоконченного. Поскольку признак ст. 228.1 УК РФ в виде незаконного производства наркотических средств предусматривает уголовную ответственность за их незаконное производство, в том числе и с целью сбыта, в случае если действия виновных были пресечены на стадии производства, их квалификация еще и как приготовления к незаконному сбыту является излишней [8].

В указанных примерах суд дал объективную оценку содеянному, учел все обстоятель-

ства совершения преступления и сделал обоснованные выводы.

Приведем несколько таких решений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного Суханова К. К., установила, что Суханов К. К. признан виновным в незаконном сбыте наркотического средства (гашиша) в особо крупном размере (24 279,9 г), а также в приготовлении к незаконному сбыту наркотического средства (гашиша) в особо крупном размере (13 099,1 г) по фактам изъятия наркотиков в принадлежащей ему машине и 662,9 г в гаражном боксе. Преступления совершены с 18 по 29 октября 2014 года.

В жалобе осужденный Суханов К. К. указывает, что его действия по факту передачи наркотических средств Мкртычеву и обнаружения у него остальной части изъятых наркотического средства следует квалифицировать как одно преступление – покушение на сбыт наркотического средства в особо крупном размере группой лиц по предварительному сговору, а не как несколько самостоятельных преступлений, ссылаясь при этом на постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Жалобу Суханов К. К. мотивирует тем, что гашиш массой 38 041,9 г – приобретен им с целью дальнейшего сбыта одновременно, часть наркотического средства – 24 279,9 г – передана Мкртычеву, а оставшаяся часть – 13 099,1 г и 662,9 г – продолжала храниться для последующего сбыта в машине и гаражном боксе, но сбыть данное наркотическое средство не представилось возможным в связи с его задержанием. Судебная коллегия эти действия вопреки доводам жалобы Суханова К. К. о необходимости квалификации действий осужденного как одного преступления квалифицировала как самостоятельные преступления [9].

Таким образом, оснований для переквалификации действий осужденного Суханова К. К. Судебная коллегия не нашла. В данном определении Верховного Суда РФ произошла констатация факта, установленного приговором нижестоящего суда. Обоснование же своих выводов по данным эпизодам вышестоящий суд не представил.

Противоположную позицию высказала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу, возбужденному в

отношении Цыбана Ю. В., который признан виновным и осужден за покушение на незаконный сбыт наркотического средства в значительном размере по эпизоду незаконного сбыта гражданину под псевдонимом «Д.» каннабиса (марихуаны) весом 1,94 г и по эпизоду изъятия каннабиса (марихуаны) весом 10,94 г в ходе обыска по месту его проживания. В кассационной жалобе Цыбан выражает несогласие с решениями нижестоящих судов, считая их незаконными и необоснованными: полагает, что судом неправильно применен уголовный закон, утверждает, что наркотическое средство – каннабис (марихуану) весом 10,94 грамма, изъятое в ходе обыска у него дома, он хранил для личного потребления. Не оспаривает факт сбыта гражданину под псевдонимом «Д.» каннабиса (марихуаны) весом 1,94 г, однако просит приговор изменить, переqualифицировать его действия на два самостоятельных преступления – ч. 1 ст. 228.1 УК РФ (по факту незаконного сбыта) и ч. 1 ст. 228 УК РФ (по факту незаконного хранения без цели сбыта). Проверив уголовное дело, судебная коллегия отказала осужденному Цыбану Ю. В. в удовлетворении кассационной жалобы в связи с отсутствием оснований ставить под сомнение оценку доказательств, данную судом первой инстанции [10].

Применительно к рассматриваемому вопросу п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31 устанавливал, что когда лицо, имея умысел на сбыт наркотиков в крупном или особо крупном размерах, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него указанных средств или веществ, не образующую крупный или особо крупный размер, все содеянное им подлежит квалификации как покушение на незаконный сбыт наркотиков в крупном либо в особо крупном размерах. То есть все действия должны рассматриваться как единое продолжаемое преступление, и квалификация осуществляется по направленности умысла. Это правило необходимо было применять и к другим преступлениям, связанным с наркотиками, конструкция состава которых может предусматривать продолжаемый характер их совершения (незаконная пересылка, незаконное производство и т. д.).

Данное положение действовало до 30 июня 2015 года и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 30 исключено. Однако, несмотря на это, правовая природа продолжаемого преступления не меняется. Представляется, что по делу Суханова судом допущена квалификационная ошибка, которая изменила характер и степень общественной опасности совершенного преступления и непосредственно повлияла на размер и вид наказания.

Искусственное разделение единого преступления на несколько эпизодов преступной деятельности просматривается и по делящимся преступлениям. В частности, по делам о незаконном хранении наркотиков без цели сбыта.

Напомним, что под делящимися преступлениями понимаются преступления, характеризующиеся непрерывным осуществлением преступного деяния. Делящееся преступление начинается с какого-либо преступного действия или с акта преступного бездействия. Следовательно, его можно определить как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования. Делящееся преступление начинается с момента совершения преступного действия (бездействия) и кончается вследствие действия самого виновного, направленного на прекращение преступления или наступление событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти) [6].

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ установила, что Сираева Г. Л. признана виновной в незаконном хранении без цели сбыта наркотических средств в значительном (по месту проживания) и крупном (при себе) размерах. Эти действия осужденной Сираевой Г. Л. были квалифицированы судом как отдельные эпизоды преступной деятельности. Исходя из фактических обстоятельств дела судебная коллегия считает, что умысел осужденной Сираевой Г. Л., направленный на незаконное хранение наркотических средств без цели сбыта, охватывал единые, одномоментные действия с наркотическими средствами в крупном размере, в связи с чем дополнительная квалификация ее действий по незаконному хранению без цели сбыта наркотиков в значительном размере является ошибочной [11].

При таких обстоятельствах действия Сираевой Г. Л. квалифицированы как одно преступление, соответственно, применены дру-

гие правила назначения наказания. На наш взгляд, подобная «разбивка» единого преступления на несколько эпизодов преступной деятельности связана с желанием нижестоящего правоприменителя, прежде всего сотрудников оперативных подразделений, искусственно повысить результаты своей оперативно-служебной деятельности путем выставления дополнительных карточек на выявленное преступление.

Но имеется надзорное ведомство, суды, которые должны бороться за чистоту применения уголовного закона, а вместе с этим за-

щищать права и законные интересы граждан нашей страны, пусть и преступивших закон. По большому счету это вопросы существования правового государства, эффективной правовой системы, и, скорее всего, соблюдение правил юридической техники при определении преступности деяния приведет к тому, что к Российской Федерации будет меньше вопросов со стороны Европейского суда по правам человека, несмотря на сложившуюся его прецедентную практику, и сократится количество выплат «справедливой компенсации» из казны государства жалобщикам.

Литература

1. Верховный Суд Российской Федерации: определение суда надзорной инстанции от 11 декабря 2013 г. № 43-Д13-27. URL: <http://consultant.ru>
2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. П. 19. URL: <http://consultant.ru>
3. Верховный Суд Российской Федерации: апелляционное определение от 31 окт. 2013 г. № 51-АПУ-13-33. URL: <http://consultant.ru>
4. Верховный Суд Российской Федерации: апелляционное определение от 24 марта 2016 г. № 78-АПУ16-5. URL: <http://consultant.ru>
5. Верховный Суд Российской Федерации: постановление от 14 апр. 2016 г. № 211-УД16-3. URL: <http://consultant.ru>
6. Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23. URL: <http://consultant.ru>
7. Верховный Суд Российской Федерации: апелляционное определение от 9 февр. 2016 г. № 33-АПУ16-1. URL: <http://consultant.ru>
8. Верховный Суд Российской Федерации: апелляционное определение от 3 марта 2016 г. № 48-АПУ16-4. URL: <http://consultant.ru>
9. Верховный Суд Российской Федерации: апелляционное определение от 9 февр. 2016 г. № 5-АПУ16-3. URL: <http://consultant.ru>
10. Верховный Суд Российской Федерации: кассационное определение от 28 окт. 2015 г. № 18-УД15-75. URL: <http://consultant.ru>
11. Верховный Суд Российской Федерации: кассационное определение от 11 авг. 2016 г. № 11-УД16-27. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. The Supreme Court of The Russian Federation: the definition of the Supervisory instance court of December 11, 2013 № 43-D13-27. URL: <http://consultant.ru>
2. About court practice on Affairs about the crimes connected with narcotics, psychotropic, strong and poisonous substances: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from June, 15th, 2006 № 14. P. 19. URL: <http://consultant.ru>
3. The Supreme Court of the Russian Federation: the appeal Determination dated October 31, 2013 № 51-APU-13-33. URL: <http://consultant.ru>
4. The Supreme Court of The Russian Federation: appeal Determination of March 24, 2016 № 78-APU16-5. URL: <http://consultant.ru>
5. The Supreme Court of the Russian Federation: the decision of April 14, 2016 № 211-UD16-3. URL: <http://consultant.ru>
6. About conditions of application of limitations and Amnesty to the continuing and continued crimes: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the USSR from March 4, 1929 № 23. URL: <http://consultant.ru>
7. The Supreme Court of the Russian Federation: appeal ruling of February 9, 2016 № 33-APU16-1. URL: <http://consultant.ru>
8. The Supreme Court of the Russian Federation: appeal ruling of March 3, 2016 № 48-APU16-4. URL: <http://consultant.ru>
9. The Supreme Court of the Russian Federation: the appeal Determination dated February 9, 2016 № 5-APU16-3. URL: <http://consultant.ru>
10. The Supreme Court of The Russian Federation: the appeal decision of 28 October 2015 № 18-UD15-75. URL: <http://consultant.ru>
11. The Supreme Court of The Russian Federation: The appeal decision of 11 August 11, 2016 № 11-UD16-27. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. К. Э. Таракина,

адъюнкт Краснодарского университета МВД России.
E-mail: kristina-abramova-90@inbox.ru**ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ
ВЫПЛАТ С ДРУГИМИ СПЕЦИАЛЬНЫМИ СОСТАВАМИ МОШЕННИЧЕСТВА**

В статье рассматриваются вопросы разграничения мошенничества при получении выплат от других специальных составов мошенничества, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ. Проводится анализ судебной практики, касающейся квалификации ст. 159.1–159.6 УК РФ.

Ключевые слова: мошенничество, обман, злоупотребление доверием, мошенничество при получении выплат, кредитование, платежные карты, сфера страхования.

К. Е. Tarakina – Adjunct, Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

**PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF FRAUD IN OBTAINING BENEFITS FROM OTHER SPECIAL
COMPOSITIONS FRAUD**

The article deals with the delineation of fraud in obtaining benefits from other special formulations of fraud made by the Russian Federation Criminal Code of the Federal Law of November 29, 2012 № 207-FZ. Examples of jurisprudence relating to the qualification of Art. 159.1–159.6 of the Criminal Code.

Key words: fraud, deception, abuse of trust, fraud in obtaining payment, lending, payment cards, insurance sphere.

В следственной и судебной практике часто возникают затруднения при квалификации мошеннических действий. На наш взгляд, особый интерес представляют вопросы разграничения мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) с другими специальными составами мошенничества, к которым относятся: мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

Исходя из названий вышеуказанных статей наглядным отличием в них является сфера охраняемых общественных отношений. При этом способы совершения рассматриваемых мошеннических действий обладают некоторым сходством, в связи с чем необходимо установление отличительных признаков специальных видов мошенничества, которые позволят избежать ошибок в судебно-следственной практике.

Под мошенничеством в сфере кредитования понимается хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений [1]. В первую очередь, отличительным признаком мошенничества при получении выплат является пред-

мет преступного посягательства, «к которому относятся денежные средства или иное имущество в качестве пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами» [2, с. 395]. Объективная сторона рассматриваемых составов характеризуется хищением и идентичным способом совершения преступления, то есть путем предоставления заведомо ложных сведений. Однако мошенничество в сфере кредитования не может совершаться путем бездействия, поскольку объективная сторона данного состава характеризуется активной формой поведения человека, которая выражается в предоставлении заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

При этом следует отметить, что общественно опасные последствия от совершаемых мошеннических действий наступают в различных сферах жизнедеятельности. Так, при мошенничестве, предусмотренном ст. 159.2 УК РФ, – это социальная сфера, а ст. 159.1 УК РФ охраняет сферу кредитования, которая имеет свои особенности, регулируемые соответствующими законодательными актами.

В свою очередь, мошенничество с использованием платежных карт представляет собой хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или при-

надлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации [1]. Мошенничество с использованием платежных карт, предусмотренное ст. 159.3 УК РФ, характеризуется специфической сферой охраняемых общественных отношений, включающей в себя помимо охраны собственности также и нормальную деятельность банков и иных кредитных организаций, которая связана с беспрепятственным доступом клиентов к своим денежным средствам [3, с. 157].

В юридической литературе не утихают споры относительно пассивного способа совершения мошенничества с использованием платежных карт. Так, в сравнении со ст. 159.2 УК РФ, диспозиция которой предусматривает возможность совершения обмана «путем умолчания о фактах», конструкция ст. 159.3 УК РФ предоставляет возможность для различного толкования способа совершения преступления, а следовательно, и различного правоприменения. Специфика мошенничества с использованием платежных карт обусловлена тем, что рассматриваемый состав преступления по своей законодательной конструкции предполагает использование в качестве средства совершения преступления кредитную, расчетную или иную платежную карту, а в качестве способа – обман.

Наряду с этим правоприменительная практика сталкивается с проблемами разграничения мошенничества с использованием платежных карт от кражи. Примером может являться уголовное дело, возбужденное в отношении гражданина Ш., который, обнаружив утерянную банковскую карту, оплачивал с ее помощью через терминалы безналичной оплаты покупки в магазинах для личных нужд. Его действия были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, так как, по мнению правоприменителя, при совершении общественно опасного деяния обман не являлся способом совершения преступления [4].

С нашей точки зрения, ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием платежных карт» более конкурирует со ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования», поскольку принципиальное отличие между ними заключается лишь в средстве преступного посягательства, в качестве которого выступает кредитная карта, тогда как сфера преступного посягательства у рассматриваемых составов

одинакова. Это обуславливается тем фактом, что нередко при заключении кредитных договоров банки предлагают своим клиентам получить кредит в безналичной денежной форме. При этом для совершения операций по открываемому для заемщика кредитному счету ему выдается кредитная карта. Однако в следственной практике имеются случаи использования лицом обмана еще на стадии заключения кредитного договора и получения кредитной карты, которая впоследствии им не использовалась [5]. Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» преступление можно считать оконченным с момента зачисления денежных средств на соответствующий счет заемщика независимо от последующего использования кредитной карты [5]. Отсюда следует, что применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 159.3 УК РФ, обман и использование карты теряют свою взаимосвязь, поэтому правоприменитель оценивает их раздельно и квалифицирует данное деяние как мошенничество в сфере кредитования [1, с. 49–51].

Наиболее актуальной является проблема разграничения мошенничества при получении выплат с мошенничеством в сфере страхования. Мошенничество в сфере страхования представляет собой хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу [6].

Аналогично с предыдущими специальными составами мошенничества принципиальным отличием ст. 159.2 УК РФ от ст. 159.5 УК РФ становится предмет преступного посягательства, в качестве которого для последнего выступает имущество в виде денежных средств, подлежащих выплате страхователю или иному лицу (застрахованному, выгодоприобретателю) в результате наступления страхового случая. Примечательно, что в уголовном законе нет ограничений относительно сферы применения рассматриваемой нормы, поскольку она может распространяться помимо других также и на сферу социального обеспечения. Это обуславливается тем, что мошенничество, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ, может представлять собой преступ-

ное деяние, предметом посягательства которого будут выступать социальные выплаты из фондов, носящих «страховой» характер [7, с. 51].

Понятийный аппарат отечественного законодательства в сфере социального обеспечения довольно многообразен. В различных нормативных правовых источниках можно встретить такие понятия, как «обязательное социальное страхование», «обязательное пенсионное страхование», «обязательное медицинское страхование».

Согласно ст. 1 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» под обязательным социальным страхованием понимается «часть государственной системы социальной защиты населения, спецификой которой является осуществляемое в соответствии с федеральным законом страхование работающих граждан от возможного изменения материального и (или) социального положения, в том числе по независящим от них обстоятельствам» [8].

Статья 3 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» определяет понятие обязательного пенсионного страхования как «систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка, получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения» [9].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» «обязательное медицинское страхование – это вид обязательного социального страхования, представляющий собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования в пределах территориальной программы обязательного медицинского страхования и в установленных настоящим Федеральным законом случаях в пределах базовой программы обязательного медицинского страхования» [10].

Из рассмотренных определений можно сделать вывод о том, что обязательное социальное страхование, как и его разновидности –

обязательное пенсионное страхование и обязательное медицинское страхование, является определенной организационной правовой формой осуществления социального обеспечения [11, с. 30].

В соответствии со ст. 2 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» страхование – это «отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий, а также за счет иных средств страховщиков» [12]. В отличие от рассмотренных выше организационно-правовых форм социального обеспечения страхование – это институт гражданского права.

Отличительным признаком обязательного социального и гражданско-правового страхования является принадлежность денежных фондов, за счет которых возмещается вред. Если в первом случае источником возмещения вреда становятся выплаты из средств Фонда социального страхования Российской Федерации, то во втором – страховое возмещение осуществляется из средств фондов страховых организаций. Отсюда следует, что предметом мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) могут выступать социальные выплаты «страхового» характера, выплачиваемые получателям в рамках системы государственного социального страхования из бюджета Фонда социального страхования или иных государственных внебюджетных фондов. Если же социальные выплаты «страхового» характера осуществляются из фондов страховых организаций, то их необходимо рассматривать как предмет преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ – мошенничество в сфере страхования.

Согласно ст. 159.6 УК РФ «мошенничество в сфере компьютерной информации представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» [13]. Данный состав преступления имеет принци-

пиальное отличие от других специальных составов мошенничества. Исходя из диспозиции рассматриваемой статьи нам представляется сомнительным отнесение собственности к объекту преступного посягательства ст. 159.6 УК РФ ввиду того, что преступное посягательство направлено в первую очередь на компьютерную информацию путем вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. В связи с этим посягательство на компьютерную информацию осуществляется при любых обстоятельствах, а на имущество – необязательно. При этом ввиду исключения информации из объектов гражданских прав ее нельзя отнести к объекту преступного посягательства (ст. 128 ГК РФ).

Рассматриваемый состав мошенничества обладает и специфическим способом совершения, который, по нашему мнению, является самостоятельным деянием из категории преступлений в сфере компьютерной инфор-

мации (ст. 272 УК РФ), что вообще ставит под сомнение его нахождение в главе, охватывающей преступления против собственности.

Таким образом, мы видим, что при квалификации мошенничества при получении выплат судебным и следственным органам прежде всего следует уделять внимание вопросам установления предмета преступного посягательства, которым являются выплаты в сфере социального обеспечения.

Помимо этого, в связи с отсутствием официальных разъяснений относительно вопросов квалификации специальных видов мошенничества, в ряде случаев на практике возникает сложность уголовно-правовой оценки мошеннических посягательств [14, с. 41]. Именно поэтому мы считаем, что сегодня назрела необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [15, с. 109].

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 19.12.2016). URL: <http://consultant.ru>
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2015.
3. Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
4. Уголовное дело № 55830/2014 // Контрольное производство следственного управления УМВД России по г. Кирову. URL: <http://leninsky.kir.sudrf.ru>
5. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 17 октября 2013 года по уголовному делу № 1-612/13. URL: <http://leninsky.kir.sudrf.ru>
6. Смолин С. В. Мошенничество с использованием платежных карт // Законность. 2016. № 1.
7. Боровских Р. Н. Мошенничество при получении выплат в сфере страхования: проблемные вопросы квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33).
8. Об основах обязательного социального страхования: Федер. закон Рос. Федерации от

Bibliography

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. by 19.12.2016). URL: <http://consultant.ru>
2. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical, itemized). 3 edition, revised and expanded / ed. by S. V. Dyakov, N. G. Kadnikova. Moscow, 2015.
3. Ugin A. A. Fraud and its types in the Russian criminal law: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2016.
4. The criminal case № 55830/2014 // Control Production Investigation Department of the MOI of Russia for the city of Kirov. URL: <http://leninsky.kir.sudrf.ru>
5. The judgment of the Leninsky district court of Kirov on 17 October 2013 in the criminal proceedings № 1-612/13. URL: <http://leninsky.kir.sudrf.ru>
6. Smolin S. V. Fraud with payment cards // Legality. 2016. № 1.
7. Borovskikh R. N. Fraud in obtaining payments from the insurance industry: the problematic issues of qualification // Jurisprudence and law enforcement practice. 2015. № 3 (33).
8. On the basis of compulsory social insurance: Federal Law of the Russian Federation of 16.07.1999 № 165-FL (ed. by 12.01.2014). URL: <http://consultant.ru>
9. On Mandatory Pension Insurance in the Russian

16.07.1999 № 165-ФЗ (в ред. от 01.12.2014). URL: <http://consultant.ru>

9. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 15.12.2001 № 167-ФЗ (в ред. от 14.12.2015). URL: <http://consultant.ru>

10. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.11.2010 № 326-ФЗ (в ред. от 03.07.2016). URL: <http://consultant.ru>

11. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. М., 2002.

12. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон Рос. Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 (в ред. от 03.07.2016). URL: <http://consultant.ru>

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 22.11.2016). URL: <http://consultant.ru>

14. Баранчикова М. В. Обеспечение законности и справедливости ответственности за мошенничество при получении выплат // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. матер. Междунар. конф. Орел, 2016.

15. Кочои С. М. Новые нормы о мошенничестве в УК РФ: особенности и отличия // Криминол. журнал Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2013. № 4.

Federation: Federal Law of the Russian Federation of 15.12.2001 № 167-FL (ed. by 14.12.2015). URL: <http://consultant.ru>

10. On Mandatory Medical Insurance in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 29.11.2010 № 326-FL (ed. by 07.03.2016). URL: <http://consultant.ru>

11. Zakharov M. L., Tuckova E. G. The right to social security in Russia. Moscow, 2002.

12. On the organization of insurance business in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of 27.11.1992 № 4015-1 (ed. by 03.07.2016). URL: <http://consultant.ru>

13. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL (ed. by 22.11.2016). URL: <http://consultant.ru>

14. Baranchikova M. V. Rule of law and justice, the responsibility for fraud in obtaining payments // Modern Criminal-Procedural Law of Russia: the lessons of history and the problem of further reform: collection of materials of the International Conference. Orel, 2016.

15. Kochoi S. M. New rules on fraud in the Criminal Code: features and differences // Kriminologichesky magazine Baikal State University of Economics and Law. 2013. № 4.

© 2017 г. А. В. Победкин,

заместитель начальника Управления организации подготовки кадров Департамента государственной службы и кадров МВД России доктор юридических наук, профессор.
E-mail: apobedkin71@mail.ru

КАК ОБЕСПЕЧИТЬ СТАБИЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ? (ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ)

В статье анализируется законодательная инициатива о введении в действие всех изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации один раз в год. Рассматриваются причины чрезмерной подвижности уголовно-процессуального права и ее влияние на уголовно-процессуальные гарантии. Обоснован вывод о нецелесообразности реализации законодательной инициативы ввиду ее отрицательного влияния на действенность уголовно-процессуальных гарантий. Предлагаются пути обеспечения стабильности уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальные гарантии, аналогия, толкование, стабильность уголовно-процессуального права.

A. V. Pobedkin – Deputy Head of the Management of professional training of the Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

HOW TO ENSURE THE STABILITY OF THE CRIMINAL PROCEDURE GUARANTEES? (ABOUT ONE LEGISLATIVE INITIATIVE)

The article analyzes the legislative initiative on the introduction of all changes to the Russian Federation Code of Criminal Procedure once a year. It is discussed the causes of excessive mobility of the criminal procedure law and its impact on criminal procedure guarantees. The conclusion is made about inexpediency implementation of legislative initiative because of its negative impact on the effectiveness of the criminal procedure guarantees. It is suggested the ways ensure the stability of the criminal procedure law.

Key words: criminal procedure law, criminal procedure guarantees, similarity, construction, stability of the criminal procedure law.

Заместителем председателя комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Е. Б. Мизулиной предложен законопроект, согласно которому изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации независимо от даты принятия должны вступать в силу один раз в год – 1 марта. Эта инициатива сенатора уже поддержана Федеральной палатой адвокатов России [5]. Высока вероятность одобрения законопроекта и другими заинтересованными государственными органами.

Проблема, на решение которой направлен законопроект, из числа острых и застарелых. Поток изменений в УПК РФ, берущий начало в 2002 году, со временем только ширился. Сегодня принятый в 2001 году УПК переписан едва ли меньше, чем наполовину. Нередко в него вносится по несколько изменений в месяц. Он утратил свойство стабильности,

стал эклектичным, что особенно опасно для населения страны, поскольку именно от содержания уголовно-процессуального законодательства напрямую зависят судьбы миллионов, причем не только участников уголовного процесса. Невзирая на частое употребление, слова Ш. Монтескье об уголовно-процессуальной форме, особенно в условиях моды на упрощение уголовно-процессуальных процедур, никак не могут считаться банальностью: «формализма оказывается слишком много для стороны, действующей недобросовестно, потому что он ее стесняет, и, наоборот, его слишком мало для честного человека, которого он защищает; его сложность, а также порожденная им медленность и издержки представляются ценой, которой каждый покупает свою свободу и обеспечивает свое добро» [9, с. 31].

Как не согласиться с Е. Б. Мизулиной, сокращающейся по поводу того, что изменения в УПК РФ не всегда обоснованы и порой на-

рушают его внутреннюю логику. В науке уголовного процесса об этом пишут давно и много [2; 6, с. 405–415]. Собственно, причины насторожиться возникли сразу после принятия УПК РФ и не только в связи с качеством закона, но и с беспрецедентным случаем внесения в него изменений еще до вступления в силу.

Предложенный законопроект, по мнению Е. Б. Мизулиной, проблему снимет: он позволит остановить практику произвольных изменений УПК, обеспечить стабильность процессуального закона и прозрачность процесса подготовки, внесения и принятия обоснованных изменений» [12].

Нестабильность современного отечественного законодательства – беда не только уголовно-процессуального права. Ее размеры потребовали вмешательства даже Президента Российской Федерации. На IX Всероссийском съезде судей В. В. Путин заметил, что «наше правовое поле меняется быстро, слишком быстро, и порой несистемно, что создает немало угроз процессам правоприменения. ...стабильность и предсказуемость закона – общая для всех цель, гарантия качества национальной юрисдикции» [13].

Уголовно-процессуальная форма особенно ценна гарантиями, которые, с одной стороны, обеспечивают достижение правильного познания обстоятельств, значимых для уголовного дела (гарантии правосудия), а с другой – права и законные интересы личности, вовлеченной в уголовно-процессуальные отношения.

Гарантии прав и законных интересов личности в свою очередь в немалой степени способствуют получению правильного результата доказывания (например, право обвиняемого на защиту не только обеспечивает его законные интересы, но и позволяет не увлечься обвинительной версией, требует тщательной проверки сведений, сообщенных обвиняемым). В целом уголовно-процессуальные гарантии обеспечивают реализацию социального назначения уголовного судопроизводства, которое определяет саму необходимость существования уголовно-процессуального права как самостоятельной отрасли.

Уголовный процесс с его особенностями, в числе которых основной является использование метода уголовно-процессуального регулирования, нужен в первую очередь даже не потерпевшему, который в ряде случаев вполне может быть удовлетворен возмещением вреда, несмотря на то, что виновный не

установлен и не осужден. Непременное установление и привлечение к уголовной ответственности того, кто действительно совершил преступление, необходимо законопослушной части общества. Это условие обеспечения его безопасности, уверенности в стабильности, уважения к государственной власти.

Уголовный процесс функционирует для общества. Это значит, что публичность, которую часто называют принципом уголовного процесса и даже его «началом» [1, с. 181], является на самом деле основной его функцией. Метод уголовно-процессуального права, который до настоящего времени в науке определен весьма приблизительно, усматривается в характерной особенности каждого уголовно-процессуального правоотношения и состоит в наличии у должностного лица – субъекта правоотношения – не прав, а исключительно полномочий (обязанности действовать строго определенным образом при установлении тех или иных обстоятельств). Ценности, ради которых могут быть ограничены даже права и свободы человека, – основы конституционного строя, нравственность, здоровье, оборона страны и безопасность государства – столь значимы, что для их защиты не может быть допущено диспозитивное использование процессуальных средств. Все риски неполного решения задач уголовного процесса необходимо полностью исключить. Средства защиты абсолютных конституционных ценностей должны позволять исчерпывающе полно устанавливать угрозу и обеспечивать ее нейтрализацию [7, с. 110–118].

Возможность диспозитивного поведения субъекта, ответственного за осуществление уголовно-процессуальной деятельности, размывает метод уголовно-процессуального регулирования. Уголовно-процессуальное право тогда теряет свою идентичность и мало чем отличается от иных процессуальных отраслей права (например, гражданского процессуального). Именно это и происходит с уголовно-процессуальным правом уже более 15 лет.

Важно понимать, что уголовно-процессуальные гарантии могут обеспечивать нужный результат, только если по уровню соответствуют сложившейся системе оберегаемых ценностей и особенностям общественных отношений в конкретный исторический период. Они не могут быть теми или другими и должны представлять собой средства строго определенного уровня и содержания. Постоян-

ное изменение содержания и объема гарантий означает, что в уголовном процессе либо не обеспечивается правильное установление обстоятельств по уголовному делу, либо страдают права человека, а в конечном счете не достигается социальное назначение уголовного судопроизводства.

Нет сомнений в том, что значимое изменение политической, социальной, криминальной обстановки в стране должно влечь за собой соответствующую реакцию законодателя, в том числе и по адаптации уголовно-процессуального закона к реальным условиям жизни. Однако такие значимые перемены в стране, конечно, не происходят ежемесячно.

Следовательно, поток изменений в УПК не является объективно обусловленным. Он вызван представлениями о должном отдельных представителей депутатского корпуса или их групп, узкими корпоративными интересами, попытками решить посредством уголовного судопроизводства задачи других сфер государственной деятельности.

В отдельных случаях стремление внесения изменений в УПК РФ обусловлено слабым представлением о системности норм уголовно-процессуального права и наличии реальных проблем правоприменения, шаблонным подходом к различным отраслям права. Примеров множество. Так, на рассмотрении в Государственной Думе находится законопроект о внесении изменений в ч. 2 ст. 84 УПК, согласно которым материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи *относятся (вместо «могут относиться»)* к документам [14]. Стремление действовать по шаблону изменений в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в данном случае неуместно. В уголовном процессе проблемы использования в качестве доказательств «иных документов» в виде результатов применения технических средств фиксации уже дано не существует. К тому же к документам, имеющим доказательственное значение, относятся отнюдь не все документы, полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотренном УПК, а только те, которые как минимум имеют свойство относимости.

Явно недооценен сегодня и такой юридический инструмент, как аналогия, без которой действие уголовно-процессуального права немислимо. Предусмотреть в законе все возможные ситуации, возникающие при производстве по уголовным делам, очевидно, не-

возможно. Такие попытки заранее обречены на неудачу. Тем не менее они предпринимаются. Пример – законопроект о необходимости предоставить обвиняемому (подозреваемому) право на снятие копий с процессуальных документов, которые доступны ему для ознакомления (постановление о назначении судебной экспертизы, заключение эксперта и др.). По правилам применения аналогии закона с учетом положений ст. 217 УПК РФ снимать копии с таких документов обвиняемому (подозреваемому) следовало бы разрешать и без специального указания на это в законе [14; 8].

Правоприменитель склонен толковать закон буквально, законодатель следует за его неподготовленностью, а уголовно-процессуальный закон становится все более и более громоздким, превращаясь из живого права в бездушную пошаговую инструкцию.

Законодатель не должен опускать уровень юридической техники до уровня нелучших правоприменителей, которые не обучены правилам верного толкования закона или склонны нарушать его требования. Для чего были нужны изменения в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, запрещающие основывать решение судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на результатах оперативно-разыскной деятельности, представленных в нарушение требований ст. 89 УПК? Они очевидно излишни. Результаты оперативно-разыскной деятельности, да еще представленные в нарушение требований закона, доказательствами не являются и уголовно-процессуального значения не имеют. Конечно, ограничение конституционных прав граждан на основании таких сведений категорически не допустимо. Не понимать этого могли только недобросовестные или неподготовленные юристы-правоприменители.

Избежать разрушения «хребта» уголовно-процессуального права помогли бы разъяснения по вопросам судебной практики Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые фактически являются нормативными (в смысле обязательности исполнения неопределенным кругом субъектов) актами толкования.

Возможности толкования норм права убедительно продемонстрированы Конституционным Судом Российской Федерации, который придал адекватному толкованию новый, более глубокий смысл. Конституционный Суд РФ часто идет не по примитивному пути

«дисквалификации нормы», а «приспосабливает ее к меняющимся условиям общественного развития, придаст ей более полное правовое наполнение, отвечающее новым реалиям» [4]. Тем самым норма обновляется и актуализируется.

Не случайно Н. В. Муравьев, возглавлявший особую комиссию по преобразованию уголовно-процессуального законодательства 1864 года (личность крайне противоречивая, но талантливая, яркая и неравнодушная), по итогам работы над внесением изменений в Устав уголовного судопроизводства 1864 года объяснял, что «Всюду, где являлась малейшая к тому возможность, оставлена нетронутой прежняя редакция, как потому, что от добра добра не ищут, так и вследствие того, что с ней освоились и свыклись суды и граждане» [10, с. 46].

Е. П. Ищенко подмечена тенденция отстранения ученых от проблем несовершенства законодательства [11, с. 337]. Основная ее причина – нестабильность, приводящая к бессистемности уголовно-процессуального права. Исследователи вынуждены больше обращаться к общетеоретическим проблемам уголовно-процессуального права, чем к анализу конкретных норм, предусмотренных в УПК РФ, где уже трудно увидеть закономерности.

Стабильность уголовно-процессуального права возможна только при условии, что основой УПК РФ станут не иноземные схемы, а традиционные отечественные представления «о должном, благом и справедливом» [3]. Только в этом случае будет создана основа для массового адекватного и единообразного толкования и осознанного применения уголовно-процессуального права в стране. Исчезнет почва для ежемесячного инструктирования правоприменителя законодателем. Нравственность, понятность, прозрачность смысла права, соединенная с последовательным преодолением живучего нигилистического отношения к закону – единственный путь к стабильности и верховенству права.

Механистический подход к решению проблемы чрезмерной подвижности уголовно-процессуального права, предложенный в законопроекте о едином дне вступления в силу изменений в УПК РФ, не поможет обеспечить стабильность процессуальных гарантий. Он не ограничивает возможность принятия законов, меняющих УПК РФ, в течение года в любом количестве и любого качества. Напротив, несвоевременное вступление в силу обоснован-

ных и важных изменений, вносимых в текст закона, может оказаться чрезвычайно опасным для реализации основной уголовно-процессуальной функции – публичности, обеспечения абсолютных конституционно значимых ценностей, прав и законных интересов участников судопроизводства. Ожидание формальной даты вступления в силу изменений, от которых зависят безопасность государства и судьбы людей, вряд ли оправданно.

Приведем несколько простых примеров. Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ ст. 185 УПК РФ дополнена ч. 7, позволяющей следователю по решению суда производить осмотр и выемку сведений, содержащихся в электронных сообщениях. Затягивание в применении этой новеллы в геометрической прогрессии ставит под угрозу успешное раскрытие и расследование преступлений, включая тяжкие и особо тяжкие. Негативные репутационные и финансовые потери страны могут повлечь за собой и ожидание единого дня вступления в силу положений ч. 3.3 ст. 6 УПК РФ. Законные интересы тысяч потерпевших ставились бы под угрозу формальной отсрочкой вступления в силу п. 1.1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, которая отнесла к судебным издержкам суммы, выплаченные потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения его представителю. Эти примеры можно продолжать.

Законодательная инициатива о едином дне вступления в силу изменений в УПК не укладывается и в уже выраженную в декабре 2016 года позицию законодателя по вопросу оперативности реагирования на установленную Конституционным Судом РФ необходимость совершенствования нормативных правовых актов. Установлены жесткие сроки для внесения законопроекта, которым нормативный правовой акт приводится в соответствие с Конституцией Российской Федерации в связи с решением Конституционного Суда РФ [15]. Ясно, что вступление в силу уже принятого закона не может быть отсрочено по формальным основаниям.

Вывод состоит в том, что установление единого дня вступления в силу всех изменений в УПК РФ само по себе не только не снимет проблему потока необоснованных и несистематизированных поправок в него, но и снизит эффективность уголовно-процессуальных гарантий, обеспечивающих реализацию социального назначения уголовного процесса.

Литература

1. Барабаш А. С., Брестер А. А. Метод российского уголовного процесса. СПб., 2013.
2. Белкин А. Р. Огрехи УПК и «защита от дурака» // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И. М. Гуткина): сб. матер. межвуз. научн.-практ. конф.: в 2 ч. М., 2009. Ч. 1.
3. Зорькин В. Россия и Страсбург // Рос. газ. 2015. 22 окт.
4. Зорькин В. Д. Выступление на IX Всероссийском Съезде Судей. URL: <http://supcourt.ru>
5. Куликов В. День по кодексу // Рос. газ. 2016. 24 нояб.
6. Победкин А. В. Качество уголовно-процессуального закона и компетентность законодателя // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2012. № 1 (2).
7. Победкин А. В. Содержание уголовно-процессуального права как выражение объективной социальной потребности // Библ. криминалиста. 2016. № 3. (26).
8. Тихомирова В. В. Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
9. Трунов И. Л. Защита прав личности в уголовном процессе. М., 2005.
10. Томин В. Т. Насущные проблемы современной отечественной уголовной юстиции // Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учеб. пособие (для студентов высш. юрид. учеб. заведений) / науч. ред. В. Т. Томин, А. П. Попов, И. А. Зинченко. Пятигорск, 2014.
11. Хмелева А. В., Саньков В. И. Криминалистическое сопровождение расследования преступлений // Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 110-летию со дня рождения проф. И. Ф. Крылова // Библ. криминалиста. 2016. № 3 (26).
12. URL: <http://Tass.ru>
13. Рос. газ. 2016. 7 дек.
14. URL: <http://Asozd2.duma.gov.ru>
15. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федер. конституционный закон Рос. Федерации от 28 дек. 2016 г. № 7-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7229.

Bibliography

1. Barabash A. S., Brester A. A. The method of the Russian criminal process. St. Petersburg, 2013.
2. Belkin A. R. Error in the Criminal Procedural Law and «protection from a fool» // Actual questions of the application of criminal procedural and criminal law in the process of investigating crimes (on the occasion of the 90th anniversary of the birth of Professor I. M. Gutkin): collection of materials of interuniversity science-practical conference: in 2 parts. Moscow, 2009. Part 1.
3. Zorkin V. Russia and Strasbourg // Russian newspaper. 2015. October 22.
4. Zorkin V. D. Speech at the IX All-Russian Congress of Judges. URL: <http://supcourt.com>
5. Kulikov V. The Day on the Code // Russian newspaper. 2016. 24 November.
6. Pobedkin A. V. The quality of the criminal procedural law and the competence of the legislator // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Right. 2012. № 1 (2).
7. Pobedkin A. V. The content of the criminal procedural law as an expression of objective social needs // Library of the criminalist. 2016. № 3 (26).
8. Tikhomirova V. V. Application of the analogy of law (legal act) and the analogy of law in the criminal justice of Russia: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2011.
9. Trunov I. L. Protection of individual rights in criminal proceedings. Moscow, 2005.
10. Tomin V. T. The pressing problems of modern domestic criminal justice // Criminal process of modern Russia. Problem lectures: textbook (for students of higher legal educational institutions) / scientific ed. V. T. Tomin, A. P. Popov, I. A. Zinchenko. Pyatigorsk, 2014.
11. Khmeleva A. V., Sankov V. I. Criminalistic support of the investigation of crimes // International scientific and practical conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of Professor I. F. Krylov // Library of the criminalist. 2016. № 33 (26).
12. URL: <http://Tass.ru>
13. Russian newspaper. 2016. 7 December.
14. URL: <http://Asozd2.duma.gov.ru>
15. On Amendments to the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the Constitutional Court of the Russian Federation»: Federal Constitutional Law of the Russian Federation of December 28, 2016 № 7-FKL // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 51 (Part. I). Art. 7229.

© 2017 г. А. В. Агутин,

профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор.
E-mail: agutin.av@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СИСТЕМОДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ КАК КОМПОНЕНТЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена осмыслению системоделятельного подхода как компонента научной деятельности в уголовном процессе. Обоснованы место и роль системоделятельного подхода в исследовании идеологии, смысла, целенаправленности и содержания научной деятельности в уголовно-процессуальной сфере. Определено влияние культурной системы и духовно-нравственных основ российского народа на творческую деятельность в отечественном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: научный метод, подход, компонент, научная деятельность, смысл, социокультурная система, уголовное судопроизводство.

A. V. Agutin – Professor of the Department Prosecutorial Supervision over the Implementation of Laws in the Operational-Search Activity and Participation of the Prosecutor in the Criminal Trial of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

ON THE ISSUE OF THE SYSTEM-ACTIVITY APPROACH AS A COMPONENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY IN THE DOMESTIC CRIMINAL JUSTICE SYSTEM

The article is sanctified to the comprehension of cистемоделятельного approach as a component of scientific activity is in criminal procedure. A place and role of cистемоделятельного approach are reasonable in research of ideology, sense, purposefulness and maintenance of scientific activity in a уголовно-процессуальной sphere. Influence of the cultural system and spiritually-moral bases of the Russian people is certain on scientific activity in a home criminal trial.

Key words: scientific method, approach, component, scientific activity, sense, sociocultural system, criminal trial.

В начале нашей статьи обратим внимание читателей на нижеследующее. Под научной деятельностью нами понимается «когнитивная (познавательная) деятельность, имеющая своей целью получение нового знания» [1, с. 75]. Научная деятельность осуществляется процессуалистами-исследователями, которые используют в своей деятельности научные методы. «Научный метод, – отмечают А. Б. Мигдал и Е. В. Нетесова, – единственное, позволяет понять задачи науки... Научный метод – это тот компас, который позволит из тысячи путей выбрать единственную тропинку, ведущую к истине» [2, с. 74]. К числу научных методов относится и системоделятельный подход. Востребованность системоделятельного подхода для осмысления процессов, присущих научной деятельности в уголовном судопроизводстве, мы объясняем ее многоуровневостью (многослойностью) и системорганизованностью. Поэтому, прежде чем объяснить и описать научную деятельность,

предварительно необходимо осуществить многоуровневую и системорганизованную мыслительную работу.

Системоделятельный подход своим потенциалом обеспечивает осуществление многоуровневой и системорганизованной мыслительной деятельности как компонента научной деятельности в уголовно-процессуальной сфере. В отечественной науке уголовного судопроизводства имеется опыт использования инструментария системоделятельного подхода. Так, проведенные под нашим руководством исследования уголовно-процессуальной деятельности в качестве потенциала системоделятельного подхода позволили выявить, а в последующем – описать и объяснить схему (структуру), содержание и целенаправленность мыслительной деятельности разработчиков процессуальной доктрины, воплощенной в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Наиболее явно структура и содержание мыслительной деятельности указанных лиц

нами была продемонстрирована при объяснении, описании и прогнозировании механизма реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности. В результате мы пришли к следующему выводу [3, с. 44–46]: идеология концепции «должной правовой процедуры» не соответствует достижению целей российского уголовного судопроизводства и разрешению его задач. К тому же отсутствие в управлении правоохранительной деятельностью действенных теорий (исследований), объясняющих идеологическую составляющую концепции «должной правовой процедуры», приводит к сбоям в достижении цели уголовно-процессуальной деятельности. В свою очередь они порождают искусственное противопоставление друг другу содержания и формы уголовно-процессуальной деятельности в ущерб сущности уголовного процесса, а также насущным потребностям российского народа в справедливости*. Таким образом, использование инструментария системодетельностного подхода в науке уголовного судопроизводства позволяет проводить анализ такого «невидимого» компонента уголовно-процессуальной деятельности, как идеология уголовного процесса. Мы не одиноки в своих исследованиях.

Инструментарий системодетельностного подхода в науке уголовного судопроизводства использует известный в научном сообществе процессуалист-исследователь из Краснодарского края И. Е. Адаменко. В исследовании, посвященном социокультурным основаниям и сложившимся концепциям уголовно-процессуальной деятельности, И. Е. Адаменко, опираясь на потенциал системодетельностного подхода, пришел к неутешительному для разработчиков Уголовно-процессуального кодекса РФ выводу. По своей сущности «ленинская философия относится к явлению, порожденному духовной (культурной) деятельностью российского народа. Она иерархически упорядочила ценности, которые функционировали в нашей общности, поставив в основу фундаментальные ценности российского народа. Такая иерархическая упорядоченность ценностей привела к двум значимым последствиям. Первое последствие, либеральные идеи, выдававшие себя за истинные цен-

ности, под воздействием ленинской философии оказались свернутыми, а развернута была система ценностей российского народа. Второе последствие. Фундаментальные ценности российского народа нашли свое воплощение в культурных целях, намерениях и интересах как в целом советского народа, так и отдельных его представителей. Вследствие этого они получили эмоциональную поддержку и значимость, а цели культурной системы определили рамки, в которые должны были укладываться устремления ее представителей. Это обстоятельство и определило борьбу, в которой и был использован потенциал уголовного судопроизводства» [5, с. 177–178].

Способность системодетельностного подхода вскрывать идеологию (правильнее – идеологическую сущность) уголовного судопроизводства объясняется его методологическими положениями. Согласно им рефлексия научной деятельности можно представить в качестве двухуровневой системы. На первом уровне рефлексии научной деятельности в уголовно-процессуальной сфере образуется простая система. Она представляет собой «процесс (или совокупность процессов) как функциональную структуру (или структуру функций) – без этого не может быть работа в перспективном или прожективном плане – как организованность материала, или морфологию, как бы фиксирующую следы процессов и функциональных структур, и как субстрат» [6, с. 41]. На втором уровне рефлексии научная деятельность опирается на результаты рефлексии первого уровня (простой системы). На данной основе и строится понятие сложной системы, в которой результаты теоретико-детельностного подхода, по убеждению Г. П. Щедровицкого, перерабатываются в системодетельностный подход. В нем фактически объединяются три подхода, а именно детельностный, системный подходы и «идеи методологической организации, то есть умение соединять знания разного типа – методические, научные, методологические, организационные и т. д.» [6, с. 41].

Научная деятельность в уголовном судопроизводстве является одним из проявлений социокультурной системы российского народа. В свою структуру она включает системодетельностный подход. Правомерность исполь-

* Инструментальная ценность системодетельностного подхода в науке уголовного судопроизводства обсуждалась и при подготовке кандидатской диссертации нашего ученика Р. Х. Губжокова [4, с. 1].

зования системодетельностного подхода при исследовании социально-культурных систем было обосновано Г. П. Щедровицким. В этом смысле в своих размышлениях о научной деятельности в уголовно-процессуальной сфере мы будем опираться «на плечи» методологических установок Г. П. Щедровицкого.

Системодетельностный подход представляет собой упорядоченную совокупность детельностного подхода, системного подхода и идей методологической организации. В настоящей статье мы обращаем внимание на данный факт, поскольку в отличие от своих составляющих системодетельностный подход приобретает новые свойства (качества), которые и позволили нам исследовать место и роль идеологии в доктрине, проявленной в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Выбор методологического наследия Г. П. Щедровицкого в качестве методологической установки наших суждений и размышлений, связанных с осмыслением научной деятельности в уголовном судопроизводстве, прежде всего обуславливается нижеследующим обстоятельством.

Исследование содержания научной деятельности в социокультурной системе российского народа как потенциал системодетельностного подхода позволяет устанавливать не только идеологическую направленность самой научной деятельности, но и ее смысл. В обоснование верности вышесказанного обращаем внимание на тот факт, что научная деятельность представляет собой процесс. Как всякий процесс научная деятельность в отечественном уголовном судопроизводстве движется к определенной цели. Связанность научной деятельности с целью предполагает приобретение самой научной деятельностью конкретного смысла. Г. П. Щедровицкий по этому поводу указывает: «...если сказать представителям традиционных гуманитарных наук, что деятельность не есть процесс, – это значит вызвать бурю гнева и непонимания. Все призывы к тому, что деятельность – процесс. Мы же говорим, что деятельность есть структура, состоящая из разнородных элементов» [7, с. 262]. Наряду с процессом в систему деятельности входит цель.

Использование потенциала системодетельностного подхода в науке уголовного судопроизводства позволяет не только объяснять и описывать свойственную ей мыслительную деятельность, но и показывать усло-

вия для возникновения и развертывания творческого мышления. В подтверждение этого приведем совокупность как наших суждений, так и мнений других авторов. По нашему глубокому убеждению, мыслительной деятельностью не исчерпывается научная деятельность в уголовно-процессуальной сфере. Кроме мыслительной деятельности научная деятельность включает в себя еще и соответствующие механизмы смыслообразования.

Включение механизмов смыслообразования в структуру научной деятельности дает нам основание вести речь о творческом мышлении. Творческое мышление – это мышление, результатом которого является открытие принципиально нового или усовершенствованного решения той или иной задачи [8]. Творческое мышление включает в себя механизмы смыслообразования и оперирование смыслами. Отсюда возможно предположить: научная деятельность в уголовно-процессуальной сфере представляет собой не только мыслительную, но и творческую деятельность, осуществляемую в смыслах. На эту особенность научной деятельности обращает внимание Г. П. Щедровицкий. В частности, он отмечает: «...реальное мышление, поскольку оно осуществляется в связи с пониманием и на базе понимания, имеет дело с вторичной обработкой содержаний, представлением их в виде смыслов. А смыслы интерпретированы на объекты и предстают в объектной форме. И наше мышление может осуществляться в виде движения в смыслах, а не только в виде осуществления операций, движения в смыслах по специфическим законам сознания» [9, с. 89]. Таким образом, научная деятельность в уголовно-процессуальной сфере проявляется в двух основных формах: мыслительной деятельности и творческом мышлении, осуществляемом в виде движения в смыслах.

Для развертывания творческого мышления необходимы соответствующие условия. Применительно к науке уголовного судопроизводства, на наш взгляд, к таковым следует отнести взаимосвязь и взаимообусловленность творческой деятельности не только социокультурной системой российского народа, но в большей мере культурной системой российской общности и системой традиционных духовно-нравственных ценностей, формирующих особенности духовности в науке уголовного судопроизводства.

Культурная система российской общности оказывает существенное влияние на смыслообразование в процессе творческого мышления. Она представляет собой систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общества, выступающих условиями воспроизводства и изменения социальной жизни. Это, с одной стороны, а с другой – данные программы деятельности, поведения и общения составляют “тело” культуры. Они представлены всем многообразием знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей, ценностных ориентаций и в динамике образуют исторически накапливаемый социальный опыт. С третьей стороны – «культура хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей» [10, с. 11].

Культурная система русского народа является внешним проявлением менталитета. Менталитет лежит в основе всего бытия нашего народа. Не является исключением из этого правила и творческое мышление в отечественном уголовном судопроизводстве. В таком аспекте менталитет для творческого мышления в рассматриваемой сфере выступает в качестве своеобразной матрицы, элементы которой и образуют его организационную сетку (структуру). Речь идет не просто о менталитете, а о менталитете русского народа (общности). Без учета менталитета русского народа вообще невозможно вести какой-либо серьезный разговор о творческом мышлении в уголовно-процессуальной сфере.

Менталитет, выражая сущность бытия нашего народа, взаимосвязан и взаимообусловлен не только культурной системой, но и духовно-нравственной составляющей. «Она, – отмечает В. А. Горлянский, – является стержнем культуры, залогом ее жизненной устойчивости и развития. Этим она принципиально отличается от всяких имитаций, подделок, суррогатов духовности, которым в наши дни нет числа, и все они разрушительны для культуры» [11, с. 50]. Духовно-нравственная составляющая, проявляемая в традиционных русских духовно-нравственных ценностях, обеспечивает внутреннюю силу творческого мышления. В этой связи представляются весьма продуктивными положения Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [12], согласно которым к основным направлениям обеспечения инфор-

мационной безопасности в области государственной и общественной безопасности отнесена нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных русских духовно-нравственных ценностей (п. 33).

Система традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа обеспечивает внутреннюю силу творческого мышления в науке уголовного судопроизводства. В свое время на это свойство духовно-нравственной составляющей в творческом мышлении было акцентировано внимание И. А. Ильиным. По его мнению, «дух есть начало энергии – творческая сила, активная воля... Дух есть не только энергия видения, но и энергия действия; он есть концентрация сил не только для восприятия совершенного, но и для осуществления его» [13, с. 42]. Одним из проявлений духа русской общности является ее духовность. «Духовность – это способность человека сознательно управлять собой и своим поведением, осмысленно регулировать свою деятельность» [14, с. 15–18]. Она является ключевым качеством личности процессуалиста-исследователя. По убеждению Н. А. Бердяева, «духовность, идущая из глубины, и есть сила, образующая и поддерживающая личность в человеке» [15, с. 324].

Предположительно, духовно-нравственная составляющая творческого мышления в науке уголовного судопроизводства является врожденным качеством нашего народа. Она не подвергается преобразованию, организационное воздействие по ее преобразованию влечет за собой разрушение духовного образа творческого мышления, и, как следствие, творческая деятельность процессуалиста-исследователя теряет свой творчески-эвристический потенциал. Таким образом, своеобразным «ядром» творческого мышления (деятельности) в науке уголовного судопроизводства выступает культурная система русского народа и система традиционных ценностей нашей общности.

Творческая деятельность в науке уголовного судопроизводства осуществляется в смыслах потому, что сами по себе смыслы являются ее системообразующими основаниями. На уровне культурной системы и традиционных русских духовно-нравственных ценностей русского народа они преобразуются в системодетальность (дух творческой деятельности). Такое преобразование мы объясняем тем, что при выходе за пределы творческого мышления уже имеем дело не со знаниями, а, по выражению Г. П. Щедровицко-

го, с массой разнообразных образований. «Там будет, – отмечает Г. П. Щедровицкий, – весь мир. Мир в старорусском смысле не как природный мир, а мир как деревня, сообщество... Если вы посмотрите этимологию слова “мир”, то вы узнаете, вероятно, с некоторым удивлением, что вообще-то деятельностная позиция является исконной. До тех пор пока она не была затуманена учеными-феноменологами, она была естественной с точки зрения первобытного мышления» [7, с. 42]. Таким образом, системодетельность теснейшим образом связана с такой формой научной деятельности, которой является формирование и оперирование смыслами в науке уголовного судопроизводства.

Без установления смысла невозможно вести речь о творческой деятельности в науке уголовного судопроизводства. В свою очередь в условиях бессмысленности творческая деятельность либо свертывается, либо вовсе нейтрализуется. Это мы можем наблюдать в условиях неразвертывания самой научной деятельности до уровня творческого мышления. Например, подобная ситуация возникает тогда, когда научная деятельность в отечественном уголовном судопроизводстве осуществляется в отрыве от культуры и системы традиционных ценностей российского народа. Такая оторванность создает условия для энергетического обесточивания научной деятельности. И не только. Энергетическое обесточивание научной деятельности влечет за собой душевный раскол в среде процессуалистов-исследователей.

Процессуалисты-исследователи, воспитанные в условиях культуры и системы традиционных ценностей российского народа, интуитивно будут стремиться преодолеть указанный раскол. Причем в условиях господства в науке уголовного судопроизводства гносеологической парадигмы подобное преодоление будет осуществляться не за счет принятия жизненного опыта предшествующих поколений (культуры и традиционных ценностей российского народа), а посредством восприятия достиже-

ний больной культуры. В основном эти по своей сути негативные достижения больной культуры проявляются в опьяняющем «импрессионизме», остром и пряном «футуризме» [16, с. 351–399], духовно обездоленном «информационном подходе» [17, с. 40–61]. Перечисленные достижения больной культуры в правовой сфере [18, с. 37–50] нашли свое объединение в бесчеловечной (либеральной) доктрине правового государства.

Восприятие процессуалистами-исследователями плодов больной культуры создает условия для нейтрализации творчества в науке отечественного уголовного судопроизводства и пропаганды образов больной (выродившейся) культуры. На философском уровне на эти негативные процессы, связанные с реализацией в жизнь плодов выродившейся культуры, весьма однозначно указывал русский философ И. А. Ильин. В частности, он писал: «...в основе этой выродившейся культуры лежит *выродившаяся жизнь*, душа расколота, духовно-бессильная, малокровная и нервно-растрепанная, беспочвенная, неукорененная и отвергающая все безусловное и окончательное. Расколотый человек, – продолжает И. А. Ильин, – всю свою жизнь балансирует между соображениями о пользе, которые он обозначает словом “разум”, “разумный”, и минутным капризом, которому он так охотно предается под именем “настроения”... Он вообще не знает, что начать, и главной целью его становится обогащение; все иное, высшее – доступно ему, ибо более глубокие источники и настоящие святые жизни не существуют для него» [13]. Осмысление диагноза, поставленного И. А. Ильиным выродившейся культуре, дает нам основание высказать мысль следующего содержания. В случае восприятия процессуалистами-исследователями ее плодов научная деятельность в основном будет осуществляться в рациональных формах и сводиться к соображениям о пользе (выгоде) проведения того или иного исследования с точки зрения извлечения максимальной прибыли без учета интереса будущих поколений нашей (российской) общности.

Литература

1. История и философия науки (Философия науки): учеб. пособие / Е. Ю. Бельская, Н. П. Волкова, М. А. Иванов и др.; под ред. Ю. В. Крынева, Л. Е. Моториной. М., 2007.
2. Мигдал А. Б. На пути к истине (о научном методе познания) // Кибернетика живого. Биология и информация. М., 1984.

Bibliography

1. History and philosophy of science (Philosophy of science): textbook / E. Yu. Belskaya, N. P. Volkova, M. A. Ivanov, etc.; ed. by Y. V. Kryanev, L. E. Motorina. Moscow, 2007.
2. Migdal A. B. On the way to the truth (about the scientific method of cognition) // Cybernetics of the living. Biology and information. Moscow, 1984.

3. Агутин А. В., Трошкин Е. З., Губжоков Р. Х. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве: моногр. М., 2016.
4. Губжоков Р. Х. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
5. Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: социокультурные основания и сложившиеся концепции. Краснодар, 2014.
6. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005.
7. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология / ред.-сост. А. А. Пископсель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. М., 1997.
8. Линдсей Г. Творческое и критическое мышление // Хрестоматия по общей психологии / отв. ред. В. В. Петухов. Вып. 3: Субъект познания. М., 2003.
9. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность: в 3 кн. Кн. 1: Структура знака: смыслы, значения, знания: 14 лекций 1971 г. / сост. Г. А. Давыдова. М., 2005.
10. Алексеев Е. В. Организационные основы уголовно-процессуальной деятельности: понятие и структура: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
11. Горлянский В. А. Введение в философию (духовные основы философской культуры). Н. Новгород, 2008.
12. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 05.12.2016 № 646. URL: <http://consultant.ru>
13. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2004.
14. Пашков В. И. Особенности освоения современными военнослужащими духовно-нравственных ценностей // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2008. № 11.
15. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.
16. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М., 2003.
17. Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: моногр. М., 2004.
18. Агутин А. В., Карамышев Д. А. Организационно-правовой механизм обеспечения допустимости доказательств в досудебном
3. Agutin A. V., Troshkin E. Z., Gubzhokov R. H. Organizational and legal mechanism of realization of the concept of «necessary process of law» and the moral foundations of criminal procedural activities in the domestic criminal proceedings: monograph. Moscow, 2016.
4. Gubzhokov R. H. Organizational and legal mechanism of realization of the concept of «necessary process of law» in the Russian criminal proceedings: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2010.
5. Adamenko I. E. Criminal and procedural activity: the social and cultural basis and current concepts. Krasnodar, 2014.
6. Shchedrovitsky G. P. Thinking. Understanding. Reflection. Moscow, 2005.
7. Shchedrovitsky G. P. The Philosophy. Science. Methodology / ed.-comp. A. A. Piskoppel, V. R. Rokityansky, L. P. Shchedrovitsky. Moscow, 1997.
8. Lindsay G. Creative and critical thinking // Anthology of General Psychology / ed. by V. V. Petukhov. Vol. III: The subject of cognition. URL: <http://www.tsure.ru>
9. Shchedrovitsky G. P. The Sign and activity: in 3 vol. Vol. 1: Structure of the mark: meanings, values, knowledge: 14 lectures 1971 / comp. G. A. Davydova. Moscow, 2005.
10. Alekseev E. V. Organizational principles of criminal and procedural activity: concept and structure: abstract dis. ... PhD in Law. Moscow, 2011.
11. Gorlyansky V. A. Introduction to philosophy (the spiritual foundations of philosophical culture). Nizhny Novgorod, 2008.
12. On approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation from 05.12.2016 № 646. URL: <http://consultant.ru>
13. Ilyin I. A. Axioms of religious experience. Moscow, 2004.
14. Pashkov V. I. Peculiarities of development of moral values by modern military // Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia. 2008. № 11.
15. Berdyaev N. A. The destiny of man. Moscow, 1993.
16. Ilyin I. A. Religious meaning of philosophy. Moscow, 2003.
17. Agutin A. V. Philosophical ideas in the criminal procedural proving: monograph. Moscow, 2004.
18. Agutin A. V., Karamyshev D. A. Organizational and legal mechanism of ensuring the admissibility of evidence in pretrial proceedings. Moscow, 2010.

© 2017 г. М. П. Белинская,

преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: run03@mail.ru

ХРОНОДИСКРЕТНОЕ МОНОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Правовое положение лиц, содержащихся под стражей, закреплено в нормах отечественного права. Содержание их правового положения складывается из прав и обязанностей, которыми они обладают во время их пребывания в местах принудительного содержания. В статье предпринимается попытка выявить общие черты, присущие современному порядку содержания лиц под стражей и условиям такого содержания в Российской империи.

Ключевые слова: содержание под стражей, внутренний распорядок, меры принуждения, Российская империя.

M. P. Belinskaya – Lecturer, Department of Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Phd in Law.

CHRONODISCRETIC MONOGEOGRAPHICAL COMPARATIVE RESEARCH OF INSTITUTE OF HOLDING IN CUSTODY

The legal status of persons which hold in custody is fixed in the Russian laws. The legal status develops of the rights and duties which they possess during their stay in places of the compulsory maintenance. In the article attempts to reveal similarities between modern holding in custody and in Russian empire.

Key words: holding in custody, internal schedule, measures of compulsion Russian Empire.

В настоящей статье в рамках современного научного направления хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [1, с. 2] на основе анализа исторической и современной нормативной базы мы предпринимаем попытку детально рассмотреть некоторые особенности, присущие современному и дореволюционному институту содержания под стражей.

В Российском государстве становление системы мер пресечения в уголовном процессе характеризуется достаточно длительной эволюцией. До второй половины XVIII века меры пресечения из института мер уголовного наказания не выделялись. Действовавшие в это время институты поручительства и заключения под стражу применялись к нарушителю общественного порядка и спокойствия вне зависимости от тяжести совершенного деяния.

Пересмотру и реформированию установленной системы государственного воздействия на преступников система мер принуждения подверглась в эпоху Екатерины II. Императрица, вдохновленная просветительскими идеями Европы, проводила гуманизацию принудительных мер, не исключая при этом сословный характер. В отношении лиц дворянского сословия запрещалось применять меры принуждения, связанные с ограничением физической неприкосновенности. До середины

XIX века дворяне не подвергались телесным наказаниям. Представители дворянства составляли социально-экономическую основу самодержавной власти в Российской империи. Государственное устройство того времени прямо допускало подобного рода привилегии в отношении отдельных групп российских граждан, поэтому о принципе равенства всех перед законом того времени не могло быть и речи.

Составленный по тематическому принципу и вступивший в силу 1 января 1835 года Свод законов Российской империи определил новую ступень развития представлений о мерах принуждения в отечественном уголовном процессе.

Меры пресечения, представленные в новом нормативном правовом акте, делились на содержание в тюрьме и при полиции; домашний арест; полицейский надзор; отдачу на поруки. На выбор меры пресечения могли влиять сословная принадлежность лица, совершившего преступное деяние, и собранные по делу органами полиции доказательства. Самой распространенной мерой принуждения было содержание под стражей. Отметим, что по-прежнему к лицам дворянского сословия применялись более мягкие меры принудительного воздействия: домашний арест, отдача на поруки. В отношении иных слоев населения были распространены более же-

сткие меры пресечения, связанные с ограничением личной свободы.

В результате проведения судебной реформы во второй половине XIX века система мер пресечения состояла из нескольких видов. К ним относились отобрание вида на жительство, obligation подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства, отдача под особый надзор полиции, на поруки, а также взятие залога, под стражу и домашний арест.

Устав о содержащихся под стражей определяет назначение содержания под стражей как меру пресечения «лицам, обвиняемым в преступлениях и проступках, способов уклонения от следствия и суда» [4, с. 148]. В дополнение к этому содержание под стражей одновременно являлось мерой исправления и наказания; мерой, применяемой к неисправимым должникам и пересыльным арестантам.

В качестве мест содержания под стражей устанавливались помещения для подвергаемых аресту, арестантские помещения при полиции, тюрьмы, исправительные арестантские отделения и др. В Санкт-Петербурге местами принудительного содержания лиц под стражей также могли быть дома предварительного заключения. В военном ведомстве данные функции возлагались на гауптвахты и крепости.

Общее руководство местами заключения осуществлялось Министерством юстиции по Главному тюремному управлению и совету по тюремным делам. Устройство и содержание на должном уровне помещений для арестованных возлагались на государственную и городскую казны.

Согласно Уставу о содержащихся под стражей начальники губернских жандармских управлений могли беспрепятственно посещать места заключения для «осмотра положения содержащихся там арестантов» [4, с. 154]. За исполнением закона о порядке принудительного содержания лиц в местах заключения следили губернаторы, градоначальники, губернские правления и полиция. Штат управления отдельными местами заключения был достаточно многочисленным.

Помещения для размещения лиц, подвергаемых аресту, отводились в специально предназначенных для этого зданиях или наемных домах. Помещение подлежало обязательному осмотру врачом с целью определения максимального количества лиц, могущих одновременно в нем пребывать.

В местах принудительного содержания лиц под стражей не допускалось нарушение отдельных прав граждан. Несмотря на определенные ограничения прав и свобод человека,

лица мужского и женского пола, равно как и несовершеннолетние и лица высших сословий (дворяне, чиновники, иностранцы), содержались отдельно друг от друга. В случае пребывания в местах заключения свыше трех суток арестованным полагалось выдавать необходимое чистое белье. Постельное белье выдавалось всем без исключения за счет государства. Заключенным разрешалась ежедневная прогулка в пределах тюремного сада или двора. Особое положение было у беременных и молодых мам. Им разрешалось размещаться отдельно от других заключенных, в более комфортных условиях, а также получать паек «лучший против других заключенных» [4, с. 183].

Котловое довольствие арестантов обеспечивалось со стороны государства вне зависимости от их «рода и состояния». Принудительный труд в местах содержания правонарушителей под стражей запрещался. Арестованные работали исключительно по собственному желанию, а лицам, привлекаемым к таким работам (крестьянам и мещанам) выплачивались рабочие деньги. Допускались встречи арестованных с родственниками в строго установленные для этого часы. Больные лица подлежали скорейшей изоляции и направлению в лечебные учреждения. Под запретом находились распитие вина, курение, игры в карты и пашки.

В настоящее время регулирование порядка и условий содержания лиц под стражей, а также определение гарантий их прав и законных интересов осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [5]. В нормативном правовом акте продекларированы принципы содержания под стражей. К ним законодатель отнес принципы законности, равенства всех граждан перед законом, справедливости, презумпции невиновности, уважения человеческого достоинства, гуманизма.

В качестве основных мест содержания под стражей в Российской Федерации выделяют СИЗО уголовно-исполнительной системы, ИВС органов внутренних дел, ИВС пограничных органов Федеральной службы безопасности.

Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантирована в ст. 45 Конституции РФ. Данная гарантия распространяется в том числе и на лиц, находящихся под стражей. Безусловно, права этих лиц временно ограничены в связи с их уголовно-процессуальным статусом, но, тем не менее, государство обязано обеспечить соблюдение основных прав и свобод человека в мес-

тах принудительного содержания граждан, предусмотренных законодательством.

Гарантией соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых, исполнения ими своих обязанностей является режим, устанавливаемый в указанных местах. Для обеспечения режима в местах содержания под стражей Министерством внутренних дел РФ [3] и Министерством юстиции РФ [2] были утверждены Правила внутреннего распорядка. К примеру, Правилами внутреннего распорядка устанавливается порядок приема и размещения подозреваемых и обвиняемых, их материально-бытового и медико-санитарного обеспечения, получения и отправления ими писем, денежных переводов, направления заявлений и жалоб, отправления ими религиозных обрядов, проведения ежедневных прогулок и т. п.

Остановимся более подробно на порядке размещения лиц в местах содержания под стражей. Основанием для помещения в СИЗО обвиняемого (подозреваемого) является судебное решение об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, вынесенное в установленном уголовно-процессуальном законом порядке. Содержащиеся под стражей лица обязаны подчиняться установленному распорядку дня. Для них устанавливается непрерывный 8-часовой сон. День лиц, содержащихся под стражей, состоит из подъема, отбоя, приема пищи, участия в следственных действиях и судебных заседаниях, прогулок и др.

Лица, временно пребывающие в местах принудительного содержания, имеют право на вежливое обращение со стороны сотрудников государственных органов. Правила внутреннего распорядка СИЗО, утвержденные приказом Минюста России [2], предписывают обращаться к этим лицам на «Вы» и называть их «гражданин» или «гражданка» и далее по фамилии либо соответственно «подозреваемый», «обвиняемый».

В целях реализации предусмотренного Конституцией РФ в ст. 41 права на охрану здоровья и медицинскую помощь на базе каждого СИЗО создаются медицинские части. Все поступающие в СИЗО или ИВС граждане обязаны пройти первичный медицинский осмотр врачом-терапевтом и санитарную обработку в целях соблюдения санитарно-гигиенических правил человеческого общежития, а также охраны здоровья конкретного человека. Лица с признаками инфекционных заболеваний размещаются отдельно. В случае если лицам требуется оказание неотложной медицинской помощи, они направляются в лечебные учреждения.

Как и несколько веков назад, обвиняемые (подозреваемые), содержащиеся в местах заключения, получают постельные принадлежности (матрац, подушку, одеяло, две простыни, наволочку), а при необходимости – одежду по сезону определенного образца. Во временное бесплатное пользование обвиняемому передается спальное место, полотенце, столовая посуда и столовые приборы. Также по заявлению лица ему предоставляются мыло, зубная щетка, зубная паста вне зависимости от наличия необходимой суммы средств на его лицевом счете. Содержащиеся в СИЗО или ИВС могут пользоваться также собственными постельными принадлежностями, а также иными вещами и предметами, перечень и количество которых определяются правилами внутреннего распорядка.

В каждой камере из расчета на количество пребывающих там лиц должны находиться хозяйственное мыло, туалетная бумага, издания периодической печати из библиотеки СИЗО, ИВС, настольные игры (шашки, шахматы), предметы для уборки камеры, бачок с питьевой водой, светильники дневного и ночного освещения, стол и скамейки, умывальник и др.

Проводя параллели между современными условиями содержания лиц под стражей и в Российской империи, мы увидим, что в отношении определенных категорий граждан порядок их временного пребывания в местах заключения не изменился. Как и прежде, несовершеннолетние лица, а также беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей до 3-х лет, должны содержаться в отдельных камерах. Для последних могут быть созданы улучшенные материально-бытовые условия. Женщины также получают предметы ухода за детьми. В обязательном порядке камеры для содержания женщин с детьми должны быть оборудованы детскими кроватками, ванночкой детской пластмассовой, плиткой электрической, стеллажами. Кроме того, в целях защиты материнства и детства, гарантированной ст. 38 Конституции РФ, помимо создания улучшенных бытовых условий содержания запрещено ограничивать время ежедневных прогулок для молодых мам и беременных женщин. К примеру, общая продолжительность прогулок для несовершеннолетних лиц в день не должна быть менее 2-х часов, а для остальных лиц – менее часа.

Лица, содержащиеся под стражей, обеспечиваются трехразовым горячим питанием по установленным нормам.

Подозреваемым и обвиняемым разрешается получать посылки без ограничений. Общий вес

передач не должен превышать тридцати килограммов в месяц. Подобного рода ограничений не существует для передач, предназначенных для больных, страдающих заболеваниями, подтвержденными врачом СИЗО, беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет, а также несовершеннолетних.

В соответствии со ст. 37 Конституции РФ труд в Российском государстве свободен. Каждый человек вправе свободно распоряжаться своими способностями к труду. Принудительный труд запрещен. Как мы помним, подобного рода запрет существовал и несколько веков назад в Российской империи. Сегодня привлекать лиц, содержащихся под стражей, без их желания администрацией ИВС и СИЗО к исполнению трудовых обязанностей также запрещено. Исключение составляет поддержание порядка в камере для временного пребывания.

Несмотря на реальное ограничение ряда прав и свобод обвиняемого (подозреваемого) в местах содержания под стражей, в отношении основополагающих прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ, нарушений не допускается. Как было отмечено выше, соблюдение этих прав обеспечивается установленным в местах принудительного содержания лиц режимом. Надзор за исполнением законов в указанных местах возлагается на Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров. Следует отметить, что сотрудники органов прокуратуры вправе беспрепятственно посещать помещения ИВС

и СИЗО как в рабочее, так и в нерабочее время. В ходе подобных выездных проверок сотрудники прокуратуры могут проводить личный прием содержащихся там лиц, принимать от них заявления и жалобы. В обязанности сотрудников прокуратуры также входит реагирование на факты использования запрещенных мер воздействия и незаконного применения сотрудниками ИВС и СИЗО физической силы, специальных средств и оружия, неоказания медицинской помощи, ненадлежащего материально-бытового обеспечения.

Таким образом, социальное разделение в Российской империи конца XIX – начала XX века определяло специфику применения мер принудительного воздействия на граждан, нарушивших уголовный закон. В отношении незащищенных слоев населения использовались наиболее жесткие меры государственного принуждения в виде наказания и принудительных процессуальных мер. Что касается представителей высшего сословия, то к ним применялись более мягкие меры пресечения, такие как залог и домашний арест. В современной России подобного рода социальной дискриминации не наблюдается. Несмотря на имеющиеся различия в порядке избрания мер пресечения и возможные ограничения прав и свобод человека, основные права граждан, находящихся под стражей, на протяжении всего периода существования таких мер оставались под защитой государства, и обеспечивались должностными лицами в местах их содержания.

Литература

1. Демичев А. А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. 2010. № 16.
2. Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 14 окт. 2005 г. № 189. URL: <http://consultant.ru>
3. Об утверждении правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950 // Бюл. нормативных актов федер. органов исполнительной власти. 2005. 19 дек.
4. Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. 14.
5. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Рос. газ. 1995. 20 июля.

Bibliography

1. Demichev A. A. Chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence as a direction of modern jurisprudence // History of the state and the law. 2010. № 16.
2. About the statement of regulations of investigatory insulators of criminally-executive system: order of the Ministry of Justice of Russia from 14.10.2005 № 189. URL: <http://consultant.ru>
3. About the statement of regulations of insulators of the time maintenance of suspected and accused: the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia from 22.11.2005 № 950 // Bulletin of statutory acts of federal enforcement authorities. 2005. 19 December.
4. The code of laws of Russian empire. St. Petersburg, 1903. Vol. 14.
5. About holding in custody of crimes suspected and accused of fulfilment: Federal law of the Russian Federation from 15.07.1995 № 103 // Russian newspaper. 1995. 20 July.

© 2017 г. С. Ю. Устинова,
судья Московского городского суда.

ОБ УЧАСТИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуются представленные в юридической литературе и практике различные точки зрения на проблему участия следователя в процедуре апелляционной проверки судебных решений. Опираясь на анализ судебной практики, изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, автор высказывает мнение о том, что активное участие следователя является одним из важных факторов эффективности апелляционного процесса.

Ключевые слова: апелляция, апелляционная инстанция, судебное решение, промежуточное и итоговое судебное решение, сторона обвинения, следователь.

S. Yu. Ustinova – Judge of Moscow City Court.

ON THE PARTICIPATION OF INVESTIGATOR IN APPEAL

The article examines the different points of view presented in the legal literature and practice on the problem of the investigator's participation in the procedure for the appellate review of court decisions. Based on the analysis of judicial practice, changes in the criminal procedural legislation, the author expresses the opinion that the active participation of the investigator is one of the important factors in the effectiveness of the appellate process.

Key words: appeal, court of appeal, judgement, intermediate and final judgement, prosecution, investigator.

Значительный рост числа случаев применения апелляции в отечественном уголовном судопроизводстве связан с изменениями, внесенными в порядок пересмотра не вступивших в законную силу приговоров и иных решений суда первой инстанции Федеральным законом от 29 декабря 2010 года [1], дополнившим Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации главой 45. Это обусловило необходимость тщательного исследования новой формы судебного контроля за законностью судебных решений, при которой полномочия суда апелляционной инстанции, осуществляющего проверку решений, вынесенных судом первой инстанции, до вступления их в законную силу, были не только существенно расширены, но и видоизменены.

Предоставление апелляционной инстанции дополнительных процессуальных возможностей (в том числе посредством увеличения круга решений, принимаемых по результатам проверки законности и обоснованности не вступивших в законную силу приговоров и иных решений суда первой инстанции) не могло не отразиться на качестве судебных решений, обращаемых к исполнению после ревизии их судом второй инстанции, на сроках, в течение которых уголовные дела и материалы, рассматриваемые судами на досудебной стадии процесса (на стадии предварительного расследования), завершаются

вынесением итоговых решений, вступающих в законную силу, а также на участниках судопроизводства, имеющих право обжаловать судебные решения и участвовать в рассмотрении дела судом апелляционной инстанции.

Поскольку «главный смысл апелляции – исправление ошибок, допущенных нижестоящими судами, в максимально возможном числе случаев» [2], мы полагаем, что вынесение законных, обоснованных и мотивированных апелляционных решений, гарантирующих защиту прав участников судопроизводства, обеспечивается не только качественной работой судов апелляционной инстанции, но и процессуальной активностью сторон. От нее в значительной мере зависят объем ревизии приговоров, постановлений, определений первой инстанции и непосредственно сами решения апелляционной инстанции, с учетом которых приговоры, постановления, определения первой инстанции вступают в законную силу и подлежат исполнению.

При апелляционном рассмотрении дела суд «не только вправе, но и обязан самостоятельно исправить все ошибки приговора, обжалованного в суд апелляционной инстанции, постановив новое судебное решение, заменяющее собой предыдущее» [3], в том числе с учетом доказательств, которые в силу различных причин не были представлены в суд первой инстанции и не получили с его

стороны какой-либо оценки. Следует отметить, что в ряде случаев для принятия по делу правильного решения возникает необходимость в привлечении к участию в апелляционном процессе следователя. В одних ситуациях он должен выступать в качестве свидетеля, а в других как представитель обвинения, обладающий наиболее полной информацией по уголовному делу, особенно на досудебной стадии процесса.

Наличие у сторон возможности представить в апелляционную инстанцию новые доказательства, ходатайствовать о допросе следователя в качестве свидетеля, обязанность суда второй инстанции – давать оценку исследованным доказательствам, а также право выносить по делу новый приговор или новое решение, а также возвратить дело прокурору, в том числе на основе этих доказательств, безусловно, являются признаками сокращения дистанции между следствием и деятельностью суда, осуществляющего контроль за законностью и обоснованностью принятых по делу промежуточных и итоговых судебных решений до вступления их в законную силу.

Однако, несмотря на это, до настоящего времени ни в юридической литературе, ни в правоприменительной практике не разрешена проблема участия следователя в апелляционном производстве по делу в каком-либо ином статусе, кроме свидетеля, как не существует однозначного ответа на вопрос о том, вправе ли следователь обжаловать до вступления в законную силу решения, вынесенные судом по результатам рассмотрения его ходатайств о производстве процессуальных действий или проверки процессуальных решений и действий, ограничивающих конституционные права граждан.

Между тем практика рассмотрения апелляционных жалоб и представлений на промежуточные и окончательные судебные решения дает основания утверждать об актуальности указанной проблемы, особенно в отношении проверки законности и обоснованности промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства по уголовному делу.

В связи с тем, что законодатель включил судебные решения, вынесенные в порядке ст. 107–109, 125 и 165 УПК РФ, в круг промежуточных решений, которые могут быть обжалованы в апелляционном порядке до вы-

несения итогового судебного решения по делу [4], полноценная проверка законности таких судебных решений и своевременное (на стадии апелляции) внесение в них необходимых коррективов не могут быть обеспечены в условиях, когда право обжаловать эти решения и в полной мере реализовать в судебном заседании апелляционной инстанции права участника процесса со стороны обвинения предоставлено лишь прокурору, поскольку в связи с произошедшим перераспределением функций и полномочий следственных органов и прокуратуры «прокурор не может быть полноценным представителем государства со стороны обвинения на досудебной стадии уже только потому, что он не оказывает влияния на формирование позиции следствия и принимаемые следователем решения» [5].

На досудебной стадии процесса, когда прокурор еще не обладает статусом государственного обвинителя, уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляется следователем, который самостоятельно направляет ход расследования и «выступает субъектом, который приводит в действие судебный механизм посредством своего правопритязания в виде постановления о возбуждении ходатайства на применение той или иной процессуальной меры, затрагивающей конституционные права граждан» [6].

При таких обстоятельствах предоставление следователю права обжаловать судебные решения, вынесенные по его ходатайствам о применении процессуальных мер, направленных на обеспечение расследования по делу (решения по ходатайствам об избрании меры пресечения, продлении срока ее применения, о разрешении следственных действий, производство которых санкционируется судом), а также решения, вынесенные судом по результатам проверки законности и обоснованности действий и решений следователя в порядке ст. 125 УПК РФ, следует рассматривать как неперемное условие принятия апелляционной инстанцией решения, способствующего эффективному расследованию по делу и таким образом обеспечивающему защиту прав потерпевшего.

Обращаясь к судебной практике, можно обнаружить целый ряд примеров, свидетельствующих об ошибочности мнения правоприменителей, считающих, что наделение прокурора правом обжалования судебного реше-

ния, вынесенного на досудебной стадии процесса, является достаточной гарантией пересмотра апелляционной инстанцией постановлений, не отвечающих цели вынесения промежуточных судебных решений – «создать необходимые условия для реализации участниками процесса их прав и для обеспечения выполнения ими своих процессуальных обязанностей, для правильного разрешения уголовного дела без неоправданной задержки» [7].

Так, необоснованное постановление районного суда от 16 октября 2013 года об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о разрешении производства обыска в жилище в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 273 УК РФ, было отменено лишь 5 декабря 2014 года судом кассационной инстанции в связи с тем, что в апелляционном порядке прокурор указанное постановление суда не обжаловал [8].

Постановление районного суда об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о разрешении эксгумации трупа в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, было отменено апелляционной инстанцией лишь благодаря активной позиции потерпевшей, подавшей апелляционную жалобу, поскольку прокуратура принятое судом решение не обжаловала. Удовлетворив жалобу потерпевшей, апелляционная инстанция отменила постановление суда и разрешила проведение следственного действия, что обеспечило возможность продолжения расследования по делу [9].

Анализ решений, принятых апелляционной инстанцией по результатам проверки судебных решений, вынесенных по результатам рассмотрения ходатайств следователя об избрании обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу, также свидетельствует о необходимости наделения следователя правом обжаловать такие судебные решения и представлять сторону обвинения в апелляционной инстанции, поскольку оценка прокурором и следователем одних и тех же обстоятельств, влияющих на решение вопроса о мере пресечения, может не совпадать. Кроме того, именно следователь, обладающий наиболее полной информацией по делу, может предоставить апелляционной инстанции дополнительные доказательства, с учетом которых апелляционная инстанция вправе

отменить решение суда об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу и принять новое решение по существу данного ходатайства.

Так, Севастопольский городской суд, Приморский краевой суд, Московский городской суд выносили в апелляционном порядке решения об отмене постановлений первой инстанции об отказе в удовлетворении ходатайств следователей об избрании обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу и удовлетворяли указанные ходатайства следователей [10; 11; 12; 13; 14], но данные решения принимались в случаях, когда суд первой инстанции при отказе в удовлетворении ходатайства следователя избирал обвиняемым меру пресечения в виде домашнего ареста. Однако в подавляющем большинстве случаев апелляционная инстанция при отмене постановления суда, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства следователя об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, была вынуждена направлять ходатайство следователя на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи с необходимостью более тщательной проверки обстоятельств, имеющих значение для принятия по ходатайству правильного решения, и выяснения вопроса о том, избиралась ли обвиняемому в связи с отказом суда в удовлетворении ходатайства следователя иная мера пресечения.

Суммируя вышеизложенное, можно прийти к выводу о взаимном влиянии процессуальной активности следствия и решений апелляционной инстанции, поскольку, с одной стороны, вынесение законного и обоснованного апелляционного решения, а также достижение цели апелляции – правильного разрешения дела без неоправданной задержки – во многом зависят от участия следователя в апелляционном производстве, с другой стороны, решения апелляционной инстанции, связанные с обеспечением расследования, его возобновлением (в случае возврата дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ) или оценкой законности и обоснованности действий и решений следователя по результатам рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, оказывают влияние на эффективность расследования по уголовным делам.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2010 № 433-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
2. Складченко М. В. Функционирование системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений непрерывно совершенствуется // Уголовное судопроизводство. 2016. № 1.
3. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Е. А. Борисова, Л. В. Головкин, Н. Н. Ковтун и др.; под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2011.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Ч. 3, ст. 389. URL: <http://consultant.ru>
5. Цветков Ю. А. Следователь в апелляции // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4.
6. Руновский А. В. Процессуальная роль следователя в уголовном суде // Рос. следователь. 2012. № 2.
7. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ч. 2: Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда Российской Федерации по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: практ. пособие. 7-е изд. перераб. и доп. / под ред. В. М. Лебедева. М., 2016.
8. Постановление Президиума Московского городского суда от 05.12.2014 по делу № 44у-245/14. URL: <http://consultant.ru>
9. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.08.2015 № 10-11324/15. URL: <http://consultant.ru>
10. Апелляционное постановление Севастопольского городского суда от 30.04.2015 по делу № 22к-238/15. URL: <http://consultant.ru>
11. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 24.09.2015 по делу № 22-5979/2015. URL: <http://consultant.ru>
12. Апелляционное постановление Московского городского суда от 22.01.2016 № 10-0858/2016. URL: <http://consultant.ru>
13. Апелляционное постановление Московского городского суда от 14.08.2015 № 10-11249/2015. URL: <http://consultant.ru>
14. Апелляционное постановление Московского городского суда от 14.10.2015 по делу № 10-13991/2015. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. On introduction of changes in Criminal Procedure Code of Russian Federation and disabling particular legal acts (dispositions of legal acts) of Russian Federation : Federal Law of Russian Federation, passed 29.12.2010 № 433-FL. URL: <http://consultant.ru>
2. Sklyarenko M. V. Operation of the System of appealing, examining and reviewing judicial decisions is constantly being improved // Criminal judicature. 2016. № 1.
3. Appeal, cassation, supervision: novels of Civil Procedure Code of Russian Federation and Criminal Procedure Code of Russian Federation. First experience of critical ponder / E. A. Borisova, L. V. Golovko, N. N. Kovtun, etc.; ed. by N. A. Kolokolov. Moscow, 2011.
4. Criminal Procedure Code of Russian Federation. Part 3, art. 389. URL: <http://consultant.ru>
5. Tsvetkov Yu. A. Investigator in appellate procedure // Criminal judicature. 2014. № 4.
6. Runovsky A. V. Procedural role of investigator in criminal court // Russian investigator. 2012. № 2.
7. Practice of application of Criminal Procedure Code of Russian Federation. Part 2: Actual questions of judicial practice, recommendations by judges of Supreme Court of Russian Federation on application of criminal procedure law based on newest court usage: practice guidance. 7 ed., conversed and enlarged /ed. by V. M. Lebedev. 2016.
8. Decision of cassation instance of Moscow city court, passed 05.12.2014 in case № 44у-245/14. URL: <http://consultant.ru>
9. Appellate decision of Moscow city court, passed 17.08.2015 in case № 10-11324/15. URL: <http://consultant.ru>
10. Appellate decision of Sevastopol regional court, passed 30.04.2015 in case № 22к-238/15. URL: <http://consultant.ru>
11. Appellate decision of Primorsky territorial court, passed 24.09.2015 in case № 22-5979/2015. URL: <http://consultant.ru>
12. Appellate decision of Moscow city court, passed 22.01.2016 in case № 10-0858/2016. URL: <http://consultant.ru>
13. Appellate decision of Moscow city court, passed 14.08.2015 in case № 10-11249/2015. URL: <http://consultant.ru>
14. Appellate decision of Moscow city court, passed 14.10.2015 in case № 10-13991/2015. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. А. В. Гуськова,

адъюнкт кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.
E-mail: oannes2007@mail.ru

ФУНКЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА КАК УСЛОВИЕ ЧЕСТНОГО СОСТЯЗАНИЯ СТОРОН

В статье честность участников уголовного судопроизводства рассматривается как ключевая процессуальная идея. Отмечается, что качественная реализация функции переводчика предполагает не только компетентный, но и честный перевод информации, а также честное посредничество переводчика между состязавшимися сторонами и судом.

Ключевые слова: функция переводчика, честность, следователь, мышление, метод, механизм контроля.

A. V. Guskova – Adjunct, Department of Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior Affairs of the Russian Federation.

THE FUNCTION OF AN INTERPRETER AS A CONDITION OF HONEST COMPETITION OF THE PARTIES

In the article the honesty of the participants in the process be seen as a key procedural idea. It is noted that implementation of the translation function involves not only competent but also honest transfer of information, and fair mediation of a translator between the competing parties and the court.

Key words: function of an interpreter, honesty, investigator, thinking, method, mechanism of control.

Любой прекрасной цели можно добиться честными средствами. А если нельзя, то эта цель плоха [1].

Ч. Диккенс

Принцип состязательности сторон может быть наполнен высоким гуманистическим смыслом только тогда, когда борьба процессуальных оппонентов нацелена на достижение истины и ведется честными средствами. И хотя законодатель прямо не предъявляет к участникам уголовного судопроизводства требования быть честными, он неоднократно делает это косвенно, закрепляя различные процедурные инструменты противодействия лживости и неискренности.

Честность участников уголовного процесса, по мнению отдельных ученых, сегодня должна рассматриваться в качестве ключевой процессуальной идеи. Основоположителем этого подхода является профессор А. В. Агutin. «Под принципом честности (внешним проявлением совести) уголовного процесса, – пишет он, – понимается мировоззренческая идея относительно сущего и должного в уголовном судопроизводстве, заключающаяся в том, что действия и слова участников уголовно-процессуальной деятельности не могут быть лживыми» [2, с. 14].

Принимая в целом идею «честности уголовного процесса», необходимо подчеркнуть, что она не должна исчерпываться только той

трактовкой, которая делает упор на исключение лживости показаний. «Честность» – понятие разностороннее. Так, в словаре «Википедия» оно определяется следующим образом: «Честность – это одна из основных человеческих добродетелей, моральное качество, которое отражает одно из важнейших требований нравственности. Включает правдивость, принципиальность, верность принятым обязательствам, субъективную убежденность в правоте дела, искренность перед другими и перед самим собой в отношении тех мотивов, которыми человек руководствуется, признание и соблюдение прав других людей на то, что им законно принадлежит. Противоположностью честности являются обман, ложь, воровство, вероломство, лицемерие и т. д.» [3].

В Толковом словаре русского языка слово «честный» означает: проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный (честное слово – уверение в искренности, правдивости чего-нибудь); заслуживающий уважения, безупречный [4, с. 882].

Однако разносторонность понятий «честность» и «честный» в контексте уголовного процесса может иметь и иной смысл. Как

разносторонние они могут рассматриваться и в смысле разной ситуативной трактовки сторонами защиты и обвинения, а также участниками процесса, формально не охватываемыми понятием сторон. На наш взгляд, честность – это категория в большей степени оценочная. И противоречивые интересы сторон могут своеобразно влиять на представление о честности у разных участников уголовного судопроизводства.

Законодатель с пониманием относится к «односторонней» честности, наделяя отдельных участников процесса свидетельским иммунитетом или освобождая их от ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Однако в уголовном судопроизводстве участвуют и лица, которые в силу своего процессуального статуса оказываются в группе одной из сторон, но поправки на «одностороннюю» честность к ним не применяются. К таковым, по нашему мнению, следует отнести и переводчика.

Функция переводчика в уголовном судопроизводстве – это информационно-коммуникационное и интерпретационное посредничество, включающее в себя перевод информации, представляемой устно, письменно или конклюдентно, а также интерпретацию культурно-мировоззренческой специфики поведения граждан в рамках уголовного судопроизводства.

Качественная реализация функции переводчика предполагает не только компетентный, но и *честный перевод информации*, а также *честное посредничество переводчика между состязавшимися сторонами и судом*.

Казалось бы, для переводчика нет ничего проще – быть честным и добросовестным. Однако сам принцип состязательности, особенности «процессуальной жизни» могут подвергать честного переводчика не легким моральным испытаниям. К примеру, как следует рассматривать поведение переводчика, если он, будучи посредником общения подозреваемого и адвоката, узнав, где спрятано похищенное имущество, труп и другие важнейшие улики, позволяющие уличить настоящего преступника, умолчит об этом. Закономерно возникает вопрос: если переводчик поделится информацией об услышанном со следователем, не разрушит ли он тем самым сущность самой идеи состязательности?

Однако суть заключается не в этом: сама честность переводчика в уголовном процессе обретает двойственный смысл: он должен

передать всю информацию заинтересованной стороне и впоследствии утаивать ту же информацию от другой стороны.

Таким образом, переводчик неизбежно попадает в парадоксальную ситуацию. В информационном посредничестве он выступает и как «третий нужный», и как «третий лишний», одновременно находясь в рамках двух презумпций – доверия (честности) и недоверия. В связи с этим функция переводчика нередко разворачивается в противоречивом информационно-коммуникативном поле.

К данному выводу мы пришли не умозрительно. Так, в ходе интервьюирования двадцати следователей из различных регионов Российской Федерации, имеющих опыт взаимодействия с представителями переводческой профессии, была получена информация, подтверждающая это предположение.

В частности, следователи указали, что, когда никто из участников процесса не владеет языком, которым владеет обвиняемый, ход дела почти полностью зависит от переводчика. Однако, по наблюдениям практиков, если переводчиком выступает лицо одной национальности с обвиняемым, то переводчик может сочувствовать лицу, подвергающемуся мерам уголовно-процессуального воздействия, и делать собственные комментарии. В таких ситуациях следователи не могут иметь полной уверенности в том, что переводчик правильно передает всю услышанную или прочитанную им информацию. Именно поэтому дела с участием лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства, представляют особую сложность.

При интервьюировании следователи отмечали, что у подозреваемого существует реальная возможность обсудить с переводчиком какой-либо вопрос, передать просьбу, так как следователь иностранным языком не владеет. В силу этого некоторые следователи относятся с недоверием к переводчикам. Другие же изначально стараются убедиться в том, что переводчик – это лицо незаинтересованное, и он не является знакомым или родственником подозреваемого. Следователи считают, что в интересах самого переводчика действовать законно, иначе он будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 307 или 310 УК РФ.

Неоднозначное отношение следователей к переводчикам подтвердилось и в ходе последующего анкетирования. Ответы 108 респондентов на вопрос о том, как относятся следователи к переводчикам, являющимся участ-

никами уголовного процесса, распределились следующим образом:

- нейтрально, если это работники переводческих агентств, профессионалы своего дела, – 38 %;

- было бы целесообразным создать при Минюсте России штат переводчиков – 37 %;

- стараюсь сотрудничать с одними и теми же переводчиками, которые зарекомендовали себя с положительной стороны, – 31 %;

- отношусь с осторожностью (они могут быть знакомы с подозреваемыми, возможно разглашение данных предварительного расследования и т. д.) – 4 %.

На первый взгляд, процент недоверия к переводчикам не столь высок. Однако при содержательной оценке ответов выясняется, что в каждом варианте присутствует сомнение. По сути, выбирая тот или иной ответ, опрашиваемый не только выражал свое отношение к переводчикам, но и называл те условия, при которых такое недоверие могло быть сведено к минимуму. Но в целом можно заключить, что это отношение является весьма непростым и настороженным.

Подобный подход вполне объясним профессиональными интересами следователя, которые дают возможность многое увидеть в поведении переводчика, но они же не позволяют заметить и ряд существенных моментов. Мы же ставим перед собой задачу с самых разных сторон рассмотреть функцию переводчика в уголовном судопроизводстве, обратившись к не совсем научному по форме, но вполне научному по содержанию методу «Шесть шляп мышления», предложенному британским врачом Эдвардом де Боно [5]. Сущность этого метода состоит в том, что его участники пытаются взглянуть на одну и ту же проблему по-разному. Каждый из них попеременно надевает условную шляпу определенного цвета и начинает рассматривать заданную проблему с точки зрения критика, оптимиста, философа и др., пытаясь представить ее в новом ракурсе.

Взяв за основу данный метод, мы проанализировали функцию переводчика с шести различных точек зрения, акцентируя внимание на том, что функция эта выступает необходимым условием обеспечения честности состязания сторон.

С позиций эмоционального мышления наиболее коммуникативное взаимодействие неразрывно связано с привлечением эмоциональной составляющей. Переводчик как посредник, получатель и отправитель информации

в одном лице может испытывать разнообразную гамму чувств: от сострадания к подозреваемому до чувства полного неприятия к нему в связи с подозрением в совершении преступления. Однако, являясь профессиональным участником уголовного процесса, переводчик должен уметь абстрагироваться от собственных симпатий и антипатий и исходить из того, что не на нем, а на суде лежит обязанность принять справедливое решение. Правдивое отображение действительности – одна из составляющих профессиональной этики представителя данной профессии.

Другая ситуация складывается тогда, когда в роли переводчика выступает лицо одной национальности с подозреваемым, владеющее необходимой языковой парой, но не являющееся переводчиком по профессии. Этот человек может быть скептически настроен по отношению к сотрудникам правоохранительных органов и сочувствовать подозреваемому. Такие ситуации наиболее опасны не столько для интересов подозреваемого, сколько для установления истины по уголовному делу.

Оптимистическое мышление дает возможность увидеть, что переводчик в подавляющем большинстве случаев заинтересован в осуществлении верного и своевременного перевода по ряду причин. Во-первых, в случае осуществления заведомо неправильного перевода он будет привлечен к уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ; во-вторых, на рынке переводческих услуг имеет место конкуренция, поэтому переводчикам выгодно выполнять свою работу качественно и в срок.

Критическое мышление позволяет прийти к следующему выводу: отсутствие в судебной практике случаев привлечения переводчиков к ответственности за заведомо неправильный перевод [6] не означает, что фактически ситуаций неправильного перевода не возникает. Сложность заключается в обнаружении таких неправомерных действий, а также в доказывании умысла переводчика. Дело в том, что неправильный перевод рассматривается в качестве пассивной лжи, то есть лжи по неосторожности. Поэтому уровень опасности заведомо неправильного перевода недооценивается.

Так, В. А. Блинников отмечает, что «более тяжкие последствия влечет скорее активная, чем пассивная ложь. Более чем 50 % случаев активной лжи повлекли за собой ошибочные решения судов или органов предварительно-

го расследования» [7, с. 17]. На наш взгляд, как активная, так и пассивная ложь со стороны переводчика представляет серьезную опасность для прав и интересов подозреваемого, а в последующем – и подсудимого. «Активная ложь предполагает переработку действительных событий», в этом случае имеет место существенное искажение сведений (отрицание подлинных фактов, сообщение вымышленных фактов и др.). «Пассивная ложь заключается в умолчании каких-то данных, в отрицании подлинных фактов без замены их любыми другими» [8, с. 91].

При этом мы не ставим перед собой цель детального анализа состава преступления в рамках ст. 307 УК РФ, но вместе с тем считаем необходимым обозначить несколько ключевых положений.

Первое: *«не имеет значения, является ли переводимый материал правдивым или ложным, недаром законодатель говорит не о ложном, а о неправильном переводе»* (курсив наш. – А. В.)» [7, с. 39]. Такая широкая трактовка объективной стороны заведомо неправильного перевода-преступления может приводить к тому, что отдельные случаи неправильного перевода могут попасть под признаки ч. 2 ст. 14 УК РФ, поскольку в силу своей малозначительности они не представляют общественной опасности.

Второе: *«некомпетентность переводчика, приведшая к ошибкам в переводе текста, не свидетельствует о заведомости осуществления неправильного перевода и исключает применение в отношении этого лица ст. 307 УК РФ»* (курсив наш. – А. В.)» [9, с. 555].

Исходя из этого ст. 307 УК РФ в части заведомо неправильного перевода должна иметь более широкое применение. Главную причину практически полного отсутствия судебной практики по данной статье мы видим в несформированности действенных механизмов контроля за переводческой деятельностью в рамках уголовного судопроизводства. Кроме того, сложно провести границу между умыслом переводчика на осуществление заведомо неправильного перевода и случайными ошибками, неточностями. Умысел переводчика может быть доказан следующим образом: применительно к ч. 2 ст. 307 УК РФ осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров в соответствии со ст. 186 УПК РФ. При создании реестра переводов появится возможность анализировать комплекс переводов, осуществленных конкретным переводчиком, с целью оп-

ределения того, идет ли речь о сознательных ошибках или о неумышленных.

Творческое мышление способствует формированию новых идей, касающихся обеспечения честного перевода. Как известно, залог честности не доверие, а перепроверка. Подобный подход имеет отражение в народной мудрости – «доверяй, но проверяй». В этой связи представляется необходимым осуществить выборочную проверку письменного перевода, а также перевода, записанного с помощью средств видеофиксации. Данная мера контроля не обязательно должна осуществляться в рамках расследуемого уголовного дела. Чтобы не затягивать ограниченные сроки предварительного расследования, считаем возможным проводить перепроверку после того, как было вынесено решение по уголовному делу. В случае обнаружения существенных неточностей это позволит выявить недобросовестных переводчиков и в последующем не прибегать к их помощи. В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 413 УПК РФ обнаруженные факты могут стать основанием для возобновления производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам.

Следует отметить, что Л. Б. Обидина, А. А. Ларин и В. В. Сдобников уже выступили с инициативой создания реестра судебных переводчиков [10, с. 145], которая, на наш взгляд, заслуживает всесторонней поддержки. Более того, мы предлагаем идти дальше по этому пути и считаем целесообразным выступить с инициативой создания института государственных переводчиков, что позволило бы обеспечить специалистами подразделения правоохранительных органов, социальные службы и др. Данный институт должен функционировать при Министерстве иностранных дел РФ. И именно в его структуру должно входить подразделение по контролю.

Помимо перепроверки, необходимо разъяснять переводчику положения закона, касающиеся не только его прав и обязанностей, но и возможных негативных последствий при совершении деяний, запрещенных Уголовным кодексом РФ. В частности, мы предлагаем расширить санкцию ст. 307 УК РФ, дополнив ее таким видом наказания, как «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» (ст. 47 УК РФ).

Категория честности является аксиологической, и в отдельных случаях ей свойственна нормативность. Например, в ч. 1 ст. 332

УПК РФ представлен текст присяги присяжного заседателя: «Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их *честно* и беспристрастно (курсив наш. – А. В.)». В связи этим предлагаем в п. 4 ч. 4 ст. 59 УПК РФ предусмотреть следующее положение: «переводчик с целью обеспечения честного состязания сторон не вправе сообщать информацию, полученную в рамках оказания помощи стороне защиты, стороне обвинения, и наоборот. Исключением является ситуация, когда переводчику стала известна информация о готовящемся преступлении».

Для недопущения случаев заведомо неправильного перевода следует спрогнозировать и нейтрализовать непрофессиональные мотивы (жалость, сострадание, месть, боязнь, корыстные и иные личные побуждения и т. д.). Например, страх можно нейтрализовать, приведя в качестве примера имеющийся комплекс мер безопасности, применяемый в отношении переводчиков в случае поступления реальной угрозы их жизни, здоровью и др. [11].

И, наконец, творческим стимулом для осуществления честного перевода может стать обязательная видеофиксация всех следственных и процессуальных действий, осуществляемых при участии переводчика.

Аналитическое мышление, связанное с предметом нашего исследования, можно усилить посредством применения техники, известной как «Квадрат Декарта». Проанализируем «плюсь» и «минусь» положительного и отрицательного решения в случае усиления контроля и уголовной ответственности за преступления, совершаемые переводчиками (см. табл.).

Философское мышление позволяет с философской точки зрения посмотреть на исследуемый предмет. По выражению Аристотеля: «Предпочтительнее то, что само по себе более прекрасно, более чтимо и более достойно похвалы; например, дружба предпочтительнее богатства, а справедливость – силы. Ибо первые сами по себе чтимы и достойны похвалы, а вторые – не сами по себе, а ради чего-то другого» [12, с. 397]. К этому можно добавить, что честность достойна уважения сама по себе и в особенности в тех случаях, когда от нее зависит будущее другого человека (подозреваемый, не владеющий языком, всецело зависит от переводчика). Даже в случае угрозы жизни и здоровью следует поступать честно, добросовестно исполнять свои обязанности для того, чтобы восторжествовала справедливость.

По мнению Цицерона, основанием для справедливости является «верность, то есть стойкость и правдивость в словах и принятых на себя обязательствах... к справедливым и верным людям, то есть к честным мужам, мы чувствуем доверие при условии, что они не вызывают у нас подозрения насчет их склонности к обману или к противозаконию» [13, с. 49]. Деятельность участников уголовного процесса – переводчиков, экспертов, специалистов, свидетелей и т. д. – презюмируется как достоверная, и все же она должна перепроверяться, так как сущность уголовного судопроизводства базируется не на доверии, а на состязании сторон. Поэтому задача иных участников уголовного процесса, к которым относится и переводчик, – содействовать честному состязанию посредством оказания переводческих услуг.

«Плюсь» при положительном решении: – уменьшится число переводчиков, готовых осуществить заведомо неправильный перевод; – появится механизм, позволяющий выявить ошибки в переводе; – будут созданы условия для обеспечения честного состязания сторон при участии переводчика	«Плюсь» при отрицательном решении: – не нужно будет расширять санкцию ст. 307 УК РФ, дополнять ст. 59 УПК РФ; – не нужно производить дополнительные затраты (деятельность, связанная с контролем качества произведенного перевода, сопряжена с финансовыми вложениями со стороны государства)
«Минусь» при положительном решении: – возможно уменьшение количества переводчиков, готовых сотрудничать с правоохранительными органами; – финансовые издержки, связанные с созданием службы государственных переводчиков либо ведомства по контролю за качеством перевода	«Минусь» при отрицательном решении: – если не осуществить ряд изменений, могут пострадать невинные люди и интересы правосудия

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в тех случаях, когда один из участников уголовного судопроизводства не владеет языком, на котором оно ведется, функция переводчика выступает неотъемлемым условием для обеспечения честности состязания сто-

рон. В связи с этим внесение предложенных нами поправок в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ может содействовать успешной реализации данного условия.

Литература

1. URL: <http://citaty.su/aforizmy-pro-iskrennost-citaty-pro-chestnost>
2. Агутин А. В. Мироззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Честность>
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999.
5. Креативные методики – наука о том, как создавать идеи. URL: <http://popel-studio.com/blog/article/creativnie-metodiki.html>
6. Официальный сайт прокуратуры Санкт-Петербурга. Переводчик предстанет перед судом за заведомо неправильный перевод. 10.06.2016. URL: <http://procspb.ru/news/spb/14377-perevodchik-predstanet-pered-sudom-za-zavedomo-nepravilnyy-perevod>
7. Блиnnиков В. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты лжесвидетельства: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 1998.
8. Ратинов А., Адамов Ю. Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). М., 1976.
9. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. Сер.: Бакалавр. Базовый курс. М., 2014.
10. Ларин А. А., Обидина Л. Б. Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3.
11. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федер. закон Рос. Федерации от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Рос. газ. 2004. 25 авг. № 182.
12. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1978. Т. 2.
13. Цицерон М. Т. Об обязанностях. Кн. II, п. 33. URL: <http://ogurcova-portal.com/wp-content/uploads/2013/08/Mark-Tulliy-TSitseron-Ob-obyzannostyah.pdf>

Bibliography

1. URL: <http://citaty.su/aforizmy-pro-iskrennost-citaty-pro-chestnost>
2. Agutin A. V. Philosophical ideas in the proving of criminal procedural: dis. ... PhD, Professor in Law. Nizhny Novgorod, 2005.
3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Honesty>
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. 4 edition, supplemented. Moscow, 1999.
5. Creative techniques – a science about how to create ideas. URL: <http://popel-studio.com/blog/article/creativnie-metodiki.html>
6. The official website of St. Petersburg prosecutor's office. Translator will stand in front of the trial for knowingly wrong translation. 10.06.2016. URL: <http://procspb.ru/news/spb/14377-perevodchik-predstanet-pered-sudom-za-zavedomo-nepravilnyy-perevod>
7. Blinnikov V. M. Criminally-legal and criminological aspects of perjury: dis. ... PhD in Law. Stavropol, 1998.
8. Ratinov A., Adams Yu. Perjury (origin, prevention and detection of false testimony). Moscow, 1976.
9. Sverchkov V. V. Criminal law. General and Special parts: textbook for undergraduate. 3 edition, revised and supplemented. Series: Bachelor. Basic course. Moscow, 2014.
10. Larin A. A., Obidina L. B. Participation of an interpreter in court and in pretrial stages of the process: problems and ways of their solution // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2016. № 3.
11. About state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings: Federal Law of the Russian Federation of 20 August, 2004 № 119-FL // Russian newspaper. 2004. 25 August. № 182.
12. Aristotle. Compositions in four volumes. Moscow, 1978. Vol. 2.
13. Ciceron M. T. About duties. Book II, item 33. URL: <http://ogurcova-portal.com/wp-content/uploads/2013/08/Mark-Tulliy-TSitseron-Ob-obyzannostyah.pdf>

© 2017 г. Н. С. Диденко,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (928) 187-76-99.

С. М. Кузнецова,

доцент кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
Тел.: 8 (962) 791-73-10.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ КРИТЕРИЕВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ПРАВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются спорные вопросы, возникающие в связи с установлением возраста несовершеннолетнего потерпевшего. Обосновывается тезис о том, что нижний возрастной критерий несовершеннолетнего потерпевшего не зависит от достижения им определенного минимального возраста, а верхний возрастной критерий устанавливается в отношении него как лица, не достигшего восемнадцати лет к моменту производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, при этом эмансипация несовершеннолетнего потерпевшего уголовно-процессуальных последствий не влечет.

Ключевые слова: несовершеннолетний потерпевший, права, обязанности, эмансипация, преступление, уголовно-процессуальный закон.

N. S. Didenko – Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Phd in Law.

S. M. Kuznetsova – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

DETERMINATION OF AGE CRITERIA OF THE MINOR AS A NECESSARY CONDITION OF REALIZATION OF HIS RIGHTS IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

In article the controversial issues arising in connection with establishment of age of the minor victim are considered. The thesis that the lower age criterion of the minor victim does not depend on achievement of a certain minimum age by him is proved and the upper age criterion is set against him as a person under eighteen years of age at the time of production of the corresponding investigative action or further action, and the emancipation of a minor victim of criminal law does not entail consequences.

Key words: minor victim, rights, duties, emancipation, crime, the Criminal Procedure Law.

Несовершеннолетний потерпевший, являясь лицом, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, имеет в уголовном судопроизводстве собственные интересы. Для защиты этих интересов он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен определенными правами и обязанностями.

Так, законом предусматриваются особенности производства допроса, очной ставки, опознания, отличный от общего порядок вызова на допрос несовершеннолетнего потерпевшего, предоставляются дополнительные гарантии защиты прав несовершеннолетних потерпевших посредством участия в производстве

по уголовному делу законных представителей, педагогов и психологов. Устанавливая особенности производства по уголовным делам, где в качестве потерпевших выступают несовершеннолетние, законодатель исходит из необходимости обеспечения режима повышенной защиты несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон не содержит определения понятия «несовершеннолетний потерпевший», а также критериев, устанавливающих возраст несовершеннолетнего.

Данный правовой пробел создает сложности в реализации несовершеннолетними потерпевшими уголовно-процессуальных прав,

обязанностей и ответственности, так как их объем и содержание зависят от наступления определенного возраста.

Понятие «несовершеннолетний» раскрывается применительно к несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) в ч. 1 ст. 420 УПК РФ, в которой указывается, что требования главы 50, регламентирующей производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, применяются в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста 18 лет. Таким образом, несовершеннолетие подозреваемого (обвиняемого) с точки зрения обеспечения его прав и свобод в уголовном судопроизводстве законодатель связывает с моментом совершения им преступления.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ устанавливает особенности производства как для подозреваемых и обвиняемых, являющихся несовершеннолетними, так и для тех лиц, которые достигли к моменту производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения совершеннолетия, но совершили преступление в несовершеннолетнем возрасте.

Связывать несовершеннолетие потерпевшего с моментом совершения преступления, как это делает законодатель в отношении подозреваемого или обвиняемого, мы считаем в корне неверным, поскольку правила действия уголовно-процессуального закона во времени (ст. 4 УПК РФ) предписывают применять данный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения.

Отдельные авторы, изучающие порядок производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних, в своих исследованиях обращают внимание на эмансипацию несовершеннолетних [1, с. 157–159]. При эмансипации несовершеннолетнее лицо, достигшее 16 лет, приобретает полную гражданскую дееспособность, то есть способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности в полном объеме.

Целью эмансипации является возможность несовершеннолетнего совершать гражданско-правовые сделки без согласия законного представителя. Между тем мы полагаем, что правовые последствия эмансипации

в гражданском судопроизводстве не лишают несовершеннолетнего потерпевшего прав и гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом для лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста.

Таким образом, нормы закона, регламентирующие особенности производства в отношении несовершеннолетних потерпевших, должны применяться к лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет к моменту производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, и не зависеть от решения о признании несовершеннолетнего эмансипированным.

В контексте рассматриваемой проблемы особого внимания заслуживает вопрос установления возраста несовершеннолетнего потерпевшего в ходе производства по уголовному делу. При невозможности документально подтвердить возраст несовершеннолетнего или при наличии оснований полагать, что потерпевший страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии, необходимо назначить и провести комплексную судебно-медицинскую экспертизу. При этом следует учитывать, что лицо считается достигшим определенного возраста не в день рождения, а по его истечении, то есть с нуля часов следующих суток. При установлении возраста несовершеннолетнего потерпевшего посредством судебной экспертизы (комплексной судебно-медико-психологической, комплексной судебно-медико-психиатрической) днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица [2].

Если у несовершеннолетнего потерпевшего имеется паспорт или свидетельство о рождении, то проблем с установлением точного возраста у лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, не возникает, так как возраст удостоверяется при помощи указанных документов. В случае отсутствия перечисленных документов и установления места рождения несовершеннолетнего потерпевшего необходимо запросить из органов ЗАГС по месту рождения выписку из книги актов гражданского состояния. Копия свидетельства о рождении может также находиться в личном деле несовершеннолетнего в дошкольном

учреждении (детском саду), в учебных заведениях (школах, колледжах, техникумах).

Сведения о дате рождения могут быть получены из медицинских документов. В истории родов, которая хранится в архиве медицинского учреждения, отражены следующие сведения: фамилия, имя, отчество, возраст, место жительства матери, дата родов, пол родившегося ребенка и иные сведения. Кроме того, после выписки из роддома ребенок ставится на учет в поликлинике по месту жительства, где на него составляется карточка формы – 112, содержащая сведения о фамилии, имени, отчестве, дате рождения, месте жительства, состоянии здоровья, перенесенных заболеваниях. По достижении лицом совершеннолетия данная карточка выдается ему на руки или сдается в архив, где хранится в течение 25 лет.

В год достижения несовершеннолетним 17 лет он приписывается к военному комиссариату по месту жительства, где формируется личное дело, в котором имеются сведения о времени и месте рождения лица, месте жительства, результаты медицинских обследований, характеристики.

Сведения о дате рождения могут содержаться в сельских администрациях, в жилищно-эксплуатационных трестах в городах, где в похозяйственных книгах заполняется лицевой счет на каждый дом (квартиру). В лицевом счете содержатся сведения о всех лицах, зарегистрированных по данному адресу, с указанием, кроме прочего, дат рождения. Похозяйственная книга ведется в течение 5 лет, затем она передается в архив, где хранится постоянно.

При установлении факта получения несовершеннолетним потерпевшим паспорта (с 14 лет), но невозможности его предъявления по каким-либо причинам необходимо запросить в паспортно-визовой службе копию формы – 1, в которой отражены все необходимые сведения о дате рождения лица.

Сведения о дате рождения несовершеннолетнего потерпевшего могут быть получены и в органах социальной защиты населения, производящих выплаты детских пособий, а также по месту работы родителей, по учетам кадровых аппаратов, бухгалтерий [3].

Определяя верхний предел возраста несовершеннолетнего потерпевшего, мы пришли к выводу о том, что установление минимального критерия также вызывает ряд трудностей.

В материальном праве законодательно закреплено понятие «несовершеннолетний» – лицо (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин и лицо без гражданства), которому исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет. Указанное определение оправдано с точки зрения уголовного закона, так как уголовная ответственность за совершение преступления наступает с четырнадцатилетнего возраста.

В соответствии со ст. 19, 20 УК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 421 и ст. 73 УПК РФ установление возраста несовершеннолетнего обвиняемого является обязательным, поскольку это входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию. Аналогичного правила, содержащего требование установления несовершеннолетнего возраста потерпевшего, закон не предусматривает. Вместе с тем Уголовный кодекс РФ включает в себя отдельные составы преступлений, в которых несовершеннолетие потерпевшего выступает в качестве основного признака: ст. 106, 125, 134, 135, 150, 151, 153, 154, 155, 156, ч. 1 ст. 157, ст. 242¹, 245. Указанные составы отнесены к категории преступлений против несовершеннолетних, что предполагает установление и доказывание возраста потерпевшего, поскольку возраст является условием применения к нему специальных правил судопроизводства.

Согласно ст. 1 Конвенции ООН «О правах ребенка» [4] нижняя граница возраста потерпевшего не устанавливается.

П. С. Дагель, рассматривая данный вопрос, справедливо утверждает, что для признания потерпевшим не требуется достижения лицом определенного возраста, вменяемости или наличия каких-либо других признаков [5, с. 16–37]. Это позволяет сделать вывод о том, что уже с рождения лицо может быть признано потерпевшим.

Естественно, что исходя из способности лица осознавать свою роль в процессе, осуществлять права по защите собственных интересов и выполнять обязанности о его самостоятельном участии в уголовном судопроизводстве в контексте процессуального статуса мы речи не ведем. Отстаивать права и интересы этого несовершеннолетнего потерпевшего будет его законный представитель [6, с. 129–130].

Таким образом, представляется, что нормы закона, регламентирующие особенности производства в отношении несовершеннолетних потерпевших, должны применяться к

лицу, которому в результате преступления был причинен вред вне зависимости от достижения им определенного минимального возраста, но не достигшему восемнадцати лет к моменту производства соответствующего про-

цессуального действия или принятия процессуального решения. При этом эмансипация несовершеннолетнего не будет иметь уголовно-процессуальных последствий для изменения его процессуального статуса.

Литература

1. Круглова Д. В. Эмансипированный несовершеннолетний в уголовном процессе // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: матер. XIV Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2016. Ч. 1.

2. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 29.11.2016). URL: <https://rg.ru/2011/02/11/nesovershennoletnie-dok.html>

3. Гельмел В. Я., Петухов Е. В. Процессуальные основы расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними: учеб.-практ. пособие. Барнаул, 2003.

4. Конвенция о правах ребенка: одобр. Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступ. в силу для СССР 15.09.1990 // Сб. междунар. договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI.

5. Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974.

6. Кузнецова С. М. Классификация несовершеннолетних потерпевших и ее значение для реализации прав и обязанностей // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: матер. XIV Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2016. Ч. 1.

Bibliography

1. Kruglova D. V. The emancipated minor in criminal procedure // Urgent problems of fight against crimes and other offenses: materials XIV of the International scientific and practical conference. Barnaul, 2016. Part 1.

2. About court practice of application of the legislation regulating features of criminal liability and punishment of minors: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 № 1 (ed. of 29.11.2016). URL: <https://rg.ru/2011/02/11/nesovershennoletnie-dok.html>

3. Gelmel V. Ya., Petukhov E. V. Procedural bases of investigation of the crimes committed by minors: educational and practical benefit. Barnaul, 2003.

4. The Convention on the Rights of the Child: it is approved by the United Nations General Assembly 20.11.1989; came into force for the USSR 15.09.1990 // Collection of international treaties of the USSR. Moscow, 1993. Issue XLVI.

5. Dagal P. S. The victim in the Soviet criminal law // Victim from a crime. Vladivostok, 1974.

6. Kuznetsova S. M. Classification of the minor victims and its value for implementation of the rights and obligations // Urgent problems of fight against crimes and other offenses: materials XIV of the International scientific and practical conference. Barnaul, 2016. Part. 1.

© 2017 г. В. В. Уткин,

инспектор (дислокация г. Сочи) отдела безопасности крупных международных мероприятий
ГУ МВД России по Краснодарскому краю.
E-mail: utkinvitalik@mail.ru

ОПОСРЕДОВАННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СУДЕБНОМ ДОКАЗЫВАНИИ ПОКАЗАНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье затрагивается проблема влияния следственной формы досудебного производства по уголовному делу на технологию судебного доказывания. Делается вывод о необходимости более последовательного проведения в судебном следствии начала непосредственности при представлении и исследовании личных доказательств. Для достижения этой цели автор предлагает закрепить в российском уголовно-процессуальном праве институты перекрестного допроса и депонирования показаний следственным судьей.

Ключевые слова: судебное доказывание, перекрестный допрос, депонирование показаний, уголовное судопроизводство.

V. V. Utkin – Inspector (dislocation – Sochi) of major international events security department of Internal Affairs in Krasnodar region.

MEDIATED USAGE OF STATEMENTS OBTAINED DURING PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN COURT SUBSTANTIATION

The article concerns the problem of influence of investigative forms of pretrial proceedings in a criminal case to the court proof technology. Concludes on a need of a more consistent implementation of hearing beginning of immediacy in presentation and research of individual evidence. To achieve this goal, the author proposes to fix institutes of cross-examination and testimony deposition by the investigating judge in the Russian Criminal Procedure Law.

Key words: judicial evidence, cross-examination, testimony deposition, criminal proceedings.

Судебное расследование обстоятельств совершенного преступления в рамках выдвинутого против подсудимого обвинения проводится в соответствии с общими условиями судебного разбирательства, прежде всего непосредственности и устности (ст. 240 УПК РФ). Это означает, что доказательства, представляемые сторонами суду, должны быть исследованы в ходе судебного следствия непосредственно из их первоисточников, указанных в ч. 4 ст. 74 УПК РФ. Если говорить о личных доказательствах, то значит, показания должны быть получены по общему правилу в ходе *судебных допросов* лиц, явившихся в судебное заседание. Только допросы, проведенные в судебном следствии, могут стать средством получения личных показаний, подтверждающих или опровергающих доказываемые факты. Такова *общая схема формирования судебных*

фактов, составляющих основу применения уголовного закона по конкретному случаю. Это международно-правовой стандарт формирования доказательств обвинения исходя из личных доказательств основных свидетелей обвинения, закрепленный в пп. «е» п. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах, пп. «д» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и неоднократно находивший свое подтверждение в практике Европейского суда по правам человека. Его обязательность для российских судов была отражена в целом ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ [1, п. 4; 2, п. 12].

Между тем общий строй нашего уголовного процесса, который в теории квалифицируется как смешанный, а, по сути, является следственным*, позволяет игнорировать вышеуказанный правовой стандарт. Это выражается в

* Мы разделяем мнение профессора А. С. Александрова о том, что современный российский процесс представляет собой переходный тип от следственной модели к состязательной. Это полусостязательный, полуследственный процесс. Причем институт предварительного следствия доминирует в уголовно-процессуальной системе и делает следственную технологию доказывания главным способом формирования уголовно-процессуальных доказательств и оснований привлечения к уголовной ответственности или для иных случаев применения Уголовного кодекса РФ. Это действительно так, поскольку именно материалы уголовного дела, составленные следователем, содержат основной массив информации, на основании которой судья строит свои выводы о предмете доказывания [3, с. 405–411; 4].

том, что вместо допросов суд прибегает к оглашению показаний лиц, допрошенных в ходе досудебного производства. Данное следственное действие, предусмотренное ст. 276, 281 УПК РФ, по общему смыслу отечественного уголовно-процессуального закона служит вспомогательным средством представления личных доказательств. Однако на практике сформировался устойчивый стереотип поведения участников судебного разбирательства, когда они *расширительно понимают исключения* из общего нормативно-правового предписания о непосредственном способе (то есть через проведение судебных допросов) получения личных доказательств о доказываемых фактах. Оглашение показаний, зафиксированных в протоколах допросов, очных ставок, а также в иных протоколах следственных действий, где делались заявления о фактах, является распространенным средством информирования участников судебного заседания об обстоятельствах, имеющих существенное значение для подтверждения обвинения, выдвинутого против подсудимого [5, с. 133].

В соответствии со ст. 276, 281 УПК РФ оглашение ранее полученных показаний лиц, реально участвующих в судебном разбирательстве, возможно при наличии *существенных противоречий* между сведениями, которые они сообщили на следствии и на судебном допросе. На признак существенности было обращено особое внимание Верховным Судом РФ [6, с. 12], хотя, как показывает практика, *ритуал оглашения показаний* стал обязательным элементом представления материалов уголовного дела государственным обвинителем или даже самим председательствующим в судебном заседании судьей*. Таким образом, до последнего времени в российских судах имел распространение правовой стандарт правоприменения, при котором основой формирования устных показаний выступали не только и не столько устные показания, даваемые на судебных допросах, сколько *протоколы допросов*, составленные следователем и оглашаемые в судебном заседании.

В окончательном виде свою позицию по данной проблеме Пленум Верховного Суда РФ сформулировал в п. 9 и 10 постановления «О судебном приговоре» [1], а именно:

1. Использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-

разыскных мероприятий возможно, если (а) проведение таких мероприятия осуществлялось для решения задач, указанных в ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8], (б) при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных ст. 7 и 8 данного закона, (в) полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке, (г) эти сведения были закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий.

2. Когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной и сторона обвинения ссылается на указанные в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления с учетом требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном главой 16 УПК РФ; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав. Иными словами, суду необходимо убедиться в том, что данное устное сообщение было сделано лицом, в отношении которого рассматривается уголовное дело, добровольно, с осознанием правовых последствий явки с повинной и соблюдением прав на защиту и справедливое судебное разбирательство.

В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ отмечается, что лица, участвовавшие в проведении оперативно-разыскных мероприятий, при необходимости могут быть допрошены в качестве свидетелей. Однако в случае признания полученных на основе результатов оперативно-разыскной деятельности доказательств недопустимыми они не могут быть восполнены путем допроса сотрудников органов, осуществлявших оперативно-разыскные мероприятия [1, п. 10].

Полагаем, что показания сотрудников оперативных подразделений могут удостоверять только факты, связанные с их участием в конкретных оперативно-разыскных мероприяти-

* На это обстоятельство в своих исследованиях указывают многие ученые, в частности С. В. Власова и М. В. Балалаева [7, с. 60].

ях, то есть сообщить суду о своих действиях и о том, чему являлись свидетелями при проведении ОРМ, результаты которых были представлены органу предварительного следствия или суду. Однако указанные сотрудники не могут передавать сообщения, переданные им самим фигурантами дела. Показания оперуполномоченных, а также лиц, привлеченных к сотрудничеству, со слов обвиняемого не должны допускаться в суде.

Разумеется, лица, участвовавшие в раскрытии преступления оперативно-разыскным путем, в суде могут быть допрошены в качестве свидетелей обвинения, то есть вначале их показания представляются государственным обвинителем путем проведения *прямого допроса*. Затем стороне защиты должна быть предоставлена возможность допросить этих лиц путем проведения *перекрестного допроса*. Участники судебного следствия могут прибегнуть к применению и других разновидностей судебных допросов для разработки и проверки полученных показаний, а именно шахматному допросу, дополнительному и повторному допросам.

В тех случаях когда возникает разумная необходимость в сохранении в тайне личности сотрудников оперативных аппаратов или лиц, оказывающих содействие в изобличении преступников на конфиденциальной основе, допросы проводятся с соблюдением соответствующих мер защиты, которые предусмотрены ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278, ст. 278.1 УПК РФ, а также иными законодательными нормами, устанавливающими меры безопасности в отношении участников уголовного процесса.

В исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видео-конференц-связи (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ).

Теперь благодаря дополнению ст. 281 УПК РФ ч. 2.1 (Федеральным законом от 02.03.2016 № 40-ФЗ) появилось *ограничение на оглашение показаний свидетеля (потерпевшего)*, равно как и на демонстрацию приложений к протоколу допроса, *вопреки воле стороны, против которой представляются эти сведения*, в виде требования о том, чтобы обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях

производства по делу предоставлялись возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами (главным образом посредством проведения очной ставки). Значит, по смыслу закона, если указанное условие не было выполнено, то в соответствии с ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ при неявке в суд свидетеля по причинам, указанным в п. 2–5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, решение об оглашении показаний данного лица и о воспроизведении приложений к протоколу его допроса может быть принято судом *только в случае согласия обеих сторон*. Сторона, для которой могут наступить неблагоприятные последствия в результате оглашения, может запретить это сделать. Однако ценность вышеупомянутого нововведения ослабляется специальной нормой, включенной в ч. 3 ст. 281 УПК РФ. В этой норме имеется исключение из правил в ч. 2 и 2.1 ст. 281 УПК РФ, а именно по ходатайству стороны суд вправе принять решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования либо в суде, при наличии существенных противоречий между данными ранее показаниями и показаниями, данными в суде.

Таким образом, следственный строй и дискреционные полномочия председательствующего пересилили на современном этапе российского правового развития тенденцию к закреплению одного из стандартов справедливого судебного разбирательства – права подсудимого на перекрестный допрос основных свидетелей обвинения непосредственно в судебном заседании. На наш взгляд, только законодательное закрепление права на перекрестный допрос и его надлежащая регламентация в Уголовно-процессуальном кодексе РФ создадут действительно надежные гарантии права обвиняемого на защиту и права на справедливое судебное разбирательство.

Разумным дополнением к институту судебных допросов является депонирование личных доказательств посредством введения института следственных судей. Применение такой процедуры, как депонирование по ходатайству заинтересованной стороны показаний путем допросов лица следственным судьей, стало бы корректной заменой в случаях крайней необходимости его проведения в ходе судебного разбирательства по существу дела.

Литература

1. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 нояб. 2016 г. № 55 // Рос. газ. 2016. 7 дек. № 277.
2. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27.06.2013 № 21 // Рос. газ. 2013. 5 июля. № 145.
3. Александров А. С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации // Юрид. наука и практика. Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2016. № 2 (34).
4. Александров А. С. Проститься с эхом СССР. Юбилей как повод новаций // Щит и меч. 2017. Вып. 2. URL: <http://ormvd.ru/pubs/100/anniversary-as-an-occasion-for-innovations/>
5. Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты / под ред. А. Д. Прошлякова: моногр. М., 2015.
6. Обзор надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2005. № 9.
7. Власова С. В., Балалаева М. В. Современный правовой формат судебного следствия по уголовным делам // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3.
8. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

Bibliography

1. On the court verdict: resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation on November 29, 2016 № 55 // The Russian newspaper. 2016. 7 December. № 277.
2. On application by the courts of general jurisdiction of the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950 and the Protocols thereto: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on 27.06.2013 № 21 // Russian newspaper. 2013. 5 July. № 145.
3. Aleksandrov A. S. Institute of investigative power in Russia: a brief history of the origin, development and degeneration // Legal Science and Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the internal affairs of Russia. 2016. № 2 (34).
4. Aleksandrov A. S. Tribute to echo of the USSR. Anniversary as an occasion of innovations // Sword and Shield. 2017. Vol. 2. URL: <http://ormvd.ru/pubs/100/anniversary-as-an-occasion-for-innovations/>
5. Mashovets A. O. The judicial investigation in the criminal trial of Russia: theoretical and doctrinal, legal and applied aspects / ed. by A. D. Proshlyakova: monograph. Moscow, 2015.
6. The review of the supervisory practices of the judicial collegium on criminal cases of the Supreme Court in 2004 // The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. № 9.
7. Vlasova S. V., Balalaeva M. V. A modern legal form of judicial investigation in criminal cases // Problems of law enforcement. 2016. № 3.
8. On operational and investigative activities // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.

© 2017 г. П. О. Панфилов,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.
E-mail: pasha_panfilov@mail.ru

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается вопрос о соотношении положения о равенстве всех перед законом и судом с особенностями производства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и экономической деятельности. Равенство всех перед законом и судом понимается в конституционном и уголовно-процессуальном смысле. Обозначаются подходы к решению проблемы равенства всех перед законом и судом как принципа уголовного судопроизводства. Доказывается, что особенности производства по указанной категории уголовных дел не соответствуют положению о равенстве всех перед законом и судом (в уголовно-процессуальном аспекте), либо являясь исключениями из одноименного принципа, либо лишая данный принцип права на существование.

Ключевые слова: равенство всех перед законом и судом, преступления в сфере экономической и предпринимательской деятельности, принципы уголовного процесса, назначение уголовного судопроизводства.

P. O. Panfilov – Adjunct, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot.

ON THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW AND THE COURT IN CRIMINAL PROCEEDINGS ON CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC AND ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

The article deals with the question of the relationship between provisions on the equality of all before the law and the courts with the peculiarities of criminal proceedings on crimes in the sphere of entrepreneurial and economic activities. The equality of all before the law and the court's understanding of constitutional and criminal procedural sense. Are identified approaches to the solution of problems of equality of all before the law and the courts as a principle of criminal proceedings. It is proved that the characteristics of production in this category of criminal cases the regulations on the equality of all before the law and the courts (criminal procedure) do not meet: or are exempt from the same principle, or deprive the principle of the right to exist.

Key words: equality of all before the law and the courts, crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity, the principles of criminal procedure, the purpose of criminal proceedings.

Последовательное внесение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменений, предусматривающих особенности производства по уголовным делам в сфере экономической и предпринимательской деятельности*, привело к формированию такой совокупности уголовно-процессуальных норм, которая даст основание ставить вопрос о наличии в отечественном уголовном процессе еще одного особого порядка уголовного

судопроизводства. Поскольку он основан на критерии категории уголовных дел, место этого особого порядка в разделе XVI Уголовно-процессуального кодекса РФ «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел».

Как и в других видах особого порядка уголовного судопроизводства, субъект преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской и экономической деятельности, так-

* Пленум Верховного Суда РФ использует термин «преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [4]. Вряд ли это точно. В Уголовном кодексе РФ гл. 22 называется «Преступления в сфере экономической деятельности», тогда как преступления в сфере предпринимательской деятельности, по уголовным делам о которых применяются особенности производства, к указанной главе не относятся, они имеют иной родовой объект и с точки зрения уголовно-правовой терминологии не являются преступлениями в сфере экономической деятельности.

же наделен специфическими признаками (индивидуальный предприниматель либо член органа управления коммерческой организации; лицо, осуществляющее экономическую деятельность) [4]. Итак, особый порядок производства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и экономической деятельности предусмотрен в отношении именно этих субъектов.

За этой констатацией неизбежно возникает вопрос о том, не являются ли предпринимательство и экономическая деятельность привилегированными занятиями, на носителей которых в сфере уголовного судопроизводства не распространяется конституционное положение о равенстве всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ. Известно, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от ...имущественного и должностного положения ...а также других обстоятельств». Без ответа на этот вопрос решение всех других проблем производства по данной категории дел, конечно, возможно, однако не станет ли оно легитимизацией и развитием неконституционной процедуры? Так, Н. В. Ильютченко пришла к выводу о том, что введение подобных процедур – проявление «элитаризма» [12, с. 68], а Л. В. Головкин считает, что положение ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, запрещающей заключать под стражу предпринимателей, ведет к законодательной стратификации населения по профессиональному принципу и не отвечает принципу равенства всех перед законом [8, с. 35].

Место равенства всех перед законом и судом в системе уголовно-процессуальных норм до настоящего времени определено в науке только приблизительно. Так, ряд современных авторов, основываясь на убеждении о непременном закреплении формулировки принципа в законе, не видят среди принципов уголовного процесса принципа равенства всех перед законом и судом [6, с. 30–34].

Показательно, что существование этого принципа в период действия УПК РСФСР 1960 года сомнению не подвергалось: он был прямо закреплён в тексте закона (ст. 14), причем действовал независимо от «рода и характера занятий», что сейчас прямо не предусмотрено даже в Конституции, и твердо признавался учеными [18, с. 80; 10, с. 80; 19, с. 51–52]. Формулировка данного принципа закреплена и сегодня во всех основных кодифици-

рованных нормативных правовых актах, включая процессуальные, кроме Уголовно-процессуального кодекса.

Возможно, равенство всех перед законом и судом не закреплено в главе 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» не случайно?

В отличие от некоторых иных конституционных норм (например, ст. 49, 51), ст. 19 Конституции РФ не имеет явного уголовно-процессуального содержания. Положения ее ч. 2 и 3, напротив, дают основания полагать, что равенство всех перед законом и судом предполагается в конституционно-правовом, общем смысле. Судя по отечественной небезупречной нормотворческой традиции, можно сделать вывод о том, что ч. 2 и 3 ст. 19 Конституции РФ производны от ч. 1. Именно так законодатель раскрывает и принципы уголовного судопроизводства, как отмечают некоторые авторы, необоснованно сужая их содержание [14, с. 6]. В Конституции же явно просматривается отношение к равенству перед законом и судом как к равной для всех обязанности соблюдать закон и в равной мере отвечать за его нарушение. Вероятно, содержание понятия равенства всех перед законом и судом включает в себя и равные возможности, наделение всех в равной мере основными правами человека. Нельзя же всерьез полагать, что все люди независимо от должностного положения, возраста, гражданства и «других обстоятельств» имеют совершенно равные права и равные обязанности. Если в этом конституционном положении есть явная уголовно-правовая составляющая (равная ответственность за равно содеянное), то уголовно-процессуальный смысл в содержании ст. 19 Конституции РФ (один и тот же порядок производства по уголовным делам) прямо не усматривается.

Может ли конституционное положение о равенстве всех перед законом и судом быть трансформировано в принцип уголовного судопроизводства? Может, если законодатель посчитает, что порядок производства по уголовным делам должен быть един независимо от должности, статуса, возраста, физического состояния, профессии и «других обстоятельств». Однако ст. 19 Конституции РФ законодателя прямо к этому не обязывает (за исключением очевидной недопустимости дифференциации уголовного судопроизводства по признаку пола, расы, национально-

сти, языка, происхождения, имущественного положения, места жительства, отношения к религии*, убеждений).

Другой вопрос: целесообразно ли положение о равенстве всех перед законом и судом считать принципом уголовного судопроизводства и основывать на нем весь уголовный процесс? Или, закрепив равенство всех перед законом и судом в уголовно-процессуальном законе в качестве принципа уголовного судопроизводства, следует допустить из него исключения?

Позиция о возможности исключений из принципов в уголовно-процессуальной науке является достаточно распространенной [21, с. 6; 5, с. 18]. Мало того, она прямо поддержана Конституционным Судом РФ, который принял решение о том, что особенности уголовного судопроизводства в отношении судей не что иное, как исключение из принципа равенства всех перед законом и судом. Такое исключение, по мнению Конституционного Суда РФ, вполне конституционно, поскольку обусловлено особой публичной ролью, выполняемой судей, и необходимостью обеспечить его независимость [3].

Таким образом, Конституционный Суд РФ обозначил, что равенство всех перед законом и судом – принцип (надо полагать, уголовного судопроизводства). Принципом это положение считают и многие ученые [18, с. 74; 7; 11; 13]. Однако не все допускают возможность каких-либо исключений из принципов уголовного судопроизводства [14, с. 6].

Позиция Конституционного Суда РФ относительно содержания принципа равенства всех перед законом и судом является мощным аргументом против мнения тех специалистов, которые считают, что наличие неравных возможностей для различных социальных групп вполне укладывается в принцип равенства всех перед законом. Так, судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь в особом мнении отмечает: «Принцип равенства, предполагая равный подход к формально равным субъектам, не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям» [1]. Если бы это было так, как полагает Н. С. Бондарь, то принцип не мог бы

называться равенством перед законом «всех», а стал бы принципом равенства «одинаковых» или неравенства «групп».

Практически все современные исследователи, которые включают принцип равенства всех перед законом и судом в число принципов уголовного судопроизводства, теоретически обосновывают допустимость исключений из него. З. Г. Брицева, по мнению которой данный принцип означает равную возможность для всех участвующих в уголовном процессе защищать свои права и отстаивать интересы при обеспечении этой возможности органами уголовного судопроизводства, указывает, что иммунитеты (льготы и привилегии) являются допустимыми исключениями, если обусловлены важностью выполняемых задач, независимостью, характером властных полномочий [7, с. 9, 42]. В. А. Задорожная, настаивая, что конституционный принцип равенства всех перед законом и судом требует от законодателя и лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, не допускать привилегированного или дискриминационного положения его участников, тем не менее, допускает исключения из принципа равенства, существование которых обусловлено решением задач, приоритетных по сравнению с задачей реализации данного принципа [11, с. 9, 12].

Вопрос в том, нужно ли придавать таким «положениям с исключениями» статус принципа?

Принцип – это основополагающая руководящая идея, которая реализуется через призму уголовно-процессуальных норм. Выводиться из совокупности уголовно-процессуальных норм принципы могут только для того, чтобы уяснить, какие именно идеи законодатель заложил в нормативный акт.

Идея первична, а закон, основанный на идеях-принципах, в данном смысле вторичен. По этой причине нет оснований для опасений, как у М. Л. Якуба, относительно того, что предложенный Т. Н. Добровольской принцип «объективной обусловленности» принципов уголовного процесса (то есть выведения их из уголовно-процессуальных норм) [10, с. 9] приведет к включению в число принципов идей, которые на самом деле принци-

* Здесь также существует особенность – для исповедующих религию, в которой предусмотрена исповедь и ее тайна, установлен запрет допрашивать священнослужителя об обстоятельствах, ставших известными из исповеди (п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

пами не являются [20, с. 64]. Принципами могут называться идеи, в руководящей роли которых сомневаться не приходится, и их вполне можно усмотреть в уголовно-процессуальном законе.

Идеи должны закладываться в закон сознательно и в его содержании определенно усматриваться*. Именно так «объективизируются» принципы.

После их претворения в законе, они становятся обязательными и для законодателя, который совершенствуя нормативный правовой акт, не может распатывать систему принципов**.

Если идея не пронизывает закон, не реализуется как руководящая во всех случаях, то имеются серьезные основания сомневаться в том, что это принцип.

Сами по себе особенности производства по отдельным категориям уголовных дел еще не свидетельствуют об исключениях из положения о равенстве всех перед законом (принципом это положение здесь не называется, так как вопрос о возможности исключений из них еще требует проведения научных исследований).

Так, особенности производства в отношении несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ), о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК РФ) дискуссий о соответствии с принципом равенства всех перед законом и судом не вызывают. Эти особенности воспринимаются как сами собой разумеющиеся. Понятно почему. Велика вероятность того, что несовершеннолетние, а также лица, страдающие психическими заболеваниями, без установленных законом дополнительных гарантий не смогут в полной мере использовать предоставленные уголовно-процессуальные права***. Особенности производства уравнивают эти субъек-

ты в уголовно-процессуальных возможностях с совершеннолетними и психически здоровыми лицами. Другими словами, особенности производства по отдельным категориям уголовных дел обеспечивают равенство всех перед законом и судом [11, с. 12]. Иначе складывается ситуация в связи с особенностями производства в отношении отдельных категорий лиц (глава 52 УПК РФ), которые вполне могут самостоятельно пользоваться гарантиями, предусмотренными для общего порядка уголовного судопроизводства. Особенности производства для отдельных категорий лиц вызваны не задачей обеспечить равенство, а, напротив, стремлением предоставить дополнительные гарантии, обусловленные, по мнению Конституционного Суда РФ, особыми выполняемыми функциями****. Поэтому исключение из принципа равенства перед законом и судом в данном случае является очевидным и признается Конституционным Судом РФ.

Из вышеизложенного следует, что именно содержание дополнительных процессуальных гарантий для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и экономической деятельности, поможет ответить на вопрос о том, в чем их смысл и как они соотносятся с принципом равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве, если бы законодатель посчитал нужным привнести его в уголовно-процессуальный закон.

Обращение к содержанию уголовно-процессуальных норм, предусматривающих особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и экономической деятельности, дает основание для вывода о том, что дополнительные уголовно-процессуальные гарантии не связаны с обеспечением уголовно-процессу-

* Подход к принципам как к идеям мировоззренческого уровня заложен В. Т. Томиным [17, с. 193–195] и до настоящего времени под сомнение серьезными аргументами не поставлен.

** Скорее, именно так нужно понимать взгляд на обязательность идей-принципов для законодателя [9, с. 80–81; 16, с. 45]. Пока законодатель не принял и не реализовал мировоззренческую идею в законе, он ею не связан.

*** Отдельные особенности производства имеют иную направленность: профилактика, защита общества от деяний лиц, не отдающих отчета в своих действиях и не способных руководить ими.

**** Вопрос об объективной обусловленности и нужности дополнительных гарантий не является предметом настоящей статьи. Тем не менее отметим, что в литературе правомерно обращалось внимание на уязвимость логики законодателя: если общий порядок не гарантирует обоснованность привлечения к уголовной ответственности судей, может ли он гарантировать такую обоснованность в отношении людей, не наделенных особым статусом? [15, с. 115–126].

альных прав подозреваемых и обвиняемых по этой категории уголовных дел. Иначе говоря, они не являются уголовно-процессуальными гарантиями защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Все особенности производства обеспечивают сохранение подозреваемым и обвиняемым работы, бизнеса, своего дела и т. д.

Так, ст. 81.1 УПК РФ защищает имущественные возможности подозреваемого и обвиняемого по уголовным делам указанной категории. Поскольку такого уровня защиты нет для имущества подозреваемых (обвиняемых) по иным категориям уголовных дел, вывод очевиден: обеспечивается имущественная составляющая бизнеса.

Согласно ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и экономической деятельности мера пресечения в виде заключения под стражу не может быть применена к подозреваемым (обвиняемым) даже при наличии оснований, вероятно, для того, чтобы они могли продолжить предпринимательскую или иную экономическую деятельность.

Общение с нотариусом может оказаться необходимым не только для тех подозреваемых (обвиняемых), которые желали бы удостоверить доверенность на право представления интересов в сфере предпринимательской деятельности. Однако только для этих целей законодатель предоставил возможность свиданий с нотариусом без ограничения их числа и продолжительности (п. 3.1 ч. 4 ст. 46, п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Положение ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ не позволяет возбудить уголовное дело по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 172.1 УК РФ, даже при наличии поводов и оснований (нужен особый повод).

Особые основания и условия прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ) позволяют лицу продолжить экономическую деятельность в случае удовлетворения всех материальных претензий к нему (недоимки, пени, штрафы, причиненный вред, денежное возмещение в федеральный бюджет).

При этом особенности уголовного судопроизводства не основаны на уголовно-правовой категоризации преступлений (среди преступлений в сфере предпринимательской и экономической деятельности имеются и

такие, которые относятся к категории тяжких). Следовательно, законодатель готов пожертвовать назначением уголовного судопроизводства ради обеспечения стабильности предпринимательской и иной экономической деятельности.

Как объясняет суть нормативных особенностей в отношении предпринимателей судья Конституционного Суда РФ К. В. Арановский, «такого рода послабления обусловлены тем, что государство другим способом не может улучшить инвестиционный и деловой климат, тем самым отчасти сглаживают издержки и последствия не вполне успешной оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности» [2]. Мысль выражена откровенно и точно: это не гарантии, а «послабления».

Уголовное судопроизводство ставится на службу экономике. Сегодня без эффективной экономической деятельности, свободы предпринимательства, надежной защиты бизнеса от посягательств криминалита и нечистых на руку чиновников вряд ли возможно решить экономические проблемы страны. На это обратил внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ 3 декабря 2015 года, подчеркнув, что нужно непременно «оградить экономику, граждан от мошенничества и преступников и защитить права, собственность, достоинство всех, кто соблюдает закон, честно ведет свое дело». Необходимость оградить бизнес от использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками, отмечается и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48.

Это абсолютно верно. Однако предусмотренные сегодня в Уголовно-процессуальном кодексе РФ особенности производства по уголовным делам в сфере предпринимательской и экономической деятельности не являются гарантиями, защищающими от необоснованного привлечения к уголовной ответственности добросовестных предпринимателей. Они предоставляют дополнительные возможно-

сти для обвиняемого (подозреваемого) сохранить предпринимательскую и иную экономическую деятельность даже ценой публичности уголовного процесса.

В настоящей статье не ставится задача оценить допустимость и целесообразность такого использования уголовного судопроизводства. Возможно, с учетом публичной значимости нормальной экономической деятельности такие особенности уголовного судопроизводства и оправданны. При этом они, вне всяких сомнений, не укладываются в уголовно-процессуальный принцип равенства всех перед законом и судом. Эти особенности могут быть исключениями из принципа (если признать, что из принципов вообще возмож-

ны исключения) или означать, что принцип равенства всех перед законом и судом процессуальным принципом не является (если признать, что из принципов не может быть исключений).

Несоответствие особенностей производства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и экономической деятельности уголовно-процессуальному принципу равенства всех перед законом и судом (даже если он существует пока только в теории) не означает, что нарушается положение, предусмотренное ст. 19 Конституции РФ. В конституционно-правовом смысле равенство всех перед законом и судом исключений иметь не может.

Литература

1. О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 29.11.2004 № 17-П по делу о проверке конституционности абзаца первого п. 4 ст. 64 Закона Ленинградской области в связи с жалобой граждан В. И. Гнездилова и С. В. Пашигорова // Рос. газ. 2004. 7 дек.

2. По делу о проверке конституционности положений ст. 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 11.12.2014 № 32-П // Рос. газ. 2014. 24 дек.

3. По жалобе гражданина Макаева Хамеда Халидовича на нарушение его конституционных прав п. 8 ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 17.01.2012 № 175-О-О. URL: <http://consultant.ru>

4. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.11.2016 № 48 // Рос. газ. 2016. 24 нояб.

5. Безруков С. С. Категория равенства всех перед законом и судом в современном уголовном процессе // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: сб. тр. науч. конф. СПб., 2015.

Bibliography

1. About elections of deputies of representative bodies of local self-government and officials of local self-government in Leningrad region: decision of the constitutional Court of the Russian Federation of 29.11.2004 № 17-P on the case of check of constitutionality of the paragraph of first point 4 of article 64 of the Law of the Leningrad region in connection with complaints of citizens V. I. Gnezdilov and S. V. Paligorova // Russian newspaper. 2004. 7 December.

2. On business about check of constitutionality of provisions of article 159.4 of the Criminal code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard city court of the Yamalo-Nenets Autonomous area: decision of the constitutional Court of the Russian Federation of 11.12.2014, № 32-P // Russian newspaper. 2014 24 December.

3. On the complaint of a citizen makaeva Hamed halidovich of the violation of his constitutional rights by paragraph 8 of article 16 of the Law of the Russian Federation «On status of judges in the Russian Federation»: constitutional Court of the Russian Federation of 17.01.2012 № 175-O-O. URL: <http://consultant.ru>

4. About practice of application by courts of the legislation regulating specific features of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2016 № 48 // Russian newspaper. 2016. 24 November.

5. Bezrukov S. S. Category of equality before the law and the courts in modern criminal process // Justice and equality in criminal proceedings: proceedings of the scientific conference. March 20–21. St. Petersburg, 2015.

6. Брагин А. П., Пронякин А. Д. Российский уголовный процесс: учеб.-метод. комплекс. М., 2008.
7. Бриси́ева З. Г. Принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
8. Головки Л. В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business // Закон. 2015. № 8.
9. Городилов В. В. О понятии принципа советского уголовного процесса // Науч. тр. Омск. высш. школы милиции МВД СССР. Омск, 1969. Вып. 5.
10. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М., 1971.
11. Задорожная В. А. Производство по уголовным делам на началах равенства всех перед законом и судом: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
12. Ильютченко Н. В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: условия и механизм реализации // Предпринимательское право. 2013. № 3.
13. Кузора С. А. Равенство в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
14. Победкин А. В. Совесть в уголовно-процессуальной форме // Юрист-Правоведь. 2016. № 4.
15. Победкин А. В. Гарантии независимости или корпоративные привилегии? // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2014. № 1 (16).
16. Савицкий М. Я. К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса // Сов. государство и право. 1950. № 1.
17. Томин В. Т. О понятии принципа советского уголовного процесса // Тр. высш. школы МООП РСФСР. М., 1965. Вып. 12.
18. Уголовный процесс: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
19. Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960.
20. Якуб М. Л. О понятии принципа уголовного права и уголовного процесса // Правоведение. 1976. № 1.
21. Якупов Р. Х. Принципы уголовного процесса: лекция. М., 1997.
6. Bragin A. P., Pronyakin A. D. Russian criminal process: educational-methodical complex. Moscow, 2008.
7. Brtsieva Z. G. The Principle of equality of all before the law and the courts in criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2005.
8. Golovko L. V. Two alternative directions of criminal policy in economic and financial crimes: Crime Control and the Doing Business // Law. 2015. № 8.
9. Gorodilov V. V. On the concept of principle of the Soviet criminal process // Proceedings of the Omsk Higher school of militia of MIA USSR. Omsk, 1969. Vol. 5.
10. Dobrovolskaya T. N. Principles of Soviet criminal process (theory and practice). Moscow, 1971.
11. Zadorozhnaya V. A. Criminal proceedings on the basis of the equality of all before the law and the courts: dis.... PhD in Law. Chelyabinsk, 2006.
12. Lutchenko N. V. Exemption from criminal liability in cases about crimes in sphere of economic activities: the conditions and mechanism of implementation // Business law. 2013. № 3.
13. Kuzora S. A. Equality in the criminal procedure of Russia: abstract of dis. ... PhD in Law. Omsk, 2009.
14. Pobedkin A. V. The Conscience of the criminal procedural form // Yurist-Pravoved. 2016. № 4.
15. Pobedkin A. V. Guarantees of independence or the corporate privilege? // Herald of the Voronezh state University. 2014. № 1 (16).
16. Sawicki M. Ya. On the system of principles of the Soviet criminal process // Soviet state and Law. 1950. № 1.
17. Tomin V. T. On the concept of principle of the Soviet criminal process // Proceedings of the Higher school MOOP RSFSR. Moscow, 1965. Vol. 12.
18. The criminal process: textbook for University students enrolled in the specialty «Jurisprudence» / ed. by V. P. Bozhyev. 3 edition, amended and supplemented. Moscow, 2002.
19. Yakub M. L. The Democratic foundations of the Soviet criminal procedure Law. Moscow, 1960.
20. Yakub M. L. On the notion of a principle of criminal law and criminal proceedings // Jurisprudence. 1976. № 1.
21. Yakupov R. H. Principles of criminal procedure: lecture. Moscow, 1997.

© 2017 г. М. О. Медведева,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.
E-mail: mashulyamedvedeva@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В статье проводится ретроспективный анализ законодательства, регулирующего применение информационных технологий в отечественном уголовном процессе. Автор приходит к выводу о том, что современное разнообразие в обозначении технических средств в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации диктует необходимость теоретической разработки и формулирования соответствующих законодательных новелл с целью конкретного определения самого понятия «технические средства».

Ключевые слова: информационные технологии, нормативное регулирование информационных технологий, этапы развития нормативного регулирования, уголовно-процессуальное регулирование.

M. O. Medvedeva – Adjunct, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikot.

THE EVOLUTION MAIN STAGES OF NORMATIVE REGULATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

The article presents a retrospective analysis of the legislation regulating the use of information technology in the domestic criminal proceedings. The author concludes that the current diversity in the designation of technical means in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation calls for the theoretical development and formulation of relevant legislative developments with a view to a specific definition of the concept of «technical means».

Key words: information technologies, normative regulation of information technologies, evolution stages of normative regulation, criminal procedure regulation.

За последние десятилетия в сфере уголовного судопроизводства накоплен немалый опыт применения технологий, к примеру аудио- и видеозаписи, позволяющих объективно и точно фиксировать весь процесс доказывания. В свою очередь, развитие технологий как исторический процесс неуклонно вело к возникновению сопутствующих общественных отношений, впоследствии трансформировавшихся в правовые отношения и требующих своевременной актуализации нормативно-правового регулирования. В связи с этим и на основании анализа исторического материала представляется возможным выделить несколько этапов развития нормативного регулирования информационных технологий в уголовном процессе России.

Первый этап можно обозначить как «допраровой» и установить его хронологические рамки исходя из рассмотрения имеющегося на тот момент нормативно-правового регулирования: с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1964 года, действия уголовно-процессуальных кодексов РСФСР 1922 года и 1923 года (далее – УПК РСФСР 1922 года и УПК РСФСР 1923 года) и до принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года. Данный этап характеризуется тем, что некоторые технические средства фактически приме-

нялись при расследовании преступлений, однако никакого законодательного регулирования они не получили. Интересным представляется сопоставление УПК РСФСР 1922 года и УПК РСФСР 1923 года, который, по мнению ученых, являлся не новым нормативно-правовым актом, а переработанной редакцией существовавшего кодекса [1, с. 56; 2, с. 57]. Так, УПК РСФСР 1923 года содержал ст. 81–86, регламентирующие порядок составления, обжалования протокола, при этом законодатель никоим образом не регламентировал сам порядок изготовления протокола [3], хотя на данном этапе уже имело место использование печатных машинок. Кроме этого, ст. 62 гл. IV «О доказательствах» УПК РСФСР 1923 года признавала доказательствами показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого. Тем самым необходимо отметить, что стоящие перед законодателем на тот момент задачи реформирования уголовно-процессуального законодательства никак не отражали использование таких технических средств, как печатная машинка и фотоаппарат. При этом можно предположить, что названные пробелы в правовом регулировании были обусловлены в том числе и уровнем развития самих технических средств, употребле-

ление правом при помощи которых являлось маловероятным.

Второй этап развития нормативного регулирования информационных технологий в уголовном процессе России, продолжавшийся с начала разработки Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года (с 1958 года) до 90-х годов XX века, можно условно обозначить как *«правовой аналоговый этап»*. Бурное развитие естественных наук и научно-технических достижений оказало большое влияние на уголовно-процессуальную деятельность, в связи с чем в этот период произошло внедрение информационных технологий, основанных на аналоговых процессах, использование которых, в отличие от предыдущего периода, уже имело законодательное регулирование.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года (далее – УПК РСФСР 1960 года) изначально не предусматривал применения технических средств в уголовном процессе. Однако в 1966 году был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР [4], который вносил изменения в ст. 141 УПК РСФСР и устанавливал возможность использования технических средств при изготовлении протокола следственного действия: «...Если при производстве следственного действия применялись фотографирование, киносъемка, звукозапись либо были изготовлены слепки и оттиски следов, то в протоколе должны быть также указаны технические средства, примененные при производстве соответствующего следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. В протоколе должно быть, кроме того, отмечено, что перед применением технических средств об этом были уведомлены лица, участвующие в производстве следственного действия» [5]. На протяжении всего времени действия УПК РСФСР 1960 года указанная статья регламентировала сначала использование печатных машинок, а позднее первых ЭВМ и персональных компьютеров. Кроме того, представляется интересным упоминание в названной статье о возможности использования в производстве следственного действия фотографирования, киносъемки и звукозаписи. Используемые технические средства фотографирования («плёночные» фотоаппараты, для получения снимков с которых были необходимы специальные условия – темная комната и пр.), киносъемки (видеокамеры с пленкой) и звукозаписи («плёночные» диктофоны) также были основаны на аналоговых процессах. Таким об-

разом, переход от простейших технических средств к техническим средствам, основанным на аналоговых процессах, не получил законодательного закрепления, значение имел лишь факт использования специальных технических средств как таковых.

Статья 141.1 УПК РСФСР, также введенная в 1966 году, предусматривала применение звукозаписи при допросе, которая отражала весь ход следственного действия. При этом невозможно было записать только часть допроса или повторить часть показаний, по окончании допроса допрашиваемому воспроизводилась вся сделанная звукозапись. В случае наличия дополнений таковые заносились на фонограмму в конце звукозаписи. Звукозапись производилась с применением диктофона или магнитофона, которые также были основаны на аналоговых процессах.

В 2001 году в УПК РСФСР 1960 года появилась новая статья 174.1 [6], предусматривающая, что по уголовным делам о тяжких и об особо тяжких преступлениях по судебному решению допускались контроль и запись телефонных и иных переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц, которые могут располагать сведениями о преступлении либо иными сведениями, имеющими значение для уголовного дела. Следователь в течение всего срока осуществления контроля и записи телефонных и иных переговоров в любое время вправе истребовать от органа, осуществляющего контроль и запись переговоров, фонограмму для ее осмотра и прослушивания. Фонограмма в полном объеме приобщалась к уголовному делу на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранилась в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность прослушивания и тиражирования фонограммы посторонними лицами, обеспечивающих ее сохранность и техническую пригодность для повторного прослушивания, в том числе в судебном заседании [5].

Приведенные технические средства базировались на аналоговых процессах и представляли собой первые примеры использования информационных технологий в уголовно-процессуальной сфере. В связи с уровнем развития информационно-технического прогресса в то время использовались исключительно информационные технологии, основанные на аналоговых процессах, однако законодательно были закреплены особенности производства следственных действий с применением технических средств.

Третьим, современным, этапом, который начался с принятия нового Уголовно-процес-

суального кодекса РФ 2001 года [7], является «правовой цифровой этап». Характерной чертой данного этапа выступает значительное внимание к нормативному закреплению информационных технологий в уголовном процессе. Здесь важно отметить, что информационное законодательство развивается в целом не только как вспомогательное средство, но и как совокупность общественных отношений, подлежащих нормативному регулированию. Нормативное регулирование, а также сами информационные технологии, используемые в уголовном процессе, преимущественно построены на цифровых процессах.

В ст. 5 УПК РФ (основные понятия, используемые в уголовно-процессуальном законе) отсутствует определение понятия «технические средства». Несмотря на это, в контексте закона неоднократно встречаются формулировки, касающиеся технических средств, иллюстрацией к чему является наличие их в ряде норм. Помимо этого, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ содержатся другие упоминания об использовании технических, информационных, коммуникационных и иных средств без установления их понятийного значения. Такой подход законодателя не позволяет комплексно определить необходимые, то есть основные, существенные признаки технических средств для их доказательственного обозначения. Соответственно, как затруднительное прогнозируется установление общих процессуальных закономерностей в деятельности субъектов доказывания при формировании и использовании сведений, получаемых с помощью таких средств. Наличие процессуальных проблем в вопросах о возможности использования технических средств при производстве следственных действий находит отражение в работах многих ученых-процессуалистов, одним из которых является А. Е. Федонин. Он, в частности, отмечает: «Отсутствие единого понимания сущности технических средств, применяемых в сфере уголовного судопроизводства, неопределенность их правового статуса и порядка использования в уголовно-процессуальной деятельности влекут за собой не только неясность нормативно-правовых формулировок, но и негативно сказываются на качестве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел» [8].

Так, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ можно выделить следующие нормы о применении информационных технологий в уголовном процессе:

1) регламентирующие общий порядок применения техники в ходе производства следст-

венных действий (ст. 58, 164, 166 УПК РФ) и специальный порядок, относящийся к отдельным следственным действиям (ст. 170, 178, 179, 180, 186, 189, 190, 192, 193 УПК РФ);

2) определяющие порядок применения технических средств при ознакомлении с материалами уголовного дела для различных участников уголовного судопроизводства (ст. 42, 47, 53, 54, 58 УПК РФ);

3) определяющие условия применения технических средств в судах первой (ст. 241 УПК РФ) и кассационной (ст. 376 УПК РФ) инстанций;

4) допускающие возможность применения технических средств для изготовления различных процессуальных документов (ст. 166, 259, 303 УПК РФ).

Таким образом, приходится констатировать, что современное разнообразие в обозначении технических средств в Уголовно-процессуальном кодексе РФ диктует необходимость теоретической разработки и формулирования соответствующих законодательных новелл, определяющих само понятие о них.

При быстром развитии технического прогресса можно вести речь о формировании нового *постцифрового этапа*. Например, в настоящее время ведутся оживленные споры по поводу введения аудиопротоколирования в судах общей юрисдикции [9]. Особое внимание в процессуальной литературе уделялось и продолжает уделяться проблеме использования полиграфа. Обоснование принципа научности уголовного процесса оставляет эту проблему в уголовном судопроизводстве неразрешенной. По мнению сторонников внедрения полиграфа, на успех и достоверность тестирования влияют: технические характеристики прибора и методика работы с ним (принцип работы прибора и интерпретация полученных результатов); субъективные характеристики обследуемого; профессионализм полиграфолога и создаваемые им условия. Тем не менее нет нужды отрицать возможности полиграфа в деле получения ориентирующей информации, пусть и не являющейся доказательством, однако способной принести пользу при планировании расследования, выдвижении и проверке следственных версий и т. п. Такой точки зрения придерживается и председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству профессор А. И. Александров, высоко оценивая возможности использования полиграфа в оперативно-разыскной деятельности для построения версий, но не в качестве средства получения доказательств [10]. Научно-техническая обоснован-

ность полиграфа не вызывает сомнений, так как он представляет собой многофункциональный осциллограф. «Прибор не бывает ненаучным, – справедливо отмечает А. Р. Ратинов, – он или работает, или не работает [11, с. 257]. Нельзя не согласиться с тем, что проблема полиграфа состоит не в его технических характеристиках, а в интерпретации результатов, полученных с использованием этого прибора.

Также широкое распространение новейших информационных технологий при сборе и оценке доказательств имеет место и в судебных стадиях уголовного процесса. Например, специальное понятие «электронное правосудие», под которым понимается электронный документооборот или способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий, стало общепризнанным в правовой терминологии. Электронная система правосудия предусматривает аудио- и видеопотокол, электронный архив и электронные исполнения решений.

Однако, несмотря на то, что рядом последовательно внесенных изменений в Уголовно-процессуальном кодексе РФ разрешены основные вопросы, связанные с изъятием, копированием и хранением материальных носителей информации в электронной форме, вопрос о критериях электронных доказательств (прежде всего, в отношении электронных носителей информации) в уголовном процессе до настоящего времени остается дискуссионным. Электронные носители информации являются одним из наиболее распространенных и в то же время сложных для изъятия объектов, поэтому целесообразно подробнее остановиться на их рассмотрении, опираясь на разработки криминалистов и ученых-процессуалистов по данной проблематике. По смыслу действующего законодательства под «электронным носителем информации», который может быть изъят в ходе следственного действия, следует понимать внутренний накопитель на жестком магнитном диске, оптические диски различных видов, магнитно-оптические диски, карты памяти различных форматов, USB флэш-накопители, гибкие магнитные диски, интегральные микросхемы памяти, оперативные запоминающие устройства ЭВМ, постоянные программируемые запоминающие устройства ЭВМ, оперативные запоминающие устройства периферийных устройств, а также иные носители. Из содержания ст. 81, 81.1, 182, 183 УПК РФ вытекает, что понятием «электронный носитель информации» охватывается весь указанный перечень устройств. Соответ-

ственно, производство их изъятия возможно как в форме обыска, так и в форме выемки.

Участие специалиста по общему смыслу закона предполагается в каждом из действий следователя (дознателя), как в форме обыска, так и в форме выемки, по изъятию «электронных носителей информации» и (или) фиксации доказательственной информации, представленной в электронном виде.

Следует подчеркнуть, что вышеуказанное относится не только к изъятию, но и к копированию информации, представленной в электронном виде, с различных источников внешней памяти. Компетентный специалист владеет методами изучения информации, представленной в электронном виде, получаемой с мобильных и компьютерных устройств, удаленных накопителей внешней памяти, из лог-файлов браузеров, отображающих интересы пользователя, данных социальных сетей с выложенными фотографиями и комментариями, с временной и географической привязкой, СМС- и голосовых сообщений, отправленных с помощью различных программных средств, лог-файлов звонков и контактов адресной книги, а также в виде отпечатков пальцев и других физиологических данных пользователя, полученных со смарт-часов и других гаджетов. Такие действия необходимо выполнять с определенной систематизацией, начиная с осмотра места происшествия, электронной техники, источников внешней памяти и заканчивая изъятием данных с электронных накопителей информации, имеющих отношение к расследуемому преступлению.

На практике достаточно актуальной является тема изъятия различных устройств, которые своим прямым назначением не имеют запись, хранение и воспроизведение информации, хотя содержат в себе некий «электронный носитель информации» (чаще всего это карты памяти различных форматов или MP3-плееры, которые в первую очередь используются для воспроизведения аудио-файлов, мобильные телефоны, цифровые фотоаппараты, различные мобильные игровые консоли). Поскольку данный «электронный носитель информации» может содержать доказательственную информацию, представленную в электронном виде, изъятию подлежит все устройство, в котором он содержится. Это устройство приобщается к делу в качестве вещественного доказательства и подлежит экспертному исследованию. Из буквального толкования уголовно-процессуального закона вытекает, что изъятие такой техники также должно проводиться с участием специалиста. Однако это

противоречит здравому смыслу, поскольку любой пользователь современных гаджетов может производить манипуляции с ними. Поэтому в данном случае имеет место исключение из общего правила. По нашему мнению, изъятие электронных носителей информации, подобных указанным выше, при производстве обыска возможно и без специалиста, особенно в случаях крайней необходимости, к которым относится угроза утраты доказательства.

Таким образом, в связи с постоянным по-

явлением технических новинок существует потребность в развитии нормативного регулирования информационных технологий. Уже сегодня предполагается законодательное закрепление таких новейших технических разработок, как полиграф, видео-конференц-связь (видеосвязь), тензометрическая платформа для оценки стрессового психофизического состояния человека, система для ведения «электронных» уголовных дел, видео-протокол, «электронный судья».

Литература

1. Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946.
2. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951.
3. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 15.02.1923 // Собр. узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
4. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31.08.1966 // Вед. Верховного Совета РСФСР. 1966. № 36. Ст. 1018.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 // Вед. Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией конвенции о защите прав человека и основных свобод: Федер. закон Рос. Федерации от 20.03.2001 № 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 13. Ст. 1140.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
8. Федюнин А. Е. Законодательная дефиниция «технические средства»: сущность, сфера применения, эффективность реализации // Юрид. техника. 2007. № 1.
9. Зеновина В. Предлагается ввести аудиопrotocolирование в судах общей юрисдикции. URL: <http://www.garant.ru/news/958180/>
10. О конституционно-правовых аспектах применения полиграфа в качестве доказательства в уголовном процессе: заключение Экспертно-консультативного совета при Комитете Сов. Федерации по конституционному законодательству от 08.11.2011. URL: <http://www.eftarlo.ru/stati/problemi-poligrafa-v-ugolovnom-protsesse/>
11. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 2001.

Bibliography

1. Strogovich M. S. The criminal process. Moscow, 1946.
2. Cheltsov M. A. The Soviet criminal process. Moscow, 1951.
3. On approval of the code of Criminal Procedure, R. S. F. S. R.: decree of the All-Russian Central Executive Committee VTSIK (along with the Code of Criminal Procedure, R. S. F. S. R.): repealed // Code of justice. 1923. № 7. Art.106.
4. The decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR (repealed) // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1966. № 36. Art. 1018.
5. Criminal procedure code of the Russian Federation (27.10.1960): approved by the Supreme Council of the RSFSR 27.10.1960 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 592.
6. On amendments and additions to some legislative acts of the Russian Federation in connection with ratification of the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms: Federal Law of the Russian Federation of 20.03.2001 № 26-FL // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2001. № 13. Art. 1140.
7. Criminal procedure code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FL (as amended on 19.12.2016) // Collected legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (part. I). Art. 4921.
8. Fedyunin A. E. The legislative definition of «technical means»: the nature, scope, and effectiveness of the implementation // Legal technique. 2007. № 1.
9. Zenovina V. Some proposition to introduce audioproduction in courts of General jurisdiction. URL: <http://www.garant.EN/news/958180/>
10. On the constitutional legal aspects of polygraph as evidence in the criminal process from 08.11.2011: conclusion of the Expert-consultative Council under the Federation Council Committee on constitutional legislation. URL: <http://www.eftarlo.ru/stati/problemi-poligrafa-v-ugolovnom-protsesse/>
11. Ratinov A. R. Forensic psychology for investigators. Moscow, 2001.

© 2017 г. Ю. В. Царева,

адъюнкт Нижегородской академии МВД России.
E-mail: yulya.Tsareva1984@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ЗАЛОГА ДВИЖИМОГО И НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

В статье рассматриваются проблемы, связанные с исключительным характером применения в уголовном судопроизводстве такой меры пресечения, как залог. Автор предпринимает попытку проанализировать положения, касающиеся предмета залога, и ответить на вопрос о том, не препятствуют ли закрепленные законодателем нормы применению данной меры пресечения.

Ключевые слова: предмет залога, движимое имущество, недвижимое имущество, ценные бумаги.

Yu. V. Tsareva – Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

PROBLEMS ASSOCIATED WITH THE USE AS A SUBJECT OF PLEDGE OF MOVABLE AND IMMOVABLE PROPERTY

Touching once again problems with the exceptional nature of the use in criminal proceedings of such a preventive measure, as a pledge, in this article, the author attempts to analyze the situation regarding the collateral, and understand, not interfering fixed legislator norm application of this measure.

Key words: collateral, movable property, real estate, securities.

Позиция правоприменителей о необходимости расширения практики применения залога вполне понятна и объяснима. На современном этапе развития институтов уголовно-процессуального права залог мог бы составить гуманную альтернативу заключению под стражу. Однако, несмотря на многие попытки, принятые законодателем по реформированию залога, этого не происходит.

При обсуждении вопроса о том, что же препятствует осуществлению данной практики, мнения ученых-правоведов расходятся. При этом они единодушно признают, что проблем и пробелов в области регулирования залога существует достаточно, но причины такого положения вещей видят по-разному.

В июне 2014 года ст. 106 УПК РФ [1] подверглась последним изменениям в части сокращения наполовину минимального размера залога для преступлений небольшой и средней тяжести [2]. В Кремле объясняли, что это «расширит возможность для суда по применению залога в качестве меры пресечения, что в свою очередь позволит снизить количество заключений под стражу» [3].

Правда, до настоящего времени мы этой тенденции не наблюдаем. Несмотря на заданный политический курс, залог применялся и применяется крайне редко. Так, в 2012 году ходатайства об избрании в качестве меры пресечения залога были удовлетворены в 347 случаях, в 2013 году – в 303, а после послед-

ней реформы в 2014 году залог действовал в отношении 327 обвиняемых, в 2015 году залог применен лишь в 190 случаях, а в первом полугодии 2016 года – только 81 раз [4]. Указанные цифры в каждом случае составили менее 0,5 % от общего числа ходатайств об избрании мер пресечения.

Между тем число положительных решений по рассмотренным ходатайствам об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу сократилось только за счет помещения находящихся под следствием в больницы (в том числе психиатрические) и применения домашнего ареста.

Представители адвокатского сообщества считают залог средством, позволяющим оказывать давление на подозреваемых и обвиняемых. Как утверждает адвокат Дмитрий Динзе: «Следователи и прокурорские работники, Следственный комитет, ФСБ – все сейчас направлены на то, чтобы людей сажать. Во-первых, это упрощает работу, это является рычагом давления – менять показания людей, каким-либо образом воздействовать на показания, которые они дают в ходе предварительного следствия. Это метод воздействия: если человек все рассказывает, то можно его потом и под залог выпустить. Залог – это как такая конфета или леденец, смягчающая норма, к которой должно стремиться лицо, которое оказалось в области уголовного судопроизводства и было посажено в тюрьму» [5].

Если верить утверждениям подобного рода, законодательство о залоге требует существенных изменений, носящих не формальный характер, а способных реально повлиять на смену «плачевной» статистики. Органы расследования, суд должны пересмотреть свое отношение к залому, перестать воспринимать его «по старинке». Если процедура избрания залога станет понятной, упрощенной, появится и соответствующая практика.

Задача, которую мы перед собой ставим в настоящей статье, – доказать, что сформулированная законодателем концепция, касающаяся предмета залога, не способствует расширению практики его применения.

Не секрет, что для юриста, будь то ученый или правоприменитель, вполне привычным является внесение залога в виде денежных средств. Смеем предположить, что для простого обывателя такой способ представляется единственно возможным. Однако в арсенале практических органов на этот счет средств гораздо больше, чем может показаться. По закону в качестве предмета залога как меры пресечения, применяемой по уголовному делу, помимо денежных средств допускается иное движимое и недвижимое имущество. Однако в следственно-судебной практике проблематично, если не сказать невозможно, найти примеры подобных дел. Естественным образом возникает вопрос: почему? Постараемся в нашем небольшом научном исследовании на него ответить.

Вначале предлагаем поразмыслить над тем, с какими проблемами может столкнуться правоприменитель при избрании меры пресечения в виде залога, когда его предметом является недвижимое имущество. Для этого вспомним, что закон относит к таковому. Согласно ст. 130 ГК РФ [6] к недвижимому имуществу относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, жилые и нежилые помещения, предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), а также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Права на недвижимое имущество, как и на его залог, подлежат государственной регистрации органом, осуществляющим государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

В соответствии с ч. 3, 4 ст. 106 УПК РФ недвижимое имущество может быть принято в залог при условии, что залогодатель подтвердит право собственности на это имущество и отсутствие ограничений (обременений) прав на него. Порядок оценки такого имущества определяется постановлением Правительства РФ от 13.07.2011 № 569 [7], утвердившим положение «Об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности» (далее – Положение). Исходя из содержания этого документа оценка имущества, передаваемого в залог, за исключением денег, производится в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности, то есть Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [8].

Указанная выше процедура включает в себя определение рыночной стоимости имущества, в данном случае – недвижимости, профессиональным оценщиком на основании заключенного договора путем подготовки отчета об оценке имущества, подтвержденного заключением эксперта в соответствии со ст. 17.1 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Отчет и заключение эксперта к уголовному делу могут приобщаться в качестве иных документов или отдельного экспертного заключения.

Оценка имущества должна осуществляться не раньше, чем за пять рабочих дней до дня подачи ходатайства об избрании залога. Вместе с ходатайством залогодатель направляет в суд отчет об оценке имущества, экспертное заключение и копию договора о проведении оценки.

В течение десяти рабочих дней со дня регистрации залога недвижимого имущества залогодатель обязан подтвердить этот факт органам, ведущим процесс, предоставив им соответствующие сведения. Принятие недвижимого имущества в залог, а также его передача на хранение оформляются протоколом с приложением акта приема-передачи по форме установленного образца.

Очевидно, что для осуществления всех вышеперечисленных действий требуется продолжительный период времени. Отдельное время нужно для заключения договора, проведения оценки недвижимости, составления об этом отчета, производства экспертизы и подготовки экспертного заключения о проверке данного отчета. Кроме того, собственник должен предъявить выписку из Единого

государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, подтверждающую его право на принадлежащее ему недвижимое имущество. Учитывая же весьма сжатые сроки задержания подозреваемого, за которого, к примеру, намерены внести залог, до момента избрания в отношении него одной из мер пресечения, указанные документы сторона защиты должна собрать в короткий промежуток времени.

По смыслу ч. 7 ст. 106 УПК РФ в постановлении о применении залога суд устанавливает срок его внесения, который при условии признания задержания законным и обоснованным судом может быть продлен, но не более чем на трое суток. Если в течение этого срока залог не внесен, суд рассматривает вопрос об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) иной меры пресечения.

Другими словами, если на момент подачи ходатайства сторона защиты не успела организовать и произвести оценку недвижимого имущества, это может стать основанием продления срока задержания. Если установленное судом времени окажется недостаточно для оформления необходимых документов, подробно описанных выше, в отношении лица может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

Как видим, в ситуации, когда предметом залога является недвижимое имущество, у лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, отсутствует самостоятельная возможность своевременно собрать и представить правоохранительным органам требующиеся документы. По этой причине данная мера пресечения в отношении указанной категории лиц практически не применяется.

В этой связи, вероятно, можно было бы предложить упростить процедуру оценки предмета залога, отказавшись, к примеру, от необходимости проводить экспертную оценку, чтобы возможность внести залог недвижимости появилась у большего числа лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, особенно не обладающих достаточной суммой денежных средств.

В соответствии с п. 6 Положения расходы по оценке предмета залога возлагаются на залогодателя, позицию которого в отношении сроков представления указанных документов необходимо учитывать.

Проблематичным является и следующий аспект: в каком порядке представляются указанные документы в случае, когда залог избирается по инициативе суда или по ходатай-

ству дознавателя, следователя. Его в настоящее время область правового регулирования не охватывает.

Отсюда, может быть, правы авторы, утверждавшие в свое время, что расширение круга объектов залога посредством недвижимого имущества не приведет к распространению применения данной меры пресечения на практике [9, с. 232]. Смесем все же с этим не согласиться. По нашему мнению, законодатель выбрал верный путь, однако процедурный аспект реализации этих положений на практике пока не доработан и, безусловно, требует внесения коррективов, которые, вполне вероятно, изменят сложившееся положение вещей.

Затронув ряд проблемных вопросов использования недвижимого имущества в качестве предмета залога, подчеркнем еще раз вывод о необходимости их правового урегулирования путем внесения соответствующих поправок в уголовно-процессуальный закон в части упрощения описанной выше процедуры приобщения в качестве залога недвижимого имущества.

Далее рассмотрим характеристики иных объектов, которые по закону могут стать предметом залога по уголовному делу. Первое, на что следует обратить внимание, переходя к движимому имуществу как потенциальному предмету залога, – это так называемые «ценности».

К ценностям в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [10] относятся драгоценные металлы и (или) драгоценные камни. К драгоценным металлам принадлежат золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий). Драгоценные металлы могут находиться в любом состоянии, виде, в том числе в самородном и аффинированном, а также в сырье, сплавах, полупабрикатах, промышленных продуктах, химических соединениях, ювелирных и иных изделиях, монетах, ломе, отходах производства и потребления; драгоценные камни – природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, а также природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде. К драгоценным камням приравниваются уникальные янтарные образования в порядке, устанавливаемом Правительством РФ.

Помимо этого, по мнению О. Ю. Сибириковой, к ценностям следует причислить ювелирные и другие бытовые изделия из драгоценных металлов, природных драгоценных

каменной, жемчуга и лом таких изделий; произведения искусства; антиквариат и иные предметы, представляющие ценность [9]. Согласно же позиции авторов одного из комментариев к Уголовно-процессуальному кодексу РФ, к иным ценностям относятся ювелирные изделия, автомобили и другое имущество [11]. Однако из ст. 446 ГПК РФ [12] следует, что средства транспорта не могут приниматься в качестве предмета залога, поскольку относятся к имуществу, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам.

Процедура передачи ценностей в качестве предмета залога, порядок осуществления их оценки и передачи на хранение являются аналогичными применяемым в отношении недвижимого имущества. То есть, принимая решение о допуске ценностей в качестве залога, следует, как и в предыдущем случае, руководствоваться федеральным законодательством об оценочной деятельности в Российской Федерации.

Как видим, представляет сложность не только схема оценки ценностей, но и момент, связанный с определением их точного перечня.

Рассмотрим ситуацию с ценными бумагами. Итак, согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ в качестве залога могут выступать допущенные к публичному обращению в Российской Федерации акции и облигации, относящиеся по закону к ценным бумагам. В соответствии со ст. 142 ГК РФ ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении. С передачей ценной бумаги переходят все удостоверяемые ею права в совокупности. В случаях, предусмотренных законом, или в установленном порядке для осуществления и передачи прав, удостоверенных ценной бумагой, достаточно доказательств их закрепления в специальном реестре (обычном или компьютеризованном).

При передаче в залог ценных бумаг залогодатель представляет полученные в налоговых органах сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре юридических лиц, о том, что эмитент ценных бумаг не находится в процессе ликвидации и не прекратил свою деятельность; принятие облигаций в залог допускается, если до наступления срока их погашения на день вынесения судом постановления или определения об избрании

меры пресечения в виде залога осталось не менее одного года (п. 2, 4 Положения).

Залог ценных бумаг подлежит регистрации депозитарием, держателем реестра владельцев ценных бумаг (регистратором) в соответствии с Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [13] и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации о ценных бумагах (п. 26 Положения).

Как видим, с внесением в качестве предмета залога ценных бумаг ситуация обстоит не намного проще.

При этом, к сожалению, мы не смогли найти в практике органов следствия и суда примеры использования в качестве предмета залога ценностей или ценных бумаг, чтобы наглядно продемонстрировать, как это происходит в действительности. Верить в то, что их не существует вовсе, не хотелось бы. Однако отрицательный результат тоже своего рода показатель и, как нам представляется, очевидного – существования правовых препятствий в виде сложной процедуры внесения такого залога.

Итак, анализ рассмотренных нами проблем, связанных с отсутствием у практических органов возможности всецело применить закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ положения, свидетельствует о наличии пробелов в действующем законодательстве.

Применительно к затронутой нами тематике также обратим внимание на проблему, связанную с отсутствием в законе норм, посвященных определению «судьбы» залога (независимо от того, что явилось его предметом), в случае отмены или изменения меры пресечения. Но этой теме следовало бы посвятить отдельную статью.

В качестве обобщения к сказанному выше обозначим следующее: несмотря на то, что законом предусмотрено право внесения в качестве залога помимо денежных средств иного движимого и недвижимого имущества, на практике оно не реализуется. Причину этого мы усматриваем в усложненной законодательством процедуре передачи указанных предметов в залог, которая на сегодняшний день лишь отталкивает правоприменителя своей новизной и отсутствием соответствующего опыта. Последний, как нам думается, может быть успешно наработан впоследствии при условии законодательных новаций в этой сфере. Если в законе будет закреплена прямая возможность использования в качестве предмета залога

иногое движимого и недвижимого имущества, у большинства лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, кото-

рые сейчас не могут рассчитывать на применение к ним данной меры пресечения, такая возможность, несомненно, появится.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 19 дек. 2016 г.). URL: <http://consultant.ru>

2. О внесении изменений в УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре РФ»: Федер. закон Рос. Федерации от 05.06.2007 № 87-ФЗ (в ред. от 22 дек. 2014 г.). URL: <http://consultant.ru>

3. О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: справка Государственно-правового управления к Федер. закону Рос. Федерации от 04.06.2014 № 141-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/45847>

4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru>

5. Динзе Д. Свобода за деньги. URL: <http://ovdinfo.org/articles/2014/10/22/svoboda-za-dengi>

6. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

7. Об утверждении Положения «Об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности»: постановление Правительства Рос. Федерации от 13.07.2011 № 569 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 18.07.2011. № 29. Ст. 4490.

8. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.07.1998 № 135-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

9. Сибирякова О. Ю. Предмет залога как меры пресечения в уголовном процессе // Вестн. Удмурт. ун-та. 2006. № 6.

10. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: Федер. закон Рос. Федерации от 26.03.1998 № 41-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004.

12. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 19 дек. 2016 г.). URL: <http://consultant.ru>

13. О рынке ценных бумаг: Федер. закон Рос. Федерации от 22.04.1996 № 39-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FL (as amended on December 19, 2016.). URL: <http://consultant.ru>

2. On Amendments to the Code of Criminal Procedure and the Federal Law «On the Procuracy of the Russian Federation»: Federal Law of the Russian Federation of 05.06.2007 № 87-FL (as amended on December 22, 2014). URL: <http://consultant.ru>

3. On Amendments to Article 106 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: help the State Legal Department to the Federal Law of The Russian Federation of 04.06.2014 № 141-FL. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/45847>

4. The official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://cdep.ru>

5. Dinze D. Freedom of money. URL: <http://ovdinfo.org/articles/2014/10/22/svoboda-za-dengi>

6. Civil Code. Part 1: Federal Law of the Russian Federation dated November 30, 1994 № 51-FL. URL: <http://consultant.ru>

7. On Approval of the Regulation «On the evaluation of the subject content of the pledge in a criminal case, its management and ensuring its safety»: Government Resolution of the Russian Federation of 13.07.2011 № 569 // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 18.07.2011. № 29. Art. 4490.

8. On Valuation Activities in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 29.07.1998 № 135-FL. URL: <http://consultant.ru>

9. Sibiryakova O. Yu. Pledge as a preventive measure in the criminal process // Bulletin of Udmurt University. 2006. № 6.

10. On Precious Metals and Precious Stones: Federal law of the Russian Federation of 26.03.1998 № 41-FL. URL: <http://consultant.ru>

11. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation itemized. / ed. by A.V. Smirnova. 2 edition, supplemented and revised. St. Petersburg, 2004.

12. Code of Civil Procedure of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FL (as amended on December 19, 2016). URL: <http://consultant.ru>

13. On the Securities Market: Federal Law of the Russian Federation of 22.04.1996 № 39-FL. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. Н. С. Костенко,

доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: sns8383@mail.ru

СОБЛЮДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КОМПРОМИССНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Статья посвящена проблеме соотношения конституционных принципов при осуществлении предварительного расследования с применением согласительных процедур уголовного судопроизводства. Рассмотрены вопросы соблюдения конституционных прав обвиняемого (подозреваемого) в сочетании с его обязанностями исходя из условий указанных процедур.

Ключевые слова: презумпция невиновности, право на защиту, досудебное соглашение о сотрудничестве, признание вины, предварительное расследование.

N. S. Kostenko – Assistant Professor, Department of Criminal proceedings of educational and scientific complex of preliminary investigation in the internal affairs, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

COMPLIANCE WITH THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE USE IN CRIMINAL PROCEEDINGS COMPROMISE WAYS TO RESOLVE LEGAL DISPUTES

The article deals with the relation of constitutional principles in the implementation of the preliminary investigation with the use of conciliation criminal justice procedures. The questions of observance of the constitutional rights of the accused (suspect) in the context of his duties on the basis of the terms of these procedures.

Key words: the presumption of innocence, the right to defense, pre-trial agreement on cooperation, guilty plea, the preliminary investigation.

Применение в российском уголовном судопроизводстве компромиссных или, иными словами, согласительных процедур (согласие с предъявленным обвинением, досудебное соглашение о сотрудничестве, прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа или в связи с примирением сторон) при разрешении правовых конфликтов, как правило, связано с признанием лицом, совершившим преступление, своей вины. Иногда это становится причиной поверхностного производства предварительного расследования по уголовным делам, приводит к необоснованному рассмотрению дела в особом порядке судопроизводства либо к прекращению уголовного преследования или уголовного дела и едва ли не снимает со стороны обвинения бремя доказывания, что в итоге нередко влечет за собой нарушение охраняемых законом прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, по мнению некоторых ученых, упрощенные процессуальные и судебные производства ограничивают применение принципов уго-

ловного судопроизводства и, в первую очередь, конституционных принципов [1, с. 15; 8, с. 63–67].

В данном случае необходимо обратить внимание на нормы, содержащиеся в Конституции Российской Федерации: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (ч. 1 ст. 49).

Соблюдение данных предписаний четко отражает требование к высказанному обвиняемым признанию своей вины: оно может быть положено в основу обвинения лишь в совокупности с доказательствами, имеющимися по уголовному делу (ч. 2 ст. 77 УПК РФ), и подлежит оценке с точки зрения относимости, достоверности, допустимости, а все вместе — с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела и принятия по нему законного, обоснованного и справедливого решения (ч. 1 ст. 88 УПК РФ). Никакие доказательства не имеют заранее установлен-

ной силы (ч. 1–2 ст. 17 УПК РФ), особенно самоизобличающие показания обвиняемого (подозреваемого), то есть признанная им вина в совершении преступления.

При этом сторона обвинения, получая в установленном законом порядке от обвиняемого (подозреваемого) относящиеся к уголовному делу любые сведения, обязана тщательно и внимательно их проверить и подвергнуть оценке, после чего, при признании их достоверными, они могут наряду с другими доказательствами быть основанием того или иного процессуального решения. Данное положение находит свое отражение и в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.1996 № 1 «О судебном приговоре» [2], согласно которому «признание подсудным своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу и исследованных в судебном заседании доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора».

Также стоит обратить внимание на то обстоятельство, что как подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 49 Конституции РФ), так он не обязан и доказывать свою вину, даже в случае чистосердечного признания. Бремя доказывания полностью возлагается на лиц, осуществляющих уголовное преследование, а перенесение обязанности доказывания оказывается несовместимым с презумпцией невиновности и неизбежно приводит к противоположному принципу – презумпции виновности. Это, прежде всего, связано с тем, что сознавшийся в преступлении обвиняемый (подозреваемый) может занять позицию абсолютного неучастия в своем обвинении, и никто не вправе его в этом упрекнуть, поскольку принуждение такого участника уголовного процесса к даче показаний путем шантажа, применения угроз или иных незаконных действий со стороны лиц, производящих предварительное расследование, само по себе является уголовно наказуемым деянием и противоречит конституционным нормам и принципам (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ).

Верховный Суд РФ неоднократно указывал на то, что переложение на обвиняемого (подозреваемого) обязанности доказывания является грубой судебной ошибкой, и в таких случаях приговоры подлежат отмене. Кроме того, в обзоре судебной практики «О некото-

рых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» Верховный Суд РФ вновь акцентировал внимание судов на необходимости соблюдения при рассмотрении уголовных дел закрепленного в ст. 49 Конституции РФ принципа презумпции невиновности и недопустимости возложения на обвиняемого (подсудимого) доказывания своей невиновности [3]. В этом контексте можно рассматривать и недопустимость возложения на раскаявшегося обвиняемого бремени доказывания своей вины. При этом сами участники процесса могут активно доказывать свою вину и невиновность, но это их право, а не обязанность.

Таким образом, недопустимость переложения бремени доказывания на обвиняемого была выявлена еще в теории советского уголовного процесса и в настоящее время четко установлена в законе. Необходимо лишь, чтобы это положение одновременно соблюдалось в следственной и судебной практике. Значение правил о недопустимости переложения обязанности доказывания на обвиняемого состоит в том, что подобным образом элиминируется зависимость выводов следствия и суда от высказанных обвиняемым признаний вины, а также желания и возможности их подтверждения. Рассматриваемое конституционное положение является важным гарантом права обвиняемого на защиту от необоснованного обвинения и впоследствии – осуждения, что особенно важно учитывать при использовании в уголовном судопроизводстве согласительных процедур. По мнению Ю. Е. Кайгародовой и А. А. Суворовой, подозреваемый или обвиняемый, соглашаясь на упрощенное судопроизводство, не просто признает вину, а сообщает обстоятельства совершенного преступления, превращая свои показания в доказательства по уголовному делу, и тем самым нарушает презумпцию невиновности и другие конституционные принципы [4, с. 70].

Также хотелось бы обратить внимание на одно положение Конституции РФ, которое так или иначе связано с признанием вины и неоднозначно в сочетании с ним воспринимается правоохранительными органами. Так, согласно Конституции РФ «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом» (ст. 51).

По сути, само признание вины, активное содействие раскрытию и расследова-

нию преступления, изобличение других лиц, совершивших преступление, подразумевают под собой в некоторой степени дачу показаний против себя самого, своих соучастников, которыми могут являться в том числе супруг(а) и близкие родственники. Из смысла нормы закона следует однозначное толкование – «не обязан», а именно – вправе. В таких случаях применение согласительных процедур становится нецелесообразным, поскольку, как правило, вышеперечисленные действия обвиняемого (подозреваемого) являются основными условиями. Казалось бы, лицо, совершившее преступление, признает свою вину и готово оказать содействие в раскрытии и расследовании преступления, однако форма такого содействия четко не определена, что позволяет неоднозначно трактовать обязательства обвиняемого (подозреваемого) в сочетании с предоставленными ему Конституцией РФ правами. Другими словами, сознавшееся в преступлении лицо готово сотрудничать со следствием, но при этом пользуется нормой ст. 51 Конституции РФ. В итоге получается замкнутый круг. При этом, как правильно отмечает С. В. Эсаулов, «молчание подозреваемого, обвиняемого и его устранение от защиты нельзя подразумевать как признание вины или обстоятельство, подтверждающее подозрение или обвинение» [5, с. 6].

Конституционный суд РФ подчеркивает, что по смыслу ст. 51 Конституции РФ и конкретизирующих ее применительно к уголовному судопроизводству положений п. 40 ст. 5, ст. 56 и ч. 8 ст. 234 УПК РФ освобождение обвиняемого (подозреваемого) от обязанности давать показания относительно обстоятельств дела и, соответственно, запрет обязывать его давать такие показания не исключают права данного лица представить известные ему сведения, имеющие значение для раскрытия и расследования преступления, в случае, если оно на это согласно [6; 7; 8; 9; 10], а принятие им в рамках согласительных процедур на себя обязательств, предполагающих дачу полных и достоверных показаний по делу, не может расцениваться как противоречащее конституционному праву не свидетельствовать против себя самого и нарушающее презумпцию невиновности [11].

В контексте анализируемых нами аспектов сюда можно отнести еще одно важнейшее право, предоставленное Конституцией РФ лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, – на защиту. Целый ряд уголовно-процессуальных норм выступа-

ет в качестве гарантий осуществления данного конституционного права: право на отказ от дачи показаний и право возражать против обвинения; право обвиняемого иметь возможность подготовки к защите; в целях обеспечения эффективной защиты наличие процессуальных прав, обеспечивающих возможность обвиняемого знать, в чем он обвиняется, принимать активное участие в доказывании, иметь возможность ознакомления с материалами уголовного дела; право пользоваться помощью защитника(ов), в том числе и бесплатно, иметь свидания с защитником(ами) наедине и конфиденциально, без ограничения их числа и продолжительности; защищаться любыми средствами и способами, не запрещенными уголовно-процессуальным законом, и др.

В данном случае одной из важных гарантий обеспечения права на защиту является то, что за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний обвиняемый (подозреваемый) не несет никакой ответственности. Поэтому такое лицо по основному уголовному делу в отношении других соучастников преступления не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний при допросе, в том числе в судебном заседании.

Так, заключая досудебное соглашение о сотрудничестве, обвиняемый с целью смягчения наказания либо с целью намеренного и необоснованного затягивания сроков предварительного расследования может оговорить кого угодно. При этом установление данных фактов никак не отражается на ходе уголовного судопроизводства, на принимаемых в нем процессуальных решениях и на самом обвиняемом.

Выходом из указанных ситуаций может служить закрепление в нормах, касающихся применения согласительных процедур, четкой формулировки условий их применения с определением конкретных действий лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование, с обязательным и подробным разъяснением их лицам, желающим воспользоваться предоставленными им правами на применение тех или иных согласительных процедур. К примеру, в п. 2 ст. 317.1 УПК РФ необходимо определить степень активности лица по содействию в раскрытии и расследовании преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску добытого в результате преступления имущества, а также в других действиях, способствующих выявлению и

раскрытию иных преступлений и установлению всех лиц, их совершивших. Сюда можно отнести такие условия, как обязательное согласие лица с предъявляемым ему обвинением, дача показаний по всем вопросам, составляющим содержание этого обвинения, а также об иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, и об имеющихся в нем доказательствах, добровольное участие во всех необходимых следственных действиях, возмещение причиненного преступлением ущерба (в том случае, если это является обязательным условием применяемой процедуры уголовного судопроизводства) и другие активные действия, направленные на отыскание доказательств и установление всех обстоятельств противоправного деяния.

В этом случае нежелание лица исполнять взятые на себя обязательства влечет за собой невозможность применения согласительных процедур независимо от признания им своей вины и высказанного желания содействовать в выявлении, раскрытии и расследовании преступления со ссылкой на соблюдение его конституционных прав.

Это положение, а также степень активности лица, желающего заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, еще на стадии

рассмотрения ходатайства должны быть разъяснены ему с указанием на то, что в ходе судебного заседания и постановления приговора судья в обязательном порядке выясняет отношение лица к предъявленному ему обвинению и результаты его сотрудничества со следствием (характер, пределы и значение содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления).

Вместе с тем даже в том случае, если обвиняемый (подозреваемый) соглашается принять на себя все перечисленные выше обязательства, ограничить его в возможности воспользоваться в любой момент уголовного судопроизводства своими конституционными правами никто не правомочен, несмотря на достигнутые ранее договоренности. При этом уже выполненные им обязательства могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, а степень, характер и объем исполненных условий может в некоторых случаях, по усмотрению компетентных лиц, выступать основанием для применения согласительных процедур.

Литература

1. Безруков С. С. Принцип презумпции невиновности в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства // Бюл. Междунар. ассоциации содействия правосудию. 2011. № 1.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 7.
3. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31.10.1995 № 8. П. 15 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 1996. № 2.
4. Суворова А. А., Кайгородова Ю. Е. Реализация принципа презумпции невиновности при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестн. Омск. юрид. акад. 2014. № 3 (24).
5. Эсаулов С. В. Реализация принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
6. Постановление Конституционного Суда

Bibliography

1. Bezrukov S. S. Principle of presumption of innocence in terms of reforming the criminal procedural law // Bulletin of the International Association for the advancement of justice. 2011. № 1.
2. Bulletin of the Supreme Court Of The Russian Federation. 1996. № 7.
3. About some questions of application by courts of the Russian Federation Constitution in the administration of justice: resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation of 31.10.1995 № 8. P. 15 // Bulletin of the Supreme Court Of The Russian Federation. 1996. № 2.
4. Suvorova A. A., Kaygorodova Yu. E. The implementation of the principle of the presumption of innocence at the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation // Vestnik of Omsk Law Academy. 2014. № 3 (24).
5. Esaulov S. V. Implementation of the principle of the presumption of innocence of proof at the pre-trial stages of criminal procuding: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2013.
6. The decision of the constitutional Court of the Russian Federation on 20.02.1996 № 5-P. URL: <http://consultant.ru>

Российской Федерации от 20.02.1996 № 5-П.
URL: <http://consultant.ru>

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2004 № 13-П.
URL: <http://consultant.ru>

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.2012 № 274-О-О.
URL: <http://consultant.ru>

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.09.2012 № 818-О. URL: <http://consultant.ru>

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.04.2013 № 661-О.
URL: <http://consultant.ru>

11. По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 20.07.2016 № 17-П, г. Санкт-Петербург // Рос. газ. 2016. № 7039 (171).

12. Григорьев В. Н. Свежая порция отступлений в УПК от Конституции Российской Федерации // Права и свободы человека в контексте развития современного государства: матер. Всерос. науч.-практ. конф., 9 дек. 2016 г. Краснодар, 2017.

7. The decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 29.06.2004 № 13-P.
URL: <http://consultant.ru>

8. The definition of the constitutional Court of the Russian Federation dated 01.03.2012 № 274-O-O.
URL: <http://consultant.ru>

9. The definition of the constitutional Court of the Russian Federation dated 24.09.2012 № 1818-O.
URL: <http://consultant.ru>

10. The definition of the constitutional Court of the Russian Federation from 04.04.2013 № 661-O.
URL: <http://consultant.ru>

11. In the case of check of constitutionality of provisions of parts two and eighth article 56, section 278 and Chapter 40.1 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen D. V. Usenko: decision of the constitutional Court of the Russian Federation from 20.07.2016 № 17-P, St. Petersburg // Russian newspaper. 2016. № 7039 (171).

12. Grigoriev V. N. Fresh portion of derogation in the code of criminal procedure the Constitution of the Russian Federation // Law and human freedom in the context of the development of the modern state: materials of all-Russian scientific-practical conference, 9 December 2016. Krasnodar, 2017.

© 2017 г. О. В. Корнелюк,

доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета кандидат юридических наук.
E-mail: kovufa@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСОБОГО ПОРЯДКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

В статье рассматриваются теоретические, законодательные и практические вопросы особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Анализируется законодательная система гарантий прав и законных интересов обвиняемого и других участников уголовного судопроизводства. Проводится сравнительно-правовое исследование данного института с законодательством ряда зарубежных стран.

Ключевые слова: особый порядок уголовного судопроизводства, обвиняемый, потерпевший, прокурор, следователь, суд, права и законные интересы, правосудие, согласие с обвинением, сроки рассмотрения уголовных дел.

O. V. Kornelyuk – Associate Professor, Department of Criminal Law and Processes, Institute of Law Bashkir State University, PhD in Law.

SOME OF THE ISSUES THE SPECIAL ORDER OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

The article examines the theoretical and legislative and practical issues of the special order of the court decision with the consent of the accused with the charges against him. Examines the legal system safeguards the rights and legitimate interests of the accused and other participants in criminal proceedings. Conducted a comparative legal research of the Institute of the laws of some foreign countries.

Key words: special procedure of criminal proceedings, accused, victim, prosecutor, investigator, court, rights and legitimate interests, justice, acceptance of the accusation, the timing of consideration of criminal cases.

Сравнительно недавно в Уголовно-процессуальном кодексе РФ появилась новая процедура – особый порядок принятия судебного решения в случае согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением [1]. Упрощенная форма судебного разбирательства предназначена для рассмотрения уголовных дел в случае отсутствия спора относительно обвинения, в том числе его содержания и объема. Такая ситуация может складываться, когда обвиняемый согласен не только с предъявленным ему обвинением, но и со всеми фактическими обстоятельствами, представленными в нем. Важным обстоятельством при реализации особого порядка судебного разбирательства является обеспечение прав и законных интересов как обвиняемого, так и других заинтересованных участников процесса [2, с. 77]. Благодаря этому возможно вынесение справедливого и обоснованного решения без исследования доказательств. Также значимым аргументом в пользу применения особого порядка является существенное снижение нагрузки на судей, так как это, с одной стороны, способствует рациональному и эффективному использованию выделяемых для осуществления правосудия ресурсов, а с другой – реально гарантирует бес-

печение законных интересов участников уголовного судопроизводства, позволяет значительно сократить сроки рассмотрения уголовных дел, а значит, сделать уголовное наказание неотвратимым, действенным и предупредительным.

Как совершенно справедливо отмечают А. В. Варданян, Г. А. Варданян, реформы постсоветского периода, а именно регламентация в Конституции России 1993 года многих новелл, ориентированных на гуманизацию уголовного процесса, равноправие и состязательность сторон, наделение представителей стороны защиты новыми реальными возможностями по отстаиванию прав и законных интересов подзащитного, потребовали глобального пересмотра многих мировоззренческих идей [3, с. 7].

Появление особого порядка судебного разбирательства в научной доктрине вызвало массу обсуждений как среди ученых, так и практиков. «Очень новым» в методологическом смысле является этот правовой институт. Его рассматривают как «своего рода тест, позволяющий дать оценку эволюции российского уголовного судопроизводства» [4, с. 50], «классический вариант упрощенных произ-

водств» [5, с. 48], которые реализуются на протяжении некоторого периода времени в таких странах, как США, Франция, Германия, Италия, Испания, Англия.

Как известно, универсальных методов, позволяющих абсолютно усовершенствовать судебную систему, не существует. Отсутствуют стопроцентные гарантии защиты от незаконных и несправедливых решений суда, принимаемых как в обычном порядке, так и при вынесении решения без судебного разбирательства. Однако бесспорным является тот факт, что сокращенный порядок судебного разбирательства позволяет существенно упростить громоздкий судебный процесс, представляет собой весьма эффективное и уже проверенное практикой средство для быстрого разрешения большого количества уголовных дел, по которым возможно принятие судебных решений без соблюдения формально-длительной процедуры судебного следствия. Конечно, речь в первую очередь идет о делах об очевидных преступлениях, по которым обвиняемые в основном признают вину. Данные обстоятельства способствуют ускорению уголовного судопроизводства и, как следствие, повышению эффективности правосудия и его доступности.

Следует констатировать, что с момента появления данного института в российском уголовно-процессуальном законодательстве и до настоящего времени число уголовных дел, рассмотренных судами в особом порядке, с каждым годом возрастает. Однако общий объем уголовных дел, рассмотренных в особом порядке, все же недостаточно велик относительно количества уголовных дел, рассмотрение которых в особом порядке потенциально возможно. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что ввиду небольшого количества правовых норм, регулирующих данный правовой институт, в правоприменительной практике возникает множество вопросов, ответы на которые пока отсутствуют либо периодически корректируются. В результате в сфере правоприменения появляются разногласия при толковании норм, регулирующих особый порядок судебного разбирательства. В связи с тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве сравнительно мало внимания уделяется регулированию особого порядка судебного разбирательства, основным ориентиром для рассматриваемого правового института в настоящее время являются постановления Пленума Верховного суда РФ, часть из которых содержит иные пояснения по ранее рассмотренным вопросам. Очевидно, что институт особого поряд-

ка до сих пор остается неустоявшимся правовым институтом, дальнейшее развитие которого, как показывает правоприменительная практика, абсолютно необходимо.

Камнем преткновения в спорах о необходимости и целесообразности существования особого порядка является в первую очередь вопрос обеспечения прав участников судебного разбирательства. Несмотря на то, что рассмотрение уголовных дел в упрощенном порядке способствует более экономному и эффективному расходованию бюджетных средств, связанному с процессуальными издержками по делу (обеспечение явки свидетелей и потерпевших, специалистов, переводчиков, оплата услуг адвоката и другого), важно не допустить, чтобы правоприменительная практика «скатилась» к исторически печальному лозунгу «Признание вины является царницей доказательств».

Главным преимуществом особого порядка для обвиняемого, а также обстоятельством, побуждающим лицо согласиться с предъявленным ему обвинением, является то, что при рассмотрении дела в особом порядке максимальная санкция снижается на 1/3. Поэтому лицо, обвиняемое в совершении преступления, при определенном стечении обстоятельств само заинтересовано в применении особого порядка, а значит, и в совершении позитивных действий [6, с. 29]. Как правило, это проявляется в активном содействии раскрытию преступления, предоставлении информации о других соучастниках, месте их нахождения, месте хранения имущества, добытого в результате преступления, возмещении ущерба и так далее [7, с. 45]. Следует отметить, что особый порядок – это единственная норма УПК РФ, которая стимулирует обвиняемого к совершению действий, направленных на реальное возмещение причиненного материального ущерба, что в полной мере отвечает назначению уголовного процесса, его ст. 6.

Важно заметить, что для реализации особого порядка необходимо не признание вины обвиняемым, а его согласие с обвинением. С методологической точки зрения согласие с обвинением не равнозначно признанию вины. Это связано с тем, что обвиняемый обязательно должен согласиться со всеми фактическими обстоятельствами, представленными в обвинении. Что касается признания вины, то оно не будет нести доказательственного значения, если при этом обвиняемый не может описать фактические обстоятельства совершенного преступления [8, с. 45].

Научная доктрина признание вины обви-

няемого относит к общеправовым вопросам, решение которых находится в компетенции суда и органов предварительного расследования, но отнюдь не обвиняемого. Следует согласиться с тем, что вопрос, адресованный обвиняемому, о том, признает ли он свою вину, позволяет выяснить не форму или вид вины как таковой, а лишь его отношение к обвинению [9, с. 51]. Именно такая теоретическая конструкция взята законодателем за основу при формулировании норм главы 40 УПК РФ.

Однако на практике понятия «признание вины» и «согласие с обвинением» рассматриваются как идентичные. Подобное правоприменение норм УПК РФ является искаженной их трактовкой. При этом применение особого порядка происходит только в случае признания вины обвиняемым [10, с. 64]. Данное обстоятельство придает признанию вины завышенную роль в доказывании и, как следствие, ориентирует органы предварительного расследования на получение такого признания любой ценой с гарантированным обвинительным приговором, даже если других доказательств по делу явно недостаточно. Именно в этом состоит главная опасность неверного толкования закона.

На таких теоретических позициях построена американская и английская системы правосудия, в рамках которых признание вины обвиняемым рассматривается в качестве абсолютной истины и не подлежит дополнительному доказыванию [11, с. 322]. В таком случае процедура судебного разбирательства становится ненужной, а ее проведение, соответственно, нецелесообразным, так как показания обвиняемого, признавшего вину, не могут быть подвергнуты сомнению.

В английском уголовном процессе признанию обвиняемым своей вины отводится особая роль. «Как только обвиняемый признал себя виновным, – пишет Л. Фридмэн, – процесс закончен» [12, с. 142], то есть судья выносит приговор на основании признанной вины. В то же время судом могут быть отдельно исследованы характеристики личности подсудимого, иные смягчающие обстоятельства.

Английскими судами всячески поощряется признание подсудимым своей вины, так как это значительно ускоряет и упрощает уголовный процесс. Кроме того, следует отличать добровольное и договорное признание вины. При договорном признании обвинение идет на некоторые уступки в отношении стороны защиты, например, исключение из обвинения некоторых эпизодов, смягчение квалификации или иное. Договорные при-

знания вины схожи со «сделками о признании вины», которые в Англии не получили столь широкого распространения, как в Соединенных Штатах [13, с. 18].

Проводя сравнительный анализ отечественного варианта особого порядка принятия судебного решения с западными моделями упрощенных судопроизводств, некоторые процессуалисты отмечают, что особый порядок есть не что иное, как «русский вариант» американской «сделки о признании вины» [14, с. 20], и «новелла, узаконившая известные в мировой практике сделки о признании вины» [15, с. 132].

Более верной нам представляется точка зрения И. Л. Петрухина, который считает ошибочным проводить сравнительный анализ между российским вариантом особого порядка и американской «сделкой о признании вины» [16, с. 26]. По его мнению, сходство между данными институтами настолько незначительное, что проводить подобную аналогию в корне неверно. Ученый говорит о том, что общим базовым признаком данных институтов является признание обвиняемым вины. Они являются легальными формами сокращения судебного разбирательства, однако принципиально отличаются содержанием и процедурой их реализации.

Процедура особого порядка не предусматривает ведение неформальных переговоров между сторонами обвинения и защиты по вопросам квалификации преступления, определения меры наказания и другого, как это имеет место в «сделке о признании вины».

В процессуальной литературе совершенно справедливо отмечается, что особый порядок применяется исключительно по ходатайству обвиняемого. При этом сторона обвинения может либо принять его, либо отклонить. Обвинение не разрабатывает условия такой «сделки», так как они уже предусмотрены в законе. Этот факт призван исключить какое-либо воздействие на обвиняемого с целью склонить его к разбирательству в особом порядке [17, с. 162].

Другим принципиальным отличием исследуемых институтов является тот факт, что интересы потерпевшего в американской «сделке о признании вины» вообще не учитываются. В рамках же отечественного уголовного судопроизводства при рассмотрении дела в особом порядке необходимо выяснение отношения потерпевшего к такой форме судебного разбирательства. В случае негативного отношения дело подлежит рассмотрению в обычном порядке.

Н. Бирюков, с нашей точки зрения, делает совершенно верный вывод о том, что «в отличие от сделки о признании вины, когда судья фактически утверждает состоявшиеся между сторонами обвинения и защиты договоренности, при рассмотрении дела в особом порядке судья несет полную ответственность за принимаемое им решение и вправе в любой момент передать дело на рассмотрение в общем порядке» [18, с. 21].

Так, несмотря на имеющуюся между сторонами договоренность, суд вправе назначать любое наказание либо по своему собственному усмотрению изменить условия сделки, если будут веские основания считать обвинение необоснованным. Тем не менее, как показывает практика, если необходимость в отступлении от условий такой сделки отсутствует, то суд обычно старается придерживаться достигнутой договоренности [19, с. 17].

Указанные обстоятельства, а также основания и условия применения сокращенных форм уголовных судопроизводств, известных зарубежному законодательству, принципиально измененные, нашли свое отражение в нормах УПК РФ, регламентирующих особый порядок судебного разбирательства. При этом особый порядок судебного разбирательства в отечественном законодательстве характеризуется более надежными гарантиями прав участников

уголовного судопроизводства. Принципиальная новизна данного института в российском уголовном процессе состоит прежде всего в ограничении, как казалось, когда-то неизбежной публичности диспозитивностью, а законности – целесообразностью [20, с. 23].

Реализация особого порядка судебного разбирательства, на наш взгляд, является серьезной перспективой, требующей тщательного изучения. Вопросы об упрощении судопроизводства автоматически затрагивают такие базовые конституционные принципы судебного разбирательства, как состязательность, право на защиту, презумпция невиновности и так далее. Поэтому, независимо от формы судебного разбирательства, необходимо помнить об обязательном обеспечении данных гарантий защиты прав участников уголовного судопроизводства. В противном случае возникает риск возвращения к историческому прошлому, когда судебный процесс был полностью обвинительным и направлен на получение любым способом признания у подозреваемого или обвиняемого своей вины. Вектор же развития судебной системы на сегодняшний день направлен на обязательное обеспечение прав и свобод личности в рамках любой формы уголовного судопроизводства [21, с. 5].

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. URL: <http://continent-online.com/>
2. Ежова Е. В. Особенности назначения наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Право и государство: теория и практика. 2013. № 1.
3. Варданыан А. В., Варданыан Г. А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юрист-Правовед. 2015. № 6.
4. Поздняков М. Л. О законодательной инициативе по особому порядку судебного разбирательства // Уголовный процесс. 2007. № 4.
5. Орлов Ю. К. Особый порядок судебного разбирательства: упрощенная форма или сделка о признании вины? // Российская юстиция. 2009. № 11.
6. Хромова Н. М. Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журнал российского права. 2013. № 6.

Bibliography

1. Criminal procedure code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FL.
2. Ezhova E. V. Features of appointment of punishment in case of conclusion of a pretrial cooperation agreement // Law and state: theory and practice. 2013. № 1.
3. Vardanyan A. V., Vardanyan G. A. Theoretical and methodological problems of criminalistic tactics in the context of contemporary models of the criminal process // Jurist-Pravoved. 2015. № 6.
4. Pozdnyakov M. L. About legislative initiative on special judicial proceedings // Criminal process. 2007. № 4.
5. Orlov J. K. Special order judicial proceedings: a simplified form of the transaction or of plea? // The Russian justice. 2009. № 11.
6. Khromova N. M. The principle of the presumption of innocence under special order trial // Journal of Russian law. 2013. № 6.
7. Serdyukov S. V. Accused it is necessary to explain the possibility of mitigating punishment // Russian justice. 2002. № 6.

7. Сердюков С. В. Обвиняемому надо разъяснять возможность смягчения наказания // Российская юстиция. 2002. № 6.
8. Андросенко Н. Признание вины в совершении преступления как условие принятия процессуальных решений по УПК РФ // Российский следователь. 2007. № 23.
9. Шамардин А. А. Психологические и нравственные аспекты признания обвиняемым своей вины в уголовном процессе // Использование специальных познаний в области психологии и психиатрии в судопроизводстве: учебное пособие / под ред. А. П. Гуськовой. Оренбург, 1999.
10. Халиков А. Вопросы, возникающие при особом порядке судебного разбирательства // Российская юстиция. 2003. № 1.
11. Бернам У. Правовая система США. М., 2007.
12. Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1993.
13. Калиновский К. Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств: учебное пособие / под ред. К. Б. Калиновского. Петрозаводск, 2000.
14. Гуськова А. П., Пономаренко С. С. Об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по российскому уголовно-процессуальному закону // Российский судья. 2002. № 10.
15. Шагеева Р. М. Международные стандарты упрощенного производства по уголовным делам // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43).
16. Петрухин И. Роль признания обвиняемого в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 2.
17. Решетова Н. Ю., Токарева М. Е. О допустимости «сделки с правосудием» в российском уголовном процессе // Прокурорская и следственная практика. 2006. № 3–4.
18. Бирюков Н. Проблемы практики применения особого порядка принятия судебного решения // Российский судья. 2005. № 4.
19. Александров А. С., Кучин А. Ф., Смолин А. Г. Правовая природа института, регламентированного главой 40 УПК РФ // Российский судья. 2007. № 7.
20. Дорошков В. В. Особый порядок судебного разбирательства // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3.
21. Аминев Ф. Г. О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебной деятельности в Российской Федерации // Юристы-Правоведы. 2016. № 3.
8. Androsenko N. The guilty plea to the crime as a condition for the adoption of procedural decisions in the criminal procedure code of the Russian Federation // Russian investigator. 2007. № 23.
9. Shamardin A. A. Psychological and moral aspects of recognition of guilt by the accused in the criminal process // Use special knowledge in the field of psychology and psychiatry in courts: the textbook / under the editorship of A. P. Guskova. Orenburg, 1999.
10. Khalikov A. Issues arising under special proceedings // Russian justice. 2003. № 1.
11. Burnham W. Legal system USA. Moscow, 2007.
12. Friedman L. Introduction to the American right. Moscow, 1993.
13. Kalinovskiy K. B. Criminal process of modern foreign countries: study guide / ed. K. B. Kalinovskiy. Petrozavodsk, 2000.
14. Guskov A. P., Ponomarenko S. S. On special order the judicial decision with the consent of the accused the charges against him by Russian criminal procedural law // Russian judge. 2002. № 10.
15. Shageeva R. M. International standards for summary proceedings in criminal cases // Legal state: theory and practice. 2016. № 1 (43).
16. Petruhin I. Accused recognition role in criminal proceedings // Russian justice. 2003. № 2.
17. Reshetova N. Y., Tokarev M. E. About admissibility of «plea bargaining» in the Russian criminal trial // Prosecutorial and investigative practices. 2006. № 3–4.
18. Biryukov N. Problems practice of special order the judicial solutions // Russian judge. 2005. № 4.
19. Alexandrov A. S., Kuchin A. F., Smolin A. G. Legal nature institution regulated head 40 Code of Criminal Procedure // Russian judge. 2007. № 7.
20. Doroshkov V. V. Special order of judicial proceedings // Criminal proceedings. 2010. № 3.
21. Aminev F. G. About some of the problems of integration of scientific-methodical and organizational support of forensic activities in the Russian Federation // Jurist-Pravoved. 2016. № 3.

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

УДК 347.6
ББК 67.304.8

© 2017 г. **Е. В. Астапова,**

заведующий кафедрой гражданского права Донского государственного технического университета кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: astapova77@mail.ru

В. В. Косинков,

аспирант Саратовской государственной юридической академии.

E-mail: kosinkov.vladimir@mail.ru

С. В. Студеникина,

заведующий кафедрой процессуального права Донского государственного технического университета кандидат юридических наук.

E-mail: stud.svetlana@yandex.ru

НОТАРИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ НАСЛЕДНИКОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

В статье рассмотрен теоретико-методологический аспект нотариальной защиты интересов наследников интеллектуальных прав, представлены основные подходы к их защите, принципам и объему. Авторы отмечают, что в случае возникновения спора о принадлежности наследодателю исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, в отношении которого в соответствии с нормами гражданского законодательства не предусмотрена государственная регистрация (в частности, на произведение науки, литературы, искусства), установление факта принадлежности исключительного права конкретному лицу подтверждается любыми доказательствами.

Ключевые слова: нотариат, авторское право, интеллектуальные права, нотариальная защита интересов наследников, наследственное право.

E. V. Astapova – Head of the Department of Civil Law of the Don State Technical University, PhD in Law, Associate Professor.

V. V. Kosinkov – Postgraduate Student, Saratov State Academy of Law.

S. V. Studenikina – Head of the Department Procedural Law of the Don State Technical University, PhD in Law.

NOTARY PROTECT THE INTERESTS OF THE HEIRS OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

The article describes the theoretical and methodological aspect notary protect the interests of the heirs of intellectual property rights, the main approaches to their protection, principles and scope. The author notes that in the event of a dispute about belonging to the testator exclusive right to the result of intellectual activity, which is not eligible in accordance with the Civil Code of the Russian Federation state registration (in particular, on the work of science, literature and art), the fact of belonging the exclusive rights an individual person can be confirmed by any evidence.

Key words: notary, copyright, intellectual property rights, the protection of the interests of the heirs of a notary, inheritance law.

Различные интерпретации законодательства, регулирующего переход по наследству интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности, зачастую становятся причиной того, что наследодатели не могут распорядиться своими правами на отдельные результаты этой деятельности, а наследники – вступить в наследство в отношении данных прав. В результате возникают

сложности, связанные с реализацией интеллектуальных прав и их защитой.

В правовом регулировании возможности наследования отдельных видов интеллектуальных прав, в том числе и неимущественных, на некоторые виды объектов интеллектуальной собственности огромная роль принадлежит институту нотариата.

Следует отметить, что в последнее время

наблюдается укрепление роли нотариата в различных областях правового регулирования (в сфере оборота недвижимого имущества, регулирования сделок юридических лиц, семейных правоотношений и пр.) Так, по мнению В. В. Макеева и Е. В. Астаповой, «современное реформирование нормативно-правовой базы в данном аспекте своей целью имеет рост привлекательности или заинтересованности в нотариальном закреплении сделок, связанных с имущественными правами российских граждан, направлено на формирование благоприятных условий для более контактного взаимодействия нотариусов со сложившейся практикой регистрации имущественных прав граждан в целях создания условий для прозрачности рынка недвижимости, а также обеспечения соответствующих гарантий для участников рынка недвижимости [3, 98–99].

Вполне очевидно, что от детальности проработки законодателем теоретических основ и практических рекомендаций относительно правовых механизмов наследственных правоотношений, юридических конструкций и положений зависит эффективность действия системы наследственного правопреемства в целом, а также стабильность гражданского оборота.

В соответствии со ст. 64 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариус по месту открытия наследства по сообщению граждан, юридических лиц либо по своей инициативе должен принимать меры к охране наследственного имущества в тех случаях, когда это необходимо в интересах наследников, отказополучателей, кредиторов или государства.

Согласно ст. 1171 ГК РФ охрану и управление наследством должен контролировать нотариус. Статья 1172 ГК РФ содержит нормы об обязанности нотариуса произвести опись наследственного имущества в присутствии двух свидетелей с целью охраны наследства.

В контексте вышеизложенного представляется возможным вести речь о нотариальной охране имущественных прав наследников. Однако не все авторы разделяют эту точку зрения, дифференцируя охрану имущества и охрану имущественных прав. Как полагают А. М. Голощапов и К. Ю. Рождественская, «ни нормы наследственного права, ни нормы авторского права прямо не указывают на то об-

стоятельство, что относительно имущественных прав также могут приниматься меры по их охране нотариусом» [2, с. 111].

Однако мы считаем, что отсутствие законодательного урегулирования деятельности нотариусов и авторских объединений, осуществляемой в части охраны имущественных прав наследников, не означает невозможность охраны интересов наследников. Исходя из основных принципов гражданского законодательства охрана наследственных интересов должна обеспечиваться не только охраной самого имущества, но и возможностью охраны имущественных прав.

В то же время следует согласиться с мнением А. М. Голощапова и К. Ю. Рождественской о том, что отсутствие механизма регулирования законодателем отдельных положений о специфике и особенностях наследования имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе на произведения, в ч. 3 гл. 65 ГК РФ «Наследование отдельных видов имущества» вызывает некоторые проблемы.

К наследнику может переходить широкий круг имущественных и иных связанных с ними прав, а также требований, которые напрямую не указаны в ст. 1270 ГК РФ. В первую очередь, это касается имущественных прав автора или иного правообладателя на использование произведения. Однако права наследников таковыми не исчерпываются. Здесь следует указать на вытекающие из договоров авторского заказа права, в том числе право на получение начисленных, но не полученных ко дню смерти выплат, а также право на вознаграждение за использование работодателем служебного произведения.

Право на получение вознаграждения наследодателя-композитора, произведения которого вошли составной частью в аудиовизуальное произведение, также переходит по наследству. Иные права, как отмечалось выше, также переходят: право следования, право на обнародование, право на получение вознаграждения в случаях, когда использование произведения допускается законом без согласия автора, но с выплатой вознаграждения, право на получение компенсационного вознаграждения, предусмотренного ст. 1245 ГК РФ, за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений, правомочия защиты личных неиму-

ических прав (права на имя, права на неприкосновенность произведения и т. д.).

Нотариальный порядок защиты прав наследников основан на осведомленности наследника о его правах на то или иное произведение, а также на возможности подтверждения нотариусу, что наследодатель действительно обладал имущественными правами на произведение и был либо его автором, либо правообладателем.

Несмотря на то, что Бернская конвенция «Об охране литературных произведений» и п. 4 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ не требуют для авторского права ни регистрации, ни депонирования, авторское право распространяется на произведения, созданные в объективной форме (например, на пленке, компакт-диске, в памяти ЭВМ, на бумаге). Поэтому нотариус должен удостовериться, имеется ли экземпляр произведения, так как согласно ст. 1257 Гражданского кодекса РФ автором произведения признается лицо, указанное на экземпляре этого произведения. Если произведение депонировано в Российском авторском обществе, то туда можно направить запрос. Доказательством авторских прав также является наличие договорных отношений: договор авторского заказа, служебное задание на создание произведения для автора.

Если наследодатель не является автором, а стал правообладателем в силу договора об отчуждении исключительных прав на произведение, соглашения об отступном, когда вместо исполнения одного обязательства (к примеру, погашения задолженности) должник передал кредитору имущественные права на произведение, то требуется документальное подтверждение этого.

Возможны случаи признания авторских прав в силу судебного решения. Это может быть судебное решение о признании авторства, а также обращение взыскания на имущественные права наследников автора или правообладателя, поскольку ст. 1284 ГК РФ запрещает обращение взыскания на имущественные права самого автора.

Согласно ст. 1153 ГК РФ для принятия наследства достаточно совершить ряд действий: вступить во владение или в управление наследственным имуществом; принять меры по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц; произвести за свой счет расходы на содержание наследственного имуще-

ства; оплатить за свой счет долги наследодателя или получить от третьих лиц причитавшиеся наследодателю денежные средства. Эти действия свидетельствуют о фактическом принятии наследства.

Рассмотрим следующий пример. «В Московский городской суд поступило требование об установлении факта принятия наследства, признании права собственности на наследственное имущество в виде исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Обстоятельства дела следующие: истица просила установить факт принятия наследства и признать за ней право собственности на наследственное имущество, оставшееся после смерти ее бабушки, в виде исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности – произведения автора (дедушки истца) – в порядке наследования. Суд принял решение: «в удовлетворении требования отказано», так как действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства в установленный законом срок, истцом совершено не было. Суд отказал истцу в признании права на наследство исключительного права в связи с тем, что «действий по распоряжению наследственным имуществом в виде исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, по опубликованию произведений, их распространению и использованию, в которых проявляется отношение наследника к наследству, как собственному имуществу, истцом в установленный шестимесячный срок после смерти С. Н. В. совершено не было, в связи с этим факт принятия истцом наследства в виде исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности С. М. И. после смерти С. Н. В. не может быть установлен» [10].

В юридической литературе высказана точка зрения о недопустимости такого решения по отношению к авторскому праву. В частности, В. Н. Гаврилов видит случай с авторским правом исключением из общего правила, полагая, что при наследовании авторского права наследник должен до истечения 6 месяцев со дня открытия наследства подать нотариусу заявление о принятии наследства, другим способом такое наследство принять нельзя [11, с. 51]. При этом некоторые авторы полагают, что существуют и иные способы подтверждения фактического вступления в наследство [12, с. 258].

А. М. Голощапов и К. Ю. Рождественская считают, что осуществление каких-либо действий касается и объектов авторского права [2, с. 109]. По их мнению, согласно ст. 1112, 1152 и 1153 ГК РФ, если наследник осуществляет действия, доказывающие факт принятия им наследства, то его следует считать правообладателем.

При нотариальном оформлении наследования интеллектуальных прав крайне важен вопрос о сроке действия исключительного права. В случае если известны автор произведения (соавтор) и дата его смерти, нотариусу не составит труда выдать свидетельство о наследовании исключительных прав на произведение. Для этого нотариусу необходимо изучить свидетельство о смерти автора и уточнить дату смерти для исчисления семидесятилетнего срока. Однако в тех ситуациях, когда произведение обнародовано автором анонимно или произведение обнародовано после смерти автора, срок охраны должен исчисляться с 1 января года, следующего за годом обнародования такого произведения. Следовательно, срок охраны исключительных прав на произведение мог истечь, если наследник не сумеет доказать, что произведение было обнародовано анонимно либо после смерти автора.

Сложным также является и вопрос о наследовании патентных прав в случае смерти автора до выдачи патента. Приведем случай из практики. Автор одного из изобретений (патентообладатель) умер до выдачи ему патента. После его смерти наследник обратился к нотариусу с заявлением о выдаче свидетельства о праве на наследство в отношении исключительного права на изобретение. Однако нотариус отказал в выдаче свидетельства на том основании, что регистрация патента на изобретение произведена после смерти наследодателя в Государственном реестре изобретений Российской Федерации. Наследник был вынужден обратиться в суд с заявлением об оспаривании отказа в совершении нотариального действия и обязанности нотариуса выдать свидетельство. В удовлетворении данного иска было отказано. В обоснование вынесенного решения суд указал, что свидетельство о праве на наследство может быть выдано только в отношении зарегистрированного изобретения (после выдачи патента), соответственно, исключительное право на него признается и охраняется при условии государственной реги-

страции изобретения [13]. Однако нам представляется такой подход несправедливым: юридическое закрепление изобретения лишь подчеркивает фактическое состояние результатов творческого труда.

Весьма сложной является ситуация, когда закон требует определить стоимость (ценность) наследства, а также стоимость входящих в его состав исключительных прав. Это следует из пп. «д» п. 32 постановления № 9: «Если в состав наследства включается исключительное право, право на обязательную долю в наследстве удовлетворяется с его учетом» [7]. Действительная стоимость наследуемого имущества оценивается на день открытия наследства (ст. 1114 ГК РФ).

Это правило подтверждается в п. 18 вышеуказанного постановления, где указано, что «ценность имущества при установлении места открытия наследства определяется исходя из его рыночной стоимости на момент открытия наследства». Пункт 42 постановления № 9 относится к случаю принятия наследства после истечения установленного срока. В ситуации, когда возврат наследуемого имущества от наследника, своевременно принявшего наследство, невозможен, наследнику, принимающему наследство после истечения установленного срока выплачивается денежная компенсация его доли. При этом действительная стоимость наследуемого имущества также оценивается на день открытия наследства.

Однако при разделе имущества, согласно п. 57 указанного постановления, стоимость наследуемого имущества (и стоимость исключительного права) определяется на время рассмотрения дела в суде. То есть при заключении договоров рыночная стоимость исключительных прав принципиально не устанавливается (п. 3 ст. 1234 и п. 5 ст. 1235 ГК РФ), однако в наследственном праве ее приходится определять.

В современной нотариальной практике нотариусы, выдавая свидетельства о праве на наследство, указывают наследственное имущество наследников в виде авторского права, не конкретизируя и не фиксируя произведение, правообладателем которого становится наследник. В порядке наследования могут переходить не все авторские права, кроме того, возможны соавторы, ситуации отчуждения исключительного права автором. Авторские права возникают и существуют применительно к каждому произведению в отдельности,

а не ко всем произведениям автора. При оформлении наследственного дела и выдаче свидетельства о праве на наследство нотариусу необходимо указывать права на конкретные произведения, исключительное право на которые существует у наследодателя.

При оформлении свидетельства о праве на наследство нотариус должен придерживать-

ся следующей презумпции: наследник имеет исключительное право на любое произведение, на котором стоит имя умершего наследодателя в качестве автора, если не будет доказано обратное. Во внимание принимаются любые доказательства принадлежности исключительного права на произведение, предоставленного наследниками.

Литература

1. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010.
2. Голощапов А. М., Рождественская К. Ю. Особенности наследования авторских прав. М., 2011.
3. Макеев В. В., Астапова Е. В. К вопросу о повышении роли нотариата при совершении сделок с недвижимым имуществом // Юрист-Правоведь. 2016. № 3 (76).
4. Мелузова А. О. Наследование авторских и смежных прав в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
5. Овчинников А. И., Стеценко И. А., Фатхи В. И. Юридическая аргументация в судебном процессе: теоретико-методологический аспект // Юрист-Правоведь. 2015. № 5 (72).
6. Овчинников А. И. Юридическая герменевтика и цивилизационный (социокультурный) подход к праву: правовая традиция как контекст интерпретации и познания права // Юрид. техника. 2016. № 10.
7. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29.05.2012 № 9. URL: <http://consultant.ru>
8. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 23 июля 2009 г. № 59. URL: <http://consultant.ru>
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 года. № 5/29. URL: <http://consultant.ru>
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.08.2015 по делу № 33-29269/2015. URL: <http://consultant.ru>
11. Гаврилов В. Н. Наследование по новому российскому законодательству. М., 2002.
12. Рудакова О. А. Комментарий к четвертой части Гражданского кодекса РФ. М., 2007.
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.06.2013 по делу № 11-19282/2013. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. Andreev Yu. N. The mechanism of legal protection. Moscow, 2010.
2. Goloshchapov A. M., Rozhdestvenskaya K. Yu. Features of inheritance of copyright. Moscow, 2011.
3. Makeev V. V., Astapova E. V. To the question of enhancing the role of notaries in transactions with real estate // Jurist-Pravoved. 2016. № 3 (76).
4. Meluzova A. O. Inheritance of copyright and related rights in the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2003.
5. Ovchinnikov A. I., Stetsenko I. A., Fathi V. I. Legal reasoning in judicial process: theoretical and methodological aspect // Jurist-Pravoved. 2015. № 5 (72).
6. Ovchinnikov A. I. Legal hermeneutics and civilization (social and cultural) approach to law: legal tradition as the context of interpretation and of knowledge of law // Legal technique. 2016. № 10.
7. About court practice on Affairs about inheritance: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2012 № 9. URL: <http://consultant.ru>
8. On some issues of practice of application of the Federal law «About Executive manufacture» in case of initiation of bankruptcy proceedings: resolution of Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation from July, 23rd, 2009 № 59. URL: <http://consultant.ru>
9. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 26, 2009 № 5/29. URL: <http://consultant.ru>
10. Appeals definition of the Moscow City Court of 20.08.2015 in the case of № 33-29269/2015.
11. Gavrilov V. N. Inheritance by the new Russian legislation. Moscow, 2002.
12. Rudakov O. A. Commentary on the fourth part of the Civil Code. Moscow, 2007.
13. Appeals definition of the Moscow City Court of 06.24.2013 in the case of № 11-19282/2013. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. А. И. Вакула,

доцент кафедры гражданского права Донского государственного технического университета
кандидат юридических наук.
E-mail: vakulaann@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ОБОРОТОСПОСОБНОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

В статье рассматриваются особенности системы ограничения оборотоспособности земель в зависимости от субъектного состава участников правоотношений и отнесения земельных участков к различным категориям, в том числе с особым правовым режимом (сельскохозяйственного назначения, особо охраняемых территорий и пр.).

Ключевые слова: земельный участок, оборот земель, земельное законодательство, гражданское законодательство, земли сельскохозяйственного назначения, земли особо охраняемых территорий, резервирование земель.

A. I. Vakula – Associate Professor, Department of Civil Law, Don State Technical University, Phd in Law.

FEATURES OF LEGAL RELATIONS IN THE SPHERE OF RESTRICTION OF THE TURNOVER OF LAND PLOTS

The study considers the peculiarities of the system limits the turnover of land depending on the subject composition of the parties involved and the assignment of land to various categories, including special legal regime (agricultural, specially protected territories, etc.).

Key words: land, land turnover, the land law, civil law, agricultural land, lands of specially protected areas and reservation of lands.

Частная собственность на землю является наиболее значимым стимулирующим фактором социально-экономического развития современного общества. Стабильность и устойчивость права собственности на землю, его конституционная гарантированность обусловлены установленными нормативно-правовыми отношениями, в том числе в сфере отчуждения земель.

Собственно, земля и ее части в виде индивидуально определенных земельных участков участвуют в этих отношениях как объекты гражданского оборота. Однако, согласно Конституции РФ [1, ст. 4398], земля рассматривается прежде всего как основа жизни и деятельности нашего общества, что непосредственно предусматривает нормативное установление необходимых пределов осуществления прав на землю и земельные участки, учитывая интересы как общества, так и природы.

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей правоотношений в сфере ограничения оборотоспособности земельных участков в Российской Федерации. Следует отметить, что под оборотом земли в рамках отечественного законодательства понимается возможность перехода земельного участка от одного правообладателя к

другому путем осуществления договоров и иных сделок, не противоречащих законодательству. Следовательно, земельное и гражданское законодательство, регулируя выполняемые государством функции в сфере публичного управления, может предусматривать возможность обособления определенных земель и земельных участков в особую группу с ограниченной оборотоспособностью. Нахождение таких земель в иной, кроме публичной собственности, не допускается.

При анализе действующего земельного законодательства можно выделить следующие положения, регулирующие ограничение оборотоспособности земельных участков, которые могут:

- удовлетворять интересы общества в сфере охраны земель, ограничив при этом осуществление субъективных прав;
- устанавливать для неопределенного круга лиц сокращенный объем субъективных прав для ограниченных в обороте земель;
- обеспечивать безусловное исполнение публичных целей ограничения оборотоспособности земельных участков, устанавливая определенные санкции.

Следует отметить, что конституционные нормы разрешают вовлечение земель в гражданский оборот.

данский оборот, допуская нахождение земли во всех возможных формах собственности. Вместе с тем специфика земельных участков как дуалистических объектов (объект природы – объект недвижимости), регулируемых нормами земельного и гражданского законодательства, позволяла до недавнего времени допускать правовую неопределенность при разграничении предметов правового регулирования указанных отраслей в сфере оборотоспособности земель.

При исследовании аспектов ограничения оборотоспособности земельных участков необходимо учитывать изменения, которые были внесены в Земельный кодекс РФ [2, ст. 4147] в 2014 году. Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ [3, ст. 3377] был принципиально изменен понятийный аппарат в части определения земельного участка. Теперь, согласно п. 3 ст. 6 ЗК РФ земельный участок уже не позиционируется только как индивидуально определенная физическая вещь, а понимается прежде всего как недвижимость и объект прав на землю. Следует подчеркнуть, что внесенными изменениями в земельное законодательство право собственности и иные права на землю регулируются исключительно Земельным кодексом РФ.

Гражданский кодекс РФ [4, ст. 3301] в соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 142-ФЗ в п. 2 ст. 129 не содержит объекты, изъятые из оборота, в качестве объектов гражданских прав. При этом норма об отчуждении земель, предусмотренная земельным законодательством (п. 3 ст. 129), не претерпела изменений. В настоящее время именно земельное законодательство (ст. 27 ЗК РФ) осуществляет правовое регулирование оборотоспособности земельных участков, разделяя их на изъятые из гражданского оборота и ограниченные в обороте.

Следует рассмотреть особенности ограничения оборотоспособности земель в зависимости от отнесения их к той или иной категории. В первую очередь, наиболее актуальными являются аспекты ограничения оборотоспособности сельскохозяйственных земель. Позиция ряда исследователей состоит в том, что отнесение земель к категории сельскохозяйственного назначения уже ограничивает их оборот в силу земельного законодательства и законодательства об обороте сельхозземель [5, с. 111; 6, с. 16].

Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [7, ст. 3018] содержит ряд положений, которые регулируют особенности оборотоспособности земель сельскохозяйственного назначения: пределы максимального размера сельскохозяйственных земель, находящихся в собственности одного лица, запрет на приобретение в собственность сельскохозяйственных угодий иностранными лицами и российскими юридическими лицами с иностранным участием, составляющим более 50 %. Обращает на себя внимание норма закона, устанавливающая преимущественное право публичного образования (субъекта Российской Федерации, муниципального образования) на приобретение земель сельскохозяйственного назначения. Нарушение установленного законом преимущественного права покупки влечет за собой ничтожность сделки.

Особое место в обороте земель сельскохозяйственного назначения занимают земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, занятые оленями пастбищами в районах Крайнего Севера и отгонными пастбищами. Участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, не подлежат приватизации – переходу в частную собственность.

Таким образом, полагаем, что ограниченными в обороте по смыслу, определяемому гражданским законодательством, являются земли, отнесенные к сельскохозяйственному назначению, в том числе пастбища и сельскохозяйственные угодья.

В настоящее время, в условиях проведения реформы гражданского и земельного законодательства, значимое место занимают правоотношения, связанные с использованием земель, являющихся землями особо охраняемых территорий. Российское земельное и природоохранное законодательство устанавливает особенности оборота земель особо охраняемых территорий с учетом конституционных положений, согласно которым использование земельных ресурсов осуществляется их собственниками свободно при условии, что это не нарушает законных интересов и прав иных лиц и не причиняет ущерба природе и окружающей среде (ч. 2 ст. 36 Конституции РФ).

В п. 1 ст. 94 ЗК РФ закреплено, что: «к землям особо охраняемых территорий относят-

ся земли, которые имеют особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, которые изъяты в соответствии с постановлениями федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации или решениями органов местного самоуправления полностью или частично из хозяйственного использования и оборота и для которых установлен особый правовой режим» [2].

Отнесение земельных участков к категории земель особо охраняемых территорий ограничивает их оборотоспособность. Например, как указывает В. В. Круглов: «...приватизация относящихся к государственной и муниципальной собственности земель особо охраняемых территорий, которые ограничены в обороте, возможна только в случаях, прямо установленных в законе» [8, с. 57]. Земли особо охраняемых территорий уже в силу закона имеют ограничения в оборотоспособности, и их использование имеет определенную специфику, обусловленную принадлежностью к данной категории земельного фонда Российской Федерации.

Таким образом, оборот земельных участков, отнесенных к землям особо охраняемых территорий, осуществляется по целевому назначению земельного участка исходя из разрешенного использования в соответствии с зонированием территории и требованиями земельного, экологического и иного законодательства.

Еще одной формой ограничения оборотоспособности земель является их резервирование. В настоящее время под резервированием понимается нормативно установленное временное ограничение изменения права публичной (государственной или муниципальной) собственности на собственность граждан и юридических лиц в отношении земельных участков, необходимых для муниципальных или государственных целей. Резервирование земель осуществляется в административном порядке путем ограничения прав на землю и оборотоспособности земельных участков для решения государственных или местных задач.

Порядок резервирования земель для публичных целей определен постановлением Правительства РФ от 22.07.2008 № 561 «О некоторых вопросах, связанных с резервированием земель для государственных или муниципальных

нужд» [9, ст. 3646].

В ст. 70.1 ЗК РФ взаимосвязаны условия изъятия и резервирования земель для государственных или муниципальных нужд. Такой межотраслевой институт имеет конституционно-правовую основу, поскольку в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ предусмотрена возможность принудительного отчуждения имущества для государственных нужд.

Законодатель вполне определенно указал на то, что земли, находящиеся в публичной собственности и не переданные гражданам либо субъектам предпринимательской деятельности, могут быть ограничены в обороте при условии публичного интереса [10, с. 76]. В соответствии с нормами ст. 70.1 ЗК РФ резервирование земель осуществляется в тесной связи, в том числе по основаниям, установленным при изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд (ст. 49 ЗК РФ).

Следует отметить, что комплексная природа института резервирования земель проявляется в том, что ограничение земель, изъятых из оборота, является постоянным, а зарезервированные земли для публичных нужд в силу ст. 27 ЗК РФ определяются как ограничено оборотоспособные, что позволяет сделать вывод о том, что нормы об ограничениях прав на землю выступают составной частью института резервирования земель для государственных или муниципальных нужд.

Субъектный состав правоотношений в сфере ограничения оборотоспособности земельных участков также играет значимую роль в институте ограничений на землю. Российское законодательство в сфере землепользования содержит большое количество положений, ограничивающих либо запрещающих отдельные виды прав на землю определенным субъектам гражданских правоотношений. В частности, ст. 5 ЗК РФ предусматривает, что «права иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на приобретение в собственность земельных участков определяются в соответствии с Земельным кодексом и федеральными законами» [2]. Следовательно, законодатель вправе, руководствуясь данной нормой, устанавливать дополнительные изъятия из земельного законодательства в отношении иностранных лиц в рамках федеральных законов.

В этом плане из недавних примеров можно привести Федеральный закон от 1 мая 2016 года

Вопросы гражданского и экологического права

№ 119-ФЗ, регулирующий предоставление земель на Дальнем Востоке [11]. В соответствии со ст. 11 «Ограничение оборотоспособности земельных участков» граждане, получившие земельные участки, по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 01.05.2016 № 119-ФЗ, не вправе отчуждать находящиеся в их собственности земельные участки иностранным лицам: «иностранным гражданам, лицам без гражданства, иностранным юридическим лицам или юридическим лицам, в уставном (складочном) капитале которых имеется доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства» [11]. Любая сделка с нарушением указанной нормы будет являться ничтожной.

Возникает вопрос о действии этого ограничения во времени. Будет ли такое ограничение оборотоспособности земельных участков постоянным или потребуются некий обязательный период «добросовестного владения» таким участком? Во-первых, здесь необходимо учитывать тот факт, что в силу ст. 2 Федерального закона от 01.05.2016 № 119-ФЗ граждане смогут приобрести полученные земельные участки в собственность лишь по истечении пяти лет после их предоставления. Во-вторых, если российский гражданин через пять лет станет полноправным собственником таких земель, может ли его земельная недвижимость передаваться по наследству в силу закона, если единственным наследником будет иностранец. При этом мы не ставим целью подробный анализ данного нормативного правового акта, однако необходимо отметить, что его положения нуждаются в дальнейшей корректировке и уточнении.

Следовательно, земельное законодательство содержит более широкие положения в отношении оборотоспособности земель по субъектному составу, чем нормы гражданского законодательства. Земельное законодатель-

ство разграничивает оборотоспособность не только по субъектному составу, но и предусматривает определенные виды прав и типы земельных участков, предоставляемых отдельным участникам гражданско-правового оборота.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что всю совокупность норм российского законодательства, связанных с регулированием пределов включения земель и земельных участков в гражданский оборот, необходимо рассматривать как один из значимых институтов земельного права – институт ограничения оборотоспособности. Входящие в него положения об изъятии земель из оборота, нормы, ограничивающие земельные участки в обороте, которые устанавливаются бессрочно либо на определенный срок, если преследуются общественные цели (в случае резервирования земельных участков для муниципальных или государственных нужд), нормы, предусматривающие определенные виды прав, которые могут переходить лишь к определенным участникам оборота земель, позволяют отграничить специальные земельные правоотношения. Нормы гражданского законодательства применяются в этом случае только в части, не противоречащей нормам земельного права.

Таким образом, особенности правоотношений в сфере ограничения оборотоспособности земельных участков можно определить как установленную нормами земельного законодательства совокупность правовых средств, имеющих ограничивающий (лимитирующий) характер (нормы – запреты и нормы – ограничения). Оборотоспособность земельных участков основана прежде всего на охранительной и регулятивной роли российского права, которая направлена на защиту и охрану значимых публичных целей путем установления пределов включения земельных участков в оборот.

Литература

1. Конституция Росс. Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FCL) // Collected legislation of the Russian Federation. 04.08.2014. № 31. Art. 4398.

2. Земельный кодекс Рос. Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 29.10.2001. № 44. Ст. 4147.
3. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 23.06.2014 № 171-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 30.06.2014. № 26 (ч. I). Ст. 3377.
4. Гражданский кодекс Рос. Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
5. Астапова Е. В., Вакула А. И. Новеллы законодательства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Юристъ-Правоведь. 2016. № 3 (76).
6. Пчельников М. В. Российский нотариат и современная политика государства в сфере земельных отношений // Нотариус. 2016. № 8.
7. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федер. закон Рос. Федерации от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 29.07.2002. № 30. Ст. 3018.
8. Круглов В. В. К вопросу о приватизации земельных участков субъектами предпринимательской деятельности земель особо охраняемых территорий // Бизнес, менеджмент и право. 2007. № 2 (14).
9. О некоторых вопросах, связанных с резервированием земель для государственных или муниципальных нужд: постановление Правительства Рос. Федерации от 22.07.2008 № 561 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 28.07.2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3646.
10. Исакова Ю. И., Пчельников М. В. Актуальные вопросы земельного законодательства: учеб. пособие для занятий и курсов повышения квалификации, профессиональной переподготовки. Ростов н/Д, 2016.
11. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 01.05.2016 № 119-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.05.2016
2. Land code of the Russian Federation of 25.10.2001 № 136-FZ // collected legislation of the Russian Federation. 29.10.2001. № 44. Art. 4147.
3. On amendments to the Land code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal law of 23.06.2014 № 171-FZ // Collected legislation of the Russian Federation. 30.06.2014. № 26 (part I). Art 3377.
4. The civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 № 51-FZ // Collected legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. № 32. St. 3301.
5. Astapova E. V., Vakula A. I. Legislation on state registration of rights to real estate / Yurist-Pravoved. 2016. № 3 (76).
6. Pchelnikov M. V. Russian notary and the modern state politics in the sphere of land relations // The Notary. 2016. № 8.
7. Federal law of 24.07.2002 № 101-FZ «About turnover of agricultural land» // Collected legislation of the Russian Federation. 29.07.2002. № 30. Art. 3018.
8. Kruglov V. V. To the question of privatization of land plots by business entities of specially protected territories // Business, management and law. 2007. № 2 (14).
9. On some issues related to reservation of lands for state or municipal needs: Resolution of the Government of the Russian Federation from 22.07.2008 № 561 // Collected legislation of the Russian Federation. 28.07.2008. № 30 (part 2). Article 3646.
10. Isakova Y. I., Pchelnikov M. V. Topical issues of land law: study guide for classes and courses, professional training. Rostov-on-Don, 2016.
11. About features of granting to citizens of land plots in state or municipal ownership and located in the constituent territories of the Russian Federation within the far Eastern Federal district, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: the Federal law from 01.05.2016 № 119-FZ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.05.2016

© 2017 г. А. В. Равнюшкин,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: ravnyushkin@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье поднимаются проблемы, связанные с недостаточно развитой правовой основой противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений, не позволяющей представить объем полномочий субъектов профилактики, в том числе полиции. Автором приводятся совокупность мер пресечения указанных правонарушений, которые сотрудники полиции имеют право применять согласно действующему законодательству, подчеркивается необходимость ее расширения.

Ключевые слова: предупреждение правонарушений, семейно-бытовые отношения, полиция, средства принуждения.

A. V. Ravnyushkin – Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

IMPROVING THE SYSTEM OF PREVENTION OF OFFENCES COMMITTED IN THE SPHERE OF FAMILY-HOUSEHOLD RELATIONS

The article deals with the problems associated with insufficiently developed legal basis of counteraction to offences committed in the sphere of family-domestic relations, not allowing not only to present the scope of authority of the subjects of prevention, including the police. The author provides a set of measures of restraint specified offences, which the police have the right to apply under current law, and emphasizes the need for its expansion.

Key words: the prevention of offenses, domestic relations, police, means of coercion.

К числу наиболее острых проблем, требующих более активного вмешательства государства для их преодоления, относится совершение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. По имеющимся данным МВД России, в 2015 году в нашей стране было совершено 2 388 476 преступлений, из них 140 670 – на бытовой почве, из которых 54 285 преступлений – в сфере семейно-бытовых отношений [1]. Особую тревогу и огромный общественный резонанс вызвали случаи массовых убийств в семьях, в частности в Нижнем Новгороде [2].

Совершению таких преступлений, как правило, предшествует длительная противоправная деятельность одного или нескольких членов семьи, совершающих при этом насильственные действия административно-правового или иного допреступного характера. И чем раньше такие действия будут выявлены, пресечены и наказаны, тем меньше вероятность совершения преступных деяний.

Обеспечение безопасности семьи, ее членов относится к числу приоритетных направ-

лений государственной политики. На заседаниях, проводимых Президентом и Правительством Российской Федерации, а также в органах власти на региональных и местных уровнях, неоднократно обсуждались вопросы о совершенствовании системы предупреждения правонарушений, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений.

Так, О. Ю. Ильиной подчеркивается, что «семья в целом не подвергается и не может быть подвергнута правовому воздействию норм только семейного законодательства. Осуществляя правовое регулирование семейных отношений, государство устанавливает определенную модель одобряемого им поведения членов семьи или тех лиц, которые намерены ее создать» [3, с. 20].

Однако на сегодняшний день в Российской Федерации не создано достаточной правовой и организационной основы для противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений. В отечественном законодательстве отсутствует федеральный закон, содержащий нормы о профи-

лактике правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений (о профилактике бытового насилия), что в свою очередь сдерживает дальнейшее развитие государственной системы противодействия указанным правонарушениям.

Соответствующий нормативный акт, который определил бы основные положения противодействия семейному насилию, по мнению профессора Ю. М. Антоняна, «должен предусматривать планирование и осуществление профилактических мероприятий, контроль за их исполнением, а также участие различных служб и общественных организаций в профилактической деятельности» [4, с. 198].

Однако полагаем, что существующая в ряде западных стран модель особого правового режима защиты прав несовершеннолетних в рамках ювенальной юстиции в Российской Федерации неприемлема. Положения Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов в целях создания особого режима с новыми «основами правового регулирования» изменять или дополнять в Российской Федерации также недопустимо. В связи с этим законопроект от 28.09.2016 № 1183390–6 «О профилактике семейно-бытового насилия», внесенный в Государственную Думу депутатом С. Ш. Мурзабаевой и членом Совета Федерации А. В. Беляковым [5], требует существенной доработки с целью исключения возможности признания повседневных событий семейной жизни в качестве фактов семейно-бытового насилия.

С нашей точки зрения, в данном законе, прежде всего, должны содержаться положения, определяющие понятие физического насилия в сфере семейно-бытовых отношений, полномочия субъектов профилактики данного насилия, в том числе полиции, представлен перечень мер профилактики правонарушений, вопросы организации взаимодействия между органами профилактики.

Нормы, устанавливающие компетенцию субъектов профилактики, осуществляющих деятельность по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, не взаимосвязаны, бессистемны. Существует необходимость объединить данные нормы, систематизировать их, при этом избавившись от дублирующих и нецелесообразных.

В предыдущих работах нами отмечалось, что «система противодействия правонаруше-

ниям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений, включает в себя определенную совокупность административных правовых норм и закрепленных в них процедур, применяемых уполномоченными субъектами и оказывающих регулирующее воздействие на поведение граждан в сфере семейно-бытовых отношений с целью его изменения, а также недопущения вредных его последствий и воплощающих в себе различные методы и способы правового регулирования. Эти средства представляются нам как основные работающие части системы административно-правового воздействия» [6, с. 92].

В ситуации, когда за совершение противоправных действий в отношении лиц, находящихся с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, в федеральном законодательстве отсутствует прямая административная ответственность, в некоторых субъектах Российской Федерации были разработаны и приняты соответствующие нормы («семейно-бытовое дебоширство»).

С предложениями по совершенствованию мер противодействия указанным правонарушениям выступают и в федеральных органах законодательной власти. В первую очередь вопросы совершенствования системы предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений в предложениях затрагивают законодательство об административных правонарушениях.

В настоящее время у законодателей существует два варианта решения проблемы:

1) отредактировать действующую статью 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», чтобы административная ответственность также распространялась на семейных дебоширов [7];

2) ввести специальную статью в КоАП РФ, устанавливающую административную ответственность для семейных дебоширов отдельно [8].

В научной среде находятся сторонники обоих взглядов на правовое решение данной проблемы [9, с. 175; 10, с. 77].

Отсюда следует, что административно-правовое регулирование противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений, на современном этапе характеризуется отсутствием единой системы взглядов, комплексного подхода, прежде всего среди законодателей и других государственных деятелей.

Кроме того, ранее нами был сформулирован еще «ряд проблем правового характера:

1) нормативно не закреплены правовые основания профилактической работы с гражданами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, как с категорией лиц, состоящих на профилактическом учете и подлежащих ограничению прав и свобод, не только участкового уполномоченного полиции, но и полиции в целом;

2) не определен правовой статус лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, как объекта профилактики. Формально не определены ни объем юридических прав и обязанностей, ни правовая ответственность как объектов профилактики (в отличие от лиц, состоящих под административным надзором и условно осужденных), так и субъектов.

3) отсутствует правовая регламентация признаков правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений» [11, с. 126–127].

В п. 63 Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции [12] отмечены шесть категорий граждан, которых участковые уполномоченные полиции обязаны поставить на профилактический учет и в отношении которых они должны осуществлять индивидуальную профилактическую работу. Однако правовое положение лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющих опасность для окружающих, не имеет завершенной правовой регламентации (особенно при совершении административных правонарушений).

Полагаем, что отсутствие федерального закона, содержащего нормы о предупреждении правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, и соответствующих дополнений в других правовых актах, отражается на организационных основах деятельности субъектов противодействия указанным правонарушениям, в том числе полиции. Невозможно построить эффективную работу по предупреждению правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, без достаточно ясных правовых основ. Ввиду отсутствия необходимой регламентации действий при пресечении противоправных действий лиц в указанной сфере общественных отношений полиция вынуждена действовать по своему усмотрению, допуская случаи нарушения законности при применении данных принудительных мер.

В силу этого существует необходимость системного подхода к рассматриваемой проблеме, решать которую целесообразно путем осуществления правовых корректировок и развития федерального законодательства.

Система пресечения правонарушений, совершаемых в рассматриваемой сфере, включает в себя и совокупность административно-правовых средств психического и физического характера, направленных на прекращение противоправных действий, совершаемых против членов семьи и других совместно проживающих лиц. Применение средств пресечения правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, должно носить тактически определенный характер, а после их применения – фиксироваться в процессуальной форме.

Следует отметить, что в главах 4 и 5 Федерального закона от 07.02.2011 № 7-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») закреплён вовсе не полный перечень мер принуждения, в который включаются предупредительные меры (проверка документов, досмотр ручной клади и багажа и др.), меры пресечения, меры процессуального обеспечения (глава 27 КоАП РФ содержит таковых более 15), меры административного наказания и праввосстановительные меры. Но базовым нормативным правовым актом, определяющим права полиции на применение мер принуждения, является ФЗ «О полиции». В связи с этим полагаем, что рассмотрение мер пресечения правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, необходимо рассмотреть с позиции норм указанного закона.

В наших работах отмечалось, что на стадии пресечения указанных правонарушений сотрудниками полиции применяются (по ФЗ «О полиции»):

– «меры психического воздействия: требование от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий; требование к лицу, совершившему правонарушение, оставаться на месте до прибытия представителей подразделения полиции; предупреждение о намерении применить специальные меры пресечения – физическую силу и специальные средства;

– меры физического воздействия: вхождение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории; личный досмотр (как мера личной безопасности сотрудника полиции); удаление (разоб-

щение) правонарушителя от заявителя (потерпевшего); применение специальных мер: физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в случаях, когда лицо не выполняет законное требование о прекращении противоправных действий; доставление в полицию; задержание лиц, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и окружающих» [11, с. 128].

Однако возможность применения полицией административного задержания при фактах семейно-бытовых конфликтов ограничена в силу отсутствия специальной нормы в КоАП РФ, по которой можно было бы привлечь к административной ответственности семейных дебоширов и которая предусматривала бы в качестве административного наказания административный арест. Помимо этого, целесообразно осуществить нормативное закрепление и реализацию в практической деятельности полиции такого административно-правового средства, как официальное предостережение. Данный инструмент предупреждения правонарушений имеется на вооружении Федеральной службы безопасности Российской Федерации и органов прокуратуры Российской Федерации.

Кроме того, осуществляя исследование обстановки происшествия (семейно-бытового конфликта, правонарушения), сотрудники полиции имеют право осматривать жилое (при согласии проживающих в нем лиц) и иное помещение, участки местности. Указанные действия осуществляются с целью визуального их изучения, установления конкретного места происшествия (комната, кухня), а также выявления случаев распития участниками происшествия спиртных напитков, наличия предметов и орудий совершения правонарушения, в том числе поврежденного имущества. Эти меры также допустимо отнести к мерам принуждения.

Необходимо учесть, что выполнение задач,

направленных на профилактику правонарушений участковыми уполномоченными полиции, в том числе совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, практически невозможно без непосредственной работы на административном участке. К сожалению, нередко отмечаются случаи, когда данных сотрудников полиции привлекают к исполнению служебных обязанностей, не связанных с работой на обслуживаемом административном участке. «Несмотря на то, что осуществление профилактического обхода административного участка является основной формой несения службы, подсчет служебного времени участковых уполномоченных полиции в течение рабочего дня показал, что временные показатели, затрачиваемые на это направление деятельности, являются самыми низкими» [13, с. 10]. Участковые уполномоченные полиции напрямую заинтересованы в улучшении и оздоровлении криминогенной ситуации в целом на административном участке и в сфере семейно-бытового неблагополучия.

Рассматривая тему совершенствования предупреждения указанных правонарушений, следует отметить недостатки организационного характера, к которым, прежде всего, относится разобщенность в решении вопросов противодействия указанной категории правонарушений как между службами и подразделениями полиции, так и между субъектами профилактики. Как представляется, существующие проблемы в деятельности полиции в этой области следует решать посредством совершенствования системы административно-правового регулирования, прежде всего на федеральном уровне. Отсутствие действующего федерального закона о профилактике бытового насилия сдерживает дальнейшее развитие государственной системы противодействия ему, не позволяет усовершенствовать и определить объем компетенции субъектов профилактики правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений.

Литература

1. Статистические документы ГИАЦ МВД России. Данные за янв.–дек. 2015 г.
2. Убийство 6 детей в Нижнем Новгороде: после расправы над семьей сектант-шизофреник убил свою мать. URL: http://www.topnews.ru/news_id_80477.html

Bibliography

1. Statistical data of the «Main information and analysis center of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation» of the Ministry of Internal Affairs of Russia. January–December, 2015.
2. Killing 6 children in Nizhny Novgorod: sectarian schizophrenic killed his mother after the mas-

3. Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
4. Антонян Ю. М. Множественные убийства: природа и причины: моногр. М., 2012.
5. Законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» № 1183390-6. URL: <http://www.duma.gov.ru>
6. Равнюшкин А. В., Семенистый А. В. Административно-правовые средства полицейского противодействия семейно-бытовым правонарушениям // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по матер. ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) / под ред. Ю. Е. Аврутина, А. И. Каплунова. СПб., 2016.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: законопроект № 957581-6. URL: <http://duma.gov.ru>
8. О внесении дополнения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: законопроект № 1018744-6. URL: <http://www.duma.gov.ru>
9. Медведева В. В. Действия органов внутренних дел при поступлении заявлений и сообщений о бытовых хулиганствах: проблемы правовой регламентации и организации деятельности // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2008. № 1 (6).
10. Куянова А. В. Предупреждение участковыми уполномоченными полиции правонарушений в семейно-бытовой сфере // Вестн. Барнаула. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 1 (30).
11. Равнюшкин А. В., Левин П. Н., Гайдук А. А. О правовых и организационных аспектах деятельности полиции по защите прав и законных интересов граждан в сфере семейно-бытовых отношений // Проблемы права. 2015. № 1 (49).
12. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166. URL: <http://www.rg.ru/2013/03/27/uchastkovie-dok.html>
13. Расчет рабочего времени участкового уполномоченного полиции по основным направлениям деятельности: анализ. обзор. Барнаул, 2016.
- sacre of the family. URL: http://www.topnews.ru/news_id_80477.html.
3. Ilina O. Yu. Private and public interests in family law of the Russian Federation: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2006.
4. Antonyan Yu. M. Multi-kills: nature and reason: monograph. Moscow, 2012.
5. About the prevention of domestic violence: bill № 1183390-6. URL: <http://www.duma.gov.ru>
6. Ravnushkin A. V., Semenisty A. V. Administrative legal means of police counter to domestic offences // Actual problems of administrative and administrative-procedural law: collection of articles on materials of annual all-Russian scientific-practical conference (Sorokin reading) / ed. by J. E. Avrutin, A. I. Kaplunova. St. Petersburg, 2016.
7. Russian Federation Administrative Offences Code: bill № 957581-6. URL: <http://duma.gov.ru>
8. On amendments to the Russian Federation Administrative Offences Code: bill № 1018744-6. URL: <http://www.duma.gov.ru>
9. Medvedev V. V. Activities of Internal Affairs bodies upon receipt of the statements and reports of domestic hooliganism: problems of legal regulation and activity organization // Bulletin of Vladimir Law Institute. 2008. № 1 (6).
10. Kuyanov A. V. Prevention of offences in the family and domestic sphere by police district officers // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1 (30).
11. Ravnushkin A. V., Levin P. N., Gaidukov A. A. Legal and organizational aspects of police activity on protection of rights and legitimate interests of citizens in the sphere of family-domestic relations // Problems of Law. 2015. № 1 (49).
12. The organization of the police district officers' activities: order of the Ministry of Internal Affairs of 31.12.2012 № 1166. URL: <http://www.rg.ru/2013/03/27/uchastkovie-dok.html>
13. Calculation of police district officers' duty hours for the main areas of activities: an analytical review. Barnaul, 2016.

© 2017 г. М. В. Пчельников,

доцент кафедры уголовного права и криминалистики Донского государственного
технического университета кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: pchelnikov-m@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА МИРОВОМ, НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ (МЕСТНОМ) УРОВНЯХ

Статья посвящена рассмотрению особенностей сложившейся системы экологических прав человека на различных уровнях экологической политики. Автор анализирует природу правовой экологической политики, этапы ее становления, динамику, роль уровней власти в реализации экологических прав человека.

Ключевые слова: окружающая среда, экологическая политика, власть, государство, местное самоуправление, экологические права, права человека.

M. V. Pchelnikov – Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Don State Technical University.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL RIGHTS AT THE GLOBAL, NATIONAL AND REGIONAL (LOCAL) LEVELS

The article deals with the peculiarities of the existing system of environmental human rights at various levels of environmental policy. The author analyzes the legal nature of environmental policy, stages of its formation, dynamics, the role of levels of government in the implementation of environmental human rights.

Key words: environment, environmental policy, power, state, local government, environmental law, human rights.

Охрана окружающей среды занимает одну из верхних строчек в рейтинге актуальных проблем не только государства, но и каждого человека. Решение этой проблемы тесно связано с необходимостью учета также экологических интересов человека, общества и государства при осуществлении природопользования. С одной стороны, если государство установит минимальные экологические ограничения для природопользователей и небольшие размеры санкций за экологические правонарушения, то это может катастрофически отразиться на состоянии экологии. С другой стороны, если государство, заботясь о благоприятной окружающей среде, потребует от природопользователей соблюдения неоправданно жестких экологических правил, придерживаться которых будет сложно без понесения ими значительных материальных, организационных, временных и иных потерь, то социальные и экономические последствия такой политики также окажутся весьма спорными.

Полагаем, что существование ряда проблем в данной сфере общественных отношений обуславливает актуальность и необходимость выбранной нами темы исследования.

Сложившиеся сочетания экологических отношений стали во многом определять характер и содержание иных видов отношений – политических, экономических, правовых и т. д. При этом институциональный аспект установления и функционирования действующего политико-правового порядка в сфере эко-

логии может являться той закономерностью социального развития человечества, при которой не может не учитываться природоохранный аспект любой деятельности. Таким образом, «экология становится важным фактором и элементом политического процесса, протекающего как на глобальном уровне, так и на уровне национальных государств» [1, с. 295].

Развитие нашего общества в экологической сфере можно охарактеризовать двумя взаимосвязанными процессами. Во-первых, это возрастание экосоциальных проблем, а во-вторых – осознание общественностью и государством взаимозависимости и взаимосвязи в сфере оптимального управления использованием мировым сообществом природных ресурсов и, соответственно, обеспечения необходимого баланса природных экосистем.

Экологические проблемы и процесс формирования международной экологической политики в последние десятилетия приобрели особую актуальность. Поэтому правовой анализ экологических теорий, понятий и институтов, относящихся к вопросам обеспечения экологических прав человека и экологической безопасности в современном мире, является важной предпосылкой оптимизации процесса принятия правовых и политических решений в экологической сфере с учетом наиболее широкого контекста мирового развития.

Актуальность исследования взаимодействия муниципальной, государственной и ме-

Вопросы гражданского и экологического права

ждународной экологической правовой политики, относящейся к проблеме как декларации, так и реализации экологических прав человека, не вызывает сомнений. Процесс возникновения, дальнейшего изучения и решения экологических проблем представляет собой непростой путь становления экологических интересов в качестве составляющих социальных процессов.

Возникновение и формирование вопросов в сфере экологии и охраны окружающей среды сначала на местном и региональном уровнях, а в дальнейшем и на уровне суверенных государств позволяет предположить, что заключительным этапом будет решение проблем экологических прав человека на международном уровне. Следует отметить, что именно международные акты в области охраны окружающей среды и соблюдения прав человека служат сегодня вектором дальнейшего экологического развития государств.

Современное состояние экологических прав человека в нашем обществе определяет правовой порядок в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Отметим, что необходимо иметь в виду не только исключительно антропоцентрический подход к охране окружающей среды, но и более широкое понимание обеспечения устойчивого развития всей планетарной экосистемы.

Не подлежит сомнению тот факт, что проблемы обеспечения сохранности и восстановления природной среды, экономного использования и воспроизводства природных ресурсов, предотвращения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидации ее последствий носят общечеловеческий характер и связаны, прежде всего, с местом человека в природе и обществе, обеспечением его неотъемлемого права на благоприятную окружающую среду. Как указывает А. И. Вакула, человек (индивид) представляет собой «начальное единство биосоциальных свойств и качеств, воплощающихся в человеческой личности, а также естественных прав, которые трактуются как неотъемлемые» [2, с. 132]. Многогранность и сложность общественных отношений в сфере охраны окружающей человека природы обуславливают необходимость их урегулирования нормами не только морали, но и большим спектром правовых норм.

На сегодняшний день в целях решения экологических проблем законодательными органами принят огромный массив различных по сфере действия и юридической силе нормативных правовых актов, общее количество кото-

рых, по оценкам экспертов, превышает несколько тысяч. Конституция Российской Федерации 1993 года [3, ст. 4398] провозглашает права и свободы человека высшей ценностью (ст. 2). Экологические права человека служат основным компонентом государственной политики в сфере экологии. Их центром становится правовой институт, который регулирует право каждого на благоприятное состояние окружающей среды. Это право, являясь элементом правового статуса личности, установлено ст. 42 Конституции РФ, оно «выступает как базовое и основополагающее право человека и гражданина и связано с обеспечением нормальных экономических, экологических и эстетических условий его жизни» [4, с. 58].

В нашем исследовании рассматриваются особенности формирования системы экологических прав человека в региональной и национальной экологической политике, анализируется природа экологической политики, а также роль различных уровней власти в реализации экологических прав человека.

Одними из часто декларируемых заявлений федеральных и региональных властей является решение проблем экологического благополучия территорий. Полагаем, что основой для установления экологической политики в государстве и регионе должно быть ясное понимание всего состояния окружающей среды, ее влияние на человека и дальнейшие тенденции ее развития. Сама идея о необходимости проведения региональной экологической политики, не только реализующейся, но и вырабатываемой не федеральным центром, а именно региональными и местными органами власти и самоуправления, в нашей стране все еще нова – она пока не овладела по большей части ни сознанием граждан, ни убеждением политической воли субъектов власти на всех уровнях управления [5, с. 155].

Следует отметить, что понимание опасности экологической угрозы для общества возникало постепенно, система экологических прав человека в международном праве и политике в XX веке создавалась десятилетиями, в течение нескольких этапов. Первый этап данного процесса начался с принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 году и завершился в 1972 году решениями Стокгольмской конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде. Именно в этот период человечество пришло к осознанию значимости прав человека в современном обществе. Однако до 70-х годов прошлого века экологическая группа прав человека не выделялась, хотя, несомненно, они включались в право на здоровье и

на достаточный уровень жизни.

Второй этап формирования экологических прав (1972–1992 годы) связан, прежде всего, с конференцией ООН по окружающей среде 1972 года в Стокгольме. Основным результатом этой конференции стало принятие Декларации принципов и Плана мероприятий, которые закрепили экологические права человека и установили меры, необходимые для принятия государствами в целях их обеспечения.

Одобрение Генеральной Ассамблеей ООН в 1980 году Всемирной хартии природы стало знаковым событием для институционализации экологической политики. В этом акте международного права установлен перечень важнейших принципов сотрудничества наций в сфере обеспечения охраны окружающей среды и рационального природопользования, в соответствии с которыми всякая деятельность человека и общества должна проходить оценку ее влияния на природу.

Всемирная хартия природы включает в себя пять принципов:

- ненарушения основных природных процессов;
- сохранения генетического разнообразия;
- рационального использования природных ресурсов;
- защиты природы от разграбления в результате войны или иных враждебных действий.

В этом значимом международном акте вновь были подтверждены и развиты главные принципы надгосударственного сотрудничества в экологической природоохранной сфере.

На исходе второго тысячелетия мировым сообществом стала признаваться взаимосвязь между необходимостью обеспечения устойчивого развития человеческой цивилизации и экологической безопасности, что и послужило началом третьего этапа развития экологических прав (1992–2002 годы).

Наиболее важными документами данного этапа являются, несомненно, Декларация Рио (Конференция ООН по окружающей среде и развитию 1992 года) и Орхусская конвенция (Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды 1998 года). В период с 1992 по 2002 год на целом ряде международных конференций, проходивших под эгидой ООН, включая Международную конференцию по финансированию развития, а также конференцию министров в Дохе, обсуждались различные экологические аспекты развития цивилизации.

Современный, четвертый, этап формирования экологических прав человека связан с решениями экологического саммита, состоявшегося в ЮАР в 2002 году и принявшего Йоханнесбургскую декларацию по устойчивому развитию. Экологические права человека стали рассматриваться в контексте мировых процессов глобализации. В экологической политике главный акцент сделан на проблемах искоренения нищеты, изменения моделей общественного потребления и производства, рационального и оптимального использования ресурсов окружающей среды и охраны природы как главных целей и потребностей достижения устойчивого развития общества.

Следует отметить, что в п. 169 Плана выполнения решений всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию внимание обращено на необходимость дальнейшего исследования такого аспекта взаимодействия общества и экологии, как связь между окружающей природной средой и экологическими правами человека, включая право на развитие.

Институционально-правовой анализ экологической правовой политики нашей страны показал: «отношение человека и природы является общим контекстом экологических отношений, которые следует рассматривать как вид общественных отношений, возникающих по поводу реализации потребностей и интересов личности, общества и государства в сфере природопользования и охраны окружающей среды» [6, с. 27].

Динамика развития экологических прав человека на мировом, национальном и региональном (местном) уровнях свидетельствует о том, что политика признания и реализации прав человека «заключается в уточнении элементов рассматриваемого права, его взаимосвязи с реализацией мировой стратегии обеспечения устойчивого развития, а также четком осознании невозможности обеспечения экологических прав человека на уровне отдельно взятого государства» [6, с. 120]. Кризис в сфере экологии в настоящее время является угрозой экологическим правам человека в планетарном масштабе, и преодолеть его возможно только объединенными усилиями всего мирового сообщества на национальном и региональном уровнях.

Реализация экологических прав человека связана, прежде всего, с провозглашаемым принципом сотрудничества государств и отдельных индивидов в духе всемирного партнерства с целью защиты, охраны и восстановления целостности экосистемы планеты в целях обеспечения прав на благоприятную среду обитания.

Вопросы гражданского и экологического права

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Национальная, региональная и местная политика в сфере защиты экологических прав человека входит в систему международной, и вопросы экологических прав человека, обеспечения благоприятной среды обитания успешнее всего решаются при участии в этом процессе всех заинтересованных и активных граждан.

Экологическое законодательство современных государств может быть признано эффективным механизмом в реализации права человека на здоровую, плодотворную жизнь в гармонии с окружающим миром и необходимым условием для обеспечения экологической безопасности. Таким образом, основанная на провозглашаемых международными и национальными актами принципах в сфере прав

человека национальная внутренняя и внешняя экологическая политика государства будет способствовать обеспечению национальной и международной экологической безопасности, эффективной реализации экологических прав человека.

На практическую реализацию данной тенденции в нашей стране направлены утвержденные в 2012 году Президентом РФ «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [7]. Такая политика призвана определить необходимый алгоритм для решения экологических и природоохранных задач для дальнейшего устойчивого развития государства, создания эффективной системы реализации экологических прав человека и снижения экологических рисков.

Литература

1. Пчельников М. В. Право на благоприятную окружающую среду как основа современной национальной экологической политики // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: сб. науч. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 апр. 2015 г. Минск, 2015.

2. Вакула А. И. Концепция гражданского общества в трудах Б. Н. Чичерина // Философия права. 2009. № 6.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голос. 12.12.1993 (с учетом поправок, внес. Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

4. Исакова Ю. И., Пчельников М. В. Экологическое право: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2015.

5. Третьякова А. А. Экологические права граждан: основы правового регулирования на общеевропейском и национальном уровнях в государствах – членах Европейского союза // Экологическое право России на рубеже XXI века: сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов каф. экологического и земельного права юрид. фак. МГУ им. Ломоносова. М., 2000.

6. Пчельников М. В. Экологическая правовая политика Российской Федерации: институционально-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

7. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом Рос. Федерации 30.04.2012). URL: <http://www.president.kremlin.ru>

Bibliography

1. Pchel'nikov M. V. The Right to a healthy environment as the basis of modern national environmental policy // State regulation of economy and increase of efficiency of activity of economic entities: collection of scientific articles XI International scientific-practical conference. Minsk, April 16–17, 2015. Minsk, 2015.

2. Vakula A. I. The Concept of civil society in the works of B. N. Chicherin // Philosophy of Law. 2009. № 6.

3. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKL, from 30.12.2008 № 7-FKL, from 05.02.2014 № 2-FKL, from 21.07.2014 № 11-FCL) // Collected legislation of the Russian Federation. 04.08.2014. № 31. Art. 4398.

4. Isakova Y. I., Pchel'nikov M. V. Environmental law: textbook. Rostov-on-Don, 2015.

5. Tretyakova A. A. Ecological rights of citizens: the legal framework at European and national levels in the member States of the European Union // Environmental law of Russia at the turn of the XXI century: collection of scientific articles of teachers and post-graduate students of the Department of environmental and land law Department of Moscow state University. University. Moscow, 2000.

6. Pchel'nikov M. V. Environmental legal policy of the Russian Federation: legal and institutional analysis: dis. ... PhD in law. Rostov-on-Don, 2009.

7. Principles of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period until 2030: approved by the President of the Russian Federation 30.04.2012. URL: <http://www.president.kremlin.ru>

© 2017 г. А. В. Гундаров,

преподаватель кафедры обеспечения безопасности на объектах транспорта Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.
E-mail: gundarof@yandex.ru

Т. С. Колесова,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина кандидат юридических наук.
E-mail: virgou@km.ru

А. В. Максименко,

помощник начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по правовой работе) – начальник отделения (правовое отделение) кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: mav1202@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В статье проводится анализ сложившегося международного опыта информационно-аналитической деятельности в правоохранительной сфере. Рассматриваются основные тенденции и проблемные аспекты организации и эффективности данной деятельности, причины и условия, влияющие на уровень обеспеченности деятельности правоохранительных органов качественной информацией.

Ключевые слова: информационно-аналитическая деятельность, персональные данные, правоохранительная система, информация, кадровое обеспечение.

A. V. Gundarov – Senior Lecturer, Department of Security on Transport, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putin.

T. S. Kolesova – Senior Lecturer, Department of Civil Law disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putin, Phd in law.

A. V. Maksimenko – Assistant Chief (for legal work) – Head of the Department (legal department) of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putin, PhD in Law, Associate Professor.

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF THE INFORMATION-ANALYTICAL ACTIVITIES IN THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM

The article analyzes the existing international experience information and analytical activities in the field of law enforcement. Examines the main trends and problematic aspects of organization and efficiency of this activity, the causes and conditions influencing the level of availability of law enforcement activities better information.

Key words: information-analytical activity, personal information, the law enforcement system, information, staffing.

Уровень развития современного общества, продолжающиеся процессы интеграции и глобализации, признанный всеми выход взаимодействия между субъектами за пределы территориальных границ отдельных государств не могут не учитываться в организации работы правоохранительных органов как каждой конкретной страны, так и на международном уровне. Особую значимость данное обстоятельство приобретает применительно к такому направлению деятельности системы правоохранительных органов, как информационная аналитика.

Под информационно-аналитической деятельностью принято понимать совокупность

целенаправленных действий исследовательско-познавательного характера, осуществляемых специализированными подразделениями правоохранительных органов с помощью информационных технологий, системы организационных мероприятий и методических приемов при изучении явлений, представляющих оперативный интерес [4, с. 27]. Информационно-аналитическое обеспечение как один из основных элементов организации работы системы правоохранительных органов в целом сводится, во-первых, к информационно-поисковой работе, направленной на поддержку оперативно-разыскной деятельности,

во-вторых, к аналитической работе, направленной на поддержку принятия стратегических решений в этой сфере и координацию деятельности правоохранительных органов [2, с. 79].

Особая актуальность и важность аналитической работы правоохранительных органов для выявления объективной картины преступности в государстве были отмечены В. В. Путиным еще в 2001 году на Всероссийском совещании прокуроров: «Просил бы Вас уделить внимание совместному с другими правоохранительными органами анализу состояния преступности, прогнозированию тенденций ее развития» [1].

Необходимость в использовании информации правоохранительными органами неуклонно возрастала на протяжении последнего полувека. Полицейские информационные системы, ранее существовавшие в виде архивов с информационными картотеками, развивались в соответствии с информационными технологиями в рамках специального программного обеспечения и навыков профессионального анализа преступности. Применение информации также становится все более необходимым. В стратегическом и тактическом плане данные могут быть использованы для принятия более точных и оправданных решений.

Рассматриваемый вопрос представляет интерес не только в рамках деятельности правоохранительных органов одного конкретного государства, но и на международном уровне. В настоящее время разработан ряд международных нормативных правовых актов, направленных на выработку общих принципов и подходов организации информационно-аналитической деятельности в системе правоохранительных органов, позволяющих оптимальным образом сбалансировать защиту интересов общества по предотвращению и сдерживанию уголовных преступлений и поддержанию общественного порядка, с одной стороны, и интересов личности и ее права на неприкосновенность частной жизни, с другой стороны [6, с. 53]. К ним следует отнести Конвенцию Совета Европы 1981 года о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (ратифицирована Российской Федерацией в 2005 году) (далее – Конвенция) [7], Рекомендацию Комитета министров Совета Европы № R(87)15 1987 года об использовании персональных данных в деятельности полиции (далее – Рекомендация), Дополнительный протокол 2001 года к Конвенции Совета Европы 1981 года о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, касающийся наблюдательных органов и трансграничной передачи данных (ратифици-

рован Российской Федерацией в 2006 году) и др.

В рамках Европейского союза рассматриваемый вопрос урегулирован в положениях ряда директив. Например, в Директиве 95/46/ЕС о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных введены критерии для легитимации обработки данных (ст. 7), расширены случаи ограничения права на защиту персональных данных (ст. 13), предусмотрено создание органов надзора и др., а в Директиве 2002/58/ЕС, касающейся обработки персональных данных и охраны тайны частной жизни в секторе электронных коммуникаций, закреплен принцип конфиденциальности (ст. 15), запрещающий прослушивание, перехват, хранение и другие виды вмешательства или наблюдения со стороны третьих лиц без согласия заинтересованного лица, предусмотрено исключение из принципа конфиденциальности для случаев защиты национальной безопасности, общественного порядка и т. д. Также в целях предотвращения, выявления и расследования террористических действий и других тяжких преступлений Решением Совета Европейского Союза 2008/633/JHA предусмотрен консультационный доступ к Визовой информационной системе (ВИС) уполномоченными служащими государств – членов Европола.

Для Содружества Независимых Государств правовое регулирование рассматриваемого вопроса сосредоточено в положениях модельного закона стран СНГ «О персональных данных», принятого постановлением на четырнадцатом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 16 октября 1999 года. В указанном модельном законе подробно раскрывается правовой режим персональных данных (ст. 4), приводятся основные формы государственного регулирования действий держателей персональных данных, а именно лицензирование действий с персональными данными, регистрация баз персональных данных, регистрация держателей персональных данных, сертификация информационных систем, предназначенных для обработки персональных данных (ст. 5), предлагается создание специальных органов, деятельность которых дополняет существующие возможности защиты прав субъектов (ст. 16), описываются права субъекта персональных данных, права и обязанности держателя персональных данных (ст. 12, 13), ряд других норм, связанных с названным институтом [11]. Интересно отметить, что только в пяти государствах СНГ (Россия, Республика Молдова, Армения, Украина, Азербайджан) разработаны и приняты специаль-

ные нормативные правовые акты, направленные на защиту персональных данных.

Имеющийся опыт позволяет определить основные общие тенденции и проблемы, которые возникают при организации информационно-аналитической деятельности в системе правоохранительных органов. При этом одним из ключевых аспектов выступает повышенное внимание к защите персональных данных. Личный характер данных отдельных видов информации, а также использование для их получения методов, связанных с вторжением в частную жизнь, придают особую значимость механизмам надзора и мер по обеспечению безопасности. Развитие информационных технологий привело к появлению новой необходимости защиты личных данных [3, с. 50; 5, с. 27]. Именно по этой причине в приведенных выше нормативных правовых актах международного характера разработке понятия персональных данных и принципов обращения с ними, в том числе для целей деятельности правоохранительных органов, уделено особое внимание. Так, согласно Конвенции под персональными данными понимается любая информация об определенном или поддающемся определению физическом лице («субъекте данных») [7]. Если персональные данные подвергаются автоматизированной обработке, то должны быть соблюдены следующие правила. Персональные данные собираются и обрабатываются на справедливой и законной основе; хранятся для определенных и законных целей и не используются иным образом, несовместимым с этими целями; являются адекватными, относящимися к делу и не чрезмерными для целей их хранения, точными и, когда это необходимо, обновляются; сохраняются в форме, позволяющей идентифицировать субъекты данных, не дольше, чем это требуется для целей хранения таких данных. Персональные данные, касающиеся расовой принадлежности, политических взглядов или религиозных или других убеждений, а также здоровья или половой жизни, не могут подвергаться автоматизированной обработке, если законодательство не устанавливает соответствующих гарантий. Это положение действует также в отношении персональных данных, касающихся судимости. Использование личных данных осуществляется только при наличии согласия субъекта таких данных. При этом допускается отступление от названного выше режима в том случае, если подобное отступление предусматривается законодательством конкретного государства и является необходимой в демократическом обществе мерой, принимаемой в интересах: а) защиты безопасно-

сти государства, общественной безопасности, валютно-кредитных интересов государства или пресечения уголовных преступлений; б) защиты субъекта данных или прав и свобод других лиц. Практика реализации данного конвенционного положения в различных государствах показывает, что если данные необходимы для предотвращения преступлений или борьбы с преступностью, допускаются исключения в отношении согласия субъекта, но остальные ограничения остаются в силе.

Существует понятие «закрытая информация», которая является секретной. На таких данных ставится пометка, предназначенная для их защиты. В связи с различиями между пометками и грифами, которые используются в разных странах, в правительственных и военных организациях, действующих на международной основе (таких, как ЕС или НАТО), вошли в практику «таблицы соответствия» с указанием наименования всех уровней секретности и расшифровкой каждого термина, например: «restricted» (для служебного пользования), «confidential» (конфиденциально), «secret» (секретно) и «top secret» (совершенно секретно) и т. д. [10].

Если информация помечается одним из этих грифов, использование данных определяется специальными ограничениями, а доступ к ним могут получить только лица с соответствующим уровнем допуска. Специальные ограничения в отношении работы с информацией могут касаться не только лиц, которые имеют право получать закрытую информацию, но и условий ее получения, носителей, способов передачи и порядка ее уничтожения. Возможны варианты, при которых по государственному законодательству о деятельности правоохранительных органов информация, находящаяся в их ведении или собранная ими, автоматически считается закрытой, хотя ее содержание не является конфиденциальным.

В странах, где имеются законы о защите данных и неприкосновенности частной жизни, создается официальный независимый орган по надзору, в который можно подать жалобы и который уполномочен проводить проверки и давать обязательные к исполнению указания по обращению с личными данными. Например, в странах СНГ такой орган действуют в Республике Молдова (Национальный центр по защите персональных данных Республики Молдова). В этом плане также можно назвать Федеральную комиссию по защите персональных данных, созданную в Германии, и комиссаров по защите персональных данных, которые назначаются практически в каждой из германских земель, Комиссара по защите персональной информации в Канаде, являющегося специальным

чиновником, назначаемым и ответственным перед парламентом, Комиссариат по защите информации в Великобритании, выступающий независимым агентством, обеспечивающим соблюдение действия законодательства в рассматриваемой сфере, Национальную комиссию по информатике и свободам во Франции [17].

Кроме того, субъект данных имеет право на защиту в суде при ненадлежащем использовании его личных данных в той или иной форме. На международном уровне указанное право может быть реализовано путем обращения субъекта, например, в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Анализ сложившейся на сегодняшний день опубликованной Секретариатом ЕСПЧ практики по защите персональных данных субъектов от незаконного вмешательства со стороны правоохранительных органов свидетельствует о стремлении ЕСПЧ найти баланс между частными интересами каждого человека и общественными интересами, защищаемыми правоохранительными органами. По мнению суда, государства не могут во имя борьбы со шпионажем и терроризмом принимать какие угодно меры, которые они считают необходимыми [12]. Именно по этой причине в тех случаях, когда использование персональных данных правоохранительными органами являлось незаконным, ЕСПЧ выносил решение в пользу заявителей [13, 14] и отказывал в признании нарушенного права, если правоохранительные органы тех или иных государств действовали в рамках закона, преследуя цели обеспечения общественного порядка, государственной безопасности и т. п. [15, 16].

Еще одним существенным вопросом в информационно-аналитической деятельности системы правоохранительных органов различных государств является кадровое обеспечение. Эффективная практика оценки значимости информации, надежности источника ее получения, совместимости ее с другими данными осуществляется аналитиком. Существуют две основные категории анализа: стратегический анализ, обеспечивающий более детальный обзор и имеющий долгосрочную перспективу, и тактический анализ, который фокусируется на непосредственных оперативных вопросах. Стратегическая информация и данные отображают тенденции возникающих угроз. Тактическая информация и данные отображают конкретную ситуацию или текущую операцию, часто в режиме реального времени. Качественно проведенный анализ позволяет аналитику сделать заключение в контексте всех данных, предположить развитие событий и сформировать рекомендации по возможным вариантам действий.

Работа по проведению анализа может быть начата с самостоятельного выявления аналитиком аномалий, тенденций или связей в процессе общего исследования, однако чаще она регулируется руководителями, которые задают вопросы или ставят определенные задачи. Результаты могут быть представлены в различных форматах в зависимости от требований и установок. Они могут варьироваться от подробных отчетов о сложных стратегических вопросах до короткого устного доклада о конкретной операции. Качественный анализ должен быть убедительным, кратким и доступным, с четкими и недвусмысленными рекомендациями, убедительными доказательствами. К сожалению, если информационные потоки, источники и навыки аналитика оказываются недостаточными, аналитический продукт будет некачественным.

В связи с «деликатным» характером, важностью информации сотрудники для работы с ней должны иметь более высокий уровень деловых качеств. Проверка проходит с помощью системы безопасности, которая изучает психологическое состояние и оценивает риск. Квалифицированные и опытные аналитики становятся ключом к достижению эффективного использования информации и разведки. Обучение аналитиков довольно дорогостоящее, и если их работа недооценивается, то они переходят в частный сектор, где имеют возможность получать большее вознаграждение за свои услуги. Сохранение кадров является признанной проблемой.

С указанной проблемой тесно связаны недостаточность и своевременность материально-технического обеспечения информационно-аналитической деятельности. Информационный продукт, подготовленный аналитиком, служит основой в расследовании преступлений. Компьютерные базы данных, которые часто недооцениваются, требуют значительных инвестиций. Так, несмотря на повсеместное использование ДНК в расследовании преступлений, опыт деятельности правоохранительных органов различных государств свидетельствует о том, что данное относительно новое направление не получает необходимой технической поддержки, и это является препятствием в эффективной реализации всех его возможностей. Данная проблема не затрагивает такие международные правоохранительные организации, как Интерпол, который имеет также базы данных отпечатков пальцев, по утере или краже проездных документов (SLTD), по сексуальному насилию над детьми, копии похищенных произведений искусства, базы данных по похищенным транспортным средствам и т. д. [9].

Не последнее место в ряду актуальных проблем информационно-аналитической дея-

тельности в системе правоохранительных органов в рамках международного масштаба занимает организация взаимодействия, обмен соответствующей информацией. Обмен информацией является обратной стороной организации информационно-аналитической деятельности, основанной на взаимной выгоде. Вопросам обмена информацией между правоохранительными органами также посвящены положения рассмотренных выше нормативных правовых актов. Например, в ст. 5.1 Рекомендации прямо устанавливается, что передача данных между полицейскими органами для оказания помощи в достижении целей полиции разрешается исключительно в случаях, если существует правомерный интерес к такой передаче информации в пределах полномочий указанных органов. При этом передача данных другим публичным учреждениям или частным лицам разрешается только в особых случаях, к которым относятся: наличие соответствующего разрешения на передачу информации, необходимости в получении подобных данных для целей осуществления получателем своих законных обязанностей, разрешения субъекта данных или обстоятельств, позволяющих очевидно предположить возможность такого согласия; уверенность в том, что передача информации является необходимым условием для предотвращения серьезной и неизбежной опасности. Относительно международного обмена информацией Рекомендация устанавливает запрет для органов полиции на передачу данных зарубежным учреждениям (ст. 5.4). Она становится возможной только в случае наличия национального или международного законодательства по данному вопросу или в случае, если передача информации является необходимой для предотвращения серьезной и неизбежной опасности либо для предотвращения серьезного уголовного правонарушения в соответствии с нормами общего права, при условии, что не нарушается национальное законодательство по защите человека.

Достаточно высокий уровень организации взаимодействия между ведомствами по обмену информацией возможно проследить на примере Италии. В частности, в МВД Италии создано подразделение – Центр по обработке оперативной информации, главной задачей кото-

рого является обмен поступающими данными в отношении деятельности мафиозных групп со службой Верховного комиссара по борьбе с мафией, Корпусом карабинеров, Финансовой гвардией, местами лишения свободы, где содержатся «мафиози», и с центрами координации и планирования оперативной деятельности подразделений МВД, расположенных в 12 наиболее крупных городах Италии (Риме, Турине, Милане, Неаполе и др.). Кроме того, такое оперативно-техническое подразделение МВД Италии, как Центр по изучению обстановки, осуществляет разнообразную деятельность, в том числе с применением технических средств по сбору оперативной информации об организованной преступности и ее передаче в оперативные подразделения министерства. На него возложено также поддержание постоянной связи с находящимися в Италии представительствами ФБР, Управления по борьбе с наркотиками и Таможенного управления США, а также с аналогичными службами стран Евросоюза в целях обеспечения четкого и оперативного обмена информацией об организованной преступности [8, с. 41].

При этом следует также учитывать и тот факт, что для большинства государств не всегда представляется возможным легко установить взаимодействие с другими ведомствами внутри страны или за рубежом. Основными причинами являются правовые нормы, ограничивающие обмен данными (особенно персональными данными), или опасения по соображениям безопасности, а также различия в целях и задачах таких ведомств, отсутствие необходимой координации их деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости комплексного подхода к решению вопроса о повышении эффективности информационно-аналитической деятельности в правоохранительных органах. Принимаемые меры должны быть направлены на обеспечение соответствующего уровня нормативного правового регулирования, кадрового, материального и технического обеспечения, а также содействовать своевременному и эффективно-му взаимодействию между правоохранительными структурами как внутри государства, так и на международном уровне.

Литература

1. Выступление В. В. Путина на Всероссийском совещании прокуроров 11 января 2001 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/40301>

Bibliography

1. Vladimir Putin's speech at a national meeting of prosecutors on 11 January 2001. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/40301>

2. Гриб В. Г. Противодействие организованной преступности. М., 2001.
3. Киричек Е. В. Социально-экономические и культурные права и свободы – важнейший элемент конституционно-правового положения (статуса) человека и гражданина в Российской Федерации // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2012. № 1.
4. Кубов Р. Х. Информационно-аналитическое и методическое обеспечение уголовной политики в сфере противодействия организованным формам преступной деятельности // Рос. следователь. 2008. № 17.
5. Цурлуй О. Ю. Сравнительный анализ норм, регламентирующих право обжалования процессуальных действий и решений в законодательстве России и стран СНГ // Науч. вестн. Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. 2011. № 14.
6. Федулов В. И. Международно-правовые аспекты защиты прав человека при автоматизированной обработке персональных данных // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Юриспруденция. 2013. № 1.
7. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28 янв. 1981 г.): с изм. и доп. URL: <http://consultant.ru>
8. Шипилов В. В. Международный опыт организации информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Рос. следователь. 2013. № 22.
9. Brown S. D. Criminal Intelligence: Data Prospecting or Seeking Significance // International Association of Law Enforcement Intelligence Analysts (IALEIA) Journal. 2006. № 17. Vol. 1.
10. Law Enforcement Analytic Standards (2004), U.S. Dept of Justice and IALEIA. http://it.ojp.gov/documents/law_enforcement_analytic_standards
11. URL: <http://base.garant.ru/2569222/>
12. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["695387"\],"itemid":\["001-57510"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
13. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{"disp-lay":\["1"\],"dmdocnumber":\["801626"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{)
14. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["695725"\],"itemid":\["001-57848"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
15. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{"disp-lay":\["1"\],"dmdocnumber":\["843937"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{)
16. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{"disp-lay":\["1"\],"dmdocnumber":\["860025"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{)
17. Коровяковский Д. Г. Российский и зарубежный опыт в области защиты персональных данных // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt-v-oblasti-zaschity-personalnyh-dannyh>
2. Grib V. G. Combating organised crime. Moscow, 2011.
3. Kirichek E. V. Socio-economic and cultural rights and freedom – an essential element of the constitutional and legal position (status) of man and citizen in the Russian Federation // Legal science and law practice. 2012. № 1.
4. Kubov R. H. Information-analytical and methodological support of criminal policy in the sphere of combating organized forms of criminal activity // Russian inspector. 2008. № 17.
5. Tsurluy O. Yu. A comparative analysis of the rules governing the right to appeal procedural actions and decisions in the legislation of Russia and CIS // Bulletin of Belgorod state University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2011. № 14.
6. Fedulov V. I. International legal aspects of the protection of human rights with regard to Automatic Processing of Personal Data // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2013. № 1.
7. Convention on the protection of individuals with regard to automatic processing of personal data (Strasbourg, 28 January 1981): changes and additions. URL: <http://consultant.ru>
8. Shipilov V. V. International experience of organization of information support of operational-search activities // Russian inspector. 2013. № 22.
9. Brown S. D. Criminal Intelligence: Data Prospecting or Seeking Significance // International Association of Law Enforcement Intelligence Analysts (IALEIA) Journal. 2006. № 17. Vol. 1.
10. Law Enforcement Analytic Standards (2004), U.S. Dept of Justice and IALEIA. URL: http://it.ojp.gov/documents/law_enforcement_analytic_standards
11. URL: <http://base.garant.ru/2569222/>
12. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["695387"\],"itemid":\["001-57510"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
13. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{"disp-lay":\["1"\],"dmdocnumber":\["801626"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{)
14. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["695725"\],"itemid":\["001-57848"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
15. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{"disp-lay":\["1"\],"dmdocnumber":\["843937"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{)
16. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{"disp-lay":\["1"\],"dmdocnumber":\["860025"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{)
17. Korovyakovskii D. G. Russian and foreign experience in the field of protection of personal data // National interests: priorities and security. 2009. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt-v-oblasti-zaschity-personalnyh-dannyh>

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И ПРАВОПОРЯДОК

УДК 343.97 : 343.85 : 343.575.4
ББК 67.51

© 2017 г. В. Г. Дикарев,

начальник кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВИПК МВД России.
Тел.: 8 (495) 736-91-41.

Ю. Б. Гаврюшкин,

профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВИПК МВД России кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (495) 736-91-41.

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ПРИЧИНАХ РОСТА НАРКОМАНИИ В РОССИИ И СПОСОБАХ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Исследования наркоситуации в России показывают наличие устойчивой тенденции к значительному и постоянному росту потребления наркотических средств и психотропных веществ с одновременным снижением возраста приобщившихся к этому людей. Эпидемия наркомании представляет особую опасность для страны из-за ослабления демографического и социально-экономического потенциала. В статье указаны современные причины активного роста наркомании в России, а также обоснованы возможные способы устранения этих причин.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, государственная антинаркотическая политика, антинаркотическая безопасность, новые синтетические психоактивные вещества.

V. G. Dikarev – Director of the Combating Illegal Drugs Trafficking Department of the International Inter-Agency Drug Fighting Training Centre named after Militia Lt. General A. N. Sergeev of the All-Russian Advanced Training Police Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation.

Yu. B. Gavryushkin – Professor of the Department of the Combating Illegal Drugs Circulation Chair of the International Inter-Agency Drug Fighting Training Centre named after Militia Lt. General A. N. Sergeev of the All-Russian Advanced Training Police Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Phd in Law.

SOME CAUSES OF MODERN DRUG GROWTH IN RUSSIA AND REMEDIES

Study the drug situation in Russia shows the presence of a steady trend in a significant and continuous growth of consumption of narcotic drugs and psychotropic substances, with a simultaneous decrease in the age associated themselves with them people. The epidemic of drug abuse is especially dangerous for the country due to the weakening of the demographic and socio-economic potential. The article stated the reasons for the modern active addiction growth in Russia, and developed possible solutions to these reasons.

Key words: drug trafficking, state anti-drug policy, anti-drug security, new synthetic psychoactive substances.

Тема исследования причин активного роста наркомании в России актуальна сегодня в связи со следующими обстоятельствами. Явление наркомании на территории Российской Федерации затрагивает около 30 млн человек, или практически каждого пятого жителя России. По сведениям Минздрава России, на учете в наркологических учреждениях состоит около 650 тыс. лиц, потребляющих наркотики [9]. В то же время, по экспертным данным, среди потребителей наркотиков в нашей стране насчитывается более 7 млн человек, пре-

имущественно в возрасте от 16 до 35 лет (средняя продолжительность жизни наркомана составляет 15 лет) [9]. На сегодняшний день в России практически нет ни одного города, где не было бы лиц, употребляющих наркотики. Что касается последствий употребления наркотиков для здоровья человека, то средний показатель распространения ВИЧ-инфекции в мире среди лиц, употребляющих наркотики путем инъекций, оценивается на уровне 17,9 % [9]. Это означает, что 2,8 млн человек, которые употребляют наркотики путем инъекций, являются

ВИЧ-инфицированными, а почти каждый пятый из употребляющих наркотики путем инъекций оказывается носителем ВИЧ. Распространенность гепатита С среди лиц, употребляющих наркотики путем инъекций, на глобальном уровне оценивается в 50 % (в диапазоне от 45,2 до 55,3 %) или приблизительно 8 млн человек. Количество случаев со смертельным исходом, вызванных или связанных с употреблением запрещенных наркотиков, согласно оценкам, составляет ежегодно от 104 до 263 тыс., соответственно на один миллион жителей в возрасте от 15 до 64 лет приходится от 23,1 до 58,7 случаев летального исхода, более половины из них – в результате смертельной передозировки. Число заразившихся ВИЧ-инфекцией в России достигло 1 миллиона человек, из которых примерно 53 % связаны с употреблением наркотиков. Такие данные приводит глава Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом центрального НИИ эпидемиологии Роспотребнадзора Вадим Покровский [10].

В результате мониторинга Роскомнадзором сети «Интернет» установлено, что пользователями только одного региона ежемесячно запрашивается информация со словами: «наркотик» – 10 тыс. раз, «спайс» – 7 тыс., «марихуана» – 1 150, «гашиш» – 1 тыс., «героин» – 850. При запросе в поисковых системах фразы «как приготовить амфетамин в домашних условиях» найдено 32 тыс. сайтов, которые в основном содержат информацию о способах изготовления наркотиков в домашних условиях. При запросе в Yandex слова «наркотик» – 46 млн сайтов, «марихуана» – 9 млн, «героин» – 8 млн, «спайс» – 6 млн, «курительные смеси» – 1 млн, «дезоморфин» – 578 тыс. [5].

В России наркомания имеет тенденцию к омоложению. По данным Российского НИИ судебной психиатрии, количество наркоманов-подростков за последние 10 лет возросло в 18 раз. По данным исследований, в разных регионах России 44,8 % несовершеннолетних так или иначе знакомы с употреблением наркотиков [2, с. 48]. В России в начале 2015 года насчитывалось примерно 6 млн людей, употребляющих наркотики, из которых 72 % – молодежь от 14 до 30 лет [9]. Большая часть наркозависимых употребляют героин. При этом наряду с героином существенную угрозу обществу представляет захлестнувший Россию поток новых синтетических психоак-

тивных веществ. Так, в 2016 году в России количество изъятых новых синтетических наркотиков (3 т 547 кг) находится на втором месте после марихуаны (13 т 434 кг), обогнав кокаин (144 кг), гашиш (1 т 354 кг) и наркотики опийной группы (1 т 411 кг), включая героин (965 кг) [6].

Сегодня основными потребителями новых синтетических психоактивных веществ становятся учащиеся техникумов и лицеев, молодые специалисты, работающие в государственных и муниципальных структурах, финансовых, коммерческих учреждениях и на производствах, то есть основной кадровый ресурс и производственный потенциал государства. Указанная возрастная категория граждан также является главной репродуктивной частью населения, и употребление ими психоактивных веществ в перспективе может крайне негативно сказаться на демографической ситуации в стране.

Несмотря на кардинальные изменения в законодательстве в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств (с 2009 по 2015 год было принято 40 федеральных законов, издано 44 указа Президента РФ, принято 105 постановлений Правительства РФ, направленных на борьбу с наркоманией и распространением наркотиков) [4], проблема, связанная с противодействием распространению наркомании в России, остается одной из наиболее значимых. Предпринимаемые правоохранительными органами всевозможные меры, к сожалению, не приносят ожидаемого результата, и уровень наркотизации населения страны остается достаточно высоким.

Долгое время было принято считать, что рост организованной преступности и незаконных вооруженных формирований, связанных с незаконным оборотом наркотиков и пропагандой идей терроризма и экстремизма, исключительным образом определяется социально-экономическими либо политическими факторами. Так, говоря о наркоугрозе, Г. Г. Силласте отмечает, что главным детерминирующим фактором наркоманизации нашего государства является длительный социально-экономический кризис и бедность населения [7]. Эти причины относят и к факторам, способствующим распространению идеологии терроризма и экстремизма.

По мнению Е. В. Ждановой, в конце 90-х годов XX века окончательной победы над не-

законным оборотом наркотиков мешало, помимо прочих нерешенных вопросов, отсутствие закона о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем [1, с. 112]. В 2001 году такой федеральный закон вступил в законную силу, однако, еще несколько лет он «не работал» ввиду того, что отдельные предусмотренные им постановления Правительства РФ не были разработаны и приняты своевременно.

В 2003 году была образована Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. В 2016 году Указом Президента РФ эта служба была упразднена, а ее функции, полномочия и штатная численность переданы Министерству внутренних дел РФ. Последовавшее за этим ухудшение показателей, характеризующих наркоситуацию в стране, объясняется причинами, связанными с мероприятиями по реформированию правоохранительных органов, призванных вести борьбу с незаконным оборотом наркотиков.

В 2010 году неэффективность государственной антинаркотической политики связывалась и с отсутствием государственной системы мониторинга развития наркоситуации, и с отсутствием межведомственной информационно-системы учета лиц и транспортных средств, пересекающих государственную границу [9].

Переломить ситуацию на «антинаркотическом фронте» мешало в том числе и несовершенство правовых мер борьбы с новыми видами наркотических средств и психотропных веществ (дизайнерские наркотики, курительные смеси, спайсы, миксы) [1, с. 111].

Федеральным законом от 03.02.2015 № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] было введено понятие «новые потенциально опасные психоактивные вещества» – вещества синтетического или естественного происхождения, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасные для его жизни и здоровья, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ. Тем не менее в отношении таких веществ не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом.

Данным федеральным законом также закреплено понятие «оборот новых потенциально

опасных психоактивных веществ» – производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, а также сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ (их продажа, дарение, обмен либо отчуждение любыми способами).

Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 234¹ «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ» [11], которая предусматривает уголовную ответственность за незаконное производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, приобретение, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации в целях сбыта, а равно незаконный сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ. Внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях (ст. 4.1, 6.9, 6.10, 6.13, 20.20, 20.22). К сожалению, указанная норма Уголовного кодекса РФ не отменила понятие и уголовную ответственность за оборот аналогов наркотиков, что в будущем может вызывать споры и противоречия при определении ответственности за оборот НПОПВ и аналогов наркотиков [3, с. 44].

На наш взгляд, говорить об эффективности принятых правовых норм пока преждевременно, так как для успешной реализации их на практике необходим комплексный правоприменительный механизм, создание которого потребует повторного акта нормотворчества, но уже на подзаконном уровне.

Еще одной из особо значимых причин роста наркомании в стране следует назвать стремительный и неуклонный рост преступного «профессионализма» и высокую организованность наркобизнеса. Наркосбытчики хорошо осведомлены о методах работы полиции и, в частности, о тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий, таких как проверочная закупка и контролируемая поставка. Они понимают, какому риску подвергаются, непосредственно (напрямую) общаясь с покупателями наркотиков, поэтому разрабатывают новые схемы наркосбыта, которые существенно затрудняют работу сотрудников антинаркотических структур по выявлению, фиксированию и доказыванию факта прода-

жи. Кроме того, наркосбытчики, стремясь обезличить себя, не только прибегают к услугам посредников, но и используют при сбыте наркотиков современные технические средства и программное обеспечение.

При этом характерным способом сбыта наркотиков является бесконтактный способ с использованием сети «Интернет» и электронных платежных систем. Доставка в регионы осуществляется посылками почтовой службы, розничное распространение производится курьерами методом закладки в тайниках [8, с. 11].

Слабый контроль за миграционными процессами оказывает также негативное влияние на наркоситуацию в России. Так, по словам руководителя Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России А. И. Храпова, в преступную деятельность по перевозке и распространению наркотиков на территории Российской Федерации вовлекаются трудовые мигранты, которые отправляются в Россию на заработки. В частности, на Украине налажен процесс массовой вербовки граждан страны, отправляющихся в нашу страну на заработки, их набирают на вполне законные позиции экспедиторов и курьеров, которые должны доставлять из Украины в Россию различные грузы. В итоге все заканчивается перевозкой наркотиков по определенным адресам в России. В настоящее время правоохранительными органами задержано 70 человек, являющихся наркокурьерами [9].

Не менее значимой причиной роста наркомании в стране является недостаточная организация национальной системы социальной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков. В соответствии с законодательством контроль за деятельностью реабилитационных центров относится к компетенции субъектов Российской Федерации, однако в настоящее время полностью функ-

ционируют только 4 реабилитационных центра. Кроме того, в стране насчитывается порядка 500 центров немедицинской социальной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков, созданных некоммерческими неправительственными организациями, функционирующих без должного контроля и поддержки со стороны государства [9].

Представляется, что отсутствие положительных результатов на протяжении столь длительного времени свидетельствует о том, что реально применяемые меры и направления борьбы с незаконным оборотом наркотиков неадекватны существующей наркоугрозе.

Сегодня не существует универсального метода решения проблемы наркомании в России, остановить распространение наркотиков среди населения нашей страны можно только принятием комплексных мер, как полицейских, так и социальных, направленных на кардинальное снижение внутреннего спроса на наркотики. В дополнение к полицейским мерам противодействия и пресечения незаконного оборота наркотических средств, мерам по выявлению, предотвращению их распространения, в том числе по изъятию наркотиков, ликвидации наркопроизводства требуется постоянное проведение мониторинга наркоситуации в Российской Федерации с обязательным учетом его результатов для принятия управленческих решений в сфере борьбы с наркотической угрозой. Кроме того, необходимо наладить взаимодействие правоохранительных органов и общественных организаций, совершенствовать систему профилактической, лечебной и реабилитационной работы с лицами, потребляющими наркотики в немедицинских целях. Все эти меры позволят эффективно решить базовую задачу государственной антинаркотической политики – сохранить жизнь и здоровье народа.

Литература

1. Жданова Е. В. Понятие и значение антинаркотической безопасности в Российской Федерации // Науч. портал МВД России. 2015. № 1.
2. Ишимова А. Е. Проблема наркомании в России // Молодой ученый. 2015. № 6.
3. Особенности противодействия распространению новых синтетических наркотических средств и психоактивных веществ: учеб.-

Bibliography

1. Zhdanova E. V. The concept and importance of anti-drug security in the Russian Federation // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1.
2. Ishimova A. E. The problem of drug addiction in Russia // Young scientist. 2015. № 6.
3. Peculiarities of counteracting the spread of new synthetic narcotic drugs and psychoactive substances: a practical training manual / A. V. Morozov and

практ. пособие / А. В. Морозов и др. ВИПК МВД России, 2016.

4. Иванов В. Выступление на парламентских слушаниях в Государственной Думе. URL: <http://www.cr-duma.ru/press/65223/>

5. Шалагин А. Е., Усманов И. М. Современная наркоситуация в Российской Федерации: тенденции, прогноз, меры противодействия // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 1 (23).

6. Сведения об основных результатах деятельности правоохранительных органов России по противодействию наркопреступности за январь–декабрь 2016 года: экспресс-информация за янв.–дек. 2016 г. ГИАЦ МВД России, 2017.

7. Силласте Г. Г. Наркомания – угроза национальной безопасности // Обозреватель. 2002. № 9–10.

8. Смуров К. В. Основные направления деятельности подразделений наркоконтроля // Профессионал. 2016. № 6.

9. Храпов А. И. О состоянии наркоситуации в Российской Федерации и тенденции ее развития: доклад на совещании-семинаре руководителей подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, приуроченном к 25-летию создания в системе МВД России подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, 6 дек. 2016 г. ВИПК МВД России, 2016.

10. Покровский В. При правильном лечении человек с ВИЧ живет до старости. URL: <https://spid.center/articles/358>

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 03.02.2015 № 7-ФЗ (в ред. от 03.07.2016): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 янв. 2015 г.; одобр. Сов. Федерации Федер. Собрания Рос. Федерации 28 янв. 2015 г. URL: <https://rg.ru/2015/02/06/veshestva-dok.html>

others. VIPK of the Ministry of the Interior of Russia, 2016.

4. Ivanov V. Speech at parliamentary hearings in the State Duma. URL: <http://www.cr-duma.ru/press/65223/>

5. Shalagin A. E., Usmanov I. M. Modern drug situation in the Russian Federation: trends, forecast, countermeasures // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1 (23).

6. Information on the main results of the activities of the law enforcement agencies of Russia on combating drug trafficking in January–December 2016: express information for January–December 2016. GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.

7. Sillaste G.G. Drug addiction – a threat to national security // Observer. 2002. № 9–10.

8. Smurov K. V. The main areas of activity of drug control units // Professional. 2016. № 6.

9. Khrapov A. I. On the state of the drug situation in the Russian Federation and its development trends: a report at a meeting-seminar of heads of drug trafficking control units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, timed to the 25 anniversary of the creation of units for struggling with illegal drug trafficking in the system of the Ministry of Internal Affairs December 6, 2016 VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

10. Pokrovsky V. With the right treatment, a person with AIDS lives up to old age. URL: <https://spid.center/articles/358>

11. On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation № 7-FZ of 03.02.2015 (as amended on 03.07.2016): adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on January 23, 2015; approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on January 28, 2015. URL: <https://rg.ru/2015/02/06/veshestva-dok.html>

© 2017 г. А. В. Гусев,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: gusev.1983.av@mail.ru

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуется роль и значение правоохранительных органов исполнительной власти в качестве субъектов международной договорной деятельности. На основе анализа международных соглашений, нормативных правовых актов, а также судебных решений осуществляется детальный анализ различных аспектов деятельности органов исполнительной власти по реализации собственных межведомственных соглашений, а также международных обязательств, вытекающих из межправительственных и межгосударственных договоров. Автором предлагаются пути оптимизации процесса имплементации международных обязательств России в деятельности правоохранительных органов исполнительной власти.

Ключевые слова: правоохранительный орган исполнительной власти, международный договор, международные обязательства, реализация международных обязательств.

A. V. Gusev – Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activity of Organ of Interior, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, PhD in Law.

LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES IN THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL COMMITMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article researches the role and importance of law enforcement authorities as subjects of international contractual activity. On the basis of international agreements, regulations a sub-level, as well as judicial decisions made in-depth analysis of various aspects of the implementation of its own interdepartmental agreements of the executive authorities, as well as the international obligations arising from inter-governmental and inter-governmental agreements. The author formulates ways to optimize the process of implementation of international obligations in the Russian law enforcement bodies of executive power.

Key words: law enforcement agencies of the executive authorities, international treaty, international commitments, implementation of international commitments.

Важным компонентом деятельности правоохранительных органов исполнительной власти являются международные договоры России, которые могут выступать регуляторами отношений наряду с национальными нормами, не меняя при этом принадлежности в качестве источника к собственному правовому комплексу. В настоящее время активно модернизируется существовавшая еще с советских времен система международного двустороннего сотрудничества, пересматриваются положения о приоритете международного права над национальным, активно обсуждаются вопросы совершенствования направлений и форм сотрудничества, имплементации отдельных норм международного права. Сказанное свидетельствует о необходимости принятия конкретных мер по развитию механизмов реализации международных обязательств России в деятельности органов исполнительной власти.

Правоохранительные органы исполнительной власти России традиционно рассматриваются в качестве активного элемента международного сотрудничества в сфере собственных полномочий. Связано это прежде всего с тем, что именно органы исполнительной власти выступают от имени всего государства на международном уровне. При этом субъектом международного договора, независимо от вида и фактического органа, его заключившего, признается государство. По мнению О. И. Тиунова, А. А. Капирина и А. Н. Морозова, несмотря на значительное количество направлений, в которых заключаются межведомственные договоры, все они являются договорами государства в целом, и именно государство несет ответственность за их исполнение [1, с. 116]. Как показывает анализ, нормы Конституции РФ и Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ

«О международных договорах Российской Федерации» [2] юридически приравнивают значение соглашений, заключаемых от имени федеральных органов исполнительной власти, и межгосударственных, межправительственных договоров.

Государства на международном уровне решают вопрос о согласовании своих интересов в сфере борьбы с преступностью через взаимодействие конкретных правоохранительных органов, закрепляя его результат в содержании международных договоров всех уровней. Таким образом, правоохранительные органы исполнительной власти принимают от имени государства конкретные юридические обязательства как международного, так и внутригосударственного характера.

Правоохранительные министерства и службы включены в процесс реализации международных обязательств как общегосударственного, так и ведомственного значения. В частности, Министерство юстиции РФ, Министерство внутренних дел РФ, Федеральная таможенная служба и другие являются непосредственными участниками сотен международных договоров. Серьезное значение для реализации международных обязательств России имеет наличие у органов исполнительной власти полномочий по созданию собственных межведомственных соглашений, которые и реализуют договоры более высокого уровня. Причем полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере заключения международных договоров, а следовательно, и реализации вытекающих из них обязательств сложно назвать равнозначными. Это связано с функцией нормативного регулирования, которая свойственна только министерствам. Деятельность по заключению и реализации международных договоров может рассматриваться как один из элементов нормативного правового регулирования установленных для указанных органов сфер деятельности. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что только министерства имеют возможность заключать собственные международные соглашения и реализовывать широкий круг международных обязательств России, однако это не совсем так. Действительно, они неизбежно выступают в качестве наиболее активных структурных элементов международного взаимодействия в правоохранительной сфере, но это не умаляет значения в данном направлении дея-

тельности иных федеральных органов исполнительной власти.

Тем не менее примеры особого положения министерств в этой сфере имеются. Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти, утвержденный постановлением Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 [3], подчеркивает возможность законопроектной деятельности и участия в деятельности Федерального Собрания РФ только федеральных органов исполнительной власти, наделенных соответствующими полномочиями. В п. 7.1 рассматриваемого нормативного правового акта устанавливается, что именно министерству свойственна такая деятельность.

Наиболее полно нормотворческая функция федеральных министерств отражена в постановлении Правительства РФ от 19.01.2005 года № 30 «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти» [4], в полном объеме характеризующем нормотворческую деятельность федеральных министерств, которая не содержит в качестве своей составляющей функцию по заключению и реализации международных договоров. Таким образом, эта функция выходит за рамки нормотворческой деятельности, свойственной практике правоохранительных органов исполнительной власти, что не означает, тем не менее, равенства всех министерств и служб в смысле законодательного закрепления данной функции. Вопрос о компетенции федеральных органов исполнительной власти, находящихся в ведении федеральных министерств и служб, в сфере заключения межведомственных договоров окончательно не урегулирован на нормативном уровне. Отсутствует единообразное понимание указанной проблемы и в научной среде. В частности, Б. И. Осминин обращает внимание на невозможность заключения от своего имени международных договоров службами и агентствами, находящимися в ведении вышестоящих органов исполнительной власти, так как компетенция по заключению международных договоров принадлежит данным вышестоящим структурам [5, с. 256]. Вышесказанное подтверждают и некоторые нормативные установления. Так, Административный регламент исполнения государственных функций по правовому обеспечению деятельности учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний, утвержден-

ный приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 18.08.2005 № 718 «О правовом обеспечении деятельности ФСИН России» [6], содержит положение о том, что «ФСИН России не вправе осуществлять в установленной сфере деятельности нормативно-правовое регулирование, кроме случаев, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами и указами Президента Российской Федерации».

Возможность заключения международных договоров межведомственного характера имеет нормативное определение как деятельность, осуществляемая от имени федеральных органов исполнительной власти, а не от имени министерств. Примером сказанному может служить меморандум между ФМС России и Ведомством по делам миграции и гражданства Министерства внутренних дел Венгерской Республики о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере миграции от 28 февраля 2006 [7] и многие другие.

Не вносит ясности в понимание функции по заключению собственных международных договоров и деятельность упоминаемых в федеральных законах о международных договорах «уполномоченных организаций» (например, всем известной государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»), которые, не являясь государственными органами в прямом значении, активно создают и реализуют международные обязательства. Устранение двойных стандартов в определении компетенции в международно-правовой сфере правоохранительных органов исполнительной власти возможно при включении в объем нормотворческой функции федеральных органов исполнительной власти полномочий по созданию и реализации своих международных обязательств. Данное положение особенно актуально в настоящий период функционального реформирования правоохранительных органов исполнительной власти, когда ФСКН России и ФМС России вновь вошли в структуру МВД России, потеряв при этом свою самостоятельность [8].

Г. В. Игнатенко отмечает, что нормы международного права как часть правовой системы России применяются совместно с внутригосударственными нормами, что свидетельствует о наличии у определенных международно-правовых и национальных норм совмещенного предмета или объекта регулирования [9]. Однако имеющиеся в арсенале у

правоохранительных органов исполнительной власти механизмы реализации норм международного права сложно назвать оптимальными. В этой связи Б. И. Осминин указывает, что для установления факта реального выполнения государством международных договорных обязательств необходимо последовательно и комплексно закреплять способы и механизмы их реализации [10].

Конкретные формы реализации международных договоров можно сравнить с видами деятельности правоохранительных органов исполнительной власти, включенных в процесс имплементации. Считаем возможным рассматривать реализацию норм международного права во внутригосударственных отношениях в узком и широком смыслах, при этом узкое понимание связано с созданием преимущественно правовых механизмов имплементации, а расширительное – свидетельствует о наличии не только правовых мер, но и мер организационно-распорядительного характера.

Узкое понимание явления имплементации выражается в закреплении предписаний, согласно которым данные министерства и службы в своей деятельности руководствуются нормами международных договоров, обеспечивая в соответствии со своей компетенцией выполнение международных договорных обязательств. Это уже само по себе означает участие правоохранительных органов исполнительной власти в процессе имплементации в форме ее соблюдения. В рамках ведомственного нормотворчества они также ссылаются на нормы международного права, а в ряде случаев – наблюдают за выполнением другими участниками договоров их обязательств.

Нередко данные органы могут являться активными участниками реализации международных обязательств России, если выступают в качестве компетентных органов, выполняющих международные соглашения различного уровня. Примером может служить Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года [11], определяющая следующий порядок: «при выполнении настоящей Конвенции компетентные учреждения юстиции Договаривающихся Сторон сносятся друг с другом через свои центральные, территориальные и другие органы...». При этом под органами юстиции в данном случае государства-участники подразумевают не только одноименное министер-

ство, но и суды, прокуратуру, и, конечно, органы внутренних дел.

Выделяя организационное и правовое обеспечение реализации международных соглашений, отметим, что оно связано с принятием организационных решений, а также с внутриведомственной нормотворческой деятельностью правоохранительных министерств и служб. Приведение организационных механизмов реализации правоохранительными органами исполнительной власти международных обязательств России к единому знаменателю видится возможным начать с совершенствования положений об органах исполнительной власти. Анализ соответствующих нормативных правовых актов свидетельствует о наличии лидера в данном направлении деятельности – Минюста России, что довольно просто объясняется положениями Федерального закона «О международных договорах». И напротив, постановление Правительства РФ от 21.08.2004 № 429 «Вопросы Федеральной таможенной службы», вообще не содержит положений, касающихся заключения международных договоров и выполнения международных обязательств ФТС России. При этом не заключившая ни одного собственного международного межведомственного соглашения ФСИН России, в соответствии с нормативными установлениями, осуществляет полномочия по исполнению международно-правовых обязательств Российской Федерации по передаче осужденных в государства их гражданства и по экстрадиции.

Сказанное свидетельствует о возможности относительно единообразного отражения полномочий по заключению собственных соглашений и реализации международных договоров всех уровней в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность органов исполнительной власти. Применительно к актам, регламентирующим деятельность органа в целом и его отдельных подразделений, к полномочиям по подготовке, рассмотрению и заключению международных договоров, а также международных актов, не являющихся международными договорами, предлагается добавить полномочия по реализации международных обязательств, вытекающих из межгосударственных и межправительственных соглашений, а также собственных межведомственных договоров. Отдельного внимания требует необходимость закрепления обязательного официального

опубликования международных договоров, прежде всего, межведомственного характера. Они преимущественно остаются неопубликованными, что порождает некоторые судебные прецеденты. В частности, имеется достаточно распространенная практика в деятельности ФТС России, когда арбитражными судами принимались решения не в пользу федеральной службы в связи с тем, что международные соглашения, подлежащие применению в каждом конкретном случае, официально не публиковались или были опубликованы в недопустимых изданиях. Примерами в этой связи могут служить постановления федерального арбитражного суда Поволжского округа от 27.01.2004 № А57-6456/03-7 [12] и постановления федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.02.2002 № 1570/5-к [13], констатирующие отсутствие у таможенных органов правовых оснований для предъявления предпринимателям требований об уплате таможенных платежей.

Нельзя не упомянуть и о конкретных подразделениях правоохранительных органов исполнительной власти, курирующих международное направление их деятельности. Достаточно интересной и неоднозначной представляется практика, сложившаяся в МВД России. Имеется в виду отсутствие подразделения с ярко выраженными функциями в сфере международного сотрудничества. Рассматриваемые полномочия характерны для нескольких подразделений министерства. Полномочия по выполнению международных обязательств не только межведомственного характера осуществляет Договорно-правовой департамент МВД России (приказ МВД России от 21.07.2011 № 865 [14]). Близкий по смыслу перечень полномочий определяется приказом МВД России от 20.11.2004 № 755 [15]. Департамент делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций МВД России призван осуществлять работу с международными документами, не являющимися международными договорами России и не содержащими юридически обязывающих положений. Акцент при этом сделан лишь на процессе подготовки и заключения международных соглашений. А между тем отдельные международные соглашения свидетельствуют об особом положении конкретных подразделений, ответственных за реализацию положений договоров. Так, соглашение о со-

трудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Азербайджанской Республики [16] возлагает реализацию мероприятий по координации сотрудничества на Договорно-правовой департамент МВД России.

Регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации [17] достаточно обстоятельно раскрывает порядок деятельности по подготовке и рассмотрению проектов собственных международных договоров, а также проектов международных актов, не являющихся международными договорами, оставляя процесс реализации за пределами нормативного регулирования.

Кроме вышесказанного, важно иметь в виду, что произошедшие изменения в системе федеральных органов исполнительной власти, упразднение ФСКН России и ФМС России и передача их функций МВД России, ставят перед министерством вопрос о порядке реализации многочисленных международных межведомственных договоров в сферах деятельности данных правоохранительных ведомств.

Прибегая к опыту Минюста России, в котором полномочия по заключению и реализации международных обязательств России сконцентрированы в деятельности Департамента международного права и сотрудничества, считаем возможным для оптимизации управленческой деятельности всех правоохранительных органов исполнительной власти закрепить полномочия одного координирующего органа в сфере реализации международных договоров с конкретизацией положений об ответственности за ненадлежащую имплементацию других.

Таким образом, активная позиция Российской Федерации в сфере международного сотрудничества в правоохранительной сфере ставит новые задачи по реализации положений соответствующих договоров. При этом усиление координирующей роли Президента РФ в деятельности правоохранительных органов исполнительной власти свидетельствует о возможности закрепления общих подходов имплементации международных обязательств государства в правовом акте подзаконного характера, направленном на комплексное решение вопросов реализации международных договоров. Предлагается включить данный акт в указ Президента РФ, в рамках которого обозначить органы, заключающие от имени Российской Федерации международные соглашения и реализующие международные обязательства всех уровней, а также специально определяемые подразделения данных органов, ответственные за данное направление деятельности. Помимо этого следует рассмотреть возможность общественного обсуждения и обязательного официального опубликования соответствующих договоров.

Помимо этого следует рассмотреть возможность общественного обсуждения и обязательного официального опубликования соответствующих договоров.

Литература

1. Тиунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Статус международных межведомственных договоров Российской Федерации // Журн. рос. права. 2007. № 1.
2. О международных договорах Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 15.07.1995 № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.
3. О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства Рос. Федерации от 28.07.2005 № 452 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 40. Ст. 5072.
4. О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства Рос. Федерации от 19 янв. 2005 г. № 30 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 4. Ст. 305.

Bibliography

1. Tiunov O. I., Kashirkina A. A., Morozov A. N. Status of international interdepartment treaties of the Russian Federation // Journal of the Russian Law. 2007. № 1.
2. On international treaties of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 15.07.1995 № 101-FL // Collection of Legislations of the Russian Federation. 1995. № 29. Art. 2757.
3. On the Model Regulations of the Internal Organization of the Federal Executive Bodies: resolution of the Government of the Russian Federation of 28.07.2005 № 452 // Collection of Legislations of the Russian Federation. 2010. № 40. Art. 5072.
4. On the Model Regulations for the Interaction of Federal Executive Bodies: resolution of the Government of the Russian Federation of January 19, 2005 № 30 // Collection of Legislations of the Russian Federation. 2005. № 4. Art. 305.
5. Osminin B. I. Adoption and implementation

5. Осминин Б. И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006.
6. О правовом обеспечении деятельности ФСИН России: приказ ФСИН России от 18.08.2005 № 718 // Вед. уголовно-исполнительной системы. 2006. № 2.
7. Меморандум между ФМС России и Ведомством по делам миграции и гражданства Министерства внутренних дел Венгерской Республики от 28 февраля 2006 года: док. опубли. не был. URL: <http://garant.ru>
8. Рос. газ. № 6940 (72): URL: <http://rg.ru/2016/04/05/vladimir-putin-obiavil-o-sozdanii-nacionalnoj-gvardii.html>
9. Игнатенко Г. В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. 2001. № 1.
10. Осминин Б. И. Международные договоры в российской правовой системе // Журн. рос. права. 2015. № 12. URL: <http://consultant.ru>
11. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года // Бюл. междунар. договоров. 1995. № 2.
12. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 27 января 2004 года № А 57-6456/03-7: док. опубли. не был. URL: <http://garant.ru>
13. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 февраля 2002 года № 1570/5-к: док. опубли. не был. URL: <http://garant.ru>
14. Об утверждении Положения о Договорно-правовом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 21 июля 2011 г. № 865: док. опубли. не был. URL: <http://garant.ru>
15. Вопросы Правового департамента МВД России и Центра правовой информации МВД России: приказ МВД России от 20 нояб. 2004 г. № 755: док. опубли. не был. URL: <http://garant.ru>
16. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Азербайджанской Республики (Баку, 28 июня 2011 года): док. опубли. не был. URL: <http://garant.ru>
17. Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 17.10.2013 № 850 // Рос. газ. 2013. № 262.
- of international treaty obligations by States. Moscow, 2006.
6. On Legal Support of the Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia: order of the FSIN of the Russian Federation of 18.08.2005 № 718 // Journal of penitentiary system. 2006. № 2.
7. Memorandum between the FMS of Russia and the Office for Migration and Citizenship of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Hungary of 28 February 2006: the document was not published. URL: <http://garant.ru>
8. The Russian Newspaper - Metropolitan Issue № 6940 (72). URL: <http://rg.ru/2016/04/05/vladimir-putin-obiavil-o-sozdanii-nacionalnoj-gvardii.html>
9. Ignatenko G. V. International recognized rights and freedoms as components of the legal status of the individual // Jurisprudence. 2001. № 1.
10. Osminin B. I. International treaties in the Russian legal system // Journal of the Russian Law. 2015. № 12. URL: <http://consultant.ru>
11. CIS Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases of January 22, 1993 // Bulletin of International Treaties. 1995. № 2.
12. Decree of the Federal Arbitration Court of the Volga region on January 27, 2004 № А57-6456 / 03-7: the document was not published.
13. Decree of the Federal Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of February 26, 2002 No. 1570/5-k: the document was not published. URL: <http://garant.ru>
14. On approval of the Regulations on the Treaty and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of July 21, 2011 № 865: the document was not published. URL: <http://garant.ru>
15. Questions of the Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Legal Information Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of November 20, 2004 № 755: the document was not published. URL: <http://garant.ru>
16. Agreement on cooperation between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Azerbaijan (Baku, June 28, 2011): the document was not published. URL: <http://garant.ru>
17. On the approval of the Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 17.10.2013 № 850 // Russian newspaper. 2013. № 262.

© 2017 г. Е. А. Кравцова,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина кандидат юридических наук.
E-mail: 543375@mail.ru

ГАРАНТИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНЫХ ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье на основании сравнительно-правового метода, а также методов системного анализа и конкретизации анализируются действующие юридические гарантии деятельности как контрольно-счетного органа в целом, так и его отдельных должностных лиц.

Ключевые слова: конституционное право, контрольно-счетные органы, должностные лица, правовой статус, гарантии.

E. A. Kravtsova – Associate Professor, Department of Civil Law, Belgorod Law Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin, PhD in Law.

WARRANTIES AS AN ELEMENT OF THE LEGAL STATUS OF CONTROL AND COUNTING OF SUBJECTS

In the article, based on the comparative legal method, as well as methods of system analysis and concretization, the current legal safeguards of the activity of both the control and accounting body as a whole and its individual officials are analyzed.

Key words: constitutional law, control and accounting bodies, officials, legal status, warranty.

Основы правового статуса контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации установлены нормами Федерального закона от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (далее – Федеральный закон № 6-ФЗ) [9]. Согласно ст. 3 данного закона контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации является постоянно действующим органом внешнего государственного финансового контроля, самостоятельным юридическим лицом, независимым при осуществлении собственной деятельности.

Будучи самостоятельными юридическими лицами, наделенными особыми полномочиями, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации обладают собственным правовым статусом. Мы уже неоднократно писали о содержании понятия «правовой статус государственных органов» и его элементах [5, с. 9–13], поэтому в рамках настоящей статьи обозначим кратко, что элементами правового статуса любого органа государства выступают: правосубъектность государственного органа; цели и принципы его деятельности; организационно-правовая структура; ответственность (политическая и государственно-правовая); место в общегосударственной системе, дифференциация систем, подсистем и видов

органов, их соотношение; виды правовых актов, издаваемых данным органом.

Помимо вышеуказанных элементов одной из составляющих правового статуса любого государственного органа являются гарантии его деятельности. Термин «гарантия» (от фр. *garantee* – обеспечивать, ручаться) подразумевает «условие и средство, обеспечивающее возможность пользоваться установленными конституцией и другими законами правами и свободами» [11, с. 52]. Словарь В. И. Даля трактует слово «гарантия» следующим образом: «обеспечивать, охранять как ручательство, обеспечение, заверение и безопасенье» [2, с. 283].

В юридической литературе высказываются различные мнения о видах гарантий. Например, Т. Б. Шубина определяет: 1) общие, 2) организационные и 3) специально-юридические гарантии [12, с. 10]. Н. В. Постовой рассматривает политические, экономические, организационные и правовые гарантии [7, с. 401]. Е. В. Рыбинцева дополнительно выделяет такой вид, как финансовые гарантии [8, с. 1303].

Однако, какие бы виды гарантий не выделялись учеными, для каждого юриста бесспорным является тот факт, что наибольшее значение имеют те гарантии, которые зафиксированы в нормативных актах и исполнения которых, следовательно, можно потребовать. Юридические гарантии закреплены в нормативных актах и представляют собой

средства и способы, направленные на непосредственное обеспечение осуществления и защиты прав [1, с. 95].

Контрольно-счетные органы обладают собственной системой юридических гарантий, направленных на обеспечение беспрепятственного и качественного выполнения ими своих полномочий, закрепленных в Федеральном законе № 6-ФЗ и других нормативных актах.

Рассматривая правовое обеспечение деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, Е. Н. Кондрат делает вывод о том, что, несмотря на закрепление гарантий деятельности контрольно-счетных органов субъектов в законе, «к сожалению, положения о государственной защите должностных лиц субфедеральных контрольно-счетных органов в настоящее время не имеют достаточного механизма реализации в федеральном законодательстве» [4, с. 109]. Мы не можем согласиться с данным утверждением, так как считаем, что система гарантий работы контрольно-счетных органов субъектов и их должностных лиц достаточно разработана и функционирует, что мы и попытаемся далее доказать.

Гарантии, закрепленные в законе № 6-ФЗ, условно можно разделить на две группы: гарантии независимости деятельности контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации в целом и гарантии деятельности его должностных лиц. Федеральный закон № 6-ФЗ в п. 4, 5 ст. 3 определяет гарантии контрольно-счетных органов субъектов в целом, устанавливая, что данные органы осуществляют свою деятельность самостоятельно и обладают организационной и функциональной независимостью. Организационная независимость заключается в том, что согласно п. 7 ст. 3 контрольно-счетные органы являются самостоятельными юридическими лицами. До введения в действие Федерального закона № 6-ФЗ обязательное наделение контрольно-счетных органов субъектов правами юридического лица законодательно не было закреплено. Анализируя правовое положение контрольно-счетных органов субъектов до этого времени, М. В. Демидов отмечает, что не все они обладали организационной независимостью: «Из 83 контрольно-счетных органов регионов статус юридического лица по состоянию на 1 января 2011 года имели 67, или 80,7 % от общего числа кон-

трольно-счетных органов. Остальные 16 (19,3 %) не были юридическими лицами» [3, с. 18].

Функциональная независимость заключается в том, что контрольно-счетные органы субъектов наделяются собственными полномочиями, позволяющими реализовывать задачи, стоящие перед ними.

Независимость и самостоятельность деятельности контрольно-счетных органов проявляется и в том, что согласно п. 5 ст. 3 Федерального закона № 6-ФЗ в случае досрочного прекращения полномочий законодательного органа субъекта Российской Федерации, которому подотчетен данный контрольно-счетный орган, контрольно-счетный орган продолжает функционировать, а его полномочия – исполняться.

Большинство гарантий, закрепленных в Федеральном законе № 6-ФЗ, относится к гарантиям деятельности не органа в целом, а его должностных лиц. Это связано с тем, что контрольно-счетный орган, как и любой другой орган государства, состоит из отдельных должностных лиц и обслуживающего их персонала, которые непосредственно выполняют функции, возложенные на государственный орган, поэтому именно их деятельность должна быть максимально защищена для обеспечения выполнения задач государственного органа. Гарантии статуса должностных лиц контрольно-счетных органов закреплены в ст. 8 Федерального закона № 6-ФЗ. Нормативными предписаниями данной статьи установлено, что должностные лица контрольно-счетных органов обладают гарантиями профессиональной независимости; государственная защита таких лиц осуществляется на основании нормативных актов, регулирующих государственную защиту судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. Установлен запрет воздействия на должностных лиц контрольно-счетных органов, если такое воздействие направлено на воспрепятствование осуществлению ими должностных полномочий или оказание влияния на принимаемые ими решения, в том числе путем оскорблений должностного лица, осуществления в отношении него насильственных действий, распространения заведомо ложной информации о его деятельности.

Установление гарантии *профессиональной независимости* является юридической гарантией охраны и защиты деятельности должностных лиц контрольно-счетных органов.

Определение термина «профессиональная независимость» должностных лиц контрольно-счетных органов в законе не дается. Однако, если исходить из буквального толкования смысла данного термина, то профессиональная независимость означает, что государство принимает на себя обязательства и берется обеспечивать самостоятельность должностных лиц контрольно-счетных органов при исполнении ими своих должностных обязанностей всеми имеющимися в его распоряжении силами и средствами.

Профессиональная независимость обеспечивается путем наделения должностных лиц собственными полномочиями, которые осуществляются ими самостоятельно. Перечень полномочий должностных лиц контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации установлен в ст. 9 Федерального закона № 6-ФЗ. К ним относятся: контроль за расходованием бюджетных средств и за распоряжением имуществом субъекта, финансово-экономическая оценка законов субъекта и иные полномочия, непосредственно связанные с финансовой сферой субъекта Российской Федерации. Указанные полномочия реализуются путем наделения должностных лиц правами и обязанностями (ст. 14 Федерального закона № 6-ФЗ).

Должностные лица контрольно-счетных органов субъектов подлежат *государственной защите*. Государственная защита осуществляется в соответствии с нормами Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – Федеральный закон № 45-ФЗ) [10]. Государственная защита включает в себя осуществление мероприятий по обеспечению безопасности, правовой и социальной защиты должностных лиц контрольно-счетных органов. Указанные меры применяются в тех случаях, когда существует реальная угроза посягательства на жизнь этих должностных лиц, здоровье и имущество по причинам, непосредственно связанным с их служебной деятельностью.

Мероприятия по обеспечению безопасности представляют собой практические действия работников правоохранительных органов, направленные на защиту жизни и здоровья, а также на обеспечение сохранности имущества должностных лиц. К ним относятся: личная охрана, охрана жилища и имуще-

ства лица; предоставление ему в случае необходимости специальных средств защиты, в том числе оружия; помещение в безопасное место на срок, необходимый для устранения угрозы; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах; перевод на другое место работы или иное место жительства, а также, в случае необходимости, замена документов и изменение внешности (ст. 5 Федерального закона № 45-ФЗ).

Меры безопасности могут быть применены на основании заявления лица, которому угрожает опасность, либо обращения его руководителя в правоохранительные органы. Правоохранительные органы могут также принять самостоятельное решение о необходимости введения таких мер, если они обладают информацией о наличии угрозы безопасности указанного лица.

Меры социальной защиты должностных лиц контрольно-счетных органов включают в себя право на материальную компенсацию. Выплата материальной компенсации осуществляется в случаях гибели должностного лица контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации, причинения вреда его здоровью или имуществу. При этом обязательным условием выплаты компенсации будет являться то, что поводом для причинения вреда явилась служебная деятельность пострадавшего лица.

Возмещение вреда, причиненного уничтожением или повреждением имущества, осуществляется на основании Правил возмещения судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов или членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27.10.2005 № 647 [6]. Согласно п. 6 указанных правил определение размера ущерба осуществляется исходя из расходов (затрат) на восстановление имущества, которое подверглось повреждению либо уничтожению на основании рыночных цен, действующих в данной местности на момент возмещения ущерба, с учетом износа данного имущества. Возмещению также подлежит доказанная упущенная выгода.

Жизнь и здоровье, а также имущество должностных лиц контрольно-счетных органов подлежит обязательному государственному страхованию в сумме, равной 180-кратно-

му размеру среднемесячной заработной платы (среднемесячного денежного содержания, ежемесячного денежного вознаграждения). Страховое возмещение выплачивается полностью в случае гибели (смерти) должностного лица в период его работы либо после увольнения, если будет доказано, что смерть вызвана телесными повреждениями, причиненными указанным лицам. В этом случае должна обязательно наличествовать причинно-следственная связь между причиненными повреждениями и служебной деятельностью данных лиц. Помимо страхового возмещения при гибели указанных лиц членам их семей, находившимся на их иждивении, также ежемесячно выплачивается компенсация, которая рассчитывается исходя из разницы между пенсией по случаю потери кормильца и суммой, приходившейся на их содержание до смерти кормильца. При этом суммы выплат, полученные по государственному страхованию, не учитываются.

Материальное возмещение в размере 36-кратной среднемесячной заработной платы выплачивается в случае причинения данным лицам телесных повреждений либо иного вреда здоровью, лишаящего их возможности в дальнейшем заниматься своей профессиональной деятельностью. Помимо указанной суммы таким лицам ежемесячно выплачивается компенсация, которая рассчитывается из разницы между назначенной им пенсией и их среднемесячным денежным вознаграждением, которое они получали до причинения им вреда. При этом сумма выплат, полученных ими по государственному страхованию, не учитывается.

Материальное возмещение в размере 12-кратной среднемесячной заработной платы выплачивается в случае причинения указанным лицам телесных повреждений либо иного вреда здоровью, если причиненный вред повлек стойкую утрату трудоспособности, не повлиявшую на возможность в дальнейшем заниматься своей профессиональной деятельностью.

Страхование должностных лиц контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации осуществляется за счет средств бюджетов субъектов РФ.

Правовая защита должностных лиц контрольно-счетных органов предусматривает установление специальной повышенной ответственности при наличии посягательств на указанных лиц, направленных на изменение

объективного характера принимаемых ими решений или на создание препятствий к осуществлению ими своей профессиональной деятельности, в том числе путем оскорбления этих лиц, совершения в отношении них насильственных действий, распространения заведомо ложной информации об их деятельности. Ответственность за вышеуказанные действия предусматривается нормами Кодекса об административных правонарушениях РФ, а именно: статьей 19.4 «Неповиновение законному распоряжению должностного лица органа, осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль», ст. 19.4.1 «Воспрепятствование законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля», ст. 19.5 «Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль». Кроме того, к ним относятся ст. 319 Уголовного кодекса РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», ст. 318 «Применение насилия в отношении представителя власти».

Помимо вышеуказанных специальных норм при наличии какого-либо негативного воздействия на должностных лиц контрольно-счетных органов нарушителей можно привлекать к ответственности на общих основаниях. Так, при угрозах в адрес должностного лица контрольно-счетного органа может быть применена ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». При причинении существенного вреда здоровью – ст. 111, 112 УК РФ: «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» и т. д. Общие составы, позволяющие привлечь к ответственности за негативное воздействие на должностных лиц контрольно-счетных органов, устанавливаются также нормами Кодекса об административных правонарушениях РФ. К ним можно отнести ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» и ст. 6.1.1 «Побои».

Вышеприведенный анализ нормативных актов позволяет нам сделать вывод о том, что гарантии деятельности должностных лиц контрольно-счетных органов и контрольно-счетного органа в целом являются одним из существенных элементов их правового стату-

са. Они (гарантии) не только обозначены в Федеральном законе № 6-ФЗ, их осуществление обеспечено действием ряда других нор-

мативных актов и с точки зрения закона означает реальную независимость указанных лиц.

Литература

1. Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1985. Т. 1.
3. Демидов М. В. Парламентский финансовый контроль в России: правовые аспекты функционирования и проблемы реализации: моногр. Чебоксары, 2011.
4. Кондрат Е. Н. Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации: правовое регулирование организации и деятельности // Юрид. наука: история и современность. 2012. № 7.
5. Кравцова Е. А. К вопросу о содержании понятия «правовой статус государственных органов» // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7.
6. О возмещении судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов или членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью: постановление Правительства Рос. Федерации от 27.10.2005 № 647. URL: <http://consultant.ru>
7. Постовой Н. В., Таболин В. В., Черногор Н. Н. Муниципальное право России: учеб. / под ред. Н. В. Постового. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
8. Рыбинцева Е. В. Финансовые гарантии прав граждан в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2014. № 12.
9. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федер. закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 6-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
10. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федер. закон Рос. Федерации от 20.04.1995 № 45-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
11. Фомина С. В. Государственные гарантии как элемент правового статуса государственных служащих // Журн. рос. права. 2007. № 4.
12. Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.

Bibliography

1. Vitruk N. V. Legal status of the individual in the USSR. Moscow, 1985.
2. Dal V. I. Explanatory dictionary of living great Russian language. Moscow, 1985. Vol. 1.
3. Demidov M. V. Parliamentary financial control in Russia: legal aspects of the functioning and problems of implementation. Cheboksary, 2011.
4. Kondrat E. N. Control and counting bodies of subjects of the Russian Federation: legal regulation of organization and activities // Legal science: history and modern. 2012. № 7.
5. Kravtsova E. A. To the question about the meaning of «legal status of state bodies» // The Constitutional and municipal law. 2016. № 7.
6. About compensation of judges, officials law-enforcement and controlling bodies or members of their families the damage caused by destruction or damage their property in connection with official activities: the decree of the RF Government dated 27.10.2005 № 647. URL: <http://consultant.ru>
7. Postovoy N. V., Tabolin V. V., Chernogor N. N. Municipal law of Russia: textbook / ed. by N. V. Postovoy edition, revised and supplemented. 3 edition, revised and supplemented. Moscow, 2015.
8. Rybintseva E. V. Financial guarantees of the rights of citizens in the Russian Federation // Administrative and municipal law. 2014. № 12.
9. On General principles of organization and activity of control and counting bodies of subjects of the Russian Federation and municipalities: Federal Law of the Russian Federation of 07.02.2011 № 6-FL. URL: <http://consultant.ru>
10. About the state protection of judges, officials law-enforcement and controlling bodies: Federal Law of the Russian Federation dated 20.04.1995 № 45-FL. URL: <http://consultant.ru>
11. Fomina S. V. the State guarantee as an element of legal status of public employees // Journal of Russian law. 2007. № 4.
12. Shubina T. B. Theoretical problems of protection of rights: dis. ... PhD in law. Saratov, 1998.

© 2017 г. К. А. Юдин,

адъюнкт Нижегородской академии МВД России.
E-mail: yudinka74@yandex.ru

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРАВОМЕРНОГО СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье представлено авторское определение правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, а также рассматриваются его основные социальные и формально-юридические закономерности.

Ключевые слова: правомерное поведение, закономерности правомерного служебного поведения, объем правомерного поведения, качество правомерного поведения.

K. A. Yudin – Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

REGULARITIES LAWFUL SERVICE BEHAVIOR IN THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the legitimate laws of official conduct in the activities of internal affairs agencies of the Russian Federation. The paper presents the author's definition of lawful behavior in the service of the internal affairs RF, as well as its basic social and formal-legal regularities.

Key words: lawful behavior regularities lawful official conduct, the amount of lawful behavior, the quality of lawful behavior.

Изучение правомерного служебного поведения посредством материалистической диалектики позволяет выявить социальную и формально-юридическую стороны общественно полезной служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД).

В юридической науке правомерное поведение понимается двояко. Во-первых – как процесс превращения внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым объектам. При этом оно происходит под прямым или косвенным воздействием права (и государства) или, по крайней мере, в полном согласии с ним. Во-вторых – как сумма (количество, объем) реальных поступков, соответствующих требованиям правовых норм [4, с. 19–25]. Используя предлагаемый В. В. Лазаревым подход к определению основных характеристик правомерного поведения – его объема и качества, мы постараемся рассмотреть само правомерное поведение и его закономерности сквозь призму данных понятий.

Под объемом правомерного поведения мы подразумеваем количество совершенных правомерных деяний некоторым ограниченным числом лиц за определенное время, а под качеством – характеристику правомерного поведения, определяемую формой непо-

средственной реализации нормы права (то есть использованием, исполнением или соблюдением) в конкретной сфере общественных отношений.

Существенную долю в объеме правового поведения составляют правомерные поступки. Добросовестный производительный труд, получение образования, принятие участия в выполнении государственных и муниципальных дел и другие самые разнообразные формы социальной активности воплощаются в правомерном поведении. С последним связываются многие благоприятные для лица правовые последствия [5, с. 23–28]. В качестве основополагающей методологической посылки мы принимаем суждение о том, что в зависимости от объема и качества выполненного труда, соблюдения требований дисциплины, выполнения служебных обязанностей, принятия участия в жизни общества в целом лицо может рассчитывать на получение определенных имущественных, организационных и идеальных благ, расширяющих сферу его субъективных возможностей. Справедливым представляется имеющееся в юридической науке мнение о том, что инициативность, добросовестность, дополнительные затраты ресурсов (времени, финансов, энергии и др.) придают активному правомерному поведению более высокое социальное ка-

чество, позволяющее говорить о правовой активности лица.

Правомерное поведение характеризуется тем, что оно обеспечивается (поддерживается, гарантируется) государством посредством мер правового воздействия. При этом правовое воздействие мы рассматриваем в русле подхода Т. Н. Радько и В. А. Толстика как категорию, характеризующую пути, формы, способы влияния права на общественные отношения, как реализацию правовых принципов, установлений, запретов, предписаний и норм в общественной жизни, деятельности государства, его органов, общественных объединений и граждан [6, с. 27–28].

Понятие правомерного служебного поведения в деятельности ОВД получено нами модификационным методом, в данном случае – путем включения конкретизирующих признаков «служебное» и «в деятельности ОВД РФ» в более широкое по объему понятие «правомерное поведение». *Полагаем, что правомерное служебное поведение в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации можно определить как наиболее распространенное подконтрольное государству, регламентированное правовыми нормами и им соответствующее позитивно социально значимое деяние (операция или деятельность), находящееся под реальным или потенциальным контролем сознания и воли сотрудника, федерального государственного гражданского служащего или работника системы МВД России и осуществляемое в рамках внутриорганизационных или внешних функций ОВД.*

В целях формирования представления о закономерностях правомерного поведения обратимся к достижениям юридической науки в области изучения государственно-правовых закономерностей. Как справедливо отмечает Ю. Ю. Ветютнев, науке свойственно стремиться обнаружить связи между изучаемыми явлениями, вывести некоторое обобщенное правило, сформулировать объединяющий изучаемые явления принцип, то есть установить закономерности [7, с. 3]. Однако предложенное Ю. Ю. Ветютневым толкование государственно-правовой закономерности как объективной, систематической повторяемости взаимосвязанных фактов и явлений в сфере государства и права нас удовлетворить не может, поскольку автор в качестве ближайшего родового понятия выделяет повторяемость. На наш взгляд,

повторяемость представляет собой количественное, статистическое явление, характеризующее закономерность, доказывающее ее существование. Но доказательство явления и само явление – это несовпадающие категории, иначе можно было бы доказать вообще все что угодно через самое себя. Наибольшее распространение на сегодняшний день получило понимание государственно-правовой закономерности как объективной, существенной, устойчивой и повторяющейся связи явлений в сфере государства и права [8, с. 123–124].

Выяснение закономерностей правомерного поведения в каждой конкретной сфере общественных отношений имеет принципиальное и определяющее значение. Если у субъекта правотворчества отсутствует четкое и полное представление о них, если он не знает объема и качества правомерного поведения конкретных участников правовых отношений в той или иной сфере, то достижение цели установления эффективного правового регулирования вряд ли является возможным.

Закономерность предполагает наличие определяющего и определяемого факторов. Пользуясь методом материалистической диалектики, примем за основу положение о том, что закономерности правомерного поведения могут быть, как и факторы их обуславливающие, двух уровней: социальные и формально-юридические. Таким образом, нам следует определять два вида закономерностей правомерного поведения: *социальные и формально-юридические.*

Обратимся к изучению социальных закономерностей правомерного поведения. Опираясь на вышеуказанное определение государственно-правовой закономерности, модифицируем его применительно к специфике социальных закономерностей правомерного поведения. *Социальные закономерности правомерного поведения представляют собой объективные, существенные, необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи правомерного поведения с его социальными детерминантами.*

Как отмечалось выше, поведение может характеризоваться качеством и объемом. Наиболее комплексное видение социальных закономерностей правомерного поведения представлено Н. Л. Гранат и В. В. Лазаревым, которые рассматривают следующие виды закономерностей зависимости объема и качества

правомерного поведения от внешних и внутренних для человека факторов [9, с. 306–307].

Во-первых, объем и качество правомерного поведения увеличиваются по мере устранения несоответствий между производством и присвоением материальных благ. Применительно к специфике служебной деятельности ОВД, основанной на связях вертикальной зависимости «управляющий – управляемый», это выражается в несоответствии личного вклада сотрудника, федерального государственного гражданского служащего или работника системы МВД России в результаты служебной деятельности ОВД тому, как распределяются предоставленные ими материальные ресурсы (заработная плата, оргтехника, мебель и др.). Эти данные позволяют сделать вывод о том, что данная закономерность может быть сформулирована и обратным образом, то есть посредством указания не на увеличение, а на уменьшение объема и качества правомерного поведения. Модифицируя указанную закономерность применительно к служебной деятельности ОВД, сформулируем ее в общей форме следующим образом: объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут возрастать по мере устранения несоответствия личного вклада каждого лица, относящегося к личному составу ОВД, в результаты служебной деятельности и получаемыми им материальными, организационными и иными благами, и наоборот.

Во-вторых, объем и качество правомерного поведения возрастают с повышением общей, политической и правовой культуры граждан и должностных лиц. В данной закономерности акцент делается на политической и правовой культуре. Политическая и правовая культура личного состава ОВД в значительной степени связана с морально-психологической подготовкой, которая осуществляется в целях формирования у личного состава ОВД высоких морально-психологических качеств личности, психологической готовности к выполнению оперативно-служебных задач. В п. 2 Руководства по организации морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 10 августа 2012 года № 777 «Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Рос-

сийской Федерации», установлено, что она проводится в целях формирования у сотрудников моральной установки на верность Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, личной убежденности в приоритете защиты прав и свобод человека и гражданина, морально-психологической готовности к выполнению оперативно-служебных задач, что позволяет отнести данный вид подготовки к сфере действия данной закономерности. Таким образом, мы можем модифицировать указанную закономерность применительно к специфике служебной деятельности ОВД следующим образом: *объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут увеличиваться по мере повышения политической и правовой культуры личного состава, и наоборот.*

В-третьих, объем и качество правомерного поведения возрастают по мере того, как правовые требования начинают совпадать с нравственными воззрениями и моральными ценностями передовых общественных классов, групп и слоев населения. Применительно к служебной деятельности ОВД можно выделить как минимум две категории из числа личного состава, чьи моральные ценности, взгляды и убеждения могут повлиять на формирование нравственных воззрений и моральных ценностей всего служебного коллектива. Мы имеем в виду прежде всего руководство (в зависимости от места, которое занимает орган или его подразделение в иерархии системы МВД России) и наставников. Тем самым мы можем модифицировать данную закономерность применительно к служебной деятельности ОВД следующим образом: *объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут увеличиваться по мере увеличения количества требуемых правовых установок и ориентаций у руководства и наставников в системе МВД России, и наоборот.*

В-четвертых, качественные характеристики правомерного поведения улучшаются по мере сближения политики государства с интересами широких слоев населения и стабилизации этой политики. В определении данной закономерности сделан акцент на сближении интересов политики управляющего субъекта, каким для служебной деятельности ОВД является само МВД России, с интереса-

ми всего личного состава. В настоящее время значительное влияние на состояние морально-психологического климата в системе МВД России оказывает непрекращающееся реформирование. В этой связи следует привести указы Президента РФ от 24 декабря 2009 года № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» и от 13 июля 2015 года № 356 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 300 “О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации”» [1; 2]. Применительно к служебной деятельности ОВД данная закономерность может быть сформулирована следующим образом: *объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут увеличиваться по мере стабилизации политики по определению штатной численности личного состава, и наоборот.*

В-пятых, на качестве правомерного поведения отрицательно сказывается рассогласованность потребностей, интересов, установок, убеждений и знаний адресатов права. Полагаем, что Н. Л. Гранат и В. В. Лазарев не вполне обоснованно исключают из предложенной ими формулировки указание на объем правомерного поведения. Разумеется, такие явления, как потребности, установки, убеждения и знания в первую очередь определяются качественно, а не количественно. Вместе с тем в силу философского закона перехода количества в качество и обратно нам представляется возможным обратить внимание также и на количественную составляющую указанной закономерности. С учетом специфики служебной деятельности ОВД формулировка данной закономерности может быть модифицирована так: *объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут неизменно понижаться с возрастанием конфликта между осознанными интересами службы и личностными интересами, потребностями, установками, убеждениями и знаниями личного состава, и наоборот.*

В-шестых, как справедливо отмечает В. В. Лазарев, правомерное поведение является более активным и качественным, если совпадают интересы личности и цели законодателя, если психологическая установка адресата норм и его мировоззрение близки к офици-

ально выраженным в законе позициям государства, к его практической деятельности по проведению установленных правил в жизнь [4, с. 19–25]. Последняя закономерность применительно к правомерному служебному поведению в деятельности ОВД может быть сформулирована следующим образом: *объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут увеличиваться при увеличении степени совпадения собственных личностных потребностей, интересов, установок, убеждений и знаний с целями субъектов правотворчества, и наоборот.*

В-седьмых, объем и качество правомерного поведения будут увеличиваться по мере увеличения степени сплоченности общества. Применительно к специфике служебной деятельности ОВД указанная закономерность может быть сформулирована следующим образом: *объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут увеличиваться по мере увеличения степени сплоченности личного состава, и наоборот.* Господство в общественных отношениях правомерного поведения характеризует общество как высокоорганизованную, сплоченную, дисциплинированную общность людей.

Далее определим формально-юридические закономерности правомерного поведения. Полагаем, что *формально-юридические закономерности правомерного поведения представляют собой объективные, существенные, необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи правомерного поведения с его юридико-техническими детерминантами.* Изучение формально-юридических закономерностей правомерного поведения, особенно личного состава ОВД и других государственных, а также муниципальных служащих, обусловлено тем, что идеально правомерное поведение в среде их деятельности имеет место далеко не всегда. Обращаясь к данной теме, С. А. Муромцев поясняет, что наивысшим проявлением правомерного поведения может считаться «идеально-правомерное». Таковым является только действие, совершенное искренним образом. Полное соответствие между свойствами мотивов и качествами поступков образует необходимый критерий идеального права. Но в реальной жизни такого соответствия достичь трудно, поэтому к отсутствию хороших побуждений право от-

носится как к необходимому злу, которое обусловлено несовершенством средств юридического контроля [10, с. 178]. *Вышесказанное заставляет разрабатывать новые и совершенствовать существующие юридико-технические механизмы обеспечения правомерного поведения.* В связи с этим следует обратить внимание на определение правомерного поведения, предложенное Е. К. Нурпеисовым. Автор определяет правомерное поведение через формы непосредственной реализации норм права (использование субъективного права, исполнение юридической обязанности, соблюдение правового запрета) [11, с. 13]. Следовательно, мы можем сформулировать закономерную связь, то есть закономерность, выражающуюся в зависимости формы правомерного поведения от формы выражения правового предписания. Данную закономерность фактически описывает В. В. Оксамытний, указывая на то, что правомерное поведение личности по своей сути является обусловленной культурно-нравственными воззрениями и жизненным опытом деятельностью личности в сфере социального действия права, основанной на сознательном выполнении его целей и требований, которое выражается в их соблюдении, исполнении и использовании [12, с. 13].

Интересный материал для размышления над вопросом о юридико-технических закономерностях правомерного поведения мы находим в работах криминологов. «Считается, что преобладающими особенностями данного правомерного типа, ориентированного не на содержание правовой нормы, а на санкцию, являются следующие характеристики: правомерное поведение под угрозой санкции тем далее стоит от противоправного поведения, а) чем серьезнее наказание, грозящее за нарушение правового запрета и б) чем серьезнее риск обнаружения и разоблачения факта правонарушения» [13, с. 163–164]. Однако преступность в известном смысле представляет собой антипод правомерного поведения. Следовательно, для выявления формально-юридических закономерностей правомерного поведения можно воспользоваться контрадикторным трансформационным методом познания. Последний заключается в прямом отрицании той или иной модели, концепции, описания явления и создании прямо противоположной модели, концепции, описания исследуемого предмета или явления. Указанный метод позволяет нам сформулировать

следующие формально-юридические закономерности правомерного поведения.

Во-первых, интересна зависимость объема и качества правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации от уровня юридико-технического качества оформления правового стимула. Данная зависимость выявлена статистическим методом. Полагаем, что она обусловливается психическим механизмом формирования правовых установок и ориентаций. При этом сама закономерность может быть сформулирована так: *объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут увеличиваться по мере повышения юридико-технического качества оформления правового стимула, и наоборот.*

Во-вторых, нами также статистическими методами выявлена зависимость объема и качества правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации от степени гарантированности реализации правового стимула при функционировании механизма правового регулирования служебных отношений в системе МВД России. Полагаем, что такая зависимость является закономерной, то есть закономерностью. Ее теоретическую основу составляет положение о том, что мощность положительного стимула находится в прямой зависимости от вероятности наступления конкретных последствий [14, с. 87]. При этом сама закономерность может быть сформулирована следующим образом: *объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут увеличиваться по мере повышения степени гарантированности реализации правового стимула при функционировании механизма правового регулирования служебных отношений в системе МВД России, и наоборот.* Достаточно удачной с этой точки зрения представляется работа Е. А. Мамаева, в которой автор формулирует несколько значимых для настоящего исследования положений. Таким, например, является следующее: «В решении вопросов мотивирования участников правоприменительной процедуры на соблюдение предписываемых правил необходимо введение институтов обоюдной ответственности как для субъектов, так и адресатов процедуры, расширение возможностей материального стимули-

рования» [15, с. 12]. Исходя из этого одним из юридико-технических средств повышения степени гарантированности реализации правового стимула при функционировании механизма правового регулирования служебных общественных отношений в системе МВД России может выступать юридическая ответственность лиц, уполномоченных на применение правовых стимулов.

В-третьих, по справедливому утверждению В. В. Лазарева, положительные характеристики правомерного поведения увеличиваются по мере совершенствования законодательства, устранения пробелов в праве и чрезмерной зарегулированности, развития уполномочивающих норм и сужения сферы действия запретов [4, с. 19–25]. Данная закономерность в значительной степени предопределила выбор темы нашего исследования. Возрастание количества ведомственных нормативных правовых актов в значительной степени способствовало устранению пробелов в нормативном правовом регулировании служебной деятельности ОВД. Однако в науке отмечается достаточно негативная тенденция к чрезмерному регулированию общественных отношений, в том числе и в указанной сфере. Кроме того, правовое регулирование абсолютного большинства служебных отношений осуществляется в рамках разрешительного типа. В данном случае мы разделяем подход С. С. Алексеева, рассматривающего тип правового регулирования как определенное сочетание способов регулирования: дозволения, обязывания и запрета, при котором один из способов является основополагающим и обуславливает

общую нацеленность (дозволительную или запретительную) правового регулирования [16, с. 168–170]. При этом изучаемая закономерность может быть модифицирована применительно к служебной деятельности ОВД следующим образом: *объем и качество правомерного служебного поведения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации будут возрастать до некоторой степени по мере развития уполномочивающих норм и сужения сферы действия запретов в четко определяемых законом сферах служебной деятельности ОВД, и наоборот*. Употребляемая нами оговорка «до некоторой степени» связана с тем, что практическую проблему соотношения запретов, обязываний и дозволений в рамках конкретного правового режима сложно однозначно, с математической точностью решить путем теоретических построений. Теория управления дает лишь общие рекомендации по этому вопросу, например, в форме принципа оптимальности Парето-Уинстона или принципа «требуемого разнообразия» Эшби [17, с. 83–88]. Вместе с тем представляется, что указанная проблема успешно решается эмпирическим путем при реализации принципа профессионализма в служебной деятельности ОВД.

В целом вопрос о формально-юридических закономерностях правомерного служебного поведения требует дальнейшего и более глубокого изучения. Полагаем, что выявленные закономерности правомерного служебного поведения ОВД могут стать научной основой для совершенствования его правового стимулирования.

Литература

1. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 24 дек. 2009 г. № 1468. URL: <http://consultant.ru>

2. О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 300 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации»: Указ Президента Рос. Федерации от 13 июля 2015 г. № 356. URL: <http://consultant.ru>

3. Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 авг. 2012 г. № 777. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. On measures to improve the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation: Presidential Decree Russian Federation of 24 December. 2009 № 1468. URL: <http://consultant.ru>

2. On Amending the Decree of the President of the Russian Federation of May 5, 2014 № 300 «On Some Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»: Presidential Decree Russian Federation of July 13, 2015 № 356. URL: <http://consultant.ru>

3. On the organization of moral and psychological training in the bodies of internal affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of August 10, 2012 № 777. URL: <http://consultant.ru>

4. Лазарев В. В. Выявление закономерностей правомерного поведения // Сов. государство и право. 1983. № 11.
5. Васильев П. В. Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника): моногр. / под науч. ред. В. А. Толстика. М., 2016.
6. Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права. Н. Новгород, 1995.
7. Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
8. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.
9. Гранат Н. Л., Лазарев В. В. Механизм государственно-правового регулирования // Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994.
10. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879.
11. Нурпеисов Е. К. Механизм формирования правомерного поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.
12. Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности: теоретические и методологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990.
13. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982.
14. Толстик В. А. Закономерности эффективного государственного управления // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 23–24 мая 2013 г.): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1.
15. Мамай Е. А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.
16. Алексеев С. С. Теория права. М., 1994.
17. Понкин И. В. Общая теория публично-го управления: правовые основы, цели, принципы, инструменты, модели и концепты публичного управления: лекц. курс. М., 2016.
4. Lazarev V. V. Revealing regularities of lawful behavior // Soviet state and the right. 1983. № 11.
5. Vasiliev P. V. Automatic sanctions in the Russian law (the theory, practice, equipment): monograph / scientific. ed. V. A. Tolstik. Moscow, 2016.
6. Radko T. N., Toustsik V. A. Right functions. Nizhny Novgorod, 1995.
7. Vetyutnev Yu. Yu. State-legal regularities: questions of the theory and methodology: abstract of dis. ... PhD in Law. Saratov, 2004.
8. Alekseev S. S. General theory of law. Moscow, 1981. Vol. 1.
9. Granat N. L., Lazarev V. V. Mechanism of state regulation // General Theory of Law and the State: textbook / ed. by V. V. Lazarev. Moscow, 1994.
10. Muromtsev S. A. Definition and basic separation of law. Moscow, 1879.
11. Nurpeisov E. K. Mechanism of formation of lawful behavior of the person: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 1980.
12. Oksamytny V. V. Lawful behavior of the individual: theoretical and methodological problems: dis. ... PhD, Professor in Law. Kiev, 1990.
13. Grounds for criminal legal prohibition. The criminalization and decriminalization. Moscow, 1982.
14. Tolstik V. A. Regularities efficient government // State-legal regularities: theory, practice, technology: a collection of articles on the materials of the International scientific-practical conference (Nizhny Novgorod, May 23–24, 2013): in 2 vol. / ed. by V. A. Tolstik. Nizhny Novgorod, 2013. Vol. 1.
15. Mamay E. A. Efficiency of enforcement procedures (theory, practice, equipment): abstract of dis. ... PhD in Law. Nizhny Novgorod, 2011.
16. Alekseev S. S. A theory of law. Moscow, 1994.
17. Ponkin I. V. A general theory public administration: the legal bases, objectives, principles, tools, models, and concepts of public administration: lecture course. Moscow, 2016.

© 2017 г. А. Х. Канкулов,

эксперт Экспертно-криминалистического центра МВД России по Кабардино-Балкарской Республике.
E-mail: kankulovanzor@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматривается правовое положение лиц в местах принудительного содержания органов внутренних дел, дается его характеристика в зависимости от вида специального учреждения. На этой основе вносятся предложения по унификации правового положения лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, местах исполнения административного ареста, центрах временного пребывания несовершеннолетних правонарушителей, местах нахождения (пребывания) иностранных граждан и лиц без гражданства, в специальных помещениях для административно задержанных органов внутренних дел.

Ключевые слова: права, законные интересы, места принудительного содержания органов внутренних дел, изоляторы временного содержания, задержанный, административный арест, несовершеннолетний, иностранный гражданин, законодательный акт, мигранты, центр временного содержания, места временного содержания.

A. H. Kankulov – Expert forensic centre of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the Kabardino-Balkarian Republic.

THE LEGAL STATE OF PERSONS IN PLACES OF DETENTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article discusses the legal situation of persons in places of detention of internal Affairs bodies, given their characteristics, depending on the kind of special companies. It provides a comparative analysis depending on the types of special companies. On this basis, make proposals for the unification of the legal status of persons held in temporary detention centers of suspects and accused of committing offences, administrative arrest, temporary placement centres for juvenile offenders, location (residence) of foreign citizens and individuals without citizenship, and in special facilities for administrative detention of internal Affairs bodies.

Key words: rights, legal interests, the places of detention of internal Affairs bodies, temporary detention facilities, detainees administrative detention, juvenile, foreign national, legislation, migrants, detention center, temporary detention.

Правовое положение лиц, находящихся в местах принудительного содержания органов внутренних дел, его особенности основываются прежде всего на нормах Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми ряд прав и свобод граждан не могут быть ограничены ни при каких условиях (ч. 2 ст. 56) [1]. Оно регламентируется также отраслевым законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами, определяющими условия и порядок содержания граждан в указанных местах.

Так, особенности правового положения лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания, закрепляются Федеральным законом от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с последующими изменениями и дополнениями) [2]. В соответствии с ч. 1 ст. 6 данного закона подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений считаются невиновными, пока их винов-

ность не будет доказана в предусмотренном федеральном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Они пользуются правами и свободами и несут обязанности, установленные для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными настоящим федеральным законом и иными федеральными законами.

В законе выделена самостоятельная глава 2, определяющая права подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в данных учреждениях, устанавливающая особенности правового положения женщин и несовершеннолетних, содержащихся под стражей.

Приведенные законодательные установления нашли свое отражение в Правилах внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утвержденных приказом МВД России от 22 ноября 2005 года № 950 [3].

Нормы, содержащиеся в них, можно разделить на следующие группы:

- обеспечивающие реализацию законодательных установлений;
- дополняющие перечень прав и законных интересов, предусмотренных законодательством;
- детализирующие (конкретизирующие) законодательные установления.

Правилами определяются условия для привлечения подозреваемых и обвиняемых к труду, а также устанавливается запрет на принудительный труд, за исключением поддержания чистоты и порядка в камерах. В частности, правило 108 предоставляет администрации изолятора возможность привлекать всех желающих подозреваемых и обвиняемых к труду.

Особенности правового положения административно арестованных, находящихся в местах отбывания наказания, регламентируются Федеральным законом от 26 апреля 2013 года № 67 ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» [4]. Правовое положение указанных лиц во многом схоже с правовым положением подозреваемых и обвиняемых, находящихся в изоляторах временного содержания, что легко объяснить: до принятия данного закона оно определялось действующими в этой сфере нормативными правовыми актами. И при определении в том числе особенностей правового положения административно арестованных был учтен имеющийся опыт в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в изоляторах временного содержания.

Отсюда вполне закономерно, что положения, определяющие особенности прав, свобод, законных интересов лиц, находящихся в других местах принудительного содержания, являются менее разработанными.

В числе этих позиций можно выделить степень урегулированности вопроса о привлечении к труду лиц данной категории. Если в Правилах определяются условия такого привлечения к труду, то в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность иных мест принудительного содержания, в том числе и мест отбывания административного ареста, рассматриваемый вопрос никак не урегулирован.

Представляется, что условия привлечения к труду лиц, находящихся в местах принудительного содержания, должны быть установлены на законодательном уровне, как это сделано в отношении осужденных к лишению свободы (ст. 106 УИК РФ) [7; 8]. В связи с этим предлагаем в соответствующих законо-

дательных актах закрепить норму следующего содержания: «Лица, находящиеся в местах принудительного содержания органов внутренних дел, могут привлекаться без оплаты труда только к выполнению работ по благоустройству места принудительного содержания органов внутренних дел и прилегающих к нему территорий».

Лица, являющиеся инвалидами первой или второй группы, мужчины старше 60 лет, женщины старше 55 лет, беременные женщины привлекаются к работе без оплаты труда по их желанию.

К указанным работам лица привлекаются в порядке очередности, их продолжительность не должна превышать двух часов в неделю. Продолжительность работ может быть увеличена по письменному заявлению лица».

Отдельные нормы, на наш взгляд, необоснованно допускают административное усмотрение при решении вопросов, касающихся прав и законных интересов лиц, пребывающих в местах принудительного содержания. Например, норма, содержащаяся в п. 21 Правил, предусматривает по возможности отдельное размещение курящих и некурящих. Возникает вопрос о том, кто и как определяет данные возможности. Исходя из той редакции, в которой данная норма изложена, можно сделать вывод о том, что эти возможности определяет руководитель органа внутренних дел, при котором они имеются.

Приведем другой пример. Согласно п. 14 Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, совместно в отдельном помещении специального учреждения содержаться супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья, родные сестры, дедушки, бабушки, внуки иностранного гражданина.

Это вызывает ряд вопросов: при каких условиях это возможно, кто определяет наличие или отсутствие таких возможностей и почему данная норма не допускает их в отношении лиц без гражданства?

Думается, что отказ в предоставлении возможности общения в форме совместного содержания с близкими родственниками лица, находящегося в специальном учреждении, является серьезным нарушением прав человека сфере свободного общения с близкими людьми. Действующее законодательство предусматривает возможность решения данной проблемы путем добровольного выезда гра-

жителя из Российской Федерации за счет собственных средств, средств приглашающей стороны или принимающей стороны либо средств иных источников (за исключением средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации) и содействия в установлении его личности (глава 1 ст. 32.5 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации») [6]. Реализация этой меры, с одной стороны, способствует обеспечению прав, свобод и законных интересов иностранных граждан и лиц без гражданства, а с другой стороны, создает условия для достойного содержания в местах их временного принудительного пребывания.

На наш взгляд, в данном законе следует предусмотреть и другие меры, направленные на обеспечение выезда данной категории граждан за пределы Российской Федерации, а именно: официальное предостережение (предостережение) лица о необходимости покинуть территорию России в установленные сроки; введение административной или уголовной ответственности за невыполнение официального предостережения (предостережения); разрешение на проживание в ином учреждении (помещении) при решении вопроса о выдворении под поручительство других лиц или под обязательство самого выдворяемого.

Для обеспечения охраны жизни и здоровья лиц в местах принудительного содержания законодательство, регламентирующее их правовое положение, считаем необходимым дополнить нормами следующего содержания:

«Лицо, находящееся в специальном учреждении принудительного содержания органов внутренних дел, имеющее тяжелое заболевание, причиняющее ему в условиях принудительной изоляции дополнительные моральные и физические страдания и включенное в перечень тяжелых заболеваний, утвержденный Правительством Российской Федерации, освобождается от дальнейшего отбывания наказания при условии применения в отношении него других форм процессуального пресечения (административного наказания) и несовершения им нового административного проступка.

Лицо, ранее освобожденное от административного ареста вследствие наличия тяжелого заболевания и совершившее новый умышленный административный проступок в течение одного года после предыдущего освобождения, не может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания».

Полагаем целесообразным в Федеральный

закон от 26 апреля 2013 года № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» включить норму об отсрочке отбывания ареста в связи с тяжелым заболеванием следующего содержания: «Лицу, отбывающему арест, суд может отсрочить до его выздоровления, но не более шести месяцев, реальное отбывание наказания в связи с тяжелой болезнью, требующей проведения оперативного лечения или получения иной высокотехнологической медицинской помощи.

Отсрочка отбывания ареста в связи с тяжелым заболеванием может быть предоставлена в случаях, если такое оперативное лечение не может быть проведено, а высокотехнологическая медицинская помощь не может быть оказана в условиях принудительной изоляции.

Отсрочка отбывания ареста в связи с тяжелым заболеванием не может быть предоставлена, если необходимость оперативного лечения и получения высокотехнологичной медицинской помощи возникла вследствие умышленного причинения содержащемуся вред своему здоровью».

В указанных целях данный закон следует дополнить нормой, устанавливающей право лица, пребывающего в местах принудительного содержания, имеющего тяжелое заболевание, причиняющее ему в условиях принудительной изоляции дополнительные моральные и физические страдания и включенное в перечень тяжелых заболеваний, утвержденный Правительством Российской Федерации, обратиться в суд с ходатайством об освобождении от дальнейшего отбывания наказания, административного содержания под стражей. Такое ходатайство должно подаваться через администрацию места принудительного содержания, одновременно с ним в суд направляются заключение медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы, личное дело арестованного.

Исполнение решения суда об отсрочке исполнения административного ареста может быть возложено на уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства арестованного, в которую направляется копия такого решения, отдельные контрольные функции могут быть возложены на уголовно – исполнительные инспекции по месту нахождения медицинского учреждения, где осуществляется оперативное лечение лица и (или) оказание ему высокотехнологической медицинской помощи. При получении решения суда об отсрочке отбывания ареста администрация органа внутренних дел освобождает содержащегося, у которого берется подписка о явке в уголовно-исполнитель-

ную инспекцию по его месту жительства на следующий день после прибытия.

В день освобождения лица из-под ареста в уголовно-исполнительную инспекцию по его месту жительства направляется копия решения суда об отсрочке отбывания с указанием даты освобождения. После получения решения суда и прибытия лица уголовно-исполнительная инспекция ставит данное лицо на учет и в дальнейшем осуществляет контроль за его поведением, проведением оперативного лечения и (или) оказанием высокотехнологической медицинской помощи. При постановке лица на учет в течение трех суток в орган внутренних дел направляется подтверждение по месту освобождения указанного лица.

Одной из гарантий исполнения отсрочки исполнения административного ареста является возложение на лицо, в отношении которого она применена, обязанностей:

- своевременно встать на учет в уголовно-исполнительную инспекцию с момента прибытия к месту жительства или месту оперативного лечения или оказания высокотехнологической помощи;

- прибыть в установленный срок в медицинское учреждение для проведения оперативного лечения и (или) оказания высокотехнологической медицинской помощи;

- в трехдневный срок уведомить уголовно-исполнительную инспекцию о своем месте пребывания и медицинском учреждении, где проводится оперативное лечение и (или) оказание высокотехнологической медицинской помощи, а также об изменении места пребывания и медицинского учреждения;

- в трехдневный срок письменно уведомить уголовно-исполнительную инспекцию об отказе от оперативного лечения и (или) получения высокотехнологической медицинской помощи с обоснованием причин такого отказа;

- после оперативного лечения и (или) оказания высокотехнологической медицинской помощи и выздоровления прибыть в уголов-

но-исполнительную инспекцию для решения вопроса об исполнении решения суда или реального отбывания наказания;

- не предпринимать мер по уклонению от контроля уголовно-исполнительной инспекции.

Порядок осуществления контроля должен определяться нормативными правовыми актами Минюста России и ФСИН России по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

В случае если освобожденное от ареста лицо отказалось от оперативного лечения и (или) оказания ему высокотехнологической медицинской помощи или продолжает после объявленного предупреждения уклоняться от их получения, уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представления об отмене отсрочки исполнения ареста суда или отсрочки от реального его отбывания и о направлении лица для отбывания ареста. К представлению прилагается копия решения суда об отсрочке отбывания ареста.

Сопоставление правового положения лиц, находящихся в различных местах принудительного содержания, позволяет сделать вывод о том, что принципиальной разницы в нем нет. Это обуславливается в том числе и тем, что особенности правового положения в ряде случаев регламентируются одними и теми же нормативными правовыми актами [9]. Таким образом, предложенные меры по совершенствованию норм, гарантирующих реализацию прав и законных интересов, в той или иной интерпретации применимы и к изоляторам временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, и к местам отбывания административного ареста, и к местам принудительного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, и к центрам временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голос. 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 26.01.2009. № 4. Ст. 445.

2. О содержании под стражей подозревае-

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote December 12. 1993 (taking into account the amendments introduced by laws of the Russian Federation of 30 December. 2008 № 6-FKL dated 30 December 2008 № 7-FKL) // Collected legislation of the Russian Federation. 26.01.2009. № 4. Ar. 445.

2. On detention of suspects and accused of

мых и обвиняемых в совершении преступлений: Федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: приказ МВД России от 22.11.2005 № 950 (в ред. от 18.10.2012). URL: <http://consultant.ru>

4. О порядке отбывания административного ареста: Федер. закон Рос. Федерации от 26 апр. 2013 г. № 67-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

5. Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии: постановление Правительства Рос. Федерации от 30 дек. 2013 г. № 1306. URL: <http://pravo.gov.ru>

6. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

7. Гришко А. Я. Реализация гражданских прав осужденных: история, состояние, обеспечение // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2.

8. Оводкова Л. С. Деятельность прокуратуры и уполномоченного по правам человека по обеспечению прав и законных интересов лиц в местах принудительного содержания: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2015.

9. О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов Федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации, на мирное время: постановление Правительства Рос. Федерации от 11 апр. 2005 г. № 205. URL: <http://consultant.ru>

crimes: Federal Law of the Russian Federation of 15 July 1995 № 103-FL. URL: <http://consultant.ru>

3. Approving the internal Regulations of temporary detention centers of suspects and accused persons of internal Affairs bodies: order the Ministry of internal Affairs dated 22.11.2005 № 950 (as amended on 18.10.2012). URL: <http://consultant.ru>

4. On the procedure of serving administrative arrest: the Federal Law of the Russian Federation of 26 April 2013 № 67-FL. URL: <http://consultant.ru>

5. About approval of Rules of content (stay) in special institutions of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation or its territorial body, the foreign citizens and stateless persons subject to administrative expulsion outside the Russian Federation in the form of compulsory expulsion from the Russian Federation, deportation or readmission: decision of the Government of the Russian Federation of 30 December 2013 № 1306. URL: <http://pravo.gov.ru>

6. On legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 25 July 2002 № 115-FL. URL: <http://consultant.ru>

7. Grishko A. Ya. The implementation of the civil rights of convicts: history, status, ensuring // Penal system: Law, Economics, Management. 2007. № 2.

8. Ovodkova L. C. Office of the Commissioner for human rights to ensure the rights and legitimate interests of persons in places of detention: dis. ... PhD in Law. Ryazan, 2015.

9. About the minimum norms of nutrition and material and social security of convicted persons to imprisonment, and also about norms of food and material and household providing suspects and accused of committing offences and held in remand centres of the Federal service of execution of punishments, the temporary detention centers of suspects and accused persons of the internal Affairs bodies of the Russian Federation and boundary bodies of Federal security service of persons subjected to administrative arrest, detained persons in the territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation on a peace time: resolution of the Government of the Russian Federation of 11 April 2005. № 205. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. К. П. Малянова,

преподаватель-методист отделения планирования, контроля и практики учебного отдела
Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: kari_rostov@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ С ЦЕЛЬЮ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 173.1–173.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается практика взаимодействия налоговых и правоохранительных органов. Приведены различные методы и приемы выявления налоговых преступлений, способы обнаружения незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица, как одной из схем уклонения от уплаты налогов организациями.

Ключевые слова: налоговые органы, правоохранительные органы, незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица, методы и приемы выявления налоговых преступлений, фирмы «однодневки».

K. P. Maliynova – Teacher-methodologist of the Department of Planning, Control and Practice the Training Division, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation.

INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT AND OFFICERS TO IDENTIFY CRIMES PROVIDED FOR IN THE ARTICLES 173.1 AND 173.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the practice of interaction between tax and law enforcement agencies. Different methods and techniques of identification of tax offenses, methods of detecting illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity, fraudulent use of documents for formation (establishment, reorganization) of a legal entity, as one of schemes of evasion from payment of taxes organizations.

Key words: tax authorities, law enforcement agencies, Illegal formation (creation, reorganization) of legal entities, methods and techniques of detection of tax offences companies, one-day firms.

В настоящее время проблема неуплаты налогов организациями в России продолжает оставаться актуальной. Несмотря на расформирование налоговой полиции, функции по борьбе с уклонениями от уплаты налогов и (или) сборов с организаций были поделены между правоохранительными и налоговыми органами. На эти разные по структуре организации возложены общие цели по обеспечению стабильного пополнения бюджета государства. От того, насколько эффективно, грамотно и своевременно будет налажено взаимодействие между правоохранительными и налоговыми органами, зависит экономическое развитие нашего государства.

Так, по мнению профессора А. Р. Ратинова, «под взаимодействием понимается основанная на законе согласованная деятельность административно независимых друг от друга органов..., направленная на раскрытие и предупреждение конкретного преступления путем наиболее целесообразного сочетания

методов и средств, присущих этим органам» [2, с. 42].

Резонно возникает вопрос, какие подразделения относятся к налоговым органам, а какие – к правоохранительным? Термином «налоговые органы» охватываются только органы Федеральной налоговой службы РФ. Однако на практике население относит к ним не только ФНС России, но и таможенные органы, органы внебюджетных фондов.

Федеральная налоговая служба РФ является контролирующим органом, но в ее обязанность включается передача (не позднее чем в 10-дневный срок) информации, материалов проверок в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Правоохранительные органы – государственные органы, основной функцией которых выступает охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, борьба с преступностью. К правоохранительным органам относятся суд, арбитраж, конституции

онный суд, прокуратура, органы внутренних дел, органы Федеральной службы безопасности, таможенного контроля, юстиции, служба судебных приставов. В широком смысле это понятие включает в себя также ряд негосударственных институтов: адвокатуру, третейский суд и пр.

Хотелось бы отметить, что существование множества схем уклонения от уплаты налогов организациями подвигло законодателя на включение в Уголовный кодекс РФ статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в налоговой сфере. Одним из факторов, способствующих совершению противоправных действий (занижению доходов, завышению вычетов по НДС, незаконного возмещения НДС из бюджета и т. п.), является незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица, незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица. Данные подставные организации принято называть фирмами-«однодневками». По статистическим данным Федеральной налоговой службы РФ, свыше 60 % от всех регистрируемых фирм – это фирмы-«однодневки», которые находятся в «тени». Подразделениям по борьбе с экономическими преступлениями при осуществлении деятельности по выявлению налоговых преступлений необходимо учитывать, что последние отличаются высокой латентностью.

Указанные преступления характеризуются постоянным усложнением мошеннических схем возмещения НДС с применением изощренных мер конспирации. Над разработкой и организацией схем мошеннического возмещения НДС работают высококвалифицированные налоговые консультанты, досконально изучившие налоговое и уголовное законодательство [1, с. 3].

Преступниками используются различные способы маскировки и завуалированности деятельности коммерческих фирм для придания им вида легальной деятельности. Такие преступления характеризуются большим размером причиненного материального ущерба, высоким социальным статусом лиц, их совершающих, большими временными рамками от момента их совершения до момента выявления признаков состава преступления.

Для раскрытия налоговых преступлений сотрудникам органов внутренних дел необ-

ходимо прилагать немало усилий. Очень редко в подразделение поступают заявления, сообщения от граждан и организаций о совершении таких деяний. Для получения официальной информации сотрудникам приходится самостоятельно осуществлять поисковую работу на объектах первоочередной оперативной заинтересованности по обнаружению признаков подготавливаемых, совершаемых либо совершенных налоговых преступлений.

В ходе поисковой работы сотрудники правоохранительных органов при взаимодействии с сотрудниками налоговых органов используют различные методы и приемы выявления налоговых преступлений:

1. Встречная проверка операций (сделок). Налоговая инспекция запрашивает документы у контрагентов проверяемого налогоплательщика, а затем сравнивает полученные сведения с теми, которые были отражены в документах организации.

Однако взамен термина «встречная проверка», исключенного из Налогового кодекса РФ, введена новая статья 93.1. Она предусматривает запрос информации и документов о налогоплательщике по конкретным сделкам. При этом в рамках таких запросов у налоговых органов полномочий стало существенно больше.

Тем не менее в деловой практике такие мероприятия по-прежнему называют встречной налоговой проверкой, поскольку суть их не изменилась: истребование документов и информации у третьих лиц для проверки достоверности сведений, отраженных у проверяемого налогоплательщика.

2. Встречная сверка документов, которая проводится в двух различных подразделениях одной и той же организации путем сверки отдельных экземпляров одного и того же документа, а также учетных регистров, находящихся в двух различных организациях (накладная – у покупателя, второй экземпляр накладной – у поставщика и т. д.).

Существует ряд факторов, ограничивающих применение данного метода:

- составление документов по некоторым операциям в единственном экземпляре;
- осуществление подлога во всех экземплярах одного и того же документа;
- невозможность провести сверку ввиду отсутствия второго экземпляра в связи с выдачей документа в частные руки.

Взаимная сверка документов предполагает использование различных документов в любом сочетании, прямо или косвенно отображающих проверяемую хозяйственную операцию.

3. Проверка контролирующих регистров (журнал, реестр, ведомость) в их связи с документами. Этот метод позволяет выявить расхождения между первичными документами, к которым предъявляются определенные требования (полнота и правильность оформления, заполнения реквизитов, законность документированных операций, логическая увязка отдельных показателей), и данными в системе синтетических и аналитических счетов бухгалтерского учета. С этой целью сведения об остатках имущества, хозяйственных средств и источниках их формирования, а также данные о хозяйственных операциях из соответствующих первичных или сводных документов записываются в учетные регистры.

4. Рассмотрение финансово-хозяйственной деятельности в динамике. При этом методе проверяемая организация делится на ряд структурных подразделений и отдельные направления деятельности. В процессе проведения анализа осуществляется комплексная проверка всех отчетных документов за определенный временной промежуток с использованием системы источников экономической информации исходя из внутрихозяйственных и внешних связей, факторов и показателей.

5. Сопоставление однородных операций. Для сопоставления однородных операций используется два универсальных по сфере применения метода – хронологический и сравнительный анализ. С помощью хронологического анализа выявляются отклонения от обычного оборота ценностей. Анализируются даты совершения тех или иных хозяйственных операций, отраженные в данных учета.

Метод сравнительного анализа позволяет сопоставлять данные ряда документов, отражающие разные хозяйственные операции за аналогичный период времени. Поисковое значение является преимуществом и общей чертой хронологического и сравнительного анализа. Правоохранительные органы применяют эти приемы для сужения круга поиска доказательственных материалов. Найденные отклонения и «странные закономерности» приобретают значение доказательств только

в совокупности с другими фактическими данными. Такие данные могут быть получены после проверки выделенных сомнительных операций с помощью других приемов исследования, прежде всего с помощью встречной проверки и метода взаимного контроля документов.

6. Проверка правильности списания ресурсов в соответствии с нормативными документами. Обоснованность списания ресурсов в расход определяется на основе изучения и сопоставления данных первичных расчетно-платежных документов (счетов-фактур, накладных, требований на отпуск материалов) и учетных регистров (карточек складского учета, отчетов о движении ценностей, ведомостей и др.). Устанавливается полнота оприходования производственных запасов, правильность их классификации и оценки, наличие оформленных договоров с материально ответственными лицами, журналов регистрации приходно-расходных документов, приказов об утверждении состава инвентаризационных комиссий.

7. Изучение хозяйственных операций и балансовых счетов в их связи. Для отображения хозяйственных операций баланс разделяется на счета, причем для отображения изменений по каждой статье баланса создается отдельный счет. Счета предназначены для группирования необходимых для принятия решений показателей по определенным объектам. Каждый счет предназначен для отображения конкретного объекта хозяйственных средств или источников их образования. На счетах на основании первичных документов накапливаются и систематизируются текущие данные только по однородным хозяйственным операциям.

Взаимодействие Министерства внутренних дел РФ и Федеральной налоговой службы РФ должно строиться с учетом максимального использования тех возможностей и преимуществ, которыми в сравнении друг с другом обладают названные ведомства. Так, несомненным достоинством налоговой службы является наличие значительных информационных ресурсов и большой объем проводимой аналитической работы.

Одним из лучших информационных ресурсов ФНС России является специальная база данных «Юридические лица, контролируемые в первую очередь» (ЮЛ-КПО), предназначенная для оценки благонадежности

компании. Показатели «налоговой неблагонадежности» были сформулированы в приказе ФНС России от 14 октября 2008 года № ММ-3-2/467 «О внесении изменений в приказ ФНС России от 30 мая 2007 года № ММ-3-06/333 “Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок”», в котором отражены общедоступные критерии самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков, используемые налоговыми органами в процессе отбора объектов для проведения выездных налоговых проверок. Критерии, перечисленные в данном документе, – это, по сути, сокращенный вариант ЮЛ-КПО. Данные о компании собираются из трех источников: из данных, подаваемых при регистрации фирмы; данных, подаваемых при постановке на налоговый учет; данных, собираемых в процессе коммерческой деятельности компании. В базу ЮЛ-КПО заносятся все компании вне зависимости от наличия сомнительных факторов. В базе ЮЛ-КПО существует система рейтингов. Каждая компания оценивается по ряду факторов, и чем больше у нее показателей неблагонадежности, тем больше вероятность жесткого контроля и санкций со стороны налоговых органов. Например, если компания в течение одного или нескольких отчетных периодов не сдает отчетность, рейтинг ее в системе ЮЛ-КПО неуклонно растет.

Информационная система КСНП (комплексные сведения о налогоплательщиках) используется налоговыми органами для оперативного получения информации о компании, ее контрагентах и аффилированных лицах.

В системе собираются и оцениваются данные, полученные из бухгалтерской и прочей отчетности юридического лица, представляемой по месту регистрации компании. Система собирает не только информацию о налогоплательщике, но и о его контрагентах. В случае возникновения подозрения о налоговых нарушениях или обнаружения фактов налогового нарушения налоговые органы вправе назначить проверку. Сведения, предоставляемые налогоплательщиками на этапе регистрации, о внесении изменений в регистрационные сведения и сдаче отчетности и являются этой информацией.

Система САИ-В (сбора и анализа информации, поступающей от внешних источников (третьих лиц) служит способом достижения вышеуказанных целей. Третьими лицами мо-

гут выступать не только обычные граждане, но и правоохранительные органы, ГИБДД, Роснедвижимость, Федеральная служба по финансовому мониторингу, интернет-источники и т. д. Это одна из самых закрытых систем проверки налогоплательщиков. Система позволяет выявить налогоплательщиков с наибольшим количеством нарушений. Целью создания данного программного комплекса является автоматизация отбора компаний для выездных проверок.

В вопросах сбора и анализа информации о налогоплательщике налоговая служба на современном этапе значительно опережает органы внутренних дел. Поэтому при взаимодействии сотрудникам полиции необходимо активно использовать информационные ресурсы своих коллег из налоговой службы для достижения указанных целей. Вместе с тем сотрудники органов внутренних дел располагают более широкими возможностями в рамках применения законодательства, относящегося к осуществлению оперативно-разыскной деятельности. Данные особенности двух ведомств во многом определяют методы их взаимодействия.

В достижении положительного результата в выявлении и пресечении преступлений, предусматривающих уголовную ответственность по ст. 173.1–173.2 УК РФ, сотрудникам правоохранительных органов помогает доступ к информации, находящейся в распоряжении ФНС России. Тщательный анализ сведений дает возможность выявить широкий круг подозрительных юридических лиц, специализирующихся на создании и использовании «однодневок». Сведения из ФНС России позволяют решить и основную задачу органов внутренних дел на первоначальном этапе при борьбе с фирмами-«однодневками» – это выявление возможных печатей указанных фирм, их учредительных и иных документов, компьютеров с установленными бухгалтерскими программами и системами «Клиент-банк». Подобные места могут располагаться как в офисах компаний, так и в помещениях, используемых участниками указанных организованных групп.

Фирма, созданная через подставных лиц, чаще всего существует в течение непродолжительного времени. Если за этот промежуток времени она не выявлена, но уже ощутила интерес к себе со стороны правоохранительных и налоговых органов, то происходит

процедура внесения изменений в ЕГРЮЛ (Единый государственный реестр юридических лиц) – выход старых учредителей, продажа долей в уставном капитале, перераспределение долей на подставных лиц. Начиная с 1 июля 2002 года процедурой внесения изменений занимаются органы ФМС России. В распоряжении налоговых органов могут оказаться такие важные сведения, как устав организации, учредительные договоры, доверенности. В соответствии со ст. 21 УПК РФ сотрудники налоговых органов должны предоставлять указанную информацию по запросу правоохранительных органов, однако на практике взаимодействие осуществляется несвоевременно, что затрудняет работу по оперативному выявлению признаков незаконного образования и незаконного использования документов для создания (реорганизации) юридического лица.

В современном мире широкое распространение получили электронные ресурсы. Сдача бухгалтерской и налоговой отчетности в электронном виде через Интернет – это процедура, доступная любому участнику коммерческих отношений. Также широкое распространение среди коммерческих фирм получила система «Клиент-банк», когда оплата сче-

тов, перевод денежных средств, закрытие, открытие кредитных линий осуществляется посредством электронной связи, более того, подписывается электронной подписью уполномоченного лица. Описанные мероприятия представляют реальную возможность для сотрудников налоговой службы при взаимодействии с сотрудниками правоохранительных органов отследить через IP-адреса компьютеров налогоплательщиков круг лиц и помещения, где расположены фирмы-«однодневки». Аналогичную информацию можно получить из банков, если интересующие фирмы используют систему «Клиент-банк».

Таким образом, эффективность борьбы с фирмами-«однодневками» при плодотворном взаимодействии налоговых и правоохранительных органов зависит от своевременного обмена информацией, достоверности сведений, поступающих из налоговых органов, регулярного заполнения существующих информационных баз, создания единого защищенного электронного ресурса для отражения накопленной и вновь поступающей информации о фирмах-«однодневках», попавших в поле зрения как налоговых, так и правоохранительных органов.

Литература

1. Варданыан А. В., Антонов В. А., Белохребтов В. С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: моногр. Иркутск, 2016.

2. Ратинов А. Р. Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании преступлений: учеб. М., 1964.

3. Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок: приказ ФНС России от 30 мая 2007 года № ММ-3-06/3332 (с изм. от 14.10.2008). URL: <http://consultant.ru>

4. Налоговый кодекс Российской Федерации. URL: <http://consultant.ru>

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. Vardanyan A. V., Antonov V. A., Belokhreblov V. S. The peculiarities of detection, disclosure and the initial stage of investigation of attempt at fraud with compensation of a value added tax: monograph. Irkutsk, 2016.

2. Ratinov A. R. The Interaction of investigators of the Prosecutor and of the police in investigating crimes: tutorial. Moscow, 1964.

3. On approval of the concept of planning system of field tax audits: the order FNS of Russia from May 30, 2007 № ММ-3-06/3332 (with amendments dated 14.10.2008). URL: <http://consultant.ru>

4. Tax code of the Russian Federation. URL: <http://consultant.ru>

5. The code of criminal procedure of the Russian Federation. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. А. В. Потанин,

преподаватель кафедры административного права и административной деятельности
Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.
Тел.: 8 (920) 630-79-91.

К ВОПРОСУ О ЗАКРЕПЛЕНИИ ЗА НАРОДНЫМИ ДРУЖИННИКАМИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению отдельных вопросов реализации полномочий и выполнения обязанностей по охране общественного порядка народными дружинниками в современных условиях и путей их возможного решения.

Ключевые слова: народная дружина, общественный порядок, административное правонарушение, права, обязанности.

A. V. Potanin – Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Proceeding, Ryazan branch of Moscow University of the Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot.

TO THE ISSUE OF AFFORDING OF SPECIAL RIGHTS AND DUTIES TO THE VOLUNTARY PEOPLE'S GUARD AND SOME PROBLEMS OF THEIR ENFORCEMENT

The article is devoted to some of the exercise of powers and performing duty of the voluntary people's guard in enforcement of public order in the modern context and their possible solution.

Key words: people's guard, public order, administrative offense, rights, duties.

Второго июля 2014 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [4] (далее – Закон), который стал единым документом, регулирующим все формы участия граждан в охране общественного порядка и определяющим административно-правовой статус субъектов этой деятельности. До его принятия правоотношения в этой сфере узко регламентировались Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [5] и принятыми на его основе нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, не охватывающими в должном объеме задачи этого общественно-правоохранительного института.

При активной поддержке МВД России законодатели неоднократно предпринимали попытки разрешить эту проблему на федеральном уровне. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 18.12.1991 № 2051-1 была намечена цель разработать проект закона РСФСР «Об участии граждан Российской Федерации в обеспечении правопорядка», в 1992 году Распоряжением Президента Российской Федерации от 15.11.1993 № 734-рп указанный законопроект был назван в числе приоритетных [13, с. 37]. В 1999 году законопроект «Об участии граждан в обеспечении пра-

вопорядка» был одобрен обеими палатами Федерального Собрания Российской Федерации, но отклонен Президентом России Б. Н. Ельциным как противоречащий Конституции Российской Федерации [10].

По мнению А. М. Кононова [15, с. 9], причиной послужил диссонанс в наделении народных дружинников полномочиями осуществления отдельных мер административного принуждения (доставление правонарушителей и применение к ним физической силы, изъятие вещей и документов, составление протоколов об административном правонарушении и т. д.).

Во многом разделяя высказанную точку зрения, отметим, что ст. 15 рассматриваемого законопроекта [8] предусматривала также применение народными дружинниками специальных средств (резиновых палок, аэрозольных устройств со слезоточивыми или раздражающими веществами, электрошокерных устройств). Заметим, что и в последующих законопроектах [11, 12], вносимых на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации, достаточно широко трактовались возможности народных дружинников в сфере охраны общественного порядка, и, предположительно, в силу этого данные законопроекты отклонялись в процессе обсуждения. Складывается мнение, что

разработчики законопроектов отчасти пытались реанимировать «советские» нормы о народных дружинах, но безосновательно не учитывали произошедшие изменения в социально-экономической и политической жизни Российского государства.

Предполагается, что, проектируя права членов общественных объединений правоохранительной направленности, авторы в первую очередь должны ориентироваться на самих субъектов их реализации, которыми в качестве народных дружинников выступают учителя, рабочие, студенты и другие лица, не подготовленные в профессиональном плане к охране общественного порядка, не обладающие необходимым багажом юридических познаний.

Нами просматривается в этом проблема поиска так называемой «золотой середины»: как наделить этих непрофессиональных субъектов правоохранительной деятельности *реальными* правами и обязанностями в сфере охраны общественного порядка и при этом избежать в процессе их деятельности ущемления прав иных граждан либо организаций. Причем для эффективной деятельности в сфере охраны общественного порядка (к которой привлекаются народные дружинники) необходимо применение широких мер административного принуждения, и наделение ими народных дружинников будет приравнивать последних к статусу государственных служащих. Поэтому стоит согласиться с мнением В. Н. Закопырина [13, с. 91], который с этих позиций считает необходимым рассматривать народные дружины исключительно в форме государственно-общественной организации.

В свете этой проблемы вызывает интерес мнение М. А. Юнусова [21, с. 51] о том, что прежде чем закреплять административные права и обязанности человека, следует уяснить их сферу действия и механизм применения. По нашему мнению, наделение специального субъекта административного права (в нашем случае народного дружинника) определенными правами должно следовать исключительно *после* определения перечня задач и, следовательно, после установления обязанностей. Возлагая конкретные обязанности по охране общественного порядка на народных дружинников, законодатель затем должен «укрепить» их достаточными полномочиями для выполнения.

С принятием Закона права членов народных дружин свелись к полномочиям: требовать прекращения противоправных деяний, охранять место происшествия и веществен-

ные доказательства с последующей передачей их сотрудникам полиции, оказывать помощь полиции по охране общественного порядка, применять физическую силу в ситуации необходимой обороны или крайней необходимости, реализовывать иные, конкретно не обозначенные права.

Анализ указанных нововведений позволяет утверждать, что возложенные на народных дружинников обязанности и предоставленные им права не всегда коррелируются друг с другом, взаимосвязь между ними в полной мере не прослеживается, и обоснованность закрепления отдельных из них вызывает сомнения.

Во-первых, неоднозначное понимание вызывает наделение народных дружинников правом «охранять место происшествия и вещественные доказательства с последующей передачей их сотрудникам полиции». По нашему мнению, данное правомочие следует отнести к перечню обязанностей, возлагаемых на народных дружинников, и рассматривать как обязательный элемент их действий, а не как возможный и избирательный вариант поведения.

Необходимость усиления роли обязанностей в борьбе с правонарушениями отмечал венгерский ученый Й. Виг, выделявший «чрезмерное внимание к правам и отеснение на второй план обязанностей человека...» [14, с. 45]. Недостаточное внимание российской науки к изучению обязанностей человека (в отличие от прав) отмечал и Н. И. Матузов [19, с. 284].

Следует отметить, что в научной среде сложился неоднозначный подход к пониманию определения юридических обязанностей [15, с. 125]. Например, Ю. Г. Ткаченко [16, с. 5] и Н. И. Матузов [17, с. 64] рассматривают обязанности с позиции необходимости поведения человека или гражданина. В то время как Н. Г. Александров, Г. В. Мальцев [7, с. 214] видят в этом меру должного человеческого поведения. Принимая во внимание эти точки зрения, заметим, что, по нашему мнению, обязанность надлежит рассматривать двусторонне: как выраженный вовне долг лица и необходимость определенного поведения с его стороны.

Изложенная же в Законе конструкция о праве народных дружинников на охрану места происшествия и вещественных доказательств, предусматривает ситуацию, когда народному дружиннику в условиях отсутствия сотрудников полиции предоставляется право самостоятельного принятия решения:

охранять место происшествия (вещественные доказательства) или нет.

Такая избирательность представляется нам необоснованной и лишённой практического смысла. Тем более, что ч. 2 ст. 17 Закона [4] наделяет народного дружинника правом отказать от исполнения своих обязанностей в случае возникновения возможной угрозы для его жизни и здоровья. Не проводя аналогии между ним и сотрудником полиции, следует все же отметить, что последним вменена в обязанность охрана следов преступления, административного правонарушения, происшествия (п. 2 ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции») [6]. По нашему мнению, необходимо внести изменения в Закон, рассматривая деятельность народных дружинников по охране места происшествия и вещественных доказательств исключительно как их обязанность, а не как правомочие.

Во-вторых, прописывая право применения физической силы в рамках всего двух правовых институтов (необходимой обороны и крайней необходимости), присущих всем физическим лицам на территории Российской Федерации, Закон существенно минимизирует этим остальные правомочия народных дружинников. Запрет на применение ими физической силы для пресечения правонарушений доводит до абсурда предоставленное право требовать прекращения противоправных деяний, так как неясны дальнейшие действия в случае получения отказа.

Безусловно, если правонарушитель отказывается прекратить уголовно-наказуемое деяние, то народный дружинник (как и любое иное лицо) может воспользоваться общим субъективным правом на задержание преступника и даже на причинение ему вреда, согласно ч. 1 ст. 38 УК РФ [2]. Реализуя предоставленные данной нормой полномочия, любой гражданин (и, разумеется, общественник) вправе также и доставить правонарушителя органам государственной власти.

Проблема возникает при получении отказа прекратить административное правонарушение.

Несомненно, когда административное правонарушение направлено на самого народного дружинника, то согласно ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации [1] он вправе защищаться любым способом и применять для защиты физическую силу. При этом возникает вопрос, как надлежит поступать, если объектом посягательства являются иные ох-

раняемые административным законодательством общественные отношения? Трудно реализуемым для народного дружинника представляется и решение вопроса с доставлением лица, нарушившего административное законодательство, в подразделения органов внутренних дел. Перечень уполномоченных на такие принудительные меры лиц определяется ст. 27.2 КоАП РФ [3], и народные дружинники в него не входят.

Также сложности могут возникнуть у них и в реализации прав по охране места происшествия, обеспечению сохранности вещественных доказательств до прибытия полиции, поскольку отсутствуют полномочия применить физическую силу в случае невыполнения законных требований.

Отмеченные проблемы и способы их реализации (или, наоборот, нереализации) подводят нас к выводам о том, что все права народных дружинников – это общие субъективные права, установленные для всех граждан в рамках обстоятельств, исключающих уголовную или иную ответственность. Отсюда логично вытекает вопрос, в чем же тогда различие в правах народного дружинника и любого другого гражданина Российской Федерации?

Ответ мы находим в Федеральном законе от 02.04.2014 № 70-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам участия граждан в охране общественного порядка» [7], которым закрепляются гарантии реализации прав народных дружинников в виде установления административной ответственности за воспрепятствование их законной деятельности либо невыполнение их законных требований (ст. 19.35 КоАП РФ). Таким образом, не обозначив в Законе возможный правомерный вариант действий народного дружинника при пресечении административных правонарушений и доставлении правонарушителей, а равно при циничных посягательствах на сохранность вещественных доказательств и неприкосновенность места происшествия, законодатель все же не оставляет подобных нарушителей безнаказанными.

По нашему мнению, именно в установлении ответственности за воспрепятствование законной деятельности народного дружинника, либо за невыполнение его законных требований о прекращении противоправных действий заключается основное правомочие в административно-правовом статусе народных дружинников. Такое требование, обу-

словленное государственной поддержкой в случае неисполнения, по сути, наделяет их правами должностных лиц.

Тем не менее отмеченные выше проблемы правового статуса народных дружинников (возникающие непосредственно в момент конфликта с нарушителями) не снимаются ст. 19.35 КоАП РФ, побуждая нас искать дополнительные пути их разрешения, где одним из способов может выступать аналогичная модель законодательства в отношении участия общественности в охране правопорядка, реализуемая в республике Беларусь [8].

Так, согласно белорусскому законодательству, члены добровольной дружины имеют право:

- пресекать правонарушения, задерживать и передавать в правоохранительные органы правонарушителей;
- при пресечении правонарушений изымать в отсутствие сотрудников правоохранительных органов орудия совершения правонарушений или предметы, оставление которых может угрожать личной безопасности члена добровольной дружины или других лиц;
- применять физическую силу в целях пресе-

чения правонарушений, для задержания и передачи нарушителей в правоохранительные органы, если иные способы не обеспечивают выполнения функций по охране правопорядка.

По нашему мнению, предоставление российским народным дружинникам полномочий их белорусских коллег будет способствовать повышению эффективности работы в сфере охраны общественного порядка. В то же время наделение их такими правами может создать условия и для неправомерного их применения. Одним из способов разрешения этой проблемы может выступить наделение российских народных дружинников правами по образцу белорусского законодательства, воспользоваться которыми они могут исключительно при несении службы совместно с сотрудниками полиции.

Представляется целесообразным дополнить Закон нормами, расширяющими права народных дружинников в сфере охраны общественного порядка (по белорусской модели) и, одновременно, ограничить их возможности исключительно совместной деятельностью с сотрудниками полиции.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. референдумом 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внес. Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL: <http://consultant.ru>
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 19.12.2016). URL: <http://consultant.ru>
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 28.12.2016). URL: <http://consultant.ru>
4. Об участии граждан в охране общественного порядка: Федер. закон Рос. Федерации от 02.04.2014 № 44-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
5. Об общественных объединениях: Федер. закон Рос. Федерации от 19.05.1995 № 82-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
6. О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам участия граждан в охране общественного порядка: Федер. закон Рос. Федерации от 02.04.2014 № 70-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by referendum 12.12.1993 (as amended by the Laws of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation dt 30.12.2008 № 6-federal constitutional law, dated 30.12.2008 № 7-federal constitutional law, dt 05.02.2014 № 2-federal constitutional law, dated 21.07.2014 № 11-FKL). URL: <http://consultant.ru>
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FL (as amended 19.12.2016). URL: <http://consultant.ru>
3. The Administrative Offences Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 195-ФЗ (as amended dated 28.12.2016). URL: <http://consultant.ru>
4. On the Participation of Citizens in the Protection of Public Order: Federal Law of the Russian Federation dated 02.04.2014 № 44-FL. URL: <http://consultant.ru>
5. About public associations: Federal Law of the Russian Federation dated 19.05.1995 № 82-FL. URL: <http://consultant.ru>
6. On the police: Federal Law of the Russian Federation dated 07.02.2011 № 3-FL. URL: <http://consultant.ru>
7. On the Introduction of Amendments to Cer-

8. Об участии граждан Российской Федерации в обеспечении правопорядка: проект федер. закона № 96700168-2. (окончат. ред., принятая Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27.01.1999). URL: <http://consultant.ru>

9. Об участии граждан в охране правопорядка: Закон Республики Беларусь от 26.06.2003 № 214-3. URL: <http://fr.gov.by/upload/ruvd/law-214-3.pdf>

10. Об участии граждан Российской Федерации в обеспечении правопорядка: паспорт проекта федер. закона № 96700168-2. URL: <http://consultant.ru>

11. Об участии граждан Российской Федерации, общественных и государственно-общественных объединений и организаций в обеспечении правопорядка: проект федер. закона № 273623-3. URL: <http://consultant.ru>

12. Об участии граждан в охране общественного порядка: проект федер. закона № 146414-5. URL: <http://consultant.ru>

13. Закопырин В. Н. К вопросу об участии граждан в охране общественного порядка // Социально-экономические и правовые меры борьбы с правонарушениями / науч. ред. А. С. Ханахмедов. Рязань, 2014.

14. Виг Й. Соотношение прав и обязанностей человека и проблема преступности // Государство и право. 1995. № 7.

15. Кононов А. М. Проблема законодательной легитимизации участия граждан в охране общественного порядка и варианты ее решения // Пробелы в российском законодательстве. Юрид. журн. 2010. № 4.

16. Воропаева Г. Ю. Конституционные обязанности граждан Российской Федерации как форма выражения публичных интересов // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2006. № 10-3.

17. Ткаченко Ю. Г. Социалистические правоотношения. М., 1980.

18. Матузов Н. И. Правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. Саратов, 2003.

19. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.

20. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.

21. Юнусов М. А., Юнусов Э. А. Правовая природа обязанностей человека и гражданина в административно-правовых отношениях // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юрид. журн. 2005. № 3.

tain Legislative Acts of the Russian Federation on the Participation of Citizens in the Protection of Public Order: Federal Law of the Russian Federation dated 02.04.2014 № 70-FL. URL: <http://consultant.ru>

8. On the participation of citizens of the Russian Federation in the provision of law and order: Draft of the Federal Law of the Russian Federation № 96700168-2 (final revision, adopted by the State Duma of the Russian Federation 27.01.1999). URL: <http://consultant.ru>

9. On the participation of citizens in the protection of law and order: Law of the Republic of Belarus dated 26.06.2003 № 214-L. URL: <http://fr.gov.by/upload/ruvd/law-214-3.pdf>

10. On the participation of citizens of the Russian Federation in the protection of law and order: Project Identification Summary № 96700168-2. URL: <http://consultant.ru>

11. On the participation of citizens of the Russian Federation, public and state-public associations and organizations in law enforcement: Draft Of the Federal Law № 273623-3. URL: <http://consultant.ru>

12. On the participation of citizens in the protection of law and order: Draft Of the Federal Law № 146414-5. URL: <http://consultant.ru>

13. Zakopyrin V. N. On the issue of citizen participation in the protection of public order // Collection: Social and economic and legal measures to combat offenses / scientific. ed. A. S. Khanakhmedov. Ryazan, 2014.

14. Vig J. The ratio of rights and duties and the problem of crime // State and Law. 1995. № 7.

15. Kononov A. M. The problem of legislative legitimization of citizens' participation in the protection of public order and its possible solution. // Gaps in Russian legislation. Juridical journal. 2010. № 4.

16. Voropaeva G. Yu. Constitutional duties of citizens of the Russian Federation as a form of expressing public interests // Bulletin of the Samara State University. 2006. № 10-3.

17. Tkachenko Yu. G. Socialist legal relations. Moscow, 1980.

18. Matuzov N. I. The legal status of an individual and a developed socialist society in the light of the USSR Constitution of 1977. Saratov, 2003.

19. Matuzov N. I. Actual problems of the theory of law. Saratov, 2003.

20. Ebzeev B. S. Person, people, state in the constitutional system of the Russian Federation. Moscow, 2005.

21. Yunusov M. A., Yunusov E. A. The legal nature of the duties of a person and citizen in administrative and legal relations. // «Black holes» in the russian legislation. Juridical journal. 2005. № 3.

© 2017 г. Н. В. Кальченко,

доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: kalchenko_nv@mail

ВОПРОСЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ АКТОВ ТЕРРОРИЗМА

В статье исследуются вопросы законодательного регулирования ограничения прав человека в деятельности полиции в сфере предупреждения терроризма. Анализируются конкретные ситуации правоохранительной практики. Отмечается наличие проблемы в данной области, предложен возможный вариант ее решения.

Ключевые слова: деятельность полиции, предупреждение актов терроризма, противодействие терроризму, ограничения прав и свобод человека, правовой режим, дискриминация.

N. V. Kalchenko – Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russian Federation, Phd in Law, Associate Professor.

THE ISSUES OF RESTRICTING HUMAN RIGHTS IN POLICE OFFICERS' ACTIVITY ON PREVENTION OF TERRORIST ACTS

The article analyzes legislative regulation of limitation on human rights in police activity in the field of terrorism prevention. The author analyzes specific situations of law enforcement practice. The author reveals existence of the problem in the given field, suggests a possible option of its solution.

Keywords: police activity, prevention of terrorist acts, counteraction to terrorism, limitation of human rights and freedoms, legal treatment, discrimination.

На сегодняшний день Россия, как и многие другие страны, продолжает оставаться в состоянии перманентной террористической угрозы. Это обстоятельство вынуждает государство обратиться к поиску различных форм оптимального соотношения эффективных методов борьбы с терроризмом с идеей уважения прав и свобод человека, определяемой международными обязательствами и содержанием ст. 2 Конституции Российской Федерации.

Эта идея нашла отражение и в Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, принятой в виде резолюции государствами-членами 8 сентября 2006 года. В резолюции подчеркивается обязанность государств обеспечить положение, при котором «любые меры, принимаемые в целях борьбы с терроризмом, соответствовали их обязательствам по международному праву, в частности, нормам в области прав человека, беженскому праву и международному гуманитарному праву» [1].

Противодействие терроризму невозможно без применения мер ограничительного характера. Следует отметить, что институт ограничения прав и свобод человека является неотъемлемой составной частью механизма государственного управления, однако его содержание и практика применения могут существенно варьироваться в зависимости от типа государства, сложившегося в нем политического

режима, особенностей правовой системы и иных признаков. Вместе с тем стремление к установлению разумного баланса в соотношении государственных, общественных и личных интересов обуславливает необходимость выполнения государством ряда условий:

- основания ограничения прав и свобод человека должны быть зафиксированы в национальном законодательстве; форма их выражения должна быть четкой, недвусмысленной и, по возможности, не требующей дополнительного официального толкования;

- ограничения должны преследовать исключительно законные цели, в частности, обеспечение национальной безопасности, защиту прав и свобод человека; разумеется, они не могут становиться инструментом репрессий государства в отношении инакомыслящих, при условии, что в их действиях отсутствуют признаки преступлений террористического характера;

- ограничения должны применяться в качестве наиболее эффективного средства борьбы с террором;

- ограничения должны быть соразмерны поставленной цели, но при этом не должны отличаться чрезмерным характером, приводящим к выхолащиванию содержания прав и свобод;

- ограничения не должны принимать форму дискриминации личности по какому-либо признаку.

Последнее из названных условий требует

особого внимания. Обеспечение общественной безопасности, выступающей объектом террора как преступного деяния, – это сложная, многоаспектная деятельность, нередко сопряженная с необходимостью вторжения в сферу личных интересов индивида. Процесс противодействия террору нередко приобретает форму неизбежного вторжения; это означает, что сам факт присутствия в «зоне повышенного риска», то есть регионе, где степень террористической опасности достаточно велика, автоматически создает возможность попадания каждого индивида в поле зрения правоохранительных органов. Однако практика показывает, что чаще всего объектом профессионального интереса сотрудников полиции становятся представители определенных этнических групп (для каждого социума – свои). В частности, после терактов 11 сентября 2001 года в США объектом жесткого полицейского контроля стали представители этнических групп государств Ближнего Востока. Известно, что около двух десятков лиц были задержаны и впоследствии заключены под стражу по подозрению в причастности к данному преступлению.

Деятельность ограничительного характера, осуществляемая методом принуждения, всегда сопряжена с риском трансформации законного воздействия в отношении субъекта в нарушение его прав и свобод. Катализатором подобного процесса может выступать большой общественный резонанс, который, как правило, вызывается каждым преступлением террористического характера. Негативная общественная оценка терроризма нередко воспринимается государством как своего рода карт-бланш, предоставляющий ему моральное право в целях превенции деяний такого рода поступаться принципом презумпции невиновности, имеющим в международно-правовом аспекте статус общеправового, определяющего основу взаимоотношений государства и личности. Исследование данного вопроса позволило сотрудникам Бюро Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по демократическим институтам и правам человека констатировать, что «...эмоции, вызванные терактами, могут затуманить рассудок даже наиболее стойкому сотруднику полиции...» [2].

Можно утверждать, что отечественная и зарубежная практика противодействия терроризму наглядно демонстрируют сложность в поиске компромисса между стремлением к достижению позитивного результата в сфере противодействия террору и соблюдением международных стандартов по правам человека.

К числу наиболее востребованных практикой мер превентивного характера, реализуемых с целью предупреждения актов терроризма и при этом отнесенных к компетенции сотрудников полиции, можно отнести проверку документов, а также досмотры: личный досмотр, досмотр вещей и автотранспорта. Очевидно, что эти меры при определенных условиях способны сыграть роль эффективного инструмента выявления лиц, тем или иным образом причастных к готовящемуся террористическому акту. При этом каждая из них в большей или меньшей степени сопряжена с ограничением ряда прав и свобод указанных субъектов: на свободу и личную неприкосновенность, свободу от унижающего достоинство обращения, неприкосновенность частной жизни.

Таким образом, с теоретической точки зрения особое внимание заслуживает вопрос толкования законодательных положений, регламентирующих основания и пределы допустимого ограничения прав и свобод указанной категории лиц; с практической – возможность осуществления данного вида деятельности при отсутствии признаков дискриминации по этническому, конфессиональному и иным признакам.

Побудительным мотивом обращения к данной проблеме послужили, в частности, обстоятельства несения службы сотрудниками Волгоградского гарнизона полиции в период с октября по декабрь 2013 года. Их анализ позволил сделать вывод о необходимости оценки степени корректности нормативных положений действующего законодательства, определяющих содержание и пределы полномочий сотрудников полиции.

В указанный период времени Волгоград трижды попадал в эпицентр общероссийских новостей как город, перенесший террористические атаки. После каждой из них для сотрудников полиции вводился усиленный вариант несения службы. Заступая на службу по охране общественного порядка, каждый из них проходил инструктаж, предписывающий обращать особое внимание на лиц, представляющих определенные этнические группы и при этом, возможно, демонстрирующих свою конфессиональную принадлежность. Одним из оснований подобного подхода стал факт совершения теракта женщиной-смертницей, которая, как было установлено позже, в течение нескольких часов довольно хаотично передвигалась по городу, выбирая место для совершения преступления; при этом ее этническая и религиозная принадлежность были очевидны. Общественность выразила возмущение тем фактом, что террористка на всем маршруте своего передвижения по городу ни

разу не привлекла внимания сотрудников полиции, которые, по мнению обывателей, обязаны были проверить у нее документы и осуществить личный досмотр с целью выявления взрывного устройства.

В этот же период времени на сайте МВД России официально была размещена информация о том, что в Волгограде проводится спецоперация «Вихрь-Антитеррор», в которой принимают участие более 5 тысяч сотрудников МВД. Согласно данным, источником которых является официальный представитель оперативного штаба, «особое внимание в ходе операции уделяется местам массового пребывания людей, в том числе вокзалам, торговым центрам. Проходят проверки в ресторанах, кафе, торговых палатках, на автомойках, других объектах частного сектора, по которым имеется оперативная информация. Выборочно досматриваются машины... Всего за время проведения спецоперации проверено свыше полутора тысяч мелких объектов, а также досмотрены свыше тысячи граждан» [3].

Следует отметить, что правовой основой участия сотрудников полиции в противодействии терроризму выступают положения двух федеральных законов: «О полиции» [4] и «О противодействии терроризму» [5]. Действия предупредительного характера регламентированы, главным образом, первым из названных нормативных актов, поскольку авторы федерального закона «О противодействии терроризму» хотя и включили понятие «предупреждение террористического акта» в содержание понятия «противодействие терроризму» в качестве одного из структурных элементов (п. «б» ч. 4 ст. 3 закона), но не сочли необходимым наделить сотрудников полиции какими-либо полномочиями ограничительного характера, которые могут быть реализованы в условиях деятельности, осуществляемой вне рамок правового режима контртеррористической операции. Между тем в Законе РФ «О противодействии терроризму» определение контртеррористической операции дается через ключевое понятие «пресечение террористического акта» (ч. 5 ст. 3 закона), что, как очевидно, априори исключает возможность проведения операции с превентивной целью.

Согласно п. 2 ст. 13 Закона РФ «О полиции» сотрудник полиции вправе проверять документы, удостоверяющие личность граждан, в том случае, если *«имеются данные, дающие основания подозревать»* (выделено нами. – Н. К.) их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в

отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно, если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом...». Следует напомнить, что в прежней редакции закона РФ «О милиции» использовалась иная формулировка: «...если имеются *достаточные основания подозревать* (выделено нами. – Н. К.) их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо имеется повод к возбуждению в отношении них дела об административном правонарушении» (п. 2 ст. 11 закона) [6].

Полномочие сотрудников полиции осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств закреплено диспозицией правовой нормы, зафиксированной в п. 16 ст. 13 Федерального закона «О полиции». При этом гипотеза данной нормы четко определяет круг условий, необходимых для реализации указанного полномочия – *«при наличии данных»* (выделено нами. – Н. К.) о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства...». Соответственно, в Законе РФ «О милиции» личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей осуществлялся *при наличии достаточных данных полагать* (выделено нами. – Н. К.), что граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства...» (п. 2 ст. 11 закона).

Семантический анализ термина «данные» позволяет определить его в качестве сведений, имеющих объективизированную, то есть внешнюю форму выражения. Таким образом, субъективная оценка лица сотрудником полиции, основанная на этнических, расовых, религиозных и иных признаках, либо на особенностях его поведенческой характеристики, априори не может выступать правовым основанием ограничения прав и свобод. Проверка документов и указанные виды досмотров не могут служить исключением, несмотря на их менее значительную (по сравнению с иными принудительными мерами) степень вторжения в сферу прав и свобод конкретного субъекта. Следует также принять во внимание, что подобная политика, осуществляемая в сфере правоохранительной деятельности, имеет явные признаки дискриминации, сопряженной с унижением достоинства личности. «Использование полномочий на задержание и обыск на основании дискриминирующего этнического

профилирования может крайне отрицательно повлиять на доверие населения к полиции, а это может, в свою очередь, усугубить или закрепить за полицией образ ведомства, стигматизирующего и преследующего членов определенных национальных, этнических или религиозных групп... Следует использовать альтернативные, законные методы профилирования, основанные на конкретных доказательствах и оперативных данных», – отмечается в руководстве для сотрудников полиции, подготовленном Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе [7].

Грамматический способ толкования отмеченных выше положений законов РФ «О милиции» и «О полиции» позволяет сделать вывод о том, что законодатель намеренно изменил редакции соответствующих статей, ужесточив требования к условиям, при которых сотрудник полиции может реализовать свои полномочия. Термин «данные», используемый авторами Закона РФ «О полиции», да еще и в связке с определенным условием – «наличием» вызывает однозначную ассоциацию с понятием «фактические данные», которое, как известно, в уголовно-процессуальном праве выступает синонимом понятия «доказательства».

Критерий «достаточности», применявшийся в Законе РФ «О милиции» по отношению к «данным» и «основаниям», вызывает двойственное отношение. С одной стороны, его нельзя назвать абсолютно определенным. Более того, с позиции техники законодательства использование подобного «размытого» понятия может вызвать обоснованные нарекания. С другой стороны, его откровенно субъективизированная природа давала сотруднику милиции возможность принимать решение, опираясь на профессиональную интуицию и опыт, роль которых в предупреждении преступности не следует недооценивать. Последний тезис в полной мере относим и к термину «полагать», толкование которого недвусмысленно указывает на значение «предполагать», то есть оценивать по внутренним субъективным ощущениям. Следует отметить, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в своих резолюциях неоднократно делала акцент на недопустимости государств «прибегать к практике составления вероятностной модели личности на основе стереотипов, обусловленных дискриминацией, запрещенной международным правом, в том числе по расовым, этническим и/или религиозным соображениям» [8].

Логично заключить, что позиция законодателя, отраженная в действующем Законе РФ «О полиции», продиктована его стремлением

обеспечить законность и соблюдение прав человека в деятельности сотрудников полиции. Вместе с тем, приходится констатировать, что она не может служить действенной гарантией обеспечения общественной безопасности.

Опираясь на вышеизложенное, можно высказать предположение, что не все действия сотрудников полиции, принимавших участие в проведении спецоперации «Вихрь-Антитеррор» в Волгограде в 2013 году, были осуществлены строго в соответствии с требованиями действующего законодательства. В частности, вызывает сомнения законность осуществления каждого из личных досмотров, о которых официально сообщено на сайте Министерства внутренних дел России. Ведомственный приказ, инициировавший проведение данной спецоперации, не может расширять круг установленных Законом «О полиции» оснований для реализации полномочий ограничительного характера. Несмотря на наличие позитивного практического результата в виде выявленных признаков совершаемых и ранее совершенных правонарушений, следует признать, что в ситуации конкуренции между принципами целесообразности и законности формальный приоритет должен, безусловно, отдаваться второму из названных принципов.

Следует отметить, что в проекте федерального Закона «О внесении изменений в Закон РФ “О полиции” и отдельные законодательные акты РФ», выдвинутого группой депутатов в 2015 году, среди прочих новелл было предложено внести коррективы в содержание п. 16 ст. 13 Закона РФ «О полиции», закрепляющего основания производства личного досмотра граждан, досмотра находящихся при них вещей, а также досмотра их транспортных средств, изменив формулировку «при наличии данных» на формулировку «если имеются основания полагать». Данный факт свидетельствует о том, что отдельные представители депутатского корпуса начинают понимать суть проблемы и искать пути ее разрешения.

На наш взгляд, государству следует занять четкую позицию по данному вопросу, поскольку на сегодняшний день она представляется непоследовательной. С одной стороны, можно наблюдать стремление избегать упреков в необоснованном либо чрезмерном ограничении прав и свобод человека. Этот вектор правовой политики нашел отражение в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2015 год [9]. Уполномоченный, являясь по своей природе государственным институтом, призванным защищать человека от произвола государства, дал жесткую критическую оцен-

ку проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10]. В тексте проекта он усмотрел попытку авторов наделить полицию полномочием применения принудительных мер превентивного характера в отношении лиц, «поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер либо намеревающихся совершить правонарушение» (следует отметить, что в проекте закона речь идет о гражданах, находящихся в состоянии алкогольного, токсического или наркотического опьянения).

Использование оценочных характеристик, по мнению Уполномоченного, презюмирует виновность лица и тем самым грубо нарушает его права. Отрицательную оценку российского омбудсмана получило и предложение о внесении в текст закона принципа «презумпция доверия и поддержки сотрудников полиции при выполнении ими служебных обязанностей». Тем самым Уполномоченный отверг даже теоретически возможность полноты доверия государства к своим представителям, осуществляющим правоохранительную функцию. В целом законопроект (с учетом названных правовых норм) был признан «опасным для правозащитной сферы жизнедеятельности общества», «отражающим узковедомственные интересы, далеко не всегда в интересах тех, кого ведомства обязаны защищать».

С другой стороны, боязнь террора как крайне опасного, зачастую непрогнозируемого и при этом масштабного по своим вредоносным последствиям деяния вынуждает государство лояльно относиться к действиям сотрудников полиции, нарушающих закон.

Подобная коллизия, характеризующая правовую политику государства в сфере противодействия терроризму, требует разрешения, причем в ближайшее время. Потребность России в действенном механизме обеспечения общественной и личной безопасности очевидна. Требуется четкая законодательная база, предусматривающая наделение сотрудников полиции полномочиями, *необходимыми и достаточными* для успешного решения поставленных перед ними задач. В контексте обозначенной цели применение мер, заключающихся в масштабном ограничении прав и свобод человека, субъектами, в отношении которых государство готово признать презумпцию доверия, выглядит вполне оправданным.

Следует отметить, что Россия имеет правовой опыт, связанный с попытками предупреждать акты террора подобным образом.

В 2006 году в Государственной Думе Федерального Собрания РФ при обсуждении проекта закона РФ «О противодействии терроризму» [11] завязалась дискуссия, предметом которой стало новое понятие, внесенное авторами закона в его текст – «режим террористической опасности». Его введение предполагалось при получении информации, свидетельствующей о возможной подготовке или об угрозе террористической акции при наличии обстоятельств, не позволяющих проверить такую информацию, а также обеспечить безопасность граждан и объектов, подвергающихся террористической угрозе, обычными силами и средствами без применения специальных мер и временных ограничений.

Однако данное предложение было отвергнуто. Как пояснил один из авторов законопроекта, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по безопасности Анатолий Куликов: «Авторы проекта и рабочая группа не испытывали недостатка в публичном обсуждении нашего законопроекта и пришли к пониманию, что общество пока не готово к такой мере и расценивает ее как существенное ущемление конституционных прав и свобод» [12]. Очевидно, что опасения касались возможности установления жесткого контроля над законопослушными гражданами.

Тем не менее подход, предусматривающий законодательную регламентацию нового вида особого правового режима, можно считать наиболее приемлемым вариантом решения проблемы. Этот вывод основывается на осознании того обстоятельства, что особый правовой режим – это специфичная форма взаимоотношений государства и граждан, в основе которой лежит осознанная обеими сторонами объективная потребность в осуществлении неизбирательных (то есть не обращенных исключительно к правонарушителям) ограничений прав и свобод. Гарантацией законности подобных действий должны служить: законодательно установленный механизм введения и отмены режима, судебный и прокурорский контроль за действиями субъектов, обеспечивающих его реализацию и т. д.

Возврат к идее правовой регламентации режима террористической опасности представляется оправданным с учетом реалий, демонстрируемых правоохранительной практикой России и европейских государств. Данное предложение нуждается в глубоком анализе и последующей научной дискуссии. Подобный шаг позволит придать механизму противодействия террору характер легальности и эффективности.

Литература

1. Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2006. URL: <http://www.un.org/ru/terrorism/strategy-counter-terrorism.shtml>
2. Права человека в антитеррористических расследованиях: практическое руководство для сотрудников правоохранительных органов. Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, 2014. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/117891>
3. Сайт МВД РФ. URL: <http://мвд.рф./news/item/1497294>
4. О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. О противодействии терроризму: Федер. закон Рос. Федерации от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 06.07.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
6. О милиции: Федер. закон Рос. Федерации от 18.04.1991 № 1026-1 (в ред. от 27.07.2010); утратил силу // Вед. СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.
7. Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму. Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением: руководство для сотрудников полиции. Департамент по противодействию транснациональным угрозам Секретариата ОБСЕ Бюро по демократическим институтам и правам человека. Вена, 2014. URL: <http://www.osce.org/ru/atu/116413>
8. Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом: резолюция 66/171 Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 2011 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/469/10/PDF/N1146910.pdf>
9. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Рос. газ. 2016. 24 марта.
10. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О полиции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федер. закона № 828616-6: ред., внес. в Гос. Думу Федер. Собрания Рос. Федерации; текст по состоянию на 01.07.2015. URL: <http://consultant.ru>
11. О противодействии терроризму: проект федер. закона № 115259-4: ред., внес. в Гос. Думу Федер. Собрания Рос. Федерации; текст по состоянию на 29.11.2004. URL: <http://consultant.ru>
12. О противодействии терроризму: стенограммы обсуждения законопроекта № 115259-4. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/115259-4>

Bibliography

1. United Nations General Assembly resolution 60/288 of 08.09.2006. URL: <http://www.un.org/ru/terrorism/strategy-counter-terrorism.shtml>
2. Human Rights in Anti-Terrorist Investigations: A Practical Guide for Law Enforcement Officials. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights, 2014. URL: <http://www.osce.org/en/odihr/117891>
3. The website of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф./News/item/1497294>
4. On the Police: Federal Law of the Russian Federation № 3-FL of February 7, 2011 (as amended on July 3, 2016, as amended on December 19, 2016) (as amended and supplemented, effective from 04.07.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. On Countering Terrorism: Federal Law of the Russian Federation of 06.03.2006 № 35-FL (as amended on 06.07.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
6. On the police: Federal Law of the Russian Federation of April 18, 1991 № 3 1026-1 (as amended on 27.07.2010): lost its force // Vedomosti SNM and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 16. Art. 503.
7. Preventing terrorism and combating violent extremism and radicalization leading to terrorism. An approach based on police-community interaction: A guide for police officers. Department for Countering Transnational Threats of the OSCE Secretariat Office for Democratic Institutions and Human Rights. Vienna, 2014. URL: <http://www.osce.org/en/atu/116413>
8. Protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism: United Nations General Assembly resolution 66/171 of 19 December 2011. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/469/10/PDF/N1146910.pdf>
9. Report of the Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation for 2015 // Russian newspaper. 2016. 24 March.
10. On Amendments to the Law of the Russian Federation On the Police and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Draft Federal Law № 828616-6 (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 01.07.2015). URL: <http://consultant.ru>
11. On countering terrorism: draft federal law № 115259-4 (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of November 29, 2004). URL: <http://consultant.ru>
12. On Countering Terrorism: Transcripts of Discussion of Bill № 115259-4. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/115259-4>

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 323 (470)
ББК 66.3

© 2017 г. Р. К. Лавриченко,

доцент кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института
МВД России кандидат педагогических наук.
E-mail: gewer-44@mail.ru

С. Н. Болдырев,

начальник кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.
Тел.: 8 (928) 127-32-22.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье анализируются проблемы национальной безопасности России, рассматриваются условия ее обеспечения. Авторы раскрывают суть государственной образовательной политики, показывают ее влияние на защиту национальных интересов страны.

Ключевые слова: угрозы национальной безопасности, стратегия обеспечения национальной безопасности, государственная образовательная политика, концепция национальной безопасности, национальные интересы России.

R. K. Lavrichenko – Associate Professor, Department of Tactical and Special Training, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Pedagogy.

S. N. Boldyrev – Chief, Department of Theory State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

EDUCATIONAL STRATEGY AS THE MOST IMPORTANT ELEMENT OF THE NATIONAL SECURITY SYSTEM OF RUSSIA

The article analyzes the problems of Russia's national security, considers the conditions for its provision. The authors reveal the essence of the state educational policy, show its influence on the protection of the national interests of the country.

Key words: national security threats, national security security strategy, state educational policy, national security concept, national interests of Russia.

Национальные государственные интересы всегда выступали основой внешней политики России. Они определяют главные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики страны и носят долгосрочный характер. Государственные национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции при взаимодействии с общественными организациями, действующими на основе Конституции Российской Федерации и иных законодательных актов. Интересы личности заключаются в реализации прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ, в обеспечении личной безопасности, повышении уровня и качества жизни,

духовном, физическом и интеллектуальном развитии человека и гражданина. Развитие международных отношений сопровождается противоборством и стремлением государств увеличить свое влияние на общемировые процессы, в том числе путем разработки и создания оружия массового поражения. Влияние военных аспектов в международной политике остается значительным.

Приоритетными направлениями развития нашей страны являются широкая интеграция в мировую экономику, расширение сотрудничества с международными экономическими и финансовыми институтами. При этом сохраняется общность интересов России с другими государствами, касающихся проблем

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

обеспечения международной безопасности, включая противодействие распространению оружия массового поражения, разрешение и предотвращение региональных конфликтов, борьбу с международным терроризмом и наркотрафиком, решение важнейших экологических проблем глобального характера.

В то же время сегодня рядом государств предпринимаются активные попытки ослабить положение России в экономической, политической, военной и иных областях. Стремление изолировать государство, игнорировать его геополитические интересы при решении крупных международных, в том числе военных, конфликтов способно подорвать международную безопасность и стабильность, затормозить происходящие положительные изменения в международных отношениях.

Сегодня приходится констатировать резкое обострение проблемы терроризма, имеющего международный характер. Терроризм угрожает стабильности в мире, что обуславливает необходимость объединения усилий всех государств, международного сообщества, повышения эффективности имеющихся форм и методов борьбы с ним, а также принятия неотложных мер по нейтрализации данного негативного явления.

Несмотря на реорганизацию социально-политической системы и проведенные демократические реформы, обеспечение безопасности России и ее населения остается одной из актуальных проблем, в настоящее время сместились лишь некоторые акценты, перейдя из военной плоскости (внешней) в плоскость социальную (внутреннюю). Укрепление оборонного потенциала страны непосредственно связано с развитием экономики и социально-политической системы.

В концепции национальной безопасности Российской Федерации сформулированы важнейшие направления государственной политики, а также система взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. В ней закреплено положение о том, что национальная безопасность государства в стратегическом плане определяется состоянием его системы образования.

Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве. В концепции также от-

мечается, что на современном этапе развития России образование становится все более мощной движущей силой экономического роста в его прочной связи с наукой. Это делает образование одним из ключевых факторов национальной безопасности. Динамику и направление развития стран, а также их конкурентоспособность на мировой арене определяет исключительно интеллектуальный потенциал. Именно поэтому ключевую роль в данном процессе играет современная доктрина национальной безопасности Российской Федерации в том виде, в котором она отражена в соответствующих нормативных актах [1; 2]. Для всестороннего изучения затронутых нами проблем необходим анализ законодательных актов, закрепляющих основные положения государственной политики России в сфере образования [3]. Во многих развитых странах мира образование считается одной из основных составляющих жизнеспособности общества, а государственная образовательная политика – значимым компонентом единой государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Государственная образовательная стратегия обеспечения всех уровней безопасности должна формироваться, опираясь на достижения двух научных направлений: общей теории безопасности и политики государства в области образования.

Неоценимый вклад в развитие теории безопасности и обеспечения социально-политической и военно-политической стабильности внесли Э. Т. Агаев, Л. Я. Аверьянов, М. Г. Анохин, А. Г. Арбатов, В. М. Барынькин, Э. М. Баталов, А. В. Болятко, И. С. Даниленко, А. А. Деркач, О. В. Золотарев, Н. Р. Маликова, С. А. Моделстов, А. И. Николаев, Д. В. Ольшанский, С. З. Павленко, И. Р. Панарин, В. Ф. Пирумов, А. А. Прохожев, В. П. Пугачев, С. М. Рогов, Н. И. Рыжак, А. П. Родионов, Г. Ю. Семигин, В. В. Серебрянников, Е. Ю. Спепинский, Н. И. Турко, Г. А. Трофименко, Э. Г. Шевелев, Л. И. Шершнева и многие другие исследователи.

Проблемам российской государственной политики и образования в сфере укрепления национальной безопасности и развития национального потенциала посвящены работы А. П. Булкина, В. А. Грачева, В. И. Жукова, В. М. Жураковского, В. Г. Кинелева, Н. Н. Молчанова, А. Я. Савельева, О. К. Смолина, В. В. Сударенкова, В. В. Филиппова и других авторов.

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

Образовательная политика, проводимая в целях обеспечения национальной безопасности России, имеет свои специфические задачи, требующие научного осмысления. Сегодня научные и образовательные ресурсы оказывают влияние на современные процессы инновационного развития, модернизацию структуры национальной безопасности, выполняют ряд функций, связанных с задачами обеспечения национальной безопасности государства, в числе которых:

- сохранение взаимопонимания между гражданами государства, наличие единого языкового поля;

- поддержание высокого уровня общей грамотности населения в области возможных и перспективных угроз безопасности жизни и здоровью (начальная военная подготовка в общеобразовательных школах, готовность к действиям в условиях техногенных катастроф и иных чрезвычайных ситуаций, в том числе террористических угроз);

- осуществление процессов гражданского нравственного и правового воспитания, гражданской социализации;

- формирование единого ценностного пространства в стране на основе привития нравственных ценностей путем создания социокультурных предпосылок для этого, обучение навыкам межнационального взаимодействия и взаимовыручки;

- расширение состава профессиональных кадров, сохранение их преемственности, обеспечивающей национальную безопасность, развитие новых направлений профессиональной подготовки и переподготовки кадров.

Следует отметить, что в рассматриваемой сфере в последнее время появился целый ряд негативных тенденций, таких как:

- снижение общего уровня грамотности населения;

- снижение уровня готовности выполнять важные для безопасности граждан и страны обязанности гражданского воспитания, снижение национальной и социальной толерантности;

- несоблюдение традиционных нравственных ценностей и устоев, частичная утрата исторической и национальной памяти на уровне образовательных программ;

- появление групп несоциализированной молодежи;

- низкий уровень оплаты труда педагогических работников, их обеднение и сокра-

щение духовного влияния на современную молодежь в частности и на общество в целом;

- невосполнимая утрата образовательного потенциала, а также основ подготовки квалифицированных рабочих узких специальностей.

Несомненно, для решения всех вышеуказанных проблем государству необходимо проводить взвешенную политику в области образования [4].

Образовательная политика – это государственная политика в области образования, представляющая собой определенную деятельность государственных органов, образовательных организаций и иных социальных институтов в сфере воспитания и образования. Государственная политика в области безопасности направлена на обеспечение безопасности населения и территорий Российской Федерации от угроз различного характера, а также создание системы воспитания и образования, формирующих культуру безопасности личности и общества, помогающую человеку приобретать необходимые компетенции в области обеспечения безопасности жизни и здоровья.

Основой государственной образовательной политики в области обеспечения безопасности должна стать концепция национальной образовательной политики в области безопасности. Концепция определяет основные задачи, цели и сущность образования, фундамент образовательной политики в области безопасности. В соответствии с концепцией образовательная политика государства должна быть направлена на формирование мировоззрения человека, культуры его безопасности и осведомленности в области обеспечения социальной, экологической и личной безопасности, являющихся крайне важными составляющими национальной безопасности Российской Федерации [5]. К ним можно отнести:

- повышение статуса профессорско-преподавательского состава, присвоение профессорско-преподавательскому составу вузов, колледжей, средних школ статуса муниципальных и гражданских служащих;

- совершенствование материально-технического и финансового обеспечения всех без исключения образовательных организаций;

- подготовка и выпуск новых учебников и учебных пособий в гуманитарной области с

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

полным исключением идеологизации и политизации;

- опережающее развитие коррекционного образования, обеспечивающего полную реализацию личностного потенциала соответствующих категорий детей и молодежи;

- реализацию государственных программ контроля качества образования на разных уровнях;

- широкое использование программ дистанционного образования;

- создание государственного образовательного-развивающего теле- и радиоканала;

- проведение занятий на постоянной основе в общеобразовательных школах и иных учебных учреждениях специалистами в области начальной военной подготовки и гражданского воспитания.

Государственная образовательная стратегия национальной безопасности должна отвечать современным запросам общества и таким требованиям, как:

- постоянный охват всех стадий и этапов образовательных процессов, непрерывность и опережение;

- междисциплинарность и интегративность;

- согласованность и преемственность образовательных программ различных этапов и ступеней;

- использование передового научного опыта и достижений.

По окончании школьного обучения у человека должны быть выработаны основы культуры, личной и коллективной безопасности, этико-нравственного мировоззрения, экологического поведения, предусматривающего заботу не только о личной безопасности, но и о безопасности окружающих людей, формирования плодотворных для жизни и деятельности условий. Это является залогом того, что в своей деятельности он будет рассматривать в качестве приоритета проблемы обеспечения личной безопасности, создания благоприятной и безопасной для человека окружающей среды.

Основой формирования культуры профессиональной безопасности в рамках профессионального образования выступает дисциплина «Безопасность жизнедеятельности». Она подлежит обязательному включению в образовательные программы всех специальностей и направлений. В рамках этой дисциплины должны изучаться опасные и негатив-

ные факторы профессиональной сферы, их влияние на среду обитания и человека, а также методы выявления опасных факторов и защиты от них с ориентацией на методы коллективной защиты. Человек, имеющий профессиональное образование, должен быть знаком с комплексом опасностей современной среды обитания, уметь их выявлять и противостоять им. Компетенции в сфере безопасности жизнедеятельности складываются из уровня начального профессионального образования, среднего и высшего профессионального образования.

Задачей начального профессионального образования является формирование профессиональных компетенций, связанных с определенным видом труда. Однако компетенции, приобретенные в рамках школьного образования, должны приумножаться в процессе усвоения профессиональных компетенций. Основной задачей высшего профессионального образования должно быть приобретение знаний, умений и навыков, обеспечивающих защиту окружающей среды и коллективную безопасность при осуществлении профессиональной деятельности.

Не вызывает сомнений тот факт, что в современном мире невозможно обеспечить достаточный уровень национальной безопасности исключительно усилиями правоохранительной системы. Для достижения такой цели требуется объединение колоссальных усилий всех отраслей страны: образования, науки, средств массовой информации, искусства и религии.

Очевидно, что национальная безопасность нашего государства в значительной степени зависит от эффективности системы образования. К сожалению, в настоящее время система российского образования подорвана. Работники государственного аппарата, увлеченные современными и модными западными инновациями, такими как ЕГЭ, профильная школа и двенадцатилетняя система обучения, не понимают или не хотят понимать глубины растущих проблем.

Вместе с тем главное условие национальной безопасности России – это конкурентоспособная экономика страны. Благоприятные условия, при которых производственные технологии меняются и развиваются, постоянно обновляются, а для этого необходимо совершенствовать систему образования, охватывающую все этапы жизни человека.

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Совет безопасности России.
2. О безопасности: Федер. закон Рос. Федерации от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru>
3. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
4. Ярошенко Г. В. Государственная образовательная политика и национальная безопасность России: федеральный и региональный аспекты: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004.
5. Белов С. В., Девисилов В. А. Российская концепция непрерывного многоуровневого образования в сфере безопасности жизнедеятельности // Безопасность жизнедеятельности. 2005. № 4.

Bibliography

1. The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020: approved by Presidential Decree of 12 May 2009 № 537 // Security Council of Russia.
2. About security: Federal law of the Russian Federation of 28 December. 2010 № 390-FL. URL: <http://base.garant.ru>
3. On education in the Russian Federation: Federal law of Russian Federation of 27.12.2012 № 273-FL. URL: <http://consultant.ru>
4. Yaroshenko G. V. State Educational Policy and National Security of Russia: federal and regional aspects: abstract of dis ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2004.
5. Belov S. V., Devisilov V. A. The Russian Concept of Continuous Multi-level Education in the Field of Life Safety // Life Safety. 2005. № 4.

© 2017 г. С. Г. Еремин,

профессор кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России
доктор юридических наук, профессор.
E-mail: sg-eremin@mail.ru

Д. Г. Скориков,

доцент кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: skdmitri@mail.ru

Е. А. Тришкина,

доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: skdmitri@mail.ru

ГЕНЕЗИС ЭКСТРЕМИЗМА И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы возникновения и развития экстремизма, который определяется авторами как взаимосвязь субъективных и объективных факторов, оказывающих отрицательное влияние на становление современной молодежи. Раскрывается содержание таких его форм, как политическая, религиозная и националистическая. Отмечается, что в современных условиях проблема расширения границ экстремизма является одной из основных, она ведет к нарастанию нестабильности в обществе и угрожает целостности государства.

Ключевые слова: экстремизм, следователь, оперативный сотрудник, преступление, оперативно-разыскные мероприятия.

S. G. Eremin – Professor, Department Criminalistics, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

D. G. Skorikov – Assistant Professor, Department of Preliminary Investigation, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

E. A. Trishkina – Assistant Professor, Department of Preliminary Investigation of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

GENESIS OF EXTREMISM AND FORMS OF EXTREMIST ACTIVITY

The article discusses the emergence and development of extremism, which is defined by the authors as the relationship of subjective and objective factors that have a negative influence on the formation of today's youth. The content of such forms, as political, religious and nationalist. It is noted that in modern conditions the problem of expansion of borders of extremism is one of the main, it leads to growing instability in society and threatens the integrity of the state.

Key words: extremism, the investigator operations officer, crime, operational search actions.

В последнее время отмечается рост преступлений экстремистской направленности. «Экстремизм стал формой всех конфликтов нашей эпохи», «третья мировая война, которую все представляли себе в виде ядерного апокалипсиса, уже началась и ведется в форме распространившегося на весь мир терроризма» [7, с. 4]. Многими авторами отмечается, что причины возникновения и развития экстремизма в России необходимо изучать в комплексе социальных, политических, экономических, духовных и идеологических вопросов. К ним можно отнести: неравномер-

ность распределения ресурсов и власти между разными группами современного общества, что способствует столкновению их интересов; отсутствие механизмов воздействия на общественные отношения, которые влияют на основы общественного и государственного строя; утрату ориентиров в воспитательной сфере, особенно среди молодых людей, падение нравственности и невысокую общую правовую культуру населения; решение возникающих проблем силовыми способами; биологические и социальные основы агрессивного поведения некоторых людей; обще-

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

мировой рост терроризма; расслоение общества на «бедных» и «богатых»; распространение оружия и создание незаконных вооруженных формирований; борьбу за передел собственности; обострение межнациональных отношений; приток мигрантов.

Так, В. В. Лунесев считает, что в России действует сумма факторов, способствующих распространению экстремизма: экономический, духовный, социальный кризис, неадекватная внутренняя политика властей, их неспособность к правовому управлению обществом, снижение эффективности деятельности правоохранительных органов и др. Он указывает, что состояние преступности в настоящее время определено уровнем демократизации общества в государстве и критичностью общественного контроля [10, с. 459].

Представляется правильной точка зрения о том, что экстремизм – это один из факторов, дестабилизирующих обстановку в обществе и подрывающих устойчивость развития государства, а в многонациональной России он особенно опасен (Журавский А. В., 2011).

Экстремизм представляет собой негативное социально обусловленное явление, обладающее рядом объективных и субъективных признаков, которые отражают в противоправных деяниях крайние взгляды человека с психологической стороны. С криминологической точки зрения это – «фоновое явление преступности», включающее в себя такие негативные социальные факторы, как наркомания, пьянство, проституция и т. п. В связи с этим экстремизм необходимо рассматривать как способ крайнего отрицания не только правил поведения, установленных законодательством, но и общественных, социальных правил [1, с. 333].

Экстремизм можно понимать как «деяние, которое направлено на захват власти или удержание власти насильственным путем, принудительное изменение конституционного строя государства, посягательство на общественный порядок и безопасность, а также организацию незаконных вооруженных формирований или участия в них, которые преследуются в соответствующем порядке».

В ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» «экстремизм» и «экстремистская деятельность» определены как то-

жеественные понятия, которые имеют общий смысл исходя из следующих положений:

- 1) совершение общественно опасных деяний в политической сфере государства и общества;
- 2) совершение общественно опасных деяний по мотивам политической, идеологической, а также национальной, религиозной или расовой ненависти либо вражды [9].

Анализируя научную литературу, посвященную вопросам противодействия этому негативному явлению, можно прийти к выводу о том, что в настоящее время отсутствует единая дефиниция экстремизма. Необходимо отметить, что достаточно часто в научных статьях просматривается смешение таких понятий, как «радикализм», «терроризм», «фундаментализм», «экстремизм», что также отмечается исследователями [3, с. 94–97; 4, с. 115–118].

Классификации экстремизма являются весьма условными. Там, где вовлекается в действие большое количество людей, и интересы многих людей затрагиваются, создается угроза здоровью и жизни людей, там политика всегда переплетается с религией и национализмом, экономикой и криминалом [5, с. 31–35; 6, с. 40–45]. Это значит, что ни одна из форм экстремизма в чистом виде не существует. Отсюда в зависимости от целей и установок [2, с. 34–38] участников экстремистских организаций выделяются основные формы экстремизма [8, с. 340].

Рассмотрим более подробно некоторые из распространенных в настоящее время форм экстремистской деятельности.

Политический экстремизм имеет характерные признаки, к которым можно отнести:

- осуществление экстремистской деятельности в целях борьбы за государственную власть;
- применение насилия или угрозу его применения в отношении объектов политических интересов посредством физических, моральных и психологических мер воздействия, стремление достижения целей любыми средствами и методами;
- организованную деятельность, наличие системы идейных, политических, материально-технических мер, позволяющих достигнуть определенного результата;
- нетерпимость к компромиссам и иным договоренностям.

Данные признаки определяют основные свойства политического экстремизма и отличают его от иных способов борьбы за власть, характеризующихся стремлением решать про-

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

блемы конституционным путем. Большинство ученых считают, что политический экстремизм – исторически и социально обусловленное явление, возникновение которого предопределено комплексом субъективных и объективных причин экономического, социального, национального, психологического и идеологического характера.

Политический экстремизм основывается на особых политических целях, средствах и методах, включающих: установление тоталитарной антидемократической, государственно-политической системы и государственного насилия; пропаганду крайних форм шовинизма, национализма, антисемитизма, расизма и достижение этих целей в проектах общественного и государственного устройства; насильственное свержение государственного строя; террор как средство разрешения общественных противоречий; силовые формы разрешения как внутренних, так и международных конфликтов; внешнюю экспансию; использование фальсификации, обмана, манипулирование сознанием людей.

Как справедливо отмечают исследователи (Килясханова И. Ш., Миронова С. С., 1999) национальные идеи, имеющие целью борьбу за власть, сводятся к тому, что множество проблем, основой которых служат политические, правовые, экономические противоречия, приобретают экстремистский характер. Данные идеи создают реальную угрозу национальному согласию, ослабляя государственную власть.

Другой признак проявления экстремизма в политической сфере заключается в подрыве государственного суверенитета в результате действий отдельных лиц, групп или организаций. Власть государства выше региональной власти, власти любых общественных организаций, церкви – в этом состоит универсальность государственного суверенитета. Поэтому к другим признакам политического экстремизма следует отнести: абсолютизацию насилия и насильственных методов политической борьбы; бескомпромиссность; разрыв с преобладающими в обществе моральными, политическими, правовыми нормами; апелляцию к низменным инстинктам в социальной психологии масс; обращенность к разрушению общественных устоев, а не к созиданию [11, с. 12].

Одна из форм рассматриваемого явления – религиозный экстремизм. Здесь нельзя не упо-

мянуть о взаимосвязанном с ним явлении – фундаментализме, так как у них нет четкого разделения, поэтому часто происходит подмена одного понятия другим.

Члены религиозных экстремистских организаций, приверженцы религиозного экстремизма выступают против своих единоверцев, если они не разделяют их крайние взгляды, против других концессий и религиозных направлений, если те угрожают их идентичности и препятствуют распространению веры, а также против собственных руководителей, если таковые проводят лояльную политику по отношению к государству.

Религиозные экстремистские преступления часто переплетаются с этническими. Изучение националистического экстремизма в современной России особенно актуально по причине сложности этнического состава населения, негативного влияния межнациональных и межэтнических конфликтов, в некоторых случаях принимающих характер вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР.

Большинство ученых ранее полагали, что этничность будет иметь тенденцию терять свое значение в жизни человечества с развитием гражданского общества и личного индивидуализма. Но этим надеждам не суждено было сбыться, так как этническая память активно и целенаправленно, причем очень профессионально, используется в корыстных целях лидерами этнических сообществ, делающие упор на этническое воспитание [12, с. 16].

Этнические группировки – это специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному признаку, то есть объединяющие людей одной или нескольких родственных национальностей. Лидеры таких организаций в целях укрепления сплоченности и достижения лучшей управляемости идеологизируют преступную деятельность, используя для этого идеи борьбы за национальные интересы и сепаратизма. Идеологизированная преступная деятельность такой группировки обуславливает готовность ее членов к самопожертвованию ради достижения целей сообщества, делает из преступников «патриотов», борющихся за народ, что в целом придает чувство уверенности в правильности совершаемых ими преступных действий.

В сфере межнациональных отношений

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

националистический экстремизм выражается, прежде всего, в разжигании ненависти или вражды между народностями, нациями при проведении военных действий, вооруженных конфликтов и т. д. Другие национальные и этнические группы таких прав не имеют. Националистический экстремизм тесно связан с сепаратизмом, то есть стремлением к обособлению, отделению и направлен на разрушение многонациональных государств, утверждение господства одной нации, которая стремится получить преимущества перед некоренным населением в политической и социальной сферах. Это ведет к обострению межнациональных отношений, конфликтам между народами. В культуре и искусстве экстремизм отвергает достижения и опыт различных традиций иных народов, выражается в пропаганде жестокости и насилия, унич-

тожении памятников и других крайних проявлениях [13, с. 34].

Таким образом, экстремизм – это деяние, которое направлено на захват власти или удержание власти насильственным путем, принудительное изменение конституционного строя государства, посягательство на общественный порядок и безопасность, а также организацию незаконных вооруженных формирований или участие в них, которые преследуются в соответствующем порядке. Причины возникновения и развития экстремизма в России определяются рядом социальных, политических, экономических, духовных и идеологических факторов. При этом наиболее распространенными формами являются политический, религиозный и националистический экстремизм.

Литература

1. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций. М., 1998.
2. Варданян А. В., Говорухина Е. В. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности // Юрист-Правоведь. 2015. № 3 (70).
3. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2015. № 4.
4. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 8.
5. Варданян А. В., Кулешов Р. В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. Т. 4. № 42.
6. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2015. № 3 (31).

Bibliography

1. Alekseev A. I. Criminology: course of lectures. Moscow, 1998.
2. Vardanyan A. V., Govorukhina E. V. Motivation of grievous violent crimes against the individual as the basis for their forensic classification. Typical places of committing violent crimes against the person // Jurist-Pravoved. 2015. № 3 (70).
3. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. Ratio of the concepts of extremist and terrorist activity: epistemological and legal aspects // «Black holes» in Russian legislation. 2015. № 4.
4. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. Dialectical Unity of Extremism and Terrorism as a Philosophical Precondition for Improving Approaches to Forensic Scientific Support of Anti-Terrorist and Anti-Extremist Activity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 8.
5. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. On the classification of the phenomena of extremism and terrorism: the unity of the essence and the polyvariant of the mapping in society // Law state: theory and practice. 2015. Т. 4. № 42.
6. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. Genesis of Extremism and Terrorism in Russia as a Retrospective Aspect of Criminalistic Scientific Cognition // Juridical Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3 (31).
7. Grachev A. S. Political extremism. Moscow, 1986.
8. Inshakov S. M. Criminology. Moscow, 2000.

Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности

7. Грачев А. С. Политический экстремизм. М., 1986.
8. Иншаков С. М. Криминология. М., 2000.
9. Коловоротный А. А., Шарков В. А., Скориков Д. Г. Особенности планирования расследования преступлений // Совр. проблемы науки и образования. 2014. № 6.
10. Лунеев В. В. Преступность XX века. М., 2005.
11. Религиозный экстремизм. М., 2002. Вып. 2.
12. Скворцов Н. Г. Этничность: социологическая перспектива // Социол. исследования: Вестн. МВД России. 1999. № 3.
13. Скориков Д. Г. Особенности расследования преступлений экстремистской направленности: учеб. пособие / Д. Г. Скориков, С. Ю. Бирюков, В. М. Шинкарук. Волгоград, 2013.
9. Kolovorotny A. A., Sharkov V. A., Skorikov D. G. Features of planning the investigation of crimes // Modern problems of science and education. 2014. № 6.
10. Luneev V. V. Crime of the twentieth century. Moscow, 2005.
11. Religious extremism. Moscow, 2002. Issue. 2.
12. Skvortsov N. G. Ethnicity: the sociological perspective. Sociological studies // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1999. № 3.
13. Skorikov D. G. Features of the investigation of extremist crimes: textbook / D. G. Skorikov, S. Yu. Biryukov, V. M. Shinkaruk. Volgograd, 2013.